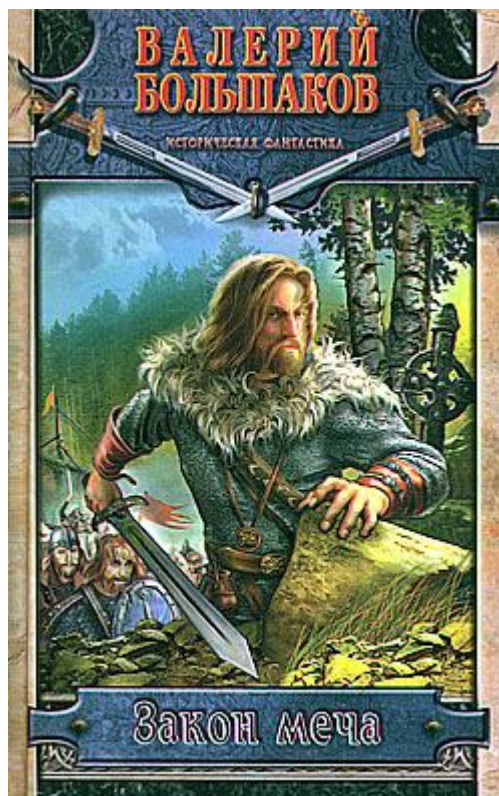

Валерий Большаков

Закон меча

Крепкий парень Олег Сухов, кузнец и «игровик», случайно стал жертвой темпорального эксперимента и вместе с молодым доктором Шуркой Пончиком угодил прямо в девятый век... Где их обоих моментально определили в рабское сословие. Однако жить среди славных варягов бесправным трэлем – это не по Олегову нраву. Тем более вокруг кипит бурная средневековая жизнь. Свирепые викинги так и норовят обидеть правильных варягов. А сами варяги тоже на месте не сидят: ходят набегами и в Париж, и в Севилью... Словом, при таком раскладе никак нельзя Олегу Сухову прозябать подневольным холопом. Путей же к свободе у Олега два: выкупиться за деньги или – добыть вожаемую волю ратным подвигом. Герой выбирает первый вариант, но Судьба распоряжается по-своему...

Глава 1

Россия, Санкт-Петербург. 2007 год

...Отточенная стрела чиркнула Олегу по плечу, располозовав кожу и пустив кровь. Пустяки, дело житейское. Не до того!

Уводили его девушку! Косматый викинг, по колено в воде, волок пленницу за косу, громко гогоча, а пленница лупила по волосатой лапе маленькими кулачками. Олег бросился к пирату, выхватывая самурайский меч катану. Викинг увидал Олега, но девушку не отпустил, только намотал косу на руку. Красавица не удержалась и упала на колени во взбаламученную воду. Мечи скрестились. Отбив удар, Олег в ярости рубанул разбойника по руке, вцепившейся в косу. Катана начисто оттяпала конечность, словно и не было стального обручья. Девушка упала на четвереньки, рыдая, выпутывала из волос кровавый обрубок в

железной перчатке и глядела, глядела на Олега, не отворачивая заревавшего лица, не отрывая огромных умоляющих глаз.

– К троллям тебя, нидинга!¹ – прорычал Олег.

Высверк. Отбив. Высверк. Тень. Удар! Катана обрушилась на бычью шею трубно ревущего пирата, разваливая кожаный панцирь и отворяя вены. Рев перешел в клекот и захлебнулся. Колени морского разбойника подогнулись, в светло-серых глазах угасла последняя искорка сознания, и душа отлетела в мрачный Хель...²

...Олега Сухова разбудил кот Онуфрий. Котяра орал под дверью, требуя незамедлительно впустить, накормить и обогреть.

– С-скотина! – прошипел Олег, садясь в постели. Ведь минут десять еще можно было бы поваляться! Он протер глаза, тронул ладонью лоб. Лоб был мокрым. Ф-фу! Ну и сон! Боевик с элементами эротики, как пишут в аннотациях к фильмам. И какой яркий! Словно и не сон вовсе... Олег поднялся с развороченной постели и прошлепал к коврику на стене. На ковре была развешана коллекция – пара кинжалов, настоящий трехгранный мизерикорд, которым добивали рыцарей, пробивая латы насквозь, волнистый малайский крик, меч эпохи Каролингов. А на подставке-катэммото возлежала катана – та самая, из сна. Сухов любовно провел ладонью по ножнам сайя из дерева магнолии, покрытым черным лаком, сжал длинную, в три с половиной кулака рукоятку, обмотанную ремешком из акульей кожи, и вытащил клинок. Металл, отшлифованный древним мастером, казался прозрачным, как серебристо-серый лед. Сквозь лезвие проступал узор, запечатлевший тысячи проковок. Морозный блеск меча завораживал...

По правде сказать, Олег и забыл уже, когда в нем проснулся жадный интерес к «стали разящей». В классе, наверное, третьем... Да, тогда боязливый Олежек, «мамзик» и «ябеда-корябеда», сам переступил порог клуба «Эспада», где экс-чемпион области по фехтованию учил мальчишей биться на шпагах. Фамилию экс-чемпиона Олег уже не помнил, а звали его Борис Борисович. Но все сокращали это обращение до Борь Борича. «Борь Борич, скажите Олегу! Чего он без маски дерется?!» – «А сам?!»

В старших классах Сухов занимался в секции саблистов, заработал даже первый юношеский разряд, но бросил спорт. Жило в нем какое-то неудовлетворение оружием, не доставало чего-то для полного счастья. А на первом курсе института Олег записался в группу кэндзюцу, увидел катану и был сражен ее холодной, убийственной красотой. Катана колола как шпага и рубила как сабля, и в то же время это был меч. И в душе Олеговой все сложилось, все срослось...

Онуфрий, почуяв хозяина, заорал благим матом.

– Щас! – рявкнул Олег.

Пройдя в прихожую, Сухов щелкнул замком. Дверь отворилась, и кот, благодарно муркнув, проник в помещение. И быстро-быстро протоптал в направлении кухни.

– Собака ты! – обозвался Сухов, но кот не отреагировал на оскорбление. – Только и знаешь, что жрать, жрать, жрать!

Онуфрий мявкнул в том смысле, что да, знамо дело, на том стоим.

– О духовном подумай, животное! – увещевал кота Олег, шагая на кухню.

Вскрыв баночку «Вискаса», он щедро вывалил угощение. Бездуховное животное вертелось тут же, тычась носом.

– Жри!

Пока Олег умывался, брился, одевался, кот успел слопать все дочиста.

¹ *Иидинг* – ничтожество.

² *Хель* – ад.

– Мя-ау-у! – заявил Онуфрий, облизываясь и шурясь. Дескать, неплохо бы добавочки...

– Обойдешься, – буркнул Олег, приседая на табурет. – Мышей ловить надо!

Онуфрий, усвоив, что вторая порция ему не светит, вспрыгнул Олегу на колени и разлеся во всю их длину, довольно выпустив когти. Сухов погладил котяру, и кухню заполнило громкое мурлыканье.

А Олег постепенно переходил в фазу бодрствования. Сновидение в стиле «экшн» рассеивалось, заботы, вчерашние и вечные, возвращались и зудели в голове, как осенние мухи.

До конца погрузиться в реал помог звонок с мобильного. Олег поспешно достал верный «Нокиа». Звонил Стемид. Был он «мастером», устройтелем и постановщиком ролевых игр. Олег, реальный «цивил», ролевиков не жаловал, полагая, что «каждый сходит с ума по-своему». Оказалось, однако, что не всякая ролевка – «хоббитовы игрища», пристанище инфантов, повернутых на эльфах и орках. Стемид увлекался исторической реконструкцией, у него все было по правде, как в «эпоху викингов», – и мечи, и «доспешка». Правда, завлечь Олега ему не удалось. Сухова заманила Вика, красна девица, ткавшая полотно по старинным правилам и одевавшая всех «стемидовцев». Олегу же хотелось ее раздеть...

– Здорово, самурай! – проорал мастер жизнерадостно. – Как твоя жизнь?

– Мас-саракш! – поморщился Олег. – Убавь звук! Совсем контузил...

Стемид хохотнул и продолжил:

– Слушай, мы тут решили на полигон выбратся! На все выходные! «Толки»³ обещали присоединиться, рыцари... Ну, не фест,⁴ конечно, но человек сто заявится! Отыграем ха-арошую такую боевочку-феодалку! Бугурт обещаю, и турниры будут, базар, пивка поьем... Ты как?

– Я за! – бодро откликнулся Олег. – И далеко ты собрался?

– Помнишь, где в прошлый раз полевка была? Ты тогда еще с гоблином схлестнулся!

– А-а! Это где «анизотропное шоссе»?

– Да-да-да! Вот по нему и шуруй! Как увидишь шатры, так и тормози! Место шикарное! Там же «запретка», местные шугаются! Тишина... Вода ключевая, хоть залейся! Дров – на три зимы хватит!

– А нас оттуда не турнут?

– Да не! Там не вояки, там физики окопались! Тау-электродинамика! Понял?

– Не-а! – честно признался Олег.

– Я тоже! Короче, подгребай!

– Ладно... А Вика будет?

– А как же?! – изумился Стемид. – Куда ж мы без Викулечки?! И Наташка будет, и Рогнеда... Да все, считай! Так что, не отрывайся от коллектива!

– Ладно, уговорил!

Сотик курлыкнул и высветил на экране безапелляционное: «Звонок закончен».

– Может, и вправду съездить? – спросил Олег Онуфрика.

Кот не ответил. Устав от ночных бдений, Онуфрий дрых, свесив хвост.

– Гулять, зверь, гулять! – скомандовал Олег, вставая.

Кот поначалу заупрямился, потом смирился. Спрыгнул и пошел, делая «потягушечки». Онуфрий был зверем вольным – проживал в подвале и «держал зону», гоняя Васек и Мурзиков со всего квартала. Сухова зверь навещал регулярно, а у Олега нога не поднималась дать пинка голодному представителю семейства кошачьих.

³ *Толки* – поклонники творчества Толкиена.

⁴ *Фест* – фестиваль, большой праздник. *Бугурт* – групповое сражение ролевиков, *турнир* – дуэль один на один.

– Мя-ау-у! – затащил Онуфрий, переводя медовые глаза с Олега на запертую дверь и обратно.

– Подождешь! – пропыхтел Олег, скача на одной ноге и затягивая «липучки» на кроссовке.

Пригладив волосы, Сухов вышел из квартиры. И откуда ему было знать, что больше он уже никогда не отопрет эту дверь, обитую черным дерматином, не покормит Онуфрика, не плюхнется со стоном в разваленное кресло перед теликом? Жизнь закладывала крутой вираж...

Глава 2

1

Ромейская империя, Константинополь 2007 год

Кесарь Варда выглядел бы истинным римлянином, какими запечатлевали в бюстах цезарей и августов, если бы не второй и третий подбородки. Тучный, но крепкий, с проседью в густых черных волосах, Варда все еще нравился женщинам. Мужественный профиль кесаря с широким волевым подбородком и крупным носом, с кустистыми бровями и высоким лбом так и просился на новенькие серебряные монеты. Его императорское величество Михаил Третий «Пьяница» пожаловал ему сан магистра⁵ и назначил домашником схол.⁶ Кесарю – кесарево. Варда нахватал все титулы и звания, подобрался вплотную к трону и притулился сбоку от василевса ромеев, а по сути исполнял обязанности самого императора – алкаша и гуляки, «византийского Калигулы».

Варда поморщился и прищипил коня – кесарь возвращался из имения-проастия. Следом пылила стража – полусотня архонта Асмуда, варанга из далекой страны Рос. Повывелись бойцы у ромеев, выродились потомки легионеров, все норовят золотом победить врага, а не железом, молитвой смиренной! А вот тавроскифы, эти варвары с Севера, не желали смирять гордыню и кротко подставлять щеки. Нет, они с великолепной уверенностью брали все, что хотела их душа и требовала плоть! Они наслаждались каждым миготом быстротечной жизни, выжимая из нее все утехы. Любить, так до безумия! Напиваться, так до смерти! Биться, так биться – с неистовством, сгорая от палящей ярости, презирая врага и погибель! Варда вздохнул. Он чувствовал опустошенность. Все его просьбы услышаны, все мечты сбылись – чего еще ждать от жизни? Пустота, холодная черная дыра разверзалась в душе и затягивала, затягивала... Хорошо Михаилу – напьется, и никаких забот! Да только пустоту в душе никаким зельем не наполнишь... Пробовал уже кесарь, тошнило долго, а толку – чуть. И девки тоже не помогают. Ни гетера Елена, черненькая очаровашка, ни Мария, первая жена протостратора⁷ Василия, ни его Евдокия, вдовствующая сноха Варды, с которой он сожительствовал при живой супруге...

Все это, кстати, знали, но выводов не делали – Варда был родным братом василиссы Феодоры, регентши при непутевом Михаиле. Какие уж тут выводы...

Вполне вероятно, что, если бы ему и далее позволяли жить по своему хотению, кесарь

⁵ *Магистр* – высокий титул, высший из тех, который мог быть пожалован не членам императорской семьи.

⁶ *Доместик схол* – начальник телохранителей-схолариев.

⁷ *Протостратор* – старший императорский конюший.

Варда так и затерялся бы в безымянной людской массе, не оставившей по себе ни дел, ни даже слов, а лишь один культурный слой.

Страшный 856 год словно воздвиг губительные пороги в мерном колыпании жизни Варды, накрыл ледяной водой, сбросил с водопада, закрутил, поволок, притапливая... Великий логофет Феоктист, любимец василиссы Феодоры, коему она передоверила власть, невзлюбил кесаря, а патриарх Игнатий прилюдно отказал ему в причастии – за аморальное поведение. Без разницы Варде была та евхаристия,⁸ но оскорбление, да еще на глазах у всех... Нет, этого Варда простить не мог. И не стал. Он выплыл из холодной стремнины и одолел пороги. Он посадил Михаила на императорский трон. Он удалил сестрицу от престола и сослал ее в дальний монастырь. Он сместил патриарха Игнатия и заменил его хитроумным Фотием. Он низверг великого логофета Феоктиста, никудышнего правителя, полководца, проигравшего все сражения, а осенью того же года лично зарезал его светлость.

Теперь на коне он, Варда. Вот только куда скакать?..

Кесарь вдохнул теплый воздух – пахло чем-то неуловимым, бодрящим. Всепобеждающей жизнью? Плоды наливались в садах и виноградниках, пшеница поспевала в полях. Лето.

Дорога вывела кавалькаду к стене Феодосия – суровым и величественным укреплением, защищавшим Константинополь с запада. От Мраморного моря к Золотому Рогу тянулся обложенный камнем ров шириной в пятьдесят локтей.⁹ За ним поднималась зубчатая стена из отличного кирпича. За первой стеной вздымался второй ряд стен и башен, высотой в пятиэтажный дом. А дальше вставала третья стена с башнями вдвое выше второй. Твердыня!

Варда усмехнулся – это вам не деревянные заборы, обносившие какой-нибудь варварский Париж или Ингельхайм! Кесарь выехал на луг перед Золотыми воротами – трехпролетной триумфальной аркой, украшенной статуями Геракла и Прометея.

Ворота фланкировали могучие квадратные башни, а над проходом, над зубцами стены-перемычки выступала бронзовая квадрига,¹⁰ запряженная четырьмя слонами, уворованная в Остии. Кесарь направил коня в средний пролет, предназначенный для императора. Нарушение? Конечно. Еще один повод злопыхателям перемыть косточки «этому Варде, вконец обнаглевшему!».

Наверное, подумал Варда, беда его в том, что он позволяет себе смелые и решительные поступки, тогда как иные никак не расхрабрятся даже на смелые и решительные слова. А эти... балагуры только орать могут! Да пусть их... Те, кто «борется» на словах, за беседой в триклинии,¹¹ не берутся за оружие. Пустобрехи разряжают свою ненависть в болтовне. С этими мыслями кесарь выехал на Месу, главную улицу Константинополя, роскошную и великолепную. На холмах вокруг, щетинившихся темной зеленью кипарисов, белели купола церквей и часовен, сверкали крыши золоченые, краснели черепичные. По обе стороны Месы тянулись портики, защищавшие пешеходов от дождя и зноя. Колонны, выломанные из эллинских и римских храмов, были и тонкие, и толстые, и граненые, и каннелюрованные, и круглые, и квадратные. Всех цветов и оттенков. Чудовищная смесь!

Особую пышность Меса обретала за старой стеной Константина, где в зелени садов утопали беломраморные дворцы. Это миленькое местечко так и называлось – Константиниана. А над золочеными крышами палат, словно призывая заблудившихся,

⁸ *Евхаристия* – обряд причащения.

⁹ *Локоть* – мера длины, приблизительно полметра.

¹⁰ *Квадрига* – упряжка из четырех коней.

¹¹ *Триклиний* – трапезная.

свечой уходила вверх колонна Марциана – как маяк. Мысль плавно перешла к воспоминанию о другой колонне – Аркадиевой, обвитой спиральной лентой мраморного барельефа, прославлявшего победы императора Аркадия и отца его, Феодосия, разделившего некогда Римскую империю между двумя своими сыновьями. Вон она, торчит впереди, на форуме Феодосия. «Дурак ты был, Феодосий, – подумал Варда, щурясь на солнце. – Нельзя было делить Рим, никак нельзя... Деление – это умаление, ослабление вдвое, это раскол и распад. Дурак...»

Варда лениво перекрестился на храм и подумал: а не пора ли подкрепиться?

Цокот копыт стих – конь ступал теперь по коврам, расстеленным по восточному обычаю на мостовой. Варда ехал мимо мастерских оружейников, предлагавших мечи, щиты, шлемы, золоченые и изукрашенные, мимо двухъярусного акведука Валента, мимо дворцов, отделанных розовым мрамором, мимо мрачных боковых улочек, зажатых девятиэтажными кирпичными инсулами-многоэтажками, крытыми черепицей, нищими и грязноватыми, и, разумеется, без каменных львов у парадных...

И форум¹² Тавра, плотно заставленный античными статуями, и форум Константина просто кишели народом. Толпа обтекала Варду, демонстрируя общество в разрезе – менял и купцов, кухарок и экономок, мистиев-поденщиков и горластых водоносов, муниципальных рабов-уборщиков и нищих босяков, деловитых чиновников, важных стражников, шустрых воров, константинопольцев и гостей города – пеших, конных, на осликах, ведущих на поводу верблюда... Муравейник.

От форума Тавра до самого Милия, откуда начинались и Меса, и все дороги империи, тянулись Царские портики, в которых укрывались лавки ювелиров-аргиропратов и их мастерские. Этот район так и назывался – Аргиропратий. А Меса уже впадала в устье свое – площадь Августеон, украшенную статуей Святой Елены-Августы. И здесь же был исток всяческим властям. На форум с севера выходил сенат – его колоннада попирала возвышенность, с которой спускались широкие ступени. На южной стороне форума поражали роскошью и размерами бани Зевксиппа. Со всех сторон теснили площадь архитектурные изыски – и резиденция патриарха, и храм Святой Софии, и Главные ворота Ипподрома, и Большой императорский дворец. А рядом с библиотекой крепко сидело мрачное серое здание с колоннами – штаб-квартира городского эпарха, градоначальника Константинополя, уверенного почему-то в том, что является вторым лицом в империи после императора. Дурак... А вот и он сам! «Великолепный светлейший» эпарх Никита Орифа сходил по мраморным ступеням к своей колеснице-каррухе, запряженной лошадьми белой масти, – единственной колеснице во всем городе. Такая уж у эпарха привилегия. Никита ступал величаво, с большим достоинством, из-под складок белой хламиды выглядывала разноцветная обувь: на левой ноге – красный башмак, на правой – черный. Во всей империи обуваться так мог только эпарх и никто другой. «Хоть бы ты запнулся», – пожелал Орифе Варда, но пожелание его не исполнилось.

Многоязыкая толпа толкалась по Августеону во всех направлениях – люди будто все разом потерялись и толком не знали, куда им идти. Охрана из варангов-русов окружила Варду, оттесняя толпу даже не мощью мышц, а силою страха. Варангов здесь боялись и уважали – не рождала еще земля лучших бойцов, таких же безумно храбрых, могучих и опытных в войне. Не было им равных ни в пешем строю, ни на море. Пачинакиты-печенег тоже опасны, но те берут числом. Русы же превосходят врага умением. И если, не дай бог, их конунг однажды построит флот и соберет военные дружины в легионы, спаянные железной дисциплиной... Никто тогда не устоит! Никакое царство. Все города падут, и все народы покорятся.

Варда спешил перед Халкой – парадным вестибюлем Большого дворца, куда вели кованые медные ворота. Высокие мраморные колонны Халки, ее купол на четырех арках,

¹² Форум – площадь.

вызолоченная бронзовая крыша – все должно было принизить чужеземца, явить варвару величие империи, потрясти дикаря уже в сенях «Священных палат», как прозывали дворец императора.

За спиной гулко топали варанги, позвякивая доспехами. Кесарь вышел на Милий – обширный, как форум, квадратный двор между Халкой и храмом Святой Софии. Рядом с куполом, опертым на четыре арки – точкой отсчета ромейских путей, – высилась конная статуя, поднятая на семь мраморных ступеней. Облаченный в тогу, с перьями павлина на голове, восседал на коне Юстиниан – строитель Софии. В левой руке у него была держава, увенчанная крестом, а правую император простирал к востоку. Варда прочел надпись, высеченную на постаменте: «Злодей унижен перед ним, а он прославляет боящихся Господа», и усмехнулся. Передав коня подбежавшему конюшему, Варда размял члены и не спеша обошел Халку, не обращая внимания на хлопотливых провинциальных просителей, выстаивавших очереди у ворот с медной иконой Спасителя. «Одно и то же везде, одно и то же...» – продолжал свою думу Варда. Только и живописуют наши искусники бесконечную череду императоров, торжественных и безликих. Торжественно-безликих. Безлико-торжественных. Не стало красоты, зато складки одежд на статуях, прически, всякие ничтожные застежки переданы аккуратно и тщательно. Лисипп, Фидий, Пракситель ваяли поэмы. Скульпторы-ромеи составляли протокол. Скорбно качая головой, Варда отпер тяжелую железную дверь и проследовал в круглый зал с полом из фиолетового и желтого мрамора. Мозаика под куполом изображала Юстиниана и Феодору, царедворцев в парадных одеяниях, и полководца Велизария, любовника красотишки Феодоры, но Варда даже не поднял головы – однообразное роскошество приедается.

Толкнув створки бронзовых дверей, Варда вышел на дорогу, обставленную колоннами, и зашагал через внутренние дворы, куда выходили казармы. Тут проживала почетная стража императора. Воины носили белые туники и золотые шлемы с красными перьями, а на их позолоченных щитах значилось: «Иисус Христос». Хотя... Варда усмехнулся. Слово «воины» стоило бы взять в кавычки. Воины шагают позади него – молчаливые, суровые варанги. А эти... петухи только и годятся, что для парадов.

Дорога уперлась в три двери, выложенные слоновой костью. Варда отворил среднюю и вошел в первый тронный зал, устланный драгоценными коврами. Далее шел Золотой зал – Хрисотриклиний. Двери, в него ведущие, отлили из серебра. А может, и выковали. Купол и стены были отделаны мозаикой на золотом фоне, а против входа висели массивные парчовые портьеры. Сколько денег на все это угрохали, а смысл?..

Долго шел Варда. Через галереи, аркады, залы круглые, квадратные и многоугольные. В одних были колонны из зеленого мрамора, в других – из желтого, в третьих – из полупрозрачного оникса. Он шел мимо фонтана из серебра, мимо чудовищной вазы из чистого золота, мимо бассейна из яшмы. Спустившись в парк и обойдя Порфирную палату – императорский родильный покой с пирамидальной крышей и стенами, облицованными дорогим камнем пурпурного цвета, Варда сошел по гранитным ступеням на причал императорской гавани Буколеон. У самой воды красовалась скульптура, давшая название бухте, – косматый каменный лев терзал ревущего каменного быка. Изогнутые гранитные молы, украшенные статуями, обнимали мандракий – ковш порта. Молы кончались башнями, откуда цепями открывали и запирали ворота гавани.

На тихой воде покачивались пять лодий варангов – изящных «моноксиллов», как их прозывали ромеи, «однодеревок». Прозывали с большой долей зависти и ревности – варанги делали киль лодьи из одного дерева, даже если та вытягивалась в длину на пятьдесят шагов. В лесах империи таких громадных деревьев не росло... Был и еще один повод для зависти – варанги умели гнуть дерево для шпангоутов. Римляне – те, давние римляне-язычники, тоже владели этим умением. А вот ромеи-христиане утратили тайну сию, забыли... И сколачивали шпангоуты трирем из отдельных кусков, гвоздями. Одно утешает – на громоздких, некрасивых, тихходных триремах стоят сифоны, пышущие «греческим огнем»...

– Вы славно послужили василевсу, – торжественно сказал Варда, – и будете щедро

награждены...

Асмуд с достоинством поклонился.

– Тебе, архонт, – продолжал кесарь, – полагается по шесть литр¹³ золота за год службы. Прослужил ты ровно три года, итого – восемнадцать литр! Каждому воину дружины твоей приходится по литре золота за год, итого – три литры в одни руки!

Он повернулся и сделал знак. Служители живо сволокли по лестнице тяжелые кожаные мешочки. Варанги весело загомонили, переняли ценный груз и понесли на борт.

– Прощай, архонт, – чопорно сказал Варда. – С богом!

Асмуд снова поклонился и взошел на борт. Ворота мандракия дрогнули, пошли открываться, но Варда не досмотрел отплытие до конца. Он поднялся во дворец Буколеон и прошел в свою комнату. Большое окно с бронзовой рамой, застекленной мутными стеклами, было распахнуто. Ветерок надувал тяжелые занавеси из дорогих паволок. Варда подошел к окну и облокотился о мраморный подоконник.

Слева светился золотом купол Триконха, справа выступал мраморный вестибюль императорской термы. А впереди, за неприступной грядою стен, сверкал и переливался Босфор. Были хорошо видны кисточки кипарисов на азиатском берегу. По лазурной глади вод, отражаясь в ней, словно в зеркале, проходила мощная трирема, одновременно перенося две сотни весел. А ей навстречу летели пять лодий, распустив полосатые паруса, – варанги спешили домой.

2

Путь «из греков в варяги»

Асмуд хевдинг¹⁴ не вторил трусливым купцам, плывущим за море вдоль берегов, – так и дольше, и опаснее. Бурю всегда лучше переждать вдаль от суши с ее мелями и рифами. Лодьи пересекли Понт Эвксинский, прозванный Русским морем, по прямой, зашли за покупками в Херсон и двинулись к реке Непру, который ромеи звали Борисфеном. Четыре недели поднимались лодьи вверх по реке. Грести варанги могли и быстрее, но куда было спешить? Не в поход шли, а из похода...

Ранним июньским утром лодьи Асмуда хевдинга, скаля зубастые пасти драконов на высоких штевнях, отчалили от пристаней Витахольма.¹⁵ Парусов не распускали, шли на веслах. Начиналось лето, разлив вешних вод давно минул, однако течение Непра не растеряло мощи. Свивая притоки, Непр нес на юг великую массу мутной влаги. Но сильные руки варягов одолевали могучую реку, единым махом окуная в воду десятки весел. Сливая усилия, они загребали на общем выдохе, и пенные бурунчики вскипали, расходясь от острых форштевней.

Асмуд хевдинг оперся спиной о мачту. Поскрипывая кольчугой, сложил руки на груди. Красиво идем!

Он окинул взглядом широкие спины гребцов, бугрившиеся желваками мышц, оглянулся на лодьи, шедшие следом, перевел глаза на тающие синие тучки с лиловой опушкой. Ночная гроза уходила на закат, пятная холмы отсветами зарниц. Плотно сжатые

¹³ *Литра* – денежная единица, от 160 до 300 граммов золота.

¹⁴ *Хевдинг* – вождь.

¹⁵ *Витахольм* – варяжская крепость на Днепре, который они называли Непр.

губы хевдинга дрогнули в скупой улыбке.

Три года минуло с тех пор, как покинули они родные пределы, их одежды пропахли дымом походных костров и чужих очагов. Две сотни молодых, буйных дренгов¹⁶ водил он в Миклагард.¹⁷ Василевсы ромеев¹⁸ всегда привечали варягов, прозывая их по-своему, «варангами из страны Рос». Воинство Асмуда без разговоров взяли на почетную службу в великую этерию – личную гвардию императора. А кому еще охранить венценосца? У ромеев воины перевелись – мелочь всякая служит, трусливая и жадная до чинов и наград, будто для смеху нацепившая на свои слабые тельца золоченые панцири. А росы с малолетства к мечу приучены, их рука тверда, взгляд бестрепетен, сердце сурово. Недаром пылкие и страстные южанки искали их ласк! И находили...

– Архонт¹⁹ Асмуд! – окликнули хевдинга.

Асмуд повернулся навстречу глыбоподобному ромею, затянутому в черную рясу. Лицо ромея было сплошь покрыто волосами, длинные кудри цеплялись за курчавую бородку, оставляя лишь немного места для хрящеватого носа с горбинкой да черных глаз, цепких и холодных. Это был Агапит Комнин, то ли диакон, то ли иерей – в общем, жрец Распятого. Асмуд презирал христиан, а попов и вовсе считал за врагов веры, но Агапит был непрост. От него исходило ощущение силы и опасности. Другой бы ни за что не согласился плыть в Гарды²⁰ вместе с варягами, а Агапит сам напросился в Херсоне – надо было ему сменить прежнего священника в Альдейгьюборге,²¹ в тамошней церквушке. Зачем, Асмуд не понимал. Все равно ведь в ту церковь никто не ходит! Но просьбу смелого попа уважил.

– Как спалось? – усмехнулся Асмуд.

– Скверно, архонт, – признался Агапит. – А мы что, так и будем плыть? Без остановок?

– В Мелинеске²² постоим чуток, – прищурился Асмуд. – На торгу побываем, друзей проведем... Там Непр кончается, и начинается Верхний волок.

Асмуд подошел ближе к борту и оперся о распаренное плечо гребца.

– Рогволт, – спросил он, – а это что там такое белеет?

Рогволт приподнялся со скамьи, выглядывая за щиты, навешанные на борт.

– Это колбяги! – уверенно сказал он. – С год как поселились! Мне в Витахольме сказывали...

– Колбяги? – нахмурил брови хевдинг, не отрывая острых глаз от приземистых срубов, белевших свежим деревом. – Не слыхал! Какого они хоть роду-племени?

– Да тоже славины!

– Славины-склавины²³... – усмехнулся Асмуд и гаркнул: – Братие! А не разжиться ли нам трэлями? А?!

¹⁶ *Дренг* – молодой воин, не ходивший в походы. Гридь – это дружина (по-свейски – грид).

¹⁷ *Миклагард* – Великий Город, так варяги называли Константинополь.

¹⁸ *Василевс ромеев* – титул правителя Ромейской империи, которую ошибочно именуют Византией.

¹⁹ *Архонт* – титул знатного чужеземца, данный ромеями.

²⁰ *Гарды* или *Гардарики* – самоназвание Руси.

²¹ *Альдейгьюборг* – столица Гардов, сокращенно Альдейга. Ныне Старая Ладога.

²² *Мелинеск* – важный торговый центр, располагавшийся к юго-востоку от современного Смоленска.

²³ *Славян*, то есть славин, ромеи часто называли склавины, намекая на их рабскую сущность. Трэлями северяне звали рабов.

– Любо! – заорала, загоготала, засвистела братия.

– Вольгаст! Правь к берегу! – скомандовал хевдинг.

Старый Вольгаст-кормщик осклабился, тряхнул седой гривой и шевельнул рулевым веслом, направляя лодью к селению колбягов. Протрубил рог, разнося приказ хевдинга, и еще четыре лодьи покинули стрежень, сворачивая к берегу. Рабов словить? Любо!

Селение было невелико – десяток землянок, пара шалашей и три больших, длинных дома, сложенных из саманного кирпича, крытых поверху камышом. Хозяйство у переселенцев только-только налаживалось, но жили они без опасу – ни ров не копан вокруг, ни вал не сыпан.

Асмуд пренебрежительно скривился – его гридни, даже если на одну-единственную ночь разбивали лагерь, обязательно обносили шатры крепким частоколом. И выставляли дозор. В степи, конечно, труднее деревом разжиться, но здесь-то что мешает? Вона, лес какой!

За хатами колбягов вставали высоченные дубы, клены и грабы. Вывод? Или жители здешние ленивы, или глупы. И то и другое наказуемо...

– Эгей, гридь! – кликнул Асмуд. – Берем только девок и мужиков помоложе! Крут! Заходишь слева! Лидул! Твои справа! Гляди, чтобы в лес не смылись!

Лодьи, разогнанные веслами, врезались в глинистый берег.

– Вперед!

С ревом и дикими криками варяги повалили в атаку, сигая через борт в мелкую воду. Броней почти ни на ком не было – как гребли, так и в бой кинулись. Да и с кем тут биться?! Со славинами?!

Асмуд громадными прыжками поскакал вверх по склону, забирая ближе к небеленой мазанке. Из-за угла выскочила девушка зим пятнадцати, испуганно вытаращила карие глазенки и завизжала, порываясь бежать.

– Ку-уда?!

Хевдинг сгреб визгунью за тоненькую талию и передал добычу Люту, поспешавшему следом.

– Вяжи и складывай!

Лют понятно кивнул, перекинул девчонку через могучее плечо и понесся к лодье. Еще трое гридней бежали в ту же сторону, волоча за волосы вопящих девок. Кряжистый Свенельд, весело бранясь, тащил за шиворот молодого колбяга. Парубок был без сознания, его голова болталась, перекачиваясь по впалой груди, а на лице расплывался здоровенный синяк.

– К реке, к реке отжимай! – неслись азартные возгласы.

– Эй, Руалд! Глянь! Никак девка?!

– Вер-рна! Тащим до кучи!

Асмуд быстренько развязал завязки на ножнах и вынул меч. Очень вовремя – из низких дверей хаты на него вылетел бледный мужик, борода лопатой, глаза бешеные, в руке топор. Яростно вереща, колбяг кинулся на Асмуда. Хевдинг небрежно отбил удар, соображая: подходящ ли славин? С сожалением признав – староват, Асмуд сделал выпад, легко уходя от удара, и снес колбягу голову. Тулово рухнуло, дергая топор, а синие губы еще пару мгновений шевелились на отрубленной башке, словно силясь вымолвить последнее слово.

Переступив через труп, Асмуд шагнул в хату. В потемках он разглядел старика, вжимавшего голову в плечи, и двух детишек, тарачивших на него испуганные глазенки. То старье, то малье... Хевдинг досадливо махнул мечом, подрубая деда, и развернулся к малышне. Откуда-то из-за печи выпрыгнула молодая женщина и бросилась к детям, заслоняя их своим телом.

– Нет! – вопила она. – Не надо!

В последнюю секунду Асмуд задержал меч, левой рукой хватая женщину за толстую черную косу. Зим двадцать будет славинке, самое то! И лицом смазлива... За такую арабы, не торгуясь, выложат двести дирхемов!

– Не надо! – молила женщина.
– Топай, давай! – велел Асмуд, но детей кончать не стал. Да и зачем? Если не от голода сгинут, так в зубах волчьих завязнут...

Вытащив молодницу за порог, хевдинг толкнул ее подлетевшему Люту.

– Всех взяли? – спросил он, оглядывая селение.

– Кого успели! – ухмыльнулся Лют. – Чует моя душа, кто-то там, в лесу укрылся!

– Не гоняться ж за ними... – пробурчал Асмуд.

Варяги бегали по деревне, высматривая потаенные места, шаря по землянкам. Заполошно кудахтали куры, кто-то выл в голос, громко ревело брошенное чадо. Шалаши валялись, разворошенные, камышовая крыша на крайней хате пылала, с треском и гудом пожирая кривые стропила. В огне сгорали чьи-то мечтанья, надежды, тихие уютные вечера...

Злая стрела просвистела, чиркнув Асмуда по волосам. Вторая «змея битвы»,²⁴ прилетевшая из леса, была метче, но хевдинг отбил ее мечом.

– Взять стрелка! – рявкнул он.

Трое или четверо варягов бросились к лесу, припадая к земле за пнями-выворотнями, хоронясь за деревьями, зигзагом одолевая пустое место. Один варяг упал, хватаясь за древко стрелы, пробившей горло, его товарищи канули в лес. Охота на человека была неслышной, все заглушал рев разошедшегося пламени. Затрещав, крыша рухнула, проваливаясь внутрь хаты, и в небо восклубилось облако искр и пепла.

– Словили! – торжествуя воскликнул Лют. – Ведут!

Двое, Фрелав и Акун, тащили избитого стрелка.

– Охотничек ихний! – крикнул Фрелав возбужденно. – Молодой совсем, а туда же!

– Вяжите, и в трюм! – распорядился хевдинг. – Пора нам...

Дошагав до лодьи, он встретился взглядом с Агапитом.

– Осуждаешь? – поинтересовался Асмуд.

– Отчего же? – пожал плечами ромей. – Одни язычники ловят других язычников, обращая тех в рабство... Моя христианская душа спокойна, ибо крещеных среди них нет. – Агапит усмехнулся. – А у росов в обычае, следуя путем из варяг в греки, разживаться рабами на берегах Борисфена и продавать их на рынках Константинополя. Это окупает дорожные расходы...

– Что правда, то правда, – расхохотался Асмуд. – Полезай на борт, святой отец, – отплываем!

Дружными усилиями гирдни столкнули лодьи в воду. Оживленно переговариваясь и гогоча, они перелезали через борта и рассаживались по местам. Дар богов – ветер – задул с юга, и воды Днепра огласились радостными криками.

– Поднять паруса! – скомандовал Асмуд.

Широкие полосатые полотнища, то красные, то синие с белым, развернулись, отражаясь в воде, надулись, принимая ветер и толкая лодьи. Домой!

Глава 3

1

Ленинградская область, где-то между Волховом и Сясью. 2007 год

Олег приближался к полигону. Вокруг, зажимая дорогу, зеленел лес, изредка уступая

²⁴ «Змея битвы» – кэннинг, то есть замысловатое сравнение для стрелы, принятое поэтами-скальдами. Воинов они называли, к примеру, «ясенями битвы», а женщин – «елями злата».

место болотцам, поросшим осокой-резуном и пушистым вейником. Облупленная «Тойота» катилась по узкой колее, затравевшей от безлюдья и безмашинья. Желтые метелки с шелестом ложились под бампер, сеясь колючими семенами.

Забывшее шоссе возникло неожиданно – строй одинаковых, высаженных лесхозом сосенок раздвинулся, и влево ушла просека, мощенная растрескавшимся асфальтом. Дорогу перекрывал шлагбаум – ржавая красно-белая труба с «кирпичом» и табличкой для особо непонятливых, грозно извещавшей: «Запретная зона! Въезд строго воспрещен, кроме спецтранспорта!»

– Будем считать, – пробормотал Олег, – что мы как раз спец...

Шлагбаум был прикручен к столбику тонкой арматуриной – ни поднять его, ни опустить, но набитый объезд наглядно демонстрировал уважение к законности и порядку. Олег аккуратно проехал по следам чужих колес и покатил по твердому покрытию, местами разбитому до хрустящего гравия. Годков полста минет, подумал он, и лес окончательно перемелет асфальт – взойдет подорожником, прорастет кустиками, взломает корнями деревья...

«Тойота» вильнула влево, обогнула пригорок и проехала краем обширной лужайки, заставленной шатрами. Кое-где горели костры, у огня сидели на чурбаках странные личности в сверкавших кольчугах и вороненых доспехах. Поодаль чопорно прогуливались три девицы в длинных одеяниях, изображая прекрасных дам. Конный рыцарь, свешиваясь с седла, заигрывал со всеми тремя. Под мышкой он держал шлем, а правой рукой сжимал копьё. Копьё здорово мешало рыцарю, и он не знал, куда его деть, пока не приспособился таскать оружие на манер коромысла.

Отгнав «тойоту» в рощицу, где хоронилось прочее автотостадо, Олег упаковался по моде девятого века. Раздевшись до трусов, он натянул на себя домотканые порты, крепко сшитые и прочные на разрыв. На ноги – мягкие полусапожки с длинными ремешками. Накинул льняную рубаху, вышитую у ворота Викой. Достал из багажника дешевую катану, купленную по случаю, повесил перевязь через плечо, затянул пряжку, поправил ножны за спиной (вообще-то катану носили за поясом, но Сухову так было удобней). Вроде все... Шлем и щит он брать не стал – зачем? На турнир он не записывался, а бугурт начнется завтра, не раньше. Пока все соберутся, пока то, пока се...

– Гой еси, добер молодец! – послышался бодрый тенорок.

Олег оглянулся. Позади стоял сам Михаил Михайлович Мальцев, доктор исторических наук, он же главный консультант военно-исторического клуба «Варанг», он же Михал Михалыч, он же «МММ», свирепый препод, валивший неуспевающих с особой жестокостью и цинизмом. А на вид не скажешь... Профессор Мальцев был плотненький, какой-то весь домашний дедок с лысиной, похожей на тонзуру, и скобкой седых волос. Полотняная рубаха длиной до колен, с вышивкой по вороту, подвязанная шнурком-гашником, портки да лапти с онучами не опрощали историка и смотрелись потешно – ученая степень «просвечивала» сквозь наряд. И босиком Лев Толстой все равно оставался графом...

– И вы здравы будьте! – солидно ответствовал Олег. – А этот где... мастер наш?

– Оне за водой пошли, – важно сказал Михал Михалыч, – к дальним ключам. Уж больно сладка там водица!

– Ясно...

Сощурившись, Сухов осмотрелся. Шумная компания «толков» ставила шатер, постоянно валя шатковую конструкцию. Точильщик, качая ногой привод, зазывал желающих. Целый выводок стрелков из лука соревновался в меткости, пуляя стрелы в карту полушарий. Игроки переговаривались:

– Просто в Средние века турнирные копия вытачивались на особых таких токарных станках. Совали в них заготовки длиной в одиннадцать футов – это где-то метра четыре. Прикинь? Стандарт такой был! А ты попробуй сейчас такие станки отыщи!

– Так я что и говорю!

– Держи вот здесь! Да не, столб, столб держи! Во! Ванька... тьфу! Дон Сатарина!

Натягивай, что стоишь?

- Вот зараза!
- Да вы не там ставите!
- Смойся с глаз!
- Блинский на фиг!
- Точим ножики-мечи! Сабельки правим! Топорики острим!
- Массаракш-и-массаракш!
- Благородные доны, жрать подано!
- Попал!
- Ты куда целился?! В Индию? А попал в Австралию!
- Все равно ж попал...
- Тридцать три раза массаракш!

Из белого шатра с криво нашитым красным крестом выбрался парень лет двадцати пяти, полный и румяный, обряженный то ли волхвом, то ли друидом, – белая рубаха спускалась ниже колен, на поясе болталась целая связка оберегов. Это был Шурик Пончев, недавний выпускник мединститута, исполнявший роль знахаря и лекаря.

– Наш привет коновалам и шарлатанам! – заорал Олег.

Шурик обрадованно вскинул руку.

– Здорово! – крикнул он. – Михалыч! Тут Киврин звонил, говорит, запуск у них!

– Да?! – оживился Мальцев. – На это стоит посмотреть!

– На что? – не понял Олег.

– А вон, видите? – Профессор протянул руку, указывая на восток, в сторону запретной зоны. Там, за пильчатой стеной ельника, вздымалось массивное, коробчатое сооружение. – Это тау-электродинамическая система! Читали Стругацких?

– А-а! – дошло до Олега. – «Двигатель времени»?!

– Да-да-да! Асимметричная механика, ее еще причинной называют... Вы представляете, какова идея?! Вырабатывать электричество из хода времени!

– Офигеть! – оценил идею Олег.

– О, началось! – воскликнул Мальцев.

Сухов ощутил странное покалывание по всему телу, словно он организм «отсидел». И вдруг ослепительное сиреневое зарево охватило половину небосвода, словно восходила колоссальная чужеземная звезда. Весь мир обездвижился – не трепетали листья в дуновениях ветерка, в нелепых позах застыли люди, будто играя в «Фигура, замри!». В абсолютной тишине накатил синий туман, и пала тьма.

2

У Олега зверски засвербило в носу. Он от души чихнул, встал на карачки и лишь потом осмотрелся. И тут же крепко зажмурился. Вокруг стелилась круглая поляна, в центре которой сидел Пончик и лупал глазами, а дальше вставал сказочно-дремучий лес. Ели и сосны в три обхвата вздымались на огромную высоту, с могучих лап свисали сивые бороны мха. И тишина...

– А где все? – растерянно спросил Пончик. – Где наш полигон? Куда делись люди?!

Олег оглядел себя. Все порты в соку травяном, вот же ж...

– Не понимаю... – проскулил Шурик.

Он ударил по земле кулаками. Зеленые кузнечики брызнули в стороны.

– Спокойно, – процедил Олег. – Без паники!

– Но их не стало! – надрывно сказал Пончик.

– Кого не стало?! – гаркнул Сухов.

– Людей!

– Где ты видишь трупы?! Что вот зря болтать?! Ты бы лучше объяснил, откуда здесь

такие деревья взялись!

– Давай пройдемся, – предложил Пончев вздрагивающим голосом, – посмотрим...

И он нерешительно двинулся в лес. Олег зашагал следом. Сосны стояли ровной колоннадой, как при входе в Большой театр, только прогалы меж стволами были наглухо забаррикадированы колючим кустарником, вповалку лежали гниющие, мшистые коряги.

– Фиг пройдешь... Угу... – пыхтел Пончик, тискаясь между сучьев.

Олег полез через скользкий ствол, тот затрещал и изломился, просыпав из сердцевины кучу трухи.

– Ч-черт...

– Олег! – донесся голос Пончика. – Я, кажется, тропинку нашел! Угу...

– Щас...

Продравшись сквозь кусты, Сухов выбрался на звериную тропу и наткнулся на Пончика, озиравшегося с видом триумфатора.

– Веди тогда, – хмыкнул Олег. – Полупроводник...

– Почему – полу?

– А потому что я полпути не шел, а вколачивался, как гвоздь, в эту древесину!

Пончик фыркнул, шагнул и застыл. Секунду спустя Олег понял, почему его «полупроводник» стал вдруг изолятором – в трех метрах от них стоял на задних лапах огромный медведь и с любопытством разглядывал незваных гостей.

– Ва-ва-ва-ва... – слетело с уст потрясенного Пончика.

Медведь глухо зарычал, опустил на все четыре и растворился в кустах. Ни одна веточка не хрустнула, словно не матерый хищник просунулся, а бесплотный лесной дух.

– Пошли обратно... – слабым голосом выговорил Шурик. – Дальше все равно болото... Угу...

Под ногами чавкало и хлюпало, обещая близкую хлябь.

– Пошли, – вздохнул Олег.

Вывалившись из дебрей, они проанализировали результаты наблюдений.

– Это не наш лес! – решительно заявил Сухов.

– А чей?! – взвился Пончев.

– Да откуда ж я знаю?! Только сосняк вокруг полигона насаженный был, ему лет двадцать от силы, а этим деревьям, – Сухов обвел рукой дебри, – далеко за двести! Глянь, стволы какие!

– Господи! – выкрикнул вдруг Пончик. – Какие ж мы идиоты...

Вынув из-за пазухи мобильник на ленточке, он быстро набрал номер и приложил аппарат к уху. Олег с интересом следил за сменой выражений на лице Шурика. Нетерпеливое ожидание перешло в озабоченность, потом в недоумение. Нахмутив лоб, Пончев оглядел сотик.

– Батарейка села, что ли? – пробормотал он.

Шурик потряс «мобилу» и снова прижался ухом.

– «Вне зоны доступа»... – сказал он упавшим голосом. – Угу...

Минут пять они были заняты тем, что бестолково топтались по молодой травке.

– Надо на дерево залезть, – робко предложил Пончев, – и посмотреть... Ага...

– Кстати, да! – сказал Олег и решительно направился к гигантской ели. Меч он не снимал, так и полез.

Первые метры дались ему легко, выше стало туго.

– Чертова смола! – шипел Сухов, отдирая локоть от ствола, залитого живицей. – Клеится, зараза!

Чудом не сорвавшись, он поднялся выше пятиэтажного дома, оглядел из-под руки горизонты и спустился вниз.

– Лес кругом, – сообщил он, с отвращением разлепляя склеенные пальцы. – А к западу водоем какой-то...

– Я даже могу сказать, какой именно, – съехидничал Пончик. – Там Волхов течет!

– Ты уверен? – спокойно спросил Олег. – По нему, между прочим, лодья плывет!

– С чего ты взял, что лодья? – насторожился Шурик.

– Ну как с чего? Парус... По борту щиты вывешены, и весла гребут! Может, мы того... – Олег сделал неопределенный жест. – В прошлое попали?

– Фигня полная! – яростно воспротивился Пончик. – Сгущенный, концентрированный бред с элементами шизы! Путешествия во времени невозможны в принципе!

– А откуда тогда ладья?!

– Кино снимают!

– А лес?! Что, тоже для кино высадили?!

Пончик засопел, исчерпав аргументы.

– Давай глянем в той стороне, – Олег показал рукой на юг. – Там вроде просвет и речка...

– А зачем тебе речка? – удивился Шурик.

– Не знаю, как ты, – заявил Олег, – а лично я есть хочу – умираю! Может, хоть рыбы наловим...

– Точно! – с жаром поддержал идею Пончик. – У меня у самого какое-то щемящее чувство... С утра ж не ел! Думал, в столовке перекушу, а тут... Угу...

И они двинулись на поиски речки. Жутко мешали кусты, но потом стало полегче. Речку они не нашли. Олег поднырнул под лохматую ветку ели и оказался с краю большой круглой лужайки. Посреди лужайки возвышался заросший травой курган, а на его верхушке торчал идол, довольно искусно вырубленный из карельского мрамора. Пухлые каменные губы кумира были щедро изважюканы чем-то липким и черным. Надо полагать, кровью...

– Я ничего уже не понимаю!.. – простонал Пончик и без сил опустился на землю.

– Как ни крути, как ни верти, – поморщился Олег, – а мы таки в прошлом!

– Быть того не может! – затряс головой Пончик с упорством и ожесточением верующего. – Может, это Стемид все... того... организовал?

Олег ничего не ответил, только посмотрел на Пончика с сожалением.

– Пошли лучше шалаш организуем, – вздохнул он. – Стемнеет скоро...

На рассвете, не выспавшийся и голодный, Олег умылся холодной водой и сжевал половинку «Сникерса», поделившись с Пончиком.

– Ну, что? – спросил он помятого «знахаря». – Сникерснул?

Пончик кивнул уныло.

– Пошли тогда!

– Куда? – вяло поинтересовался Шурик.

– К реке! К Волхову, или что там такое течет...

– Пошли...

Было еще совсем рано – робкая заря едва прокралась в лес, не трогая густые тени, и деревья словно отражали ночь – темные стояли, неперебродные. Олег с Пончиком пересекли гарь и потопали – по заросшей папоротником прогалине, меж бурых сосновых стволов, рассеянно проводя руками по зеленым лохматостям можжевельника. Хмельной воздух, настоящий на смоле и хвое, будоражил Олегову душу, наполнял ее каким-то детским ликованием. Он все мог, все умел – здоровый, сильный, сытый! И Пончик рядом! И меч за спиной! А гуляют они где?! У начала времен!

Ему было простиительно не знать, что там направили для него норны, распорядительницы судеб, какую нить накрутили на веретено. Норны – бабки скрытные...

Глава 4

Олег шел вольно, не скрадом, переступая из матерых сосняков в сквозной березняк, поднявшийся на брошенном огнище; из затравевшего ольшанника шагал в мглистый ельник. Рассветное небо было расчерчено розовым и белесым. Природа просыпалась.

Захоркал вальдшнеп, оповещая лес о явлении красна солнышка. Проиграли зарю журавли. Запели дрозды, подражая соловьям. Зачуфыкал тетерев. С комля-выворотня сорвался глухарь, громко захлопал крыльями, озвучивая посадку. Олег на слух определил кремлевую сосну, на суку коей устроилась птица. Во-он там, на песчаной гряде. Под грядою болото, падь, заросшая черемушником, заваленная подмытыми стволами. Глушь. Глухарю – самое место. На суку защелкали клювом, зашипели, зафыркали – короче, «запели». Олег медленно-медленно выпрямился и задрал голову, высматривая «певца». Глухарь – птица видная, с длинноперым черным хвостом-веером, с горбатым костяным клювом, с ярко-красной кровавой бровью... Холодное лезвие меча уткнулось Олегу в горло.

– Камо грядеши?²⁵ – Голос был не теплей отточенной стали. Властные обороты звучали в нем – голос не спрашивал, он требовал ответа. Незамедлительно.

Олег отпрянул, суетливо доставая меч. Сердце, как бешеное, моталось в груди, а мышцы, наоборот, зажалось страхом. Вот позорище! Засмотрелся, дурака кусок! Птичек не видал!

Человек, стоявший перед Олегом, невысок был, но ладен и крепок. Холщовые порты заправлены в яловые сапожки, поперек стеганой куртки перевязь с ножнами на спине. Если на Олеге, длинном, узковатом в плечах, вырос жирок, то его визави был, похоже, скроен из железа и сыромятной кожи – жесткие скулы, рысьи медовые глаза, суровые морщины у рта. Волосы цвета соломы возле ушей заплетены в косицы и покрыты круглой шапкой-нурманкой. Воин. Неужто правда?! Или это съемки идут? Господи, лишь бы это были съемки...

– Олег! – крикнул Пончев и слабо замахнулся подобранной палкой.

Воин мягко отскочил, слегка согнул разведенные колени, его меч блеснул в первых лучах и вдруг ударил наискосок, со свистом и зудом рассекая воздух. Палку обрезало, а Пончев остушился и сел с размаху на зад. Олег взялся за рукоятку меча, «как учили», – правой ладонью обхватив ее возле цубы,²⁶ а концом уперев в середину ладони левой. Облизал пересохшие губы. Замахнулся, пугая противника, но воин не моргнул даже. Зато ударил так, что у Олега руки заныли. Прямой меч блеснул и перебил ширпотребовскую катану – обломыш усверкал в траву. Олег поймал взгляд хищных медовых глаз и вдруг все понял и пришел в отчаяние. Ему никогда не победить! Он и с питерской шпаной-то никогда не связывался, а уж в этом времени он – полнейшее чмо!

Из-за густого ракитника выглянул бледный парниша в толстой кожаной куртке, обшитой металлическими бляхами, и сказал что-то ломким баском, кивая на сломанный меч.

Рукою в перчатке парниша сжимал лук – огромную, убийственной силы дугу. Загудела натягиваемая тетива. Олег швырнул катану под ноги парнише.

Тот презрительно скривил рот, мотнул головою, и кто-то проворно связал Олегу руки за спиной. Старый воин спеленал Пончева. Мир перевернулся. В какие-то пять минут жизнь поменяла знак. Олег чуть не плакал от стыда, оглушенный и безвольный, самому себе напоминая что-то желеобразное и колышущееся. Протоплазму. Амебу-переростка...

– Кто это, Олег?! – спросил Пончев дрожащим голосом.

Олег не сумел ответить – его чувствительно пихнули в спину, приказывая идти, и он пошел, куда велено. Сказали бы – на колени, ща голову рубить будем! – и он бы повиновался, наверное, и послушно согнул бы выю...

– ...Крут! – донесся звонкий голос с вершины гряды, и по песчаному откосу запрыгал

²⁵ *Камо грядеши?* – Куда идешь?

²⁶ *Цуба* – гарда катаны.

белоголовый мальчишка лет десяти, в рубашонке с вышивкой у ворота, по рукавам и подолу. У пояса, болтаясь на шнурках, позванивали бубенчики, отпугивая нечистую силу.

Пацаненок прозвенел что-то непонятное, махая руками для выразительности. Олег понимал с пятого на десятое. Вроде как воина, перебившего катану, звать Крутом...

Крут покивал согласно, дослушав мальчишку, проворчал ответ в усы, а потом подобрал с земли Олегов меч и протянул малолетке. Тот залучился от радости. Взяв меч в одну руку, а обломок в другую, пацаненок полез до верха невысокой кручи. Воин проводил его взглядом и буркнул, указывая путь своим и пленным.

Крут пошел первым, за ним двинулся лучник. Третьим поплелся Олег, рядом шмыгал носом Пончев, а замыкающими шли два молодца в кожаных доспехах и буравили спины пленников в четыре зорких сверлышка. Крутята...

Не оглядываясь, старый воин перешел по камням мелкую речушку и поднялся на обрывчик, где нашлась стертая тропа. Все взошли за ним следом.

Олег споткнулся, больно ударился ногой об корень, но лишь переморщился – не до того. У него болела душа. Корчилась, уязвленная беспощадной правдой. Олег узнал о себе такое, что было больней синяков и ран. Он – трус. И слабак.

Справа брел Пончев. Спотыкался, сопел, мотал светлым чубом и решал непосильную задачу: на каком они свете?! В какое время и пространство их занесло?..

Крут вывел отряд на берег большой реки, быстро несущей мутные воды цвета навозной жижи, и сердце Олегово засбоило. В небольшой заводи, уткнув носы в песок, стояли настоящие лодьи, хищные и длиннотелые. Раз, два, три... Пять боевых единиц. На лодьях торчало по мачте, паруса были свернуты на реях. Штевни поднимались высоко, и Олег заподозрил, что обычно их украшают головами тутошних драконов. Просто в виду родных берегов драконов снимали, дабы не вспугнуть местный «тонкий план».

На берегу, под скалами был разбит лагерь – кожаные шатры накинуты на столбы в два роста и оттянуты ремешками к колышкам, котлы на треногах булькают кашей над прогорающими кострами. И люди. Много людей – в кожаных штанах, в мягких сапогах с завязками или босиком, в рубахах – выгоревших синих, серых и красных, а то и голых по пояс. Все рослые, крепкие, с уверенными, точными движениями, выдающими бойцовскую породу. Викинги? Варяги? Во-первых, хрен их разберет, во-вторых, хрен редьки не слаще...

Люди сидели кругом костров, бродили по берегу, сторожили со скал, сжимая копыя. Кто-то спал, прикрывшись от солнца рукой, кто-то чинил щит, вбивая по гвоздику в вошеную кожу, а кто-то огромный, без рубахи, с татуировкой в «зверином стиле», оплетавшей шею и плечо, стоял, склонясь над водой, и, шумно фыркая, умывался. Чудовищные мышцы бугрили необъятную спину, выбеливая страшные шрамы. Порядком поседевшие космы выпелами вились по ветру.

– Крут! – окликнули от костра, заговорили шумно и весело, подзывая к себе.

Крут хмыкнул и дотронулся до плеча кашевара – жилистого старика, снимавшего пробу. Старинушка щедро плюхнул в миску пахучего варева, Крут заворчал одобрительно, поставил свою порцию на песок, чтоб остыла.

На Олега с Пончиком глядели с насмешливым интересом и со сдержанным любопытством. Умывавшийся «Седой» снял с шеи полотенце, неторопливо утер лицо и только затем повернулся. Да-а... Вот с кого надо лепить Гераклов и Ахиллов, подумал Олег. Ни капли жира! И кость широка, и мяса на нейросло – пуды! Грудные мышцы у «Седого» просто устрашали, выдаваясь мощными плитами, а выпуклые кубики пресса напоминали сегментный люк. «Седого» и задушить – проблема. Это ж какие мускулы надо иметь, чтобы обхватить такую-то шею! Колода!

«Седой» задал Круту вопрос, называя того хольдом, и не глядя сунул мокрое полотенце подлетевшему молодцу. Голос у «Седого» был под стать могучему организму – густой бас, с хрипотцой и прохладцей.

Крут ответил, соединяя в звуке голоса и спокойное достоинство, и почтительность. Олег вслушивался в Крутову речь, но понимал лишь отдельные слова. «Седого», надо полагать,

Асмудом кличут. И не просто Асмудом, а еще и хевдингом, вождем, значит...

– А кто такой хольд? – спросил Пончик дрожащим голосочком.

– Ну, это как бы ветеран боевых действий, – объяснил Олег, – действительный рядовой в дружине-гриди...

– А что, и другие бывают? – вяло удивился Пончик.

– Кстати, да. Есть еще дренги. Они вроде как кандидаты в рядовые. Наберутся опыта, в походы сходят, пройдут посвящение, тоже хольдами станут... Понял?

– Понял... – вздохнул Пончик. – Угу... Значит, это правда...

Хевдинг пробасил что-то властно, обращаясь к Олегу.

– Не понимаю, – буркнул Сухов, красноречиво мотая головой.

– Вольгаст тиун! – пророкотал Асмуд, тыча пальцем в старика кашевара, и повелительно упер сучковатый перст в Олегову грудь.

– Олег! – представился Сухов.

Асмуд резко проговорил набор слов, из которых Олег уловил лишь одно – «трэль».

– Я не трэль! Не трэль! – со всей возможной твердостью заявило дитя двадцать первого века, родившееся за месяц до 60-летия Великой Октябрьской социалистической революции. Люди на берегу и на кораблях весело загоготали. Олег сжал зубы.

В голосе хевдинга прибыло яду. Асмуд презрительно, двумя крючковатыми пальцами, ухватился за прядь волос у Олега на голове, подергал и коротко сказал:

– Трэль!

И только тут Олег «приметил слона». У этой ватаги, потешавшейся над ним, – а было их сотни полторы, если не две, – наличествовали длинные волосы и бороды, не шибко аккуратные, но чистые, расчесанные и ухоженные. У двоих-троих подбородки были выбриты, зато вокруг хохочущих ртов спадали роскошные усы, смахивавшие на клыки моржа. Люди в эпоху викингов были твердо убеждены, что в волосах таится жизненная сила, и стригли только рабов-трэлей! Даже дернуть за бороду или за косу почиталось как страшное оскорбление, а в нить, которой перевязывали пуповину младенца, вплетали по волоску от отца и матери! И кем он, стало быть, выглядит, с его-то армейским причесом? Стриженным трэлем, кем же еще!

Хевдинг молчал. Хольд потихоньку присоединился к товарищам у костра и уплетал кашу, одобренную чем-то весьма и весьма аппетитным. Дух от нее шел...

Дренг поднес хевдингу рубаху, богато расшитую у ворота. Асмуд, по-прежнему молча, надел ее. Затягивая тесемки на запястьях, он отдал приказание. Олег из всего сказанного уловил только три слова: «торг» и «две марки».

Пара воинов, дожевывая кашу, отвели Олега с Пончиком к лодье, что была повыше бортами и пошире. По еловым сходням они поднялись на борт. Вся средняя часть палубы была заставлена бочками и тюками – то ли груз, то ли добыча...

– Руки хоть развяжите, – буркнул Олег, поворачиваясь к воинам спиной.

Тот, что был помоложе, фыркнул насмешливо. Гридень постарше молча вытащил нож и разрезал путы обоим пленникам.

Растирая руки, Олег уселся на кожаный мешок с чем-то мягким. Меха? Да какая ему разница... Он нынче такой же товар, как и эта «мягкая рухлядь» под его сидением.

– Что нам будет? – спросил Пончик, потирая руки. Руки тряслись. – Какие-то марки... Что за марки? Почтовые?

Олег вздохнул.

– Чует моя душа, хевдинг хочет выручить за нас две марки серебра, – сказал он скучно. – Ну, это что-то вроде денег.

– Выручить? – с трудом доходило до Пончика. – Он нас что, продать хочет?!

– Кстати, да. На невольничьем торгу...

– С ума сойти...

О борт плюхала волна, и это слышалось отчетливо. Внезапно шатер на корме пошел волнами и отпахнул полог, выпуская... попа. самого настоящего попа – огромного

ромея-византийца, всего в длинном и черном. И сам черняв, бородой зарос – один нос торчит, а на груди болтается золотой крест. Христианин?

– Пончик! – зашипел Олег, тормоша товарища. – Спроси его! Ты ж врач, латынь должен знать!

– А чего спрашивать? – растерялся Пончев.

– Ну хоть год какой, узнай!

– А-а... Здравствуйте, батюшка! – ляпнул Пончик на корявой латыни.

Поп обрадовался.

– Здравствуй, сын мой! – молвил он басом. – Как звать тебя?

– Меня?... По... Александр! А вас?

– Зови меня отцом Агапитом. Крещен ли?

– Да нет... – застеснялся Пончик. – Отец Агапит, а какой ныне год на дворе?

– Шесть тысяч триста шестьдесят шестой от Сотворения мира, сын мой.

– Понятно... – протянул Пончик, вычитая. – Восемьсот пятьдесят восьмой год нашей эры! Олег, слышишь?! Восемьсот пятьдесят восьмой! О-ох...

– Слышу, не глухой... – проворчал Олег, чувствуя, как все сжимается внутри.

– Вы сами из Константинополя будете? – спросил Пончик, лишь бы что-то спросить.

Священник величественно кивнул.

– Вдвойне приятно слышать имя истинное, – сказал он. – Тавроскифы, что на полдень от Руси, переименовали столицу Ромейской империи в Царьград, а здешние русы и вовсе Миклагардом зовут ее...

– А куда плывут эти корабли?

– В Аль-дей-гью-борг, – старательно выговорил отец Агапит и улыбнулся, сверкнул крепкими зубами в оторочке из курчавого черного волоса. – А венецы то место Ладогой кличут... – Голос попа изменился, приобрел пафос: – Доблестным воинам Асмуда поручено доставить меня в Аль-дей-гью-борг. Самим кесарем Бардой послан я!

Однако Олег торжественностью момента не проникся. Дослушав сбивчивый перевод Пончика, он откинулся на локти.

– Да ну? – равнодушно спросил Олег. – Спроси его, не тот ли это Варда, что великого логофета Феоктиста прирезал?

Пончик наивно перевел, и бедного отца Агапита аж шатнуло.

Ромей побледнел и, быстро крестясь, шмыгнул обратно в шатер. Скрипнула палуба, раздраженно загревели железяки. Олег усмехнулся. Странно, но страх и напряжение отпустили его совершенно. Ромей здорово ему помог. Теперь, когда Олег сориентировался во времени и пространстве, стало как-то легче и проще. А Пончик ныл, потирая дрожавшие руки:

– Господи, господи...

– Перестань, – буркнул Олег, – и без тебя тошно...

На берегу протрубил рог, созывая людей к отплытию. Лодья качнулась. По трапу затопали... как их и назвать-то, не знаешь... Бойцы? Гребцы? Грядни? Короче, экипаж затопал. Гулко загудели доски палуб, разнеслись зычные окрики. На корму, к правилу, пробрался Вольгаст тиун и уселся на высокое сиденье кормщика – далеко с него видать, ничто и никто не застит пейзажи «включенные и обрамляющие». Дракониный хвост, в который вытягивалась корма, поднимался над головой кормщика изящным завитком. А старинушка, хоть и худ, да жилист – вон, плечи какие! Костлявые, спору нет, но сила в них еще держится.

Раздалась зычная команда – Олег узнал голос хевдинга. Лодью развернуло и подхватило течением.

Гребцы, поплевав на ладони, взялись за отполированные рукояти. С бурлением и плеском ударили весла, выводя лодьи на простор речной волны. Олегу хорошо были видны гребцы на дубовых скамьях, вернее, их спины, то пригибавшиеся, то откидывавшиеся, с проступавшим витьем мышц. Но он старался не смотреть в их сторону. Было стыдно и неловко до поджимания пальцев. Он тут образованней любого, но именно его низвели до

рабского состояния и везут на продажу. Срам-то какой... И ничего ведь уже не исправишь! Пленили тебя? Пленили. Даже хуже – сам сдался... Ну, хватит. Опять, по новой? Не смог удержать волю, думай теперь, как ее вернуть...

Разнеслась новая команда, грядни уложили мокрые весла на подставки в виде буквы «Т». Двое лбов кинулись к мачте. Парус тяжелым свертком примотан был к длинному рею. Не два, не три, а целый десяток возжей-шкотов свисал с его нижней шкаторины.

Лодейники быстро разобрались и потянули ременные шкоты. Ветрило поползло, разворачиваясь, вниз и наполнилось ветром, выгладило складки. Заскрипели снасти, и лодью повлекло вперед. Сильней зажурчала вода, разрезаемая острым форштевнем, окованным позеленевшей медью.

На высоких берегах Волхова – местные звали реку Олкога – четко выделялись белые полосы тропинок и темные леса. Русь. Гардарики.

Серая чайка, пронзительно крича, промахнулась над полосатым парусом и отвлекла Олега от размышлений. Он поднял глаза на лодейников, коротавших время за веселым трепом, где баснь неуловимо переходила в истину, а правда вдруг выворачивалась выдумкой. Варяги, «морские люди». «Сие бо ся зваху тыи варязи русь...»

Измучанного переживаниями Олега сморило. Проснулся он от толчка. Вскинулся, ошарашенный, не разумеющий ничего. Огляделся – и все пережитое грузом осело на душу. Зато картинка за бортом сменилась.

– Подплываем... – робко доложил Пончик. – Угу...

Показались первые избы – с реки они казались приземистыми, будто придавленными земляными крышами, зелеными в цветочек. А дальше вытягивался чисто русский дом – длинный, подобно опрокинутой лодье. Почерневший от времени сруб прикрывался крышей из торфа – этакий продолговатый холм с пещерой-дверью. Некрасиво? Зато зимой тепло. Из дымогона – на острие кия, если уж продолжать аналогию с перевернутым кораблем, – струился легкий дымок. По берегу бежали два пацаненка, один в рубашке, другой голый, но оба с лукошками. Рядом с ними весело скакал огромный лохматый волкодав. Крики ребятни и хриплый лай разносились над бегущей водой – негромкие, но ясные звуки. Где-то прокукарекал петух, замычала корова, ударила секира, разваливая полено. Одиноким рыбак, сидя в кожаной лодке, снял с крючка гнущегося дугою сига и приставил ладонь к глазам, разглядывая проходившие лодьи. С берега накатили запахи – навозом несло, сеном, молоком, свежеструганным деревом.

– Альдейга! – сказали на носу удовлетворенно.

Плесы Олкоги, сверкающие на послеполуденном солнце, заметно сузились, выдвинулся Стрелочный мыс, на нем крепко сидела крепость – рубленые башни-вежи... одна, две, три... пять башен. Стены-прясла сложены из мощных дубовых бревен, черных, словно мореных. В животе у Олега будто рой бабочек запорхал – скоро тебя на продажу выставят, узнаешь себе цену...

Асмуд хевдинг отдал приказ убрать парус, и гребцы снова сели за весла. Лодьи обогнули мыс, за ним открылось узкое устье Ала-дьоги, Верхней реки, как называли ижоры Ладожку. Альдейгьюборг строился по обоим берегам этого притока Олкоги, делясь на северную и южную половины. По меркам лета 2007-го от Рождества Христова – поселок городского типа, но туземных охотников град сей должен зело впечатлять. Небось самый крупный на севере Европы. Не хухры-мухры!

У пристанищ-причалов отшвартовались десятки лодий и кнорров, длинных и узких снекк, уродливых фризских коггов – плодов скрещивания бочки и ящика, вместительных сойм и остроносых арабских фелуг, плоскодонных учанов и вертких ушкуев. А дальше, под стенами крепости, шумел торг. Сотни людей бродили меж раскинутых шатров. Околачивались у гостиных дворов с травянистыми крышами, толпились меж дощатых рядов и лавок. Дивились на товар, расхваливая свой и поругивая выставленный у конкурентов. Торговались, приценивались, разворачивали тонкие ткани из Византии. Давали понюхать благовония из Аравии, щелкали по индийским клинкам и слушали долгий, чистый звон

истинного булата, взвешивали монеты и рубили серебряные палочки на сдачу, закатывали глаза, демонстрируя предельный уровень восторга, зазывали, ругались, клялись, призывая в свидетели любых богов – от Сварога и Христа до Аллаха и Будды, заключали сделки, ударяли по рукам, бурно выясняли отношения, втихомолку сговаривались и голосили, голосили, голосили – по-булгарски, по-арабски, по-гречески, по-фризски, на северном языке и на местных наречиях. Торжище европейского масштаба!

Лодья причалила к бревенчатому вымолу. Четверо мужиков уже подносили широкие сходни. Прибыли...

Кормщик, кряхтя, встал со своего места и подтянул штаны-гачи. Потирая спину и косо глянув на Олега, он отпер люк в палубе близ мачты. Загремело железо, и наружу, сильно шурясь, выбрался мужик – криво остриженный, босой и со связанными руками. «Был хмур он и зол, но шел». А куда денешься? За ним выбрались несколько зареванных девушек и еще трое парней, смурных и потерянных. Рабы. Олег, значит, один из них. Невольник на продажу. И Пончик с ним... Оптом.

Вольгаст тиун негромко сказал Круту пару слов, тот выслушал и кивнул. Цепко ухватив Олега за локоть, хольд потянул его к сходням.

– Я сам, – буркнул было Олег, но, получив пинка, живо сошел на берег. Пончик сбегал следом, хватаясь за Олега, как маленький мальчик цепляется за маму, боясь потеряться.

Девушек-тир увели в шатер, а мужиков-трэлей погнали на дощатый помост, где уже клонили головы или дерзко разглядывали покупателей около десятка рабов. Молодые, пара пожитых, один и вовсе старец. Этот сидел с краю – смотрел поверх голов и рассеянно улыбался, будто и не его это касалось, будто не ему стать чьей-то покупкой. Олег, по-всякому избегая мыслей о том, что близилось, поставил ногу на помост и упруго поднялся. И только тут, пройдясь по вышарканным лесинам, он постиг свершившееся, «загрузился» полностью: он – раб. Эта маленькая истина потрясла его. Олегу уже говорили, что его продадут, что за него выручат деньги, – слова были ужасны, но они били мимо сознания, скользом, не задевая ум, не попадая в сердце. Все казалось, что его пугают, – ведь нельзя же взаправду продавать в рабство человека! И ладно бы, там, кого иного, а то ведь его самого, Олега Сухова! Меня – и выставить на продажу?!

Олег лихорадочно, с болезненным пристрастием всматривался в толпу, пытаясь найти в лицах понимание и сочувствие, выискивал в улыбках, гримасах, взглядах намеки на поддержку, на помощь, на избавление, но не находил. Люди не видели ничего особенного в том, что носителей разума продавали, как любую другую вещь. Ладожане и гости города пересмеивались, лузгали каленые орехи, а то и вовсе шли мимо, не оглядываясь на помост. Нам-де рабы ни к чему, нам бы отрез полотна купить, женка просила, да шмат сала приобрести изрядный – вчера тут ха-арошим сальцем торговали... Дайте пройти! Понаставят всяких холопов, ни пройти ни проехать...

Из шатра вышел арабский купец, зябко кутаясь в теплый халат. Конец белой чалмы, покрывавшей его голову, свисал над левым ухом, отмечая ученость. Араб спросил что-то, видимо интересуясь, почем девицы. Продавец, толстенький и кругленький, как колобок, затараторил, на пальцах показывая ничтожность суммы. Поторговавшись, купец крикнул и махнул рукой.

– Ахмад! – позвал он.

Из толпы вышел здоровенный воин Аллаха в бараньей шапке, в замызганном халате и в шикарных, расшитых бисером юфтевых сапогах с загнутыми носками. Ахмад невозмутимо передал увесистый мешочек серебра кланяющемуся «колобку» и повел девушек за собой. Одна из тир заплакала, кривя бледное лицо. Воин Аллаха лениво шлепнул ее по щеке – не сильно, чтобы не пострадал товар, но достаточно для внушения. Девушка смолкла, рукавом вытерла слезы и поплелась за новым хозяином. Ее ждал долгий путь по Великому Волжскому пути, через море Хвалынское, по горам Мазендаранским, по земле Джебел до славного города Багдада. А там уж... кто знает? Может, попадет в Самарру, в гарем халифа Джаафара ал-Мутаваккиля, и назначит ее халиф любимой женой... Возможны варианты.

Потом купили деда. Как понял Олег, старикан был крупным специалистом по лошадям. За него дали хорошую цену – двести дирхемов. На эти деньги четырех коней купить можно. А за сколько, интересно, тебя самого возьмут, Олег-трэль? Почем нынче трэли? И, главное, кому обмывать покупку? Кому-то из местных? А если продадут какому-нибудь франку?! И затеряется Олег-трэль, сын Романа, в перепутанице вонючих улочек Лондона или Парижа, где нет бань и канализации, зато исправно коптят небо аутодафе...

Олегу ярко, в цветах и красках представился его будущий хозяин – краснорожий малый, купчик средней руки, тупой и серый. Какой-нибудь... этот... Винифрид. Пузатый и немывтый, он хлещет пиво или дешевое вино, преданно заглядывает в заплывшие глазки попов, угодливо кланяется чванливым графьям, а дома лупит девочку-жену и попрекает куском хлеба «этого бугая, от которого никаких доходов, расходы одни!..».

И тут Крут положил Олегу на плечо тяжелую руку, называя цену. Олег Романович Сухов оценивался в сто пятьдесят дирхемов.

Олег похолодел. Сейчас, сейчас...

Покупатель, тощий и злой старикашка, византийский гость, недовольно скривился. Одетый по-простому, в хитон из грубого полотна, заправленный в порты, старик накинул поверх расшитый плащ. Плохо ему будет, подумал Олег, если достанется он этому старперу, – прикует где-нибудь в эргастерии,²⁷ и фиг сбежишь!

А Крут все набивал цену, живописуя высокое качество товара.

Тут рядом со старым ромеем, черноволосым, несмотря на годы, и смуглым, возник неторопливый в движениях северянин, голубоглазый блондин. «А этот, – отрешенно думал Олег, – запрет в хлеву, где-нибудь на берегу холодного синего фьорда, и будешь ты зимой мечтать о теплом Константинополе...»

Белокурая бестия согласился с ценой и сверху вниз глянул на злоющего византийца.

Византиец аж подпрыгнул и тут же надбавил. Уступить норманну-язычнику?! Ни за что!

Страх и отчаяние переливались в Олеге, угнетая рассудок и травя душу. Стать чужой вещью, живым имуществом – ну, как это?! Лишиться всех прав... Жить на положении дитяти. Это неверно – думать, будто «раб» от слова «работа». От «ребенка» – так будет правильно. Трэля кормят и одевают – как ребенка. Он ни за что не отвечает – как ребенок. Дожил!

Хотелось спрятаться, укрыться, забиться поглубже куда-нибудь, чтоб не видеть, не слышать, не понимать сегодняшнего позора и завтрашнего кошмара. Бежать! Куда?! Они, может, только и ждут, когда ты бросишься тикать! Тут-то и начнется потеха... Сафари на раба. Погонять по лесу беглого, затравить его, науськать здешних псов... И приволочь обратно. И нацепить ошейник на шею.

Ромей заверещал, бледнея, еще пуще задирая цену. Его дородный брат или сват обеспокоенно затеребил за складку плаща: окстись, мол! Ромей только оскалился.

Вдруг толпу перекричал знакомый голос, и Олег чуть не расчувствовался, узнав запыхавшийся тенорок Вольгаста тиуна.

– Продано! – понял Олег без перевода радостный возглас Крута. А хольд поклонился в сторону крепости, приветствуя конунга.

Олег повернул голову и увидел рослого пожилого человека в богатом плаще-корзне, типа мантии на русский манер. «Улеб! Улеб конунг!» – пронеслось по толпе. Рядом с Улебом конунгом стояла девушка в шелковой рубаше, щедро расшитой узорами по подолу и вороту. Девушка куталась в шаль, заколотую брошкой-сёлье, и смотрела на Олега – с немым вопросом и тайным интересом. Сказать же, что она была красива – значит ничего не сказать...

Конунг спокойно ответил хольду. Прищулив глаза, он осмотрел Олега, вскользь, не

²⁷ Эргастерий – мастерская.

пытая взглядом, и сунул Круту кошель с серебром.

Крут поблагодарил, довольно взвешивая в руке всеобщий эквивалент, и ввинтился в толпу.

– И меня, и меня! – заголосил Пончик, бросаясь на колени. – Лекарь я! Целитель! О всех хворях ведаю! – верещал врач. – Паки, понеже...

Тиун сказал что-то вполголоса Улебу конунгу. Тот пожал плечами – где один, там и двое... Пригодятся в хозяйстве.

2

Алаборг

Олег сидел у борта лодьи и глядел на просторы Ладожского озера. Если не смотреть в сторону волховского устья, то кажется, одна вода кругом. Море. Окиян. Гладкая поверхность Ладоги отражала безмятежную лазурь – начало июня, самое тихое время. Ветерки засвистят к середине лета, зашершавят голубое зеркало, замутят блеск...

– Алаборг... – пробормотал Пончик и поерзал. – Это где такой?

– Я доктор? – буркнул Олег. – Я знаю? Не бойсь, «покупка», не заблудимся... Доведут, куда надо.

Пончик глубоко и тоскливо вздохнул. В «столице» новые рабы негодились, и Вольгаст тиун потащил Олега с Пончиком в Алаборг – Нижний город. Поставлен был град сей рядышком со Свирью, которую здесь называли Сувар, в устье реки Паши, на берегу уютной бухточки за мысом Волчий Нос. Пока лодья дошла, успело стемнеть, и на берег выбирались в потемках. Черный силуэт алаборгской крепости четко выделялся на фоне багряневшего заката. Олег хмуро любовался и тем и другим и побрел, куда велено. Пончик тащился следом, причитая.

Имение конунга, куда их определили, располагалось за городом. Надо было, оставляя крепость по левую руку, пройти оба конца Алаборга – Варяжский и Готский – и шагать вдоль Паши по наезженной дороге до святилища Перуна на высоком холме. Суровое изваяние бога грозы и войны рельефно подсвечивали восемь вечных костров. Дорога огибала святое место и выводила прямо к воротам имения-дворища. Из-за частокола-забрала выглядывала крыша высокого терема, этажа в два. К терему примыкала огромная дружинная изба-казарма, к ней – гридница. Хоромы цеплялись друг за друга, а позади еще «длинный» дом построен был, со многими дверьми и покоями – для семейных. Рядом – женский дом, на берегу – корабельные сараи-наусты, повыше – барак для рабов, клети, поварни, ключница на столбах...

– Я так понимаю, – сказал Олег, – что тут у Улеба конунга личное подсобное хозяйство...

– Угу... – тоскливо вздохнул Пончик.

– Ничего, – буркнул Олег. – Как-нибудь выкрутимся...

Покуда его вели по берегу Паши (слева речка журчит, справа лес шумит), Олег повеселел даже, надежды неясные зацвели. Ну трэль, ну и что теперь? Головой о стенку биться? Биться раньше надо было, и не головой... Хотя, что толку? Ну ущучил бы он Крута, и что? Машина времени появилась бы? До родного бы веку подбросила?!

А только миновали крепкие дубовые ворота имения – тоска еще пуще навалилась. Все вокруг злое, опасное, неприятное и неудобное... Чужое. Совершенно не сочетаемое с Олеговыми помыслами и хотениями. Здесь так: хочешь работать? Вкалывай! Не хочешь? Вкалывай! А не то худо будет! И с Олегом цацкаться тоже никто не собирается – это ему, Олегу, надо приспособливаться к новому старому миру, применяться к обстоятельствам и терпеть.

Вольгаст тиун подозвал их и повел к барaku для трэлей. Единственная дверь барака была открыта, и из нее несло. Олег, ведомый тиуном, миновал влазню и оказался в халле, то бишь зале «длинного» дома. Два ряда вильчатых столбов поддерживали крышу, а вдоль стен тянулись лавки. В боковые пазы столбов на ночь вставлялись скамьевые доски – на них и почивали трэли. Немудреный интерьер едва просматривался в свете двух догорающих очагов-лангиллов. Северный вариант.

Поворчав для порядку, Вольгаст вытащил истертые, покрытые неглубокой резьбой спальные доски и сунул в пазы по обе стороны от одного столба, другими концами оперев о лавки. Достал с полки овчинные одеяла, сделав немудреный жест: ложитесь! И ушел.

Олег сел на доску и сгорбился. Скоро он так прорастет в тутошнюю реальность, что с трудом поверить сможет в олигархов и скинхедов, в Су-35 и «Клипер»... В маму с папой. В соседку Наташку, которой он платонически спинку тер в бане на даче и сам не заметил, как овладел... Хороший у них тогда вечер получился. И целая ночь. И утро...

Глаза у Олега обожгло слезами. Он вздохнул и промокнул глаза рукавом. Не надо было возвращаться в прошедшее, плохая это примета... А возвращаться в будущее – к добру?.. Прислушавшись, он уловил всхлипы – Пончику было худо. Олег встал и пересел к товарищу. Пончик зажимал лицо руками, раскачивался и тихо поскуливал.

– Господи, господи... – шептал он. – За что? Ну что я такого сделал? Почему я здесь? Я не хочу! Не! Хо! Чу-у!

– Сашка, – одернул его Олег, – хватит нюнить!

– Олег! – трагическим голосом сказал Пончик. – Это же на всю жизнь, я не смогу так! Тут полно микробов, и они по мне ползают – во-от такенные! Я первый раз в жизни ложусь не умытым... А как этим можно укрываться? – Пончик с отвращением, двумя пальцами, приподнял за край заскорузлую овчину. – Меня уже тошнит! Вот, вот, поползло что-то, кусается!

– Да это клоп, наверное...

– А-а! – Пончик стал остервенелю чесаться. – Септическое все! Грязь, грязь...

– Ничего, Пончик, – утешал Олег, – а мы – из грязи, да в князи! А?!

– Микробы... – стenal Пончик. – Зараза...

Пончик был невменяем.

Из глубины халле долетел грубый голос – надо полагать, требуя тишины и спокойствия. «Все – спать!» Олег снял мягкие сапоги, смахивавшие на мокасины краснокожих братьев, положил их под скамью и лег. Хотя вряд ли удастся заснуть... Лежа, он невольно слушал многоголосый храп, скрип досок, сонное ворочанье, далекие окрики часовых и незаметно уснул.

Ему приснилась та девушка, что стояла рядом с конунгом. Дочь она ему или кто?.. Девушка была в одной маечке – до пупа – и звонко смеялась, убирая волосы с глаз... Красивая дочь у гардского конунга, глаз не отвесть. Невеста. Заливается смехом беззвучным – глаза сощурены, зубки белые дужками Жемчужовыми сверкают... Ишь ты ее – распустила черны волосы, да по белым плечам...

Олег вздрогнул и открыл глаза. Разбудила его азартная хрипая брань. Спросонья Сухов решил было, что он на отцовой даче, а под окнами опять стали табором самодеятельные артисты из театра «Аполло» – народец неумеренно болтливый, среднеодаренный, но корчащий из себя Фаин Раневских и Лоуренсов Оливье. Но, открыв глаза, Олег убедился, что до шести соток семейства Суховых тыща с чем-то лет. Кто-то сипло ревел, а другой голос, визгливый и неестественно твердый, бубнил. Потом вступил третий голос, обращаясь к некоему Ошкую.

Олег сел и протер глаза. Земляной пол холодил даже сквозь заскорузлые носки. Олег зевнул, нагнулся и пошарил рукой под доской. Сунул другую. Свесился посмотреть, куда задевались сапоги. Сапог не было. Под скамьеvой доской сидел лишь роскошный кот – белый весь, с рыжим пятном у хвоста. Олег почесал его за ухом. Кот мурлыкнул, выгнул спину и стал точить когти о столб. Так, подумал Олег с тяжеловатостью, упущение.

Недобдил.

Он разогнулся... и увидел свою обувку. Точно, его – вон и пятно на левом... Нашлись! Только с нагрузкой. Б его сапожки были обуты лапы краснощекого богатыря с мышцами. Ошкуя. А похож... Сам шкафа двухдверного шире, и повадки медвежьей. Глазки махонькие, красные, злые – ну зверь зверем. Глумливо усмехаясь, Ошкуй участливо спросил Олега, видимо интересуясь, не потерял ли тот чего. Олег лениво улыбнулся и прошел мимо, к двери. Он решил не торопиться. Один раз уже поспешил, хватит... Стянув хабэшные носки, он сунул их в заглазник.

– А-а-а! – разнесся по халле вопль.

Олег резко обернулся. Всплеснул Пончик. Он стоял босиком, дико оглядывался и заходился криком.

– Это не сон! – кричал Пончик. – Это взаправду! Ущипните меня!

Здоровый трель щипаться не стал. Он отвесил медику увесистую затрещину: «Че орешь?!» Медик обыскал глазами свой материализовавшийся кошмар, нашарил в нем Олега и бросился к товарищу:

– Олег, это девятый век! И те варяги – они тоже были настоящими... Ай! – Он гадливо дернул рукой. – Гляди – ползет! Я же говорил, они тут здоровенные.

– Это блоха, – успокоил Пончика Олег. – Или вошь.

Пончик содрогнулся от омерзения.

– Антисанитария! – выдохнул он. – Грязь везде... О-о!

Во дворе заколотили по билу.

– Пошли, Пончик, – вздохнул Олег. – Нас кушать зовут...

Он вышел во двор и умылся из большой деревянной бочки. За неимением полотенца утерся рукавом. Пончик тоже подошел к бочке, увидел плававших в воде головастика, отшатнулся и присел к длинному столу под навесом, стараясь ничего не трогать руками.

А на столе томилась в горшках толокняная каша, заправленная жареным на сале луком... «Не судачок „орли“, но есть можно, – подумал Олег. – А проблемы будем решать на десерт...»

Вот тут он ошибся. Когда дебелая повариха щедро плюхнула каши деревянным черпаком в его шершавую, малость неровную глиняную миску, напротив, через стол, устроился Ошкуй. Гнусно подмигнув Олегу, зажал в кулаке резанную из клена ложку – и пошел наяривать. Олег едва притронулся к каше, а тот уже умолот свою порцию и нагло потянулся за Олевой. Добавки захотелось!

Тут уж терпение Олега лопнуло. Вся злая муть, почти осевшая за ночь, всколыхнулась в нем. Все унижения вчерашние припомнились, весь нерастратенный гнев. Чудовищным усилием воли Олег погасил в себе ярость, доведшую его до белого каления, и та перешла в холодную фазу, расчетливую и жестокую.

Он привстал, что можно было принять за угодливость, и сам подвинул свою миску Ошкую. А когда тот с ухмылкой перевел взгляд на «добавку», Олег ухватил Ошкую за нечесанные патлы и резко приложил мордой об стол. Миска раскололась. Ошкуй взревел, подскочил, растирая по физиономии кашу и кровь. Трели тоже слетели с мест – растерянные, испуганные, азартные. Не поняв толком суть происшедшего, они ждали расправы над новичком, предвкушали зрелище, тем паче что «хлеб» уже был умят. Пончик был в ужасе – сжался весь, побледнел, как нервная дамочка, узревшая мышь.

Ошкуй в слепом полете запрыгал к бочке. Глухо рыча, он смыл с лица разваренное толокно и кровавую юшку, наспех промокнул щеки рукавами и повернулся к Олегу. На толстых устах его змеилась нехорошая усмешка. Будто на дыбы вставший медведь-шатун, он злобно хрюкнул и выбросил здоровенный кулачище, метя новичку в голову. И угодил в пустоту. Новичок же ушел с линии атаки, спасая вместилище для мозга, и врезал локтем в спину Ошкую. Метил Олег в почки, да, видать, не попал. Крякнув, Ошкуй прыгнул влево и заработал короткий удар локтем снизу вверх в подбородок. Амбалу только и хватило, что заметить ледяной взгляд синих, с прищуром, глаз, и тут же в голове у него полыхнули

перуны. Трэля отбросило к стене барака и припечатало о бревна. Другой бы на его месте свалился замертво, но в дюжем организме Ошкуя резерву хватало. Он рухнул на колени, затем на четвереньки, помотал стриженной головой и тяжело поднялся. И кинулся молотить новичка кулаками, как вальками лен. Но вот беда – зря тратилась мощь телесная и злоба сердечная. Редко достигали кулачища верткого новичка, месили бестолково воздух, и все.

А Олег совсем в норму пришел. Утоля обиды, он более не испытывал жажды убивать и даже поражался уголком сознания, что подобное желание вообще в нем возникло. Олег решил, что пора заканчивать, и уже отшагнул назад, но тут его вызвали на «бис». С криками и воплями на Олега бросились еще четверо или пятеро трэлей, откормленных на хозяйских харчах. Вторая серия!

...Этого, с пшеничного цвета бородкой и докрасна загоревшими лопухастыми ушами, успокоим ребром ладони под нос – раз! Слезы и кровь у трэля брызнули одновременно. Костяшками пальцев в кадык – два! – и пяткой ладони в подбородок – три! Отдыхай, ушлятый...

– Ы-ы-ы! – рычал бородатый мужик в штопаной-перештопаной рубахе.

– О-ох...

– А-а-а!..

– У-у-у...

«Бороде» влепим кулаком в ухо. Очень способствует...

– И-эх... – тужился черненький, рябой, с волосатыми ушами. Уложим тебя, друг ситный, ногой по яйцам. Охолопись, длиннопятый...

О, сразу двое... От тычка в ухо в голове Олеговой звон пошел. Хороший удар по корпусу чуть было не уложил его, а от хука правой Олег «поплыл». Упав, он нащупал палку от исшарканной метлы и кинулся в бой, орудуя ею, как катаной. «Бороде» он перебил руку в запястье, рябому заехал концом палки в солнечное сплетение, а тут и Ошкой подскочил, от души замахиваясь. Пончик подлетел, держа обеими руками кринку из-под молока, и обрушил ее богатырю на голову – только осколки брызнули. Ошкой шлепнулся на монументальный зад. Олег уткнул ему палку в горло, под страдальчески кривящуюся рожу, надавил и держал так, пока не вернул свою обувку.

– Спасибо... Пончик, – выговорил он, отпыхиваясь.

Тут как плетью ударил хозяйский голос. Вольгаст тиун вышел из-за угла и сурово насупил брови. Послушно опустились руки, разжались кулаки, поникли головы. В глазах рабов трусливо попритухли воинственные огоньки. «Строиться!» – сделал тиун жест, понятный без долгого перевода.

Трэли поспешно выстроились у стены барака. К Пончику вдруг подошла красивая рабыня-тир, оглядела сурово и увела. Тот, было, подергался, вяло сопротивляясь, – бесполезно. Утащила.

Вольгаст тиун вытащил бересту, исписанную рунами – «чертами и резами», – и стал зачитывать тонким, но сильным голосом. Олегу эта сцена живо напомнила кадры из «Операции „Ы"», где милиционер оглашал весь список работ для «хулиганов, алкоголиков-тунеядцев». Правда, в яви было не так смешно...

Человек двадцать трэлей – с ними и Олега – построили и повели со двора. Следом за рабсилой тронулась телега, груженная орудиями труда – топорами, молотками, колотушками, теслами, скобелями, коловоротами, стамесками... Под конвоем двух скучавших гридней колонна потопала берегом Паши. Мимо кузни, откуда тянуло запахом угля и горячего металла, мимо огромного корабельного сарая-науста, мимо идола, искусно вырезанного из дерева, мимо остова будущей лодьи с частыми, изящно гнутыми шпангоутами. Это мерное движение в строю напомнило Олегу виденное в каком-то фильме: энкавэдэшники гонят зэка по этапу.

Шли долго, лес делался все глуше, а деревья будто соревновались между собой, какое выше вырастет, – стволы в три-четыре обхвата поднимали кроны к облакам.

Вольгаст тиун завел трэлей в самые дебри и указал на ствол ясеня, отмеченный

крестом. Трэли покричали, разбираясь, кому первому рубить, и вытолкнули двух дюжих мужиков, кряжистых и длинноруких. Подхватив топоры, парочка подошла к ясеню и глянула вверх. Олег посмотрел туда же. Дерево с метр в поперечнике уходило в вышину круглым обелиском. Выросший в густом лесу, яшень весь свой срок тянулся к свету, почему и не имел нижних ветвей – добрые из него доски выйдут, крепкие!

Вольгаст тиун погладил ствол, бормоча непонятные молитвы, потом отошел в сторонку и положил на плоский камень горбушку хлеба со шматом сала. Олег сглотнул. Увы, угощение было не ему, а древесной душе, чтобы ей не так обидно было, когда срубят яшень...

Тиун отдал команду, и кряжистые взмахнули топорами. В ком-то из трэлей проснулась совесть, и вышел третий лесоруб. Частый стук пошел гулять по лесу. В шесть крепких рук рубили стройный яшень.

Один из кряжистых вскоре отошел, отдуваясь и утирая пот, и его топором завладел Олег. Желающих поработать не было, но тиун строго следил, чтобы очередь никого не миновала.

И вот, наконец, древесина издала глухой треск, яшень повело к северу. Все дружно загомонили, упираясь в ствол руками и клоня его в противоположную сторону. Север – это холод и прочие несчастья, нельзя, чтобы дерево ухнуло верхушкой на полночь! Кто ж тогда доверится доскам из ясеня, отягощенным злом?!

Боги помогли – дунул ветер, листья зашумели, и дерево откачнулось к югу, стало клониться (звонко лопались последние волокна), и вот наклон лесного великана перешел в падение. Сшибая сучья и ветки с соседних деревьев, яшень рухнул, давя подлесок. Трэли отскочили, спасаясь от подпрыгнувшего комля, и заорали, разбирая топоры, – настал черед рубить верхушку и прочие выступающие части.

Олега Вольгаст тиун приставил ошкуривать бревно, обдирать кору с влажного и скользкого ствола. «Стахановец, блин, – думал Олег урывками, – гвардеец пятилетки! Чего ради я тут корячусь? Почетной грамоты от конунга добиваюсь?..»

Мысли его перебил треск веток. Наскоро утерев потное лицо, Олег обернулся. Нет, это был не медведь. По прямой, через кусты, обирая с себя паутину, брел Пончик с пустым берестяным коробом. Лицо у него было разнесчастное.

– Что еще не слава богу? – проворчал Олег.

– Ой, ты не представляешь даже, какой это был позор! – запричитал Пончик. – Угу... Та девушка числится здешней лекаркой, травницей и ведуньей... Угу... Чара – так зовут ее...

– Ну? – подбодрил его Олег.

– Ну, привела она меня в сарай какой-то, там везде травы развешаны, и называет их – внятно так, четко, чтобы я понял: одолень-травка, пух-травка, зверобой, любистра, чистотел... Угу... И показывает – любистры два пучка, чистотелу одного хватит... Господи, да я ж первый раз в жизни эти травы видел... Я и знать не знал, что есть такие! С шиповника они только плоды берут, ягоды малины сушат, с другого растения одни цветочки собирают, кору какую-то снимают... Жир медвежий, жир барсучий, струя бобровая... Угу... Вместо снотворного – маковый отвар... А знаешь, где они антибиотики берут? Плесень с масла соскабливают! Господи! – с отчаянием сказал Пончик. – А я ж ничего этого не знаю... Совершенно! Вон, Толстой писал, как дамы из высшего общества щипали мох-корпию, у него вроде как антисептическое действие... А как я его найду? Ну откуда я знаю, как эта корпия выглядит? Вот, – вздохнул Пончик, приподнимая короб, – усала меня в лес, крапиву собирать. Ее-то я узнаю сразу...

– Ничего, Пончик, – вздохнул Олег, – освоимся...

Тяжко вздыхая, Пончик убрел в заросли.

– Смотри не заблудись! – крикнул ему вослед Олег.

– Ладно... – донеслось из-за деревьев.

День был жаркий, в лесу парило, и Олег быстро взопрел. Скинув рубаху, пока не провоняла, он набросил ее на сук... и застеснялся своего белого, сытенького тела. Мышцы

вроде имеются, но обросли жирком, а там, где полагалось быть прессу, набрякли две складки... Олег ругнулся про себя и бросил взгляд на гридней-конвоиров. Те тоже поскидывали лишние одежды и щеголяли сухим рельефом. Узкие бедра и широкие плечи – истинно мужские фигуры! Хоть сейчас в стриптизеры...

А гридни, изрядно заскучавшие, вырубали себе по увесистой палице и тешились, фехтуя. Олег зачарованно следил, как чертятся мгновенные дуги, как череда ударов и отбивов сливается в размытое мельтешение. И уже лучше понимал, почему трэли с топорами не глядят в сторону воинов, а о том, чтобы замахнуться, даже не думают. Любой из гридней был способен расправиться со всей «бригадой» – уложит каждого по очереди и даже не запыхается...

Из унылых дум его вырвал невежливый тычок. Олег обернулся и увидел одного из кряжистых, кажется, Фарлофа. Трэль протягивал ему кувалдочку – дескать, смени, притомился я. В глазах Фарлофа светился тревожный огонечек, но Олег «выступить» не стал, кивнул только и принял молот.

Откатив в сторонку бревно метров пяти или шести в длину, трэли взялись разделять его на доски – вбивали клинья по касательной и кололи. Олег принялся охаживать клинья. Оглушительный стук переполнил лес и поднял в небо стаю всполошенных птиц. А бревно затрещало протяжно, да и распалось на две половинки. И опять надо было вбивать клинья, раскалывая ствол на четвертинки, на осьмушки... Пот с Олега не капал – стекал жгучими струйками, зато аккуратным штабелем возлегли два десятка неровных досок. Остругают их топорами, выгладят теслами да скобелями и сладят крепкую обшивку для лодьи. Проложат швы смоленным волосяным шнуром, сплотят стальными заклепками, прошьют моченым еловым корнем, и никакие шторма не будут страшны кораблю! Ударит волна в борт – только гул пойдет!

Трэли неожиданно загалдели – услышали стуки и грюки горшков, подвозимых на телеге. Обед!

Олег бросил молот на громадный пень и потряс натруженными руками, распрямил спину. Ох и умотал его рабский труд... Если тут и кормежка такая, что пса стошнит, значит, надо мотать отсюда!

Трэли, отбывавшие «наряд на кухне», протащили через заросли пару носилок с горшками и плошками, а толстая повариха волокла здоровый жбан квасу.

Горшок, врученный Олегу, был горяч, а уж запах, щекотавший ноздри, явно исходил не от баланды или иного хлеба. Сухов колупнул варево... Мясо! Разваристое мясо, с подливкой, с кореньями, с травками душистыми... Лучок угадывается... И бобы! «Эге! – подумал Олег весело. – Да на таких кормах, с такой-то работенкой, я тут быстро мускулюсы накачаю!» Мясо с бобами он умял и потом долго цедил квасок из щербатой кружки. Хорошо!

Трэли разбрелись, разлеглись на травке. Гридни, откушав вместе с трэлями, уселись под сосной играть в тавлеи. Повариха, собрав посуду, убрела, и слышно было, как гремят в отдалении пустые горшки.

Олег лежал и наслаждался. Правда, недолго. Вредная натура толкала разомлевший организм на подвиги, дух бунтовал. «Что, так и будешь в трэлях числиться? – спросил себя Олег. – План перевыполнять, да? В ударники феодального труда выбиваться?» Сцепив зубы, он сел. Потом встал. Нашел подходящую жердину и выстругал себе боккен – деревянный меч. С таким тренировался сам Миямото Мусаси,²⁸ а уж ему сами боги велели. И, вдобавок, сделаем ясеневую катану тяжелей обычного – хорошее упражнение для руки! Он не нанимался всю жизнь холопствовать! Конунгу бы послужить, в дружине его... Да кто ж такое чмо в строй поставит?!

Олег отошел за купу елочек, стараясь не оглядываться на гридней, – вдруг подумают,

²⁸ *Миямото Мусаси* – великий японский фехтовальщик.

что это попытка к бегству? Выйдя на крошечную полянку, Олег остановился. Вздыхнул – руки ныли – и начал. Сунув боккен за ремень, он расслабился.

Ему никогда не победить варяга или викинга в бою. Таких, как он, потребуется дюжина, чтобы сладить с одним «тигром моря»! И сколько бы он ни тренировался, ему никогда не достичь совершенства, никогда не сравняться со здешними мастерами меча! Надо было с малолетства овладевать искусством боя, как это делают в Гардарике и в далекой стране Ямато. Так что же, все зря?

Олег медленно вдохнул и потянул боккен на выдохе. Есть только один способ преуспеть в этом мире – стать быстрее! Иайдо – так называется искусство мгновенно обнажать меч и тут же наносить удар. Как на Диком Западе! Ведь, когда двое ковбоев-ганфайтеров сходились в поединке, побеждал не тот, кто лучше стрелял, а выхвативший кольт первым! И моментально жавший на курок. Иайдо... Говорят, первым искусником стал самурай, желавший отомстить более опытному воину. Вот и ему надо научиться выхватывать меч раньше, чем его противник коснется рукояти своего клинка! Опережать врага на долю секунды и разить без промаха. Просто не давать противнику времени победить! Если же он промешкает, его убьют.

Олег выхватил деревянный меч, как только мог быстро, перебарывая истомленные мышцы. Боккен описал дугу и со свистом рассек воздух по вертикали. Медленно, тролль тебя дери, медленно! Нормальный самурай наносил по три полновесных вертикальных удара в секунду!

Олег выбрал «врагом» пушистенькую елочку и нанес ей подрезающий удар с обходом вокруг. Перехватился на обратный хват и вонзил боккен в сгущенье хвои. Прошелся, ступая коротким приставным шагом, обрушивая меч на бедное хвойное дерево, едва нога касалась земли. Европейским мечом так не ударить – тот же варяг или викинг бьет с «проносом», клинок тащит руку за собой, накопив инерцию. А с катаной иначе – тут рука ведет меч, и лезвие останавливается там, где хочет воин. Если же удар не пришелся в цель, тут же наносится следующий.

Сухов, задыхаясь, сунул боккен за ремень. Развернулся, выхватил меч, рубанул... И только потом заметил стоявшего на краю поляны верховного правителя Гардарики, Улеба конунга. Конунг стоял, сложив руки на груди, и смотрел с изумлением на странного трэля. Олег уставился на конунга, не отводя глаз, бурно дыша, чувствуя, как щекочуще стекают капли, как оттягивает руки деревянный меч.

Конунг ничего не сказал, не усмехнулся даже. Повернулся и ушел. А Олег обтер мокрое лицо ладонью и пошел доканывать елку.

Глава 5

1

Наступила зима. Весь Альдейгьюборг копотел дымами. Лодьи переселились в наусты и грезили о далеких теплых морях, воды которых не знают льдов.

А после Йоля²⁹ свету стало прибавляться с каждым новым днем. Солнце начало пригревать, снега рыхтели и таяли, затокала капель, затрещали льдины и тронулись, с грохотом и скрежетом поползли по течению Олкоги, сплавляясь в холодное Нево. Вернулись птицы, проснулась трава, полезла из парящей земли, радуя глаз первой зеленью. Вешние воды слились, леса буйно зазеленели, зацвели, запахли. Подступило лето 859-е по Рождеству Христову...

Для Олега с Пончиком год не тянулся скучной чередой дней, он пролетел мимо скорым

²⁹ Йоля – праздник, отмечающийся в самую длинную ночь, на 23 декабря.

поездом, только окна мельтешили. Работы навалилось – успевай поворачиваться! Пончик рьяно постигал науку «травологию», все пуще томясь по гладкому и гибкому телу Чары, в которую втюрился, как юныш. А Олег заматерел – жирок спустил, мясом зарос. Еще бы! Сколько лесу повалено да на доски распущено! А зимой березу рубили, дуб и ольху – на дрова. Чем не бодибилдинг? Больше Олега не задевали – трэли чуяли исходившую от него опасность. Олег шагом ступал скользящим, пружинящим, как котяра. В движениях проявились точность и мера. Да и то сказать – десятки деревянных мечей изнахратил за минувший год. А потопчись-ка каждый божий день с боккеном, по капельке, по бисеринке прирастая умением! Ползешь, как та улитка по склону Фудзи – вверх, вверх, до самых высот! Но толк был.

А в начале лета Олега «перевели» в Альдейгьюборг и приставили молотобойцем к кузнецу Веремуду, сыну Труана.

– Выкуешь меч моему хольду, – распорядился Улеб конунг, протягивая пустые ножны. – Харалужного с тебя не требую, но чтоб добрый клинок был!

– Понял, конунг, – поклонился Веремуд, плотно сбитый, налитой здоровьем мужик. Ножны он сунул под мышку.

– Лады. Олег тебе с ковадлом поможет...

Кузнец молча поклонился, не особо, впрочем, прогибаясь, и повел Олега за собой. Вольгаст тиун двинулся следом.

– Ты уж расстарайся, – ворчал он по дороге. – Проверяет тебя конунг, разумеешь? Знать хочет, что за руки у тебя... Вдруг да не оттуда растут?

Веремуд кивал только. Кузня обнаружилась за городом, за большим подворьем Улеба конунга, зовомым Бравлинсхов – двор Бравлина. Идти было далеко – чащоба поглощала дворовые стуки, а гогот сотен рабов и свободных работников заглушался пением лесных птиц. К лучшему, подумал Олег. Устал он от коллектива.

Кузня была совсем новой – толстые, не тронутые дождями бревна отдавали изжелта-белым. Из открытых настежь дверей доносилось звяканье и бурчание: «Навалят всего, навалят... бур-бур-бур... ищи потом... бур-бур-бур... Ну вот, кто сюда поклал?!»

– Это ты, Валит? – позвал Веремуд.

– Я...

Из кузни вышел мрачного вида юнец. Был он в лаптях и онучах поверх портков с заплатами на коленях. Рубахи на нем не было, только оберег в виде молоточка свисал с кадыкастой шеи и болтался на тощей груди. На лицо юнец тоже красавцем не был – скуласт, ушаст, носат. Серые глаза из-под белой челки глядели угрюмо и колюче – только тронь!

– Подмастерье мой, – сказал Веремуд, обращаясь к Олегу, – Валитом звать.

– Валит, сын Ниэры из рода Лося! – звонко отчеканил помощник.

Олег счел за лучшее улыбки не показывать и отрекомендовался:

– Олег, сын Романа.

Валит кивнул довольно безразлично – очень надо, мол, со всякими трэлями знаться. Мы и сами из таковских и носы не дерем-с...

– Ты про меч не забудь... – проворчал тиун, собираясь уходить.

– Я помню, – сказал Веремуд терпеливо.

– И вот еще что... – Тиун замялся, взглядывая на Олега, покопался в бороде, но все же договорил: – Смотри, в бега не подайся. Гридни – это тебе не трэли, не отмахнешься... Им – забава, тебе – погибель. Понял меня?

– Понял, – буркнул Олег.

– Вот и хорошо, что понял...

Валит с любопытством посмотрел на Олега, но ничего не сказал. Вот, характерец...

– Ты... этот... ингрикот? – спросил Олег, лишь бы спросить. – Ижор то есть?

– Я карел! – отчеканил Валит.

– Ну и что ты на меня вызверился? – сказал Олег с внезапным раздражением. –

Спросить уже нельзя?

– Почему нельзя... – увял Валит. – Можно...

– Ты не обижайся, если чего ляпну, – помягчел Олег. – Я тут получужой, обычаев ваших не знаю... Уразумел?

– Уразумел! – приободрился Валит и улыбнулся краешком губ. – А что за меч? – спросил он Веремуда. – Тиун говорил...

– Конунг наш заказал... – пробурчал кузнец. – Меч, говорит, надобен. Вынь да положи ему меч. А из чего я его сделаю? Ты не смотрел – железки тут есть какие-нибудь? Прутки, там, проволока, поковки?

– Здесь-то пусто. Может, на старой кузне пошукать?

– Ну, пошли пошукаем...

Старая кузня на берегу мелкого прудика не сгорела, как думал Олег, просто старая была – нижние венцы сгнили совсем, крыша на одном честном слове держалась. Но заготовок Веремуд нашел в достатке – и прутки сыскались, и полоски кованые, и даже два ржавых стилета с обломанными остриями. Как их только не сперли...

– Значит, так, – решил Веремуд. – Ты, Олег, молотом машешь, ты – меха качаешь. И чтобы не ругались! А то железо всю злобу впитает и худым выйдет!

Вернувшись, запалили горн. Валит качал сипящие мехи, а Олег принаравливался к тяжелому молоту-ковадлу.

Веремуд выбрал железные и стальные полосы и прутья, поскручивал через один, разогрел и много раз проковал на наковальне, вбитой, будто в станину, в подковку – громадную, неподъемную колоду. Лязгал молот, бухало ковадло, сыпали искры. И снова Веремуд складывал плетеную заготовку, перекручивал в штопор, собирал гармошкой, резал вдоль, опять скручивал и проковывал, проковывал, проковывал...

Валит тоже участвовал в технологическом процессе – жилился, качал сипящие мехи да нутужно бормотал молитвы и заговоры. И, видать, помогало! Плющилась покорно плетенка под ударами молота, ворочалась, сжатая клещами, огрызалась окалиной, но все более и более обретала форму меча.

Пополудни, отковав клинок начерно, Веремуд вытянул рукоять, выстругал дол – срединный желоб на лезвии, облегчавший меч, и доделал, что попроще, – набалдашник, перекрестье. Вбил в горячее лезвие инкрустацию проволокой: «Веремуд» и отполировал голомень – плоскую сторону меча. После травления на темно-сером фоне клинка проступил узор «елочкой».

– Харалуг! – выдохнул Валит.

– Дамаск, – поправил Веремуд самокритично. Он покачал меч в руках – пахнущее жженым углем холодное оружие. Едва ли не в метр длиной, меч чуток сужался к острию. А дол словно подчеркивал грозную убойную силу клинка. Не хухры-мухры!

– Слышь, дай попробовать! – не удержался Олег.

Веремуд удивился, но теплый меч молотобойцу вручил. Олег приставил клинок череном к глазам и полюбовался прямизной отточенного лезвия. Хотя сейчас в бой! Нацепив пояс с ножнами, Олег вышел на воздух. Помахал мечом, примериваясь, и исполнил «бой с тенью». Валит в полном восторге следил, как губительная сталь сечет воздух, разрубая тень врага и с того, и с этого боку, спереди смахивая голову, разя косым ударом за спину.

Меч гудел, блистая на свету, а Валиту казалось, что не «солнечные котята» сигналят в траву, а лучи валились, словно спелые колосья, подрезанные серпом.

Олег резал пространство короткими дугами и упивался податливостью оружия и своею мерой владения им. Высверк. Мах. Высверк. Тень. Мах. Высверк. Меч завертелся пропеллером и замер, указуя в зенит. И сразу – звенящая тишь повисла в пропахшем хвоей и дымком воздухе. Но ненадолго.

За деревьями в стороне пруда вскрикнула девушка. В крике различались гнев и страх. Послышалось нутужное «Отстань!», перебитое звонким ударом. «Дерется еще! – воскликнул веселый баритон. – С-сучка!» Грянул хохот в две глотки.

Олег сунул меч в ножны и поспешил к пруду – нельзя Девочек обижать!

Ржали два гридня, шрамолицый и толстомясый, явно близняшки. Рожи сытые, довольные, плечи в обхват. Нет, не гридни это, подумал Олег. Скорее, просто охрана. А голос подавал рослый, сильный мужчина лет сорока. Кафтан из дорогого бархата обтягивал мощный торс, расшитые сапоги оставляли в мокром песке широкие следы. Чрезвычайно крупные черты лица, мясистый нос, мохнатые щеточки бровей а-ля Брежнев, похожий на утюг подбородок выдавали натуру жестокую и злобную. Он пытался завалить на травку стройную блондинку в простенькой рубаше, сильно оттопыренной грудями и западавшей в талии. Сорванная понева валялась под ракушечным кустом.

– Отстань! – яростно шипела блондинка и, заметив Олега, закричала: – Помоги!

Применив силу, мужик, соня и потя, повалил девушку на траву. Блондинка извернулась, согнула ноги и так пихнула насильника, что тот отлетел на пару шагов. Девушка вскочила, и Олег тут же встал между нею и мужиком.

– Отдай меч, пес смердящий! – приказал тот, не рискуя, однако, приближаться.

– Это Вадим, – услышал Олег шепот девушки, – ярл ильменский!

Олег заметил испуг в ее голосе и перекинул меч с руки на руку.

– Живо! – рявкнул ярл.

– А ты отними! – промурлыкал Олег.

Бодигарды переглянулись. Хозяин процедил: «Взять!» Шрамолицый картинно взялся за рукоять разукрашенного камнями меча византийской работы и двинулся рубить языкастого раба.

Олег подобрался, пошире развел ноги, медленно вдохнул и выдохнул. Сдаст он или не сдаст экзамен по иайдо?..

Он опустил ладонь на рукоятку Веремудова меча, и... Шрамолицый, щеривший мелкие белые зубки, не заметил даже, как противник выхватил меч. Просто сверкнула радужная дуга, и отточенное лезвие ощутимо приложилось к шее. Шрамолицый, не успевший и меч из ножен потянуть, замер, выпучивая глаза. Только двинешься, и клинок раскроит кожу, отворит вену...

– Медленно расстегни пояс, – проговорил Олег.

Шрамолицый судорожно сглотнул, и по шее у него стекла тонкая струйка крови. Он посерел. Дрожащими пальцами разъял застежку. Меч в ножнах вместе с поясом упал на землю.

– Пять шагов назад, – ледяным тоном приказал Олег.

Шрамолицый послушался, тараща круглые глаза, осветленные ужасом.

Вадим с горловым криком бросился на Сухова, со свистом обрушил на него клинок – отличный ромейский клинок, грозящий непокрытой головшке Олега... И тут же встрял третий меч, отбивая удар, – клинок ярла только ветерком достал Олегову щеку и со скрежетом отлетел. И снова на летел. И замер, пойманный в трех ладонях от потного лица Олега.

– Кончай, – сказал лениво знакомый голос.

Олег узнал Крута. Хольд стоял, подняв клинок. Вадим зарычал и рубанул ромейским мечом наискосок.

Увесистые лезвия ширкнули и сцепились коваными крестовинами – одна простенькая, выложенная серебром, а другая в виде двух золотых змеек со злыми глазками из рубинов. И вновь распались клинки. Однако ярл горазд рубиться!

Поединчики кружились по утопанной площадке. Удар. Отбив. И разукрашенный клинок со звоном, вертась и вихляясь, улетает в кусты. Крут молча указал дорогу:

– Уходи! Людям работать надо...

Но уже грузно топал Толстомясый с уродливым носом, и меч его покидал ножны.

– Пре-кра-тить! – прокаркал голос тиуна.

– А ну, брось меч! Ты, двойня! – добавил подрагивающий тенорок Валита. – Не то стрелу схлопочешь!

Валит стоял на тропе, сжимая тугой лук.
Его обошли Веремуд и трое молчаливых гридней. Блондинка незаметно ушла.
– Ваш раб напал на меня! – в бешенстве закричал ярл. Тиун строго глянул на Олега.
Строго, но не зло.
– На хрен ты мне сдался, нападать на тебя... – проворчал Олег, отворачивая голову.
Борода Крута зашевелилась улыбкой.
– Веремуд меч ковал, ну а я вынес поглядеть – по руке ли, а тут эти... К девчонке приставали... – пробурчал Олег и сглотнул пересохшим горлом. Тело его, напряженное до судорог, отмякало. Заполоснутый перестук сердца входил в обычный ритм. Пронесло...
– Это Рада была, – сообщил Валит, – дочка Ярунова! Она работает у нас!
– Да в мешок его, и в реку! – проорал Вадим.
Тиун нахмурился.
– Конунг волен в трэлях своих, – сказал он сдержанно, – но будь спокоен... ярл...
Олега мы накажем.
Ярл усы встопорщил, но сдержался.
– Ла-адно... – процедил он и широко зашагал прочь. Гридни расступились, пропуская его. – Мы еще встретимся... – пообещал Вадим, оборачиваясь, и бросил меч в ножны.
– В любое время, – улыбнулся Крут.
Шаги стихли, и Валит опустил лук. А тиун посмотрел на запаренного Олега, усмехнулся в бороду. Покачал головой и сказал:
– Твое счастье, трэль, что Вадима ярла конунг не жалует особо. А то было б тебе...
Всыпали бы плетей, да так, что спину новую пошел бы искать. Ну-ка...
Он протянул руки, и Олег вложил в них меч.
– Ха-арош!..
Тиун любовно провел пальцем по долу, щелкнул пальцем и, жмурясь, заслушал тонкий звон.
– Хорош, – повторил он и передал меч смуглолицему гридню с раскосыми глазами и жесткой черной гривой. – Оцени, Булан.
Булан положил меч на голову и пригнул. Отнял. Клинок распрямился, и сын степей одобрительно зацокал языком.
– Гляди, Олег, – проворчал Крут. – Вадим скользок, как глина после дождя, и подл, как хореk. Ярл будет мстить...
– А что он тут, вообще, делал? – спросил Олег.
– Дом у них тут, на Варяжской улице... – пробурчал тиун и зыркнул на Крута. – Может, Вадим и подл, и сварлив не по делу, но он – ярл!
Крут молча усмехнулся: понимаю, мол, твое положение – служба!
– А где Вадимово ярлство? – спросил Олег. – В Новгороде?
– В каком еще Новгороде? – удивился тиун. – В Гада-ре он сидит, у Ильмерь-озера. И все конунгом себя мнит... Веремуд! На-ка вот лучше, займись...
Тиун вытащил из сумки большую ржавую кольчугу.
– Великовата больно, – объяснил он заказ, – заузить надобно. Вот, мерку возьми...
Веремуд растянул шнурок с узелками по размеру и ухватил тяжелый ком скрипящих стальных колечек.
– Сделаем, – кивнул кузнец.
– Дозволь сперва на озеро сбегать, – попросился Олег, – взопрел я!
– Сбегай... – проворчал тиун, поворачиваясь к тропе, и добавил через плечо: – Но помни, что я тебе говорил!
– Я помню, – усмехнулся Олег. Он пошел в обход пруда, к старой кузне.
Запруженная стоячая вода хорошо прогревалась на солнышке, но был водоем сей мелок и заилен – больше испачкаешься, чем освежишься.
Душа Олегова и рассудок его, все мысли и все чувства понемногу приходили в равновесие с тишиной и красотой окрест. Вадим – прах, мелочь! Тут другое. Олег стоял на

самом пороге понимания русов здешних, готов и вендов, клявшихся секирой Перуна и молотом Сварога, нещадно рубивших неприятеля – и винившихся перед деревом за то, что употребят ствол для новой избы... Эти люди жили в мире с землей и небом, с солнцем, со всем космосом, ведали их жестокие законы и не преступали их, поелику были плоть от плоти мироздания и живой и мертвой материи его. А все их верования, подчас трогательные, иногда пугающие своим немилосердием, были всего лишь средством сохранить гармонию в себе и вовне. Рьяные попы не крестили пока Русь, прекрасную варварку, и не успели внушить еще населению этих лесов, полей и рек, что они – рабы Божии, венцы творения и цари природы, а посему все дозволено. Здешние народы не примеряли корон и мантий, они считали себя равней и зверю лесному, и дереву, и облакам, свету дневному и лунному. Они не покоряли природу – они были ею и жили с ней в ладу.

Олег вышел на берег озерца. Ветер стих, и зеркало вод отразило высоченные сосны, индиговое небо с ватой облаков и песчаную оторочку берегов. Вода была не теплой, но и не шибко студеной – в самый раз. Олег совлек с себя порты и, гол как сокол, нырнул в озерцо. Холод обжег кожу и нервы, водица смыла пот трудовой. Олег доплыл до того берега, развернулся, словно в бассейне на соревнованиях, и рванул обратно. Выйдя на берег, он растерся ладонями и стал, руки в боки, обсыхать на ветерке. «Какой лес все-таки...» – подумалось ему. Русская народная сказка. Тут дерево в обхват и за дерево не считается. Так, деревце... Представитель флоры. В его родном времени Ладога тоже вся «в лесах», но там почти все выпилено еще при Петре. А тут... Вон, дуб на опушке – чисто баобаба! Его и обойдешь-то не *сразу, не то что обхватишь*. Лет пятьсот тому дубу, если не больше. Во времена дерзкого набега Эрманариха это древо уже выше крыши зеленело, должно помнить нахальных готов. И русов, которые тем готам всыпали, чтоб не лезли, куда не просят...

В следующий момент все его мысли как ветром раздуло – Олег услышал плеск воды и нежный смешок. Не веря глазам, испытав взрывную радость, он увидел давешнюю блондинку, выходящую из воды, – голую и прекрасную. Бикини в эту пору еще не изобрели, да и комплексы христианские – чтоб срам прикрывать – пока не испортили духовного здоровья. Купались все попеременно, не разбирая полу и чину, и гимнофобией не страдали.

Девушка вышла на берег в двух шагах от Олега и завернулась в шаль, оглядывая молотобойца полунасмешливо-полувосхищенно и приводя его во все большее волнение. Рада...

– Спасибо тебе, – проговорила она. Словно хрустальный колокольчик прозвенел...

– Да не за что...

Девушка фыркнула и, перекинув волосы на грудь, принялась обжимать пряди.

– Как я посмотрю, – сказала она, лукаво косясь на Олега, – ты доволен жизнью?

– Жизнью?.. – переспросил Олег и пожал плечами. – Доволен, пожалуй... Мне только мое место в ней не нравится.

– А-а!.. – протянула девушка. Она растрясла волосы и откинула их за спину. – Значит, в трэлях тебе не по нраву? Это хорошо...

– Почему? – пробормотал Олег, не сводя глаз с подрагивающей груди девушки.

– Ну, что не ошиблась, – просто ответила Рада.

Олег отвел глаза от ее ножек, но никакие деревья, даже в десять обхватов, не могли удержать его взгляда. Зрачок вновь и вновь возвращался, скользя по гладким плечам, вприглядку оглаживая их, трогая зрением коленки, вскидываясь на хорошенькое личико – прелестный юный овал, где по-детски пухлые губки сочетались с умными синими глазищами. Сколько ей лет, интересно? Двадцать? Не, молода больно...

– Люди делятся на рабов и на кесарей. Знаешь про таких?

– Читал, – коротко сказал Олег. По его мысли, одурачивая, ослепительная красота Рады в данные, вялотекущие мгновения не вязалась, вразрез шла с любопытством.

– Ты умеешь читать?! – изумилась Рада. – Ну надо же... А, я не договорила. Ты меня слушаешь? Люди-рабы могут носить длинные волосы и жить во дворцах, но в душе оставаться стриженными трэлями. Слабы они потому что и трусливы. И лень вперед них

родилась. Таким хозяин потребен для полного счастья, чтобы думал за них, кормил и защищал от напастей. А вот люди-кесари, пусть даже они в навозе по колено, могут возвыситься, потому что они сильные и храбрые. Все хотят лучшей жизни, но только люди-кесари не ленятся ее добыть...

Рада посмотрела на Олега серьезно, склонив головку к плечу, будто не замечая даже, как действуют на него ее красы.

— А ты какой-то непонятный... — тихо проговорила Рада. — Станный... Будто в промежутке. Не трэль, не кесарь, а так... — и выпалила, не выдержав философического тона: — Ты думаешь выкупа тся или нет?!

— Обязательно! — вздрогнул Олег. — Сотню с чем-то дирхемов я уже насобирал... Ближе к зиме верну конунгу все до последнего даника!

— Посмотрим, посмотрим... — протянула Рада улыбочиво и добавила с некоей потаенной эмоцией: — Каждый трэль может стать свободным карлом, карл — выйти в ярлы, а ярлу прямая дорога в конунги. Но все почему-то обходят этот всход...

— Я стану карлом, — твердо сказал Олег. — И обязательно выйду в ярлы.

— Посмотрим, посмотрим... — заулыбалась Рада. — Олег ярл!

— Какая ж ты... — пробормотал Олег, не находя слов для выражения.

— Какая? — кокетливо, якобы не понимая, спросила девушка.

— Красавишна! Сил нет! Сколь лет тебе?

— Семнадцать зим... будет, — улыбнулась красавишна. — А тебе?

— Двадцать девять... осенью стукнет.

— Ага... Ну, пока... — И девушка помахала Олегу, перебирая пальчиками.

Он смотрел, глуповато улыбаясь, как покачиваются неприкрытые шалью загорелые ягодицы, как Рада ступает босыми ногами по тропинке, как оглядывается, и из-за гладкого плеча выступает шелом груди, как опускает взгляд и выгибает губки в очаровательной хулиганской улыбке. Олег посмотрел вниз. Да-а...

Вдыхая и прислушиваясь, как за кузней шелестит шелк и шуршит тонкое сукно, он натянул штаны.

Мир для него изменился и стал другим. Потрясающе красивый мир, кристально чистый мир! Он уже любил его, правда, без взаимности. Ну и ладно, обойдемся... Рабство? Пустяки, дело житейское! Где моя кубышка?! Я вам столько всего тут понаделаю, товарищи варяги, столько понапридумываю... Да у вас серебра не хватит со мной рассчитаться! И я куплю себе свободу, оптом или в розницу, и еще останется на мунд³⁰ за невесту! Или вено? Короче, калым!

Олег возвращался в кузницу почти бегом, разгоряченный то ли свиданием, то ли блестящей будущностью. Сильнейшее желание действовать бродило в нем, распирало мышцы и мысли.

У кузни на ошкуренном бревне сидел Валит и с прежним мрачным выражением уплетал что-то аппетитное из горшочка. Рядом с ним пристроилась молодая еще женщина в старенькой рубаше и в чем-то наподобие сарафана на лямках, только не сшитого по бокам, а перепоясанного. Удерживался сарафан парой бронзовых фибул, похожих на скорлупки грецких орехов.

Олег обратил внимание на лицо женщины. Скуластенькое, с заостренным подбородком, оно было довольно-таки симпатичным. Глаза, как у Валита, — серые. Нос, правда, великоват, но губы красивого очерка искупали сей изъян. Волосы женщины были завязаны в узел и спрятаны под платок, повязанный банданой. По тому, как женщина смотрела на Валита, можно было понять, что это ее сын. Завидя Олега, стремительно шагавшего к ним, женщина испуганно привстала. Олег успокоил ее жестом — свои, мол.

³⁰ Мунд — выкуп родителям. То же самое, что вено у славян или калым у тюрок.

– Здрава будь... – начал Олег, выжидательно уставившись на сероглазую.

– Кайсой меня называют, – торопливо представилась та, порываясь встать.

– Здрава будь, Кайса.

– И тебе поздорову...

– Олег, – отрекомендовался Сухов и спросил бодро: – Что, перерыв на обед?

Кайса смущенно кивнула и отвела взгляд.

– Вот, поесть принесла для Валита, – сказала она скороговоркой. – Присоединяйся, Олег...

– Спасибо, я уже ел, – соврал Олег. Не хватало еще Валита обедать.

– Да тут много... – засопел Валит, отрываясь от горшка.

– Ты лопай, лопай, – присоветовал ему Олег.

Кайса жалостливо посмотрела на сына:

– Надорвешься еще...

– Мама! – ломким баском укорил ее Валит.

– Ничего, – успокоил Олег материнское сердце, – он парень крепкий, выдюжит. А перерабатываться мы не собираемся. Верно я говорю?

Валит не принял Олегов тон, но сумрачно кивнул.

– Уж как я не хотела его в кузнецы пускать... – вздохнула Кайса.

– Мама! – воззвал Валит.

– Не мамкай! – шикнула Кайса и продолжила – для Олега: – А что делать? Четвертую зиму пытаюсь выкупиться, и все без толку. Вот... – Она выпростала из длинного рукава худое предплечье. Руку уродовал кривой шрам, багровый на белом.

– Волк порвал... – вздохнула Кайса. – И все, с тех пор пальцы плохо слушаются. Думала, буду прясть да ткать, да деньгу откладывать... А как я с такими пальцами – за веретено?..

Валит тихо подкреплялся, склонившись над горшком так, что соломенные волосы совсем завесили лицо – только уши пламенели, как надранные.

– Может, хоть Веремуд чему-нибудь подучит его... – вздохнула Кайса.

– Подучит, чего там... – уверил ее Олег и задумался, вспоминая, как устроена самопрялка с ножным приводом. Прimitивное же изделие! А додумаются до него нескоро...

Кайса ушла, забрав пустой горшок, а Олег взялся одним топориком колоть чурбачки и обтесывать их под ножки самопрялки.

– Ты вот что, – сказал он Валиту, – я там, у реки, видел... эту... как ее... ну, где корабль делают!

– Подель, – подсказал Валит.

– Во-во! Сбегай, попроси у мужиков сверло, такое вот, – Олег показал на пальцах, какое. – А я пока кое-что соображу...

– А чего... вообще?

– Матери хочешь помочь?

– Ну!

– Лапти гну... Сделаем ей самопрялку!

– Сама прясть будет?! – ахнул Валит.

– Ну, не сама, конечно... В общем, увидишь. Давай, бегом!

Нетерпение, жажда великих дел отошли у Олега на второй план – успеется. Он подостыл, да и работа его увлекла. Тут вам не абстрактное громадьё свершений, а конкретная помощь хорошему человеку. А заодно толчок научно-техническому прогрессу. Пора им тут НТР устроить... И чего б не с самопрялки начать? Вещь полезная.

Довольно быстро он сколотил крепкий остов, насадил на ось большое колесо-маховик, протянул от него кожаный ремень на веретено, приладил педаль с рычагом. Опробовал ладонью. Педаль подалась, качнулась, потянула рычаг, раскрутила колесо – веретено злобно зажужжало, как шершень у гнезда.

– Ух, ты! – заценил Валит.

– Топорная работа, – поскромничал Олег. – Но крутится, и ладно. Пошли, покажешь, куда нести.

Валит повел Олега сам на себя непохожий – оживился подмастерье, раскраснелся.

– А то, что веретено тут не стоймя, а плашмя – ничего? – тараторил Валит. – А разве удобно ногой? Жужжало как! Так только у Беяны случалось, и то иногда – когда от большухи нагоняй получала!

– А большуха – это кто? – спросил Олег, перехватывая самопрялку.

– Давай понесу! – вызвался Валит.

Олег отмахнулся.

– Большуха – это конунгова жена, Умила, – объяснял Валит. – Старшая которая. Молодая – та в Алаборге, а большуха здесь, на хозяйстве. Она не злая, просто лодырей не любит.

– Кто ж их любит...

За разговором они одолели большую часть пути и вышли к женскому дому. Был он тих и почти пуст – это долгими зимними вечерами наполнится женский дом визгом играющей малышни и пением девок, выющих бесконечную пряжу, а летом кого удержишь в душных потемках? Толпа работниц – и тир, и свободных – трудилась во дворе, на свежем воздухе – на свете солнечном. Работницы готовили растворы колеров на квасе, на дубовом уваре и окрашивали холсты – в красный цвет, желтый, оранжевый, синий, малиновый, черный. Или, наоборот, отбеливали – укладывали ткань в котел и заливали ее горячим щелоком на всю ночь. Потом стирали. А уже отстиранные «отрезы» девки волокли на травку и раскатывали на солнечном месте. Весь день будут водой обрызгивать, чтоб лучше выгорало. Называется – зорить.

А вон те девки, в поневах, подоткнутых «кульком», собирают уже выгоревшее – опять стирать, бить вальками, а потом «золить» – складывать мокрые холсты в бочку, щедро пересыпать золой (любой, кроме черемуховой), заливать горячей водой и кипятить, опуская в выварку камни, накаленные в огне – «разожженные», как тут говорят. А что делать? Супермаркетов тут нет – тыщу лет надо ждать, пока таковые появятся. Все самим приходится робить. Но, с другой стороны... Олег припомнил любимую свою рубаху, которую Вика подарила ему на день рождения. Домотканую, крашенную в луковой шелухе. Ее было приятно носить – никакая синтетика не сравнится с нею, натуральной на все сто, от и до сделанной добрыми руками.

Из-под навеса, где стояли ткацкие станы, раздался многоголосый смех, и хорошенькая девушка, без понева еще, явно подосланная старшими товарками, осведомилась на весь двор:

– А кого ищем?

Олег приосанился, поместил самопрялку под мышку и спросил в пространство:

– А где мне найти Кайсу... э-э...

– ...Дочь Тойветту, – задушенным голосом подсказал Валит.

– Кайсу, дочь Тойветту?

Несколько девичьих голосов вперебой объяснили, что Кайса сейчас заправляет кросна на иной узор, во-он в той клетке. Из «во-он той клетки» уже выскочила перепуганная Кайса. Всплеснув руками, она кинулась к Валиту:

– Что случилось?!

– Да ничего не случилось, мама! – досадливо отбивался Валит. – Просто мы тебе... эту принесли... самопрялку.

Девчонки в рубашках бросали дергать тесьму и бежали к Олегу – дивиться на чудо техники. Девки постарше тоже отрывались помалу от дел. Скоро вокруг Олега собралось все женское население, включая Умилу – статную женщину с кокетливыми ямочками на щеках и сияющими синими глазками. На поясе у большухи позвякивала увесистая связка ключей – символ женской власти.

– Прялку сюда, – скомандовал Олег, и ему мигом явили лопатообразную прялку.

Запыхавшиеся девки с толстыми косами приволокли и доску-донце, воткнули в нее прялку и приколотили к ней кудель.

– Садись, – велел Кайсе Олег. – Ставь ногу сюда...

– Какую? – робко спросила Кайса.

– А какую хочешь... Теперь качни педаль – так вот, с пятки на носок перекаати...

Кайса резковато нажала. Колесо самопрялки дернулось и застыло. В толпе ойкнули, и Кайса сделала движение встать.

– Да ты не волнуйся! – удержал ее Олег. – Спокойно жми, катай туда-сюда! Вот так! Во!

Кайса попала в ритм – рычаг раскрутил колесо, веретено зажужжало, и бедная тир едва успевала слюнявить пальцы левой руки, большой и указательный, которыми она вытягивала нить.

– Принесите ей клюквы! – велела Умила, захваченная процессом.

Девки припустили к женскому дому и скоро вернулись, протягивая две полные миски – одну с клюквой, другую с брусникой. Кислятина дюже способствовала слюноотделению. Перепало и Олегу – чья-то маленькая лапка сунула ему пирожок с требухой. Он слопал его, не глядя. Ему тут же скормили еще один.

А Кайса сияла. Маховик самопрялки представлялся ей чем-то вроде Колеса Фортуны. Теперь она столько напрядет, столько наткет – и закладной тканины, и браной, и всякой! Воля, давно закатившаяся звезда, начала восходить для Кайсы Тойветтовны, из мечты перетекая в явь. А если еще и Валит пособит... Счастье-то какое! Расчувствовавшись, Кайса всхлипнула и быстро смахнула слезу правой рукой. Незанятой! Только и дел для нее, калеченной, что брать из миски кислую ягоду.

Вытягивалась из кудели прядь в размах рук – и скручивалась жужжащим веретеном в нить.

– Несите еще кудель!

2

На заре Пончика разбудила Чара. Девушка нарядилась во все расшитое, золотняное, даже понева на ней выглядела празднично, а свита, накинутая по холодку, была расшита мелким речным жемчугом. Чара была красивее себя, о чем Пончик и поспешил сообщить, натягивая рубаху. Щечки Чарины зарозовели, она похлопала ресницами, играя сердцем Шуркиным в пинг-понг, и в награду завязала ему тесемки на рукавах.

– Пошли, – мило проворчала она, – а то говоришь, говоришь, сам не знаешь что...

– Знаю, – улыбнулся Пончик стеснительно и взял в свои руки маленькие девичьи пальчики. – Как увижу тебя, сразу хоть просыпается... Угу...

Тут щечки у Чары и вовсе разбагредлись. Девушка подхватила свою косу и пушистым концом пощекотала Пончику нос. Он засмеялся и поймал Чару, не спеша убегавшую, обнял со спины и шепнул на ушко:

– Погуляем вечером?

– Я подумаю, – важничая, ответила девушка и встрепенулась. – Заговорил меня совсем. Пошли, пошли скорее!

– Да куда такая спешка? Солнце еще не взошло!

– Когда взойдет, поздно уже будет. Ты что? Сегодня ж двадцать третье!

– Ну?

– Лапоточки гну-у... – ласково пропела Чара. – Купальница сегодня!

– А-а... – дошло до Пончика.

– Бэ-э! Сегодня ж самая пора травы собирать – до свету. Проводишь меня? А то одной страшно!..

– Слушаюсь и повинуюсь...

Пончик подхватил на руки взвизгнувшую девушку, но у порога послушался ее сбивчивого шепота и опустил на пол. Вдруг люди увидят? Подумают не то... А богам все и так видно.

Стояла та пора, когда покров ночи поднят, но свет пока не осилил темень, только разбавил ее.

В такую рань многие не спали. Слышно было, как двое или трое дренгов хохочут в гриднице, гремя тяжелыми столами и скамьями. Мебель, что ли, переставляют? Заспанные простоволосые девки бежали к бочкам умываться и плести косы – к обычаю краситься по утрам они еще не дошли, да и какой макияж для этих хорошеньких мордулек подходит лучше юной свежести? Вон, у Чарочки какие губки яркие – и помады не надо, а после бани ее пушистые волосы отдают запахом любистры. Разве «Шанель» сравнится с этим первобытным парфюмом?

Пончик поглядывал на Чару, девушка посматривала на него – древняя эта игра захватывала обоих, затягивала в жаркий омут, где рассудок подчиняется зову Великой Богини-Матери. Близость девушки волновала Пончика, но ее доверчивость осаживала влечение лучше всяких запретов. Да и не хотелось ему так быстро рвать волшебные ниточки, что протягивались между ним и Чарой, – пусть сплетутся крепче, накрепко, навсегда. Хотя, если честно сказать, все эти размышления посещали Пончика в минуты редкого одиночества. Сейчас же, наблюдая, как шевелятся лопатки на узкой спине, как толстая коса шлепает по выпуклой, тугой попке, мысли вообще выветрились, мудреностью не искажая первобытных ощущений.

Широкая тропа, заведшая двоих в лес, оказалась старой, заброшенной дорогой. По сторонам успели вырасти березы с ногу толщиной, мешаясь с елками и соснами в привычный «шишкинский» лес. Пару раз дорожку пересекали крупные, с тарелку поперечником, следы лося. Его размашистому шагу вторила мелкая поступь лосихи, оставившей овальные отпечатки. Из-за деревьев, то по левую руку, то по правую, мелькали девичьи рубахи и перекликались звонкие голоса. Смеша подруг, аукали парни – и так ли уж важно было всем им собирать травы?

Чара, правда, исправно приседала, орошая подол обильной росой, строила из себя ведунницу, щебетала, называя срываемые травы красивыми, но непонятными словами. А заря вставала – во все небо! Ало-золотная, ярая, навывлет пробивавшая древний бор. Истаивали тени, туманом курились бисеристые росы.

Набрав целый мешок «лекарственного сырья», Чара вручила его Пончику.

– Все! – сказала она довольно.

– Вымокла вся... Угу... – проворчал Пончик.

– Высохну. Сейчас солнышко встанет...

И встало солнце, хлынуло, лучистые потоки хлынули из-за черных, словно обугленных сосен, обдали теплом и светом.

– Пошли скорей!

И они пошли. Побежали, то попадая в теплый сноп лучей, то ныряя в сырую, знобкую темень.

В Бравлинсхове чувствовалось приближение праздника. 23 июня повторяло с детства знакомые детальки, присущие 1 Мая. Та же веселая суматоха и перепутаница, так же валит сдобный дух из окон, девки принаряжаются, роются в сундуках, бегают друг к дружке «посоветоваться». Весь двор украсился зеленью – резные ставенки окон были окружены березовыми веточками, еловые лапы оплетали балясины крыльца, девицы понадевали пахучие веночки, и даже коровам увили рога зелеными плетями.

Молодежь, галдя и хохоча, шарила по всей округе, стаскивая в кучу хворост, старые метлы, разошедшиеся бочки, сломанные колеса – все старое и ненужное, что могло гореть, должно быть сожжено этой ночью, самой короткой ночью в году, брачной ночью для Хорса, ответственного за свет и тепло, и девы Зари, невесты «Солнышка светлого и трижды светлого»...

Ясный день сменился белой ночью, а на берегу реки, на выгоне, на холму, у развилки дорог запылали костры, затрещали буйно.

Галдели шальные девки, уворачиваясь от хохочущих гридней; Жучка – огромная матерая волкодавица, носилась кругами и восьмерками, как малый щенок, и радостно брехала. И уже где-то запевали, и в лад бренчали гусли, соревнуясь с кантеле, трубил рог турий и звенела медью труба, дудошники выводили заполошные ноты, а гудки, словно пародируя будущие скрипки, запиливали плясовые ритмы.

– На реку! На реку! – веселым звонким голосом воскликнула Чара и потянула Пончика к восточным воротам.

Крепко держась за руки, они выбежали на берег Ила-дьоги. Все дворовые уже были здесь. Они ждали невесту. Возбуждение владело нарядной толпой, люди смеялись, спорили, махали факелами, галдели, орали и пели. На пригорке стояли Улеб с Асмудом, рядом с ними – Аскольд, а чуть поодаль – знать рангом пониже.

Внезапно шум утих. Близилась песня – полумолитва, полугимн, славящий Хорса, уговаривающий бога не творить безлетья человекам, а умыться добела, встать завтра ясно и послать всякого приплоду.

Чара подпрыгивала, не в силах углядеть процессию за широкими спинами, и Пончик подсадил ее к себе на плечо. Толпа расступалась, пропуская поющих девушек к реке, и смыкалась за ними в почтительном отдалении. А впереди подруг молча шагала Рада – в одной рубаше, босая, похожая на валькирию после ночи любви – томную и благостную. В руках валькирия несла угощение божеству – гору дымящихся блинов и горшочек меду. Гордо подняв голову, девушка ступила в тихую воду Ила-дьоги.

Подруги-певуны остановились на берегу, а валькирия прошла шагов на сорок, пока вода не поднялась по пояс ей. Девушка протянула свои дары и отдала их реке.

– Хорс светел!

Единым взывом исторглись людские крики, и Пончик тоже поддержал дружную благоносицу. Подпрыгивая на плече, радостно визжала Чара и лохматила Пончику волосы.

– А ну! – ужасным голосом крикнул Улеб.

Вдвоем с Аскольдом они зажгли громадное колесо о четырех спицах, знаменующее собой Солнечный Крест, и покатали гудящее коло с горки в реку, повторяя вечный солноворот. Пылающий круг не погас, скача под горку, только разгорелся пуще, въехал в воду, взбурлил ее и пропал. Обеспечено доброе лето!

Хотя, если честно, Пончик не досмотрел «Солнцево-рот-2». Он в это время любовался выходящей из воды валькирией. Мокрое платье облепило великолепную фигуру, выпячивая каждую округлость.

– Куда глазопятишься?! А? – Ладони Чары повернули голову Пончика налево и подняли вверх, к смеющемуся лицу, тщетно напускавшему на себя гневливость. – На меня смотри, понял?

– Понял, – кротко ответил Пончик.

– Ой, спусти меня скорей! Скорей, батя смотрит!

Засмеявшись, Пончик снял ее, крепко вжимая ладони в налитое, упругое, горячее. Чара замерла, встав на цыпочки и вытянувшись стрункой. У Пончика толклась на языке куча нежных глупостей, но тут подруги Чарины со смехом разъяли его руки и увели ведунницу с собою – вести священный русальский хоровод, бросать, замирая, венки в черную воду реки, где колеблется отблески огней и горячего дыма.

Пончик, улыбаясь будущему, радуясь настоящему, не печалась более о прошлом, шел через толпу, уворачиваясь от плясуний, от девчонок в одних рубашках, но с обязательными венками на ворохах волос. Из потемок вынырнул Олег, хлопнул пятерней об его пятерню и поволол дальше виснувшую на нем девицу, ту самую блондинку-валькирию. Чуть поодаль Пончик со спины узнал Ошкуя – тот, живо поводя руками, толковал с белолицей девою, «приукрашая сотней врак одну сомнительную правду».

Пончик шлялся по поляне, захаживал на выгон. Глядя на него со стороны, можно было подумать, что парень чем-то расстроен и сильно переживает или просто устал и ищет уединения. А он просто шел и думал. Обо всем сразу и ни о чем. Сжился он с этим миром, принял его, нашел в нем место для себя – и все его страхи, отчаяние ушли, растворясь во времени. А ведь всего какой-то год прошел! Незаметно он поднялся на холм, что стоял против кузни Олежкиной. Здесь тоже полыхал костер, и девки с парнями сигали через него, держась за руки. Считалось, что, если руки не расцепятся, любовь будет долгой и крепкой.

– Вот ты где! – догнал его сердитый голосок Чары. Пончик обрадованно повернулся навстречу. Девушка стояла руки в боки, грозно нахмутив брови, но Пончика сместило ее негодование – очень уж не шло оно к облику Чары, к характеру ее – милому, доброму и нежному.

– Ах, ты уже не хочешь со мной прыгать? – завела девушка. – С той белыночкой, поди, скакал?!

– Глупенькая ты... Угу... – засветился Пончик и протянул Чаре руку.

Девушка ответила улыбкой ослепительной радости, и они помчались к костру. Их встретили криками. Пламя поднималось высоко, горело жарко – Пончик даже испугался, не опалит ли оно Чарочку, – и прыгнул, сжав девичью ладошку. Пахнуло жаром, шибануло дымом, и они приземлились, не разняв рук.

– Ты мне чуть пальцы не склеил, – радостно сказала ведунница, дуя на ладонь.

– Прости, пожалуйста.

– Да ладно... – улыбнулась Чара и закричала: – Купаться, купаться!

Молодежь завопила и, на ходу стаскивая рубахи, распахивая поневы, понеслась к реке. Пончик ринулся за ними, но Чара вцепилась в него двумя руками:

– Побежали на озеро!

Навалилась из полутьмы кузня и отвалилась. Накинуло запахом тины из пруда. А вот и озеро, посеребренное луною. Чара скинула венок и стащила через голову рубаху. Лунный свет облил ее тело, скатился, очерчивая округлости, обрамляя тени в ложбинках. Пончик распустил гашник, развязал тесемки, поскидал все с себя и, снова взяв Чару за руку, завел девушку в озеро.

– Ой, какая теплая! – запищала Чара и поплыла. Пончик нырнул следом. На глубине вода была холодной, но поверху ее будто подогрели. Доплыв до противоположного берега, Пончик и Чара повернули обратно и вышли на берег. Поодаль, за деревьями, клубились светящиеся дымы, ветер доносил до них безутишные песни и выкрики.

Девушка прижалась к Пончику спиной, и он, чуя холодок улады, положил ладони на упругие, не по возрасту большие груди, ощутил, как деревенеют соски, и бросился целовать шею лебединую, плечи царственные... Обцеловав всю спину жарко вздыхавшей Чары, Пончик добрался до тугих ягодиц – не больно-то и ущипнешь! Но целовать их – одно удовольствие...

– Ладушко мое... – умирающе сказал девичий голос.

– Чарочка...

Их ложем была поляна. В изголовье шумел бор, оттуда тянуло смолой и хвоей. В ногах плескалось озеро. Муаровая тучка была шторкой, задернувшей нескромный лунный фонарь.

И лишь большая серая сова, отдохавшая в старой кузне после охоты, следила, как свивались два нагих тела, становясь одним целым, как скрещивались ноги и соприкасались губы. Птицу пугал горячий шепот любви, и сладкие стоны, и бурное дыхание. Но потом двое изнемогли, «из жара страсти вернулись вновь во хлад и явь», счастливые и умиротворенные. Сова сердито нахохлилась и задремала.

Глава 6

Роду Улеб конунг был знатного – он числил в своих предках самого Сколота, сына Бодана, которого датчане с урманами звали Скъелдом, а потомков его Скъелдунгами. Скоро

уж тысяча лет минет с той поры, когда случился исход росов и асов с донских степей. Храбрый Водан повел за собою тех, кому на месте не сиделось, кто был легок на подъем и охоч до нового. Росы и асы пересели с горячих коней на лодьи и больше уже в седла не возвращались. Переселенцы поднялись по Дону до Переволоки, одолели ее, спустили лодьи в Итиль³¹ и долго плыли вверх по великой реке. Росы первыми сделали остановку, укоренившись на берегах Невы и Олгоги, а асы перебрались на ту сторону моря Варяжского, заселив фьорды и шхеры...

Местные: карелы и чудины, весины и ижоры, меряне и биармы – не разумели пришлых росов, толковавших на сарматском языке. Тогда пришельцы перевели свои речи на язык меча... Обложили всех данью, но и в обиду не давали, живо делая укорот всяким чужеземцам.

Отец Улеба, Бравелин конунг, держал в страхе всю Ромейскую империю. Его варяги грабили Амастриду и Фессалоники, Эгину и Таврию. Дед Улеба, Рогволт Русский, бился под Бравеллиром, что в землях свейских, на стороне Сигурда Метателя Колец, брата своего, конунга свеев, когда на того напал правитель датчан – Харальд Боевой Клык. Побили тогда датчан, и в честь той славной победы Рогволт и назвал своего первенца. А прапрадед Улеба, Радбард Гардский, разгромил войско Ивара Широкие Объятия, когда тот вздумал карел грабить. Ах, сколько их было, пра-пра-пра... Старктер, Флокки, Фроди Первый и Второй, Фридлер, Транн...

Улеб конунг вздохнул тяжело и насупил брови. Да и он вроде предков не позорил. И арабам «давал жизни» – первый раз он их еще в Табаристане прижучил, а потом и Севилью³² брал на копье. И на Париж хаживал, золото-серебро добывая... А кому ж теперь род продолжать? Выросла дочь Ефанда, красавица да умница, а вот сына боги не дали... И на кого теперь люди возложат венец? Кто воспримет меч конунгов гардских? Нет на то ответа...

Улеб тяжело поднялся с резного кресла и прошел к распахнутому окну. Половину вида загораживала стена крепости, сложенная из лубовых бревен, почерневших от дождей, а дальше играла блестками Олкога, и вставал на том берегу ельник, темный, словно схоронивший ночь недавнюю, тянущий лапы к мутной воде, усыпая узкий бережок шишками и хвоей. Улеб конунг крикнул в досаде – куда ни глянь, всюду мрак!

Скрипнула дверь, и в покои сунулся Аскольд сэконунг,³³ здоровенный человечиче, лобастый, сероглазый, с гривой волос цвета соломы и роскошными пшеничными усами, опадавшими на могучую грудь.

– Здорово, Улеб! – прогудел Аскольд. – Что у тебя за двери? Застряну когда-нибудь в этих мышинных норках!

Улеб ухмыльнулся.

– Брюхо разъел, – сказал он, – вот и не влазишь. Скоро и в море не выйдешь.

– Чего это? – не дошло до сэконунга.

– Лодью опрокинешь! – радостно объяснил Улеб.

Оба загоготали. Отсмеявшись, Улеб конунг сказал:

– Чего заявился? Выкладывай!

Аскольд закричал, полез пятерней в космы, лохматя прическу.

– Да засиделся я, – признался он. – И лодьи мои скоро мохом обрастут. Дела хочу! Настоящего!

³¹ *Итиль* – ныне Волга.

³² Об этом рассказывает ал-Якуби: «В город Исбилию (то есть Севилью) вошли в 229 году хиджры (843–844 г. от Р.Х.) поганые, называемые ар-Рус, которые захватывали пленных, грабили, жгли и убивали...»

³³ *Сэконунг* – конунг, в лелеющий кораблями, но не имеющий земли – феода.

– Дела ему... – проворчал Улеб и вздохнул: – Мне б твои заботы...

– Я тут с Асмудом перетолковал, – продолжил Аскольд, – да и подумал: а не сходить ли мне на ромеев? Согласись, давно мы их не трепали. Как батя твой требовал с них ругу, так и все.

– У тебя людей не хватит, чтоб ромеев прижать, – отозвался Улеб.

– О! – просиял Аскольд. – В самую точку. А если мы с тобою сговоримся, да на пару двинем в поход? А?

Улеб засопел.

– И куда ты собрался? – спросил он неласково.

– Хочу Миклагард на щит взять! – бухнул Аскольд.

Улеб конунг ошеломленно вытаращился на старого приятеля.

– Вот это ты размахнулся... – вымолвил он. – Не по пасти сласти, Аскольдушка! Где ты столько бойцов наберешь?

– Ха! А как мы Париж брали? Сколько нас тогда было – помнишь? И трех сотен насчитать не могли.

– Ну, ты сравнил! – рассердился Улеб. – Париж – тьфу! Городишко размером с Альдейгу. А Миклагард – это Миклагард. Там одних домов столько, что все Гарды расселить можно, и еще место останется!

Но идея осадить самый большой город мира уже завладела им и подбирала ключики к тайным сусекам души, выпуская на волю демонов алчности и тщеславия. Что Париж? Что Севилья? Не всякий скажет, где такие есть! А вот Миклагард... Годы минут, века пройдут, а имя человека, прибавившего щит на ворота Миклагарда, останется в памяти людской!

– На лодьях не пройти, – проворчал Улеб, – тяжелы больно...

Аскольд сэконунг, поняв, что Улеб сдается, сильно оживился.

– Подумаешь! – воскликнул он. – Спустимся по Непру на скедиях!

– А брат Миклагард тоже со скедий станешь?

– А чего такого?

– Чего-чего... Знаешь как ромеи наши скедий кличут? Моноксилами! Сиречь одноподеревками!

– Да и пусть их! – отмахнулся Аскольд.

– Не... – помотал головой Улеб. – Надо, чтобы нас уважали...

– Тогда зайдем в Таматарху!³⁴ – вывернулся Аскольд. – Там у нас большие лодьи стоят. Кстати, и твой «Лембой» там. Ну, этот, который в пятьдесят шесть шагов.

– Да помню я...

Улеб конунг поскреб в бороде.

– Все равно... – протянул он. – Поздно уже, лето к середине двинулось... Пока охочих людей соберем, пока доберемся, уже и листья опадут! Давай уж на тот год перенесем поход. Двинем по весне, как только лед сойдет.

– Давай! – легко согласился Аскольд. Видимо, он не рассчитывал на легкую победу, готовился долго канючить и убеждать конунга гардского.

– Значит, по рукам? – сказал он, сияя, и протянул свою пятерню, рубчатую от мозолей, натертых рукояткою весла.

– А, была не была! – воскликнул Улеб и впечатал свою ладонь. Крепко сжались твердые пальцы в извечном жесте мужской дружбы и согласия.

В открытую дверь робко заглянул гридень. Поклонился и сказал:

– Собрались бояре, ждут.

– Идем, – сказал Улеб.

Конунг гардский и сэконунг по очереди протиснулись в низкую дверь и потопали в

³⁴ *Таматарха* – Тмутаракань. Есть основания полагать, что так называемая Черноморская Русь, расположенная на Таманском полуострове, существовала с конца VIII – начала IX века.

грядицу.

Грядица занимала все левое крыло двухэтажного терема, крепко сидевшего в крепостном дворе. Большие окна грядицы на зиму закладывались резными досками, а по теплу их снимали, запуская внутрь свежий воздух и свет.

Посередине обширного зала стоял громадный овальный стол, сбитый из плах и скобленный дожелта. Вокруг стола делили скамьи бояре – Думный круг верховного правителя Гардарики.

Улеб занял крепкое дубовое кресло во главе стола и пробурчал приветственное слово. Аскольд сэконунг пристроился рядом, по правую руку. А Улеба опять посетили мысли о престолонаследии. Видать, придется ему выбирать преемника среди бояр... Вопрос, кого выдвинуть? Улеб оглядел бояр по правую руку. Вот Лидул конунг сын Алвада. Крепкая личность, ежели упрется, вовек не сдвинешь. Но разве можно оставить после себя твердолобого? Умение властвовать требует гибкости, изворотливости даже. А за Лидулом расселся кугыжа мерянский, Шаев, сын Чекленера. Вот уж кто верток! И вашим и нашим! Вечно пляшет на лезвии меча, всем угодить хочет! С утра он в одной вере, а к вечеру в иную переходит. Худо! Гибкость – гибкостью, однако и твердость надобно иметь, за свое стоять и не сдавать. А вот ярл³⁵ Ильменский, Вадим Храбрый, сын Годлава. Говнистый человечешко, хоть и рода княжеского... Веры ему нет. И смел он напоказ, лихостью берет, а вот перед сильными пасует, поджимает хвост и прогибается, стелется весь... Тьфу! И пакостлив больно. Что скажешь не по нему – зыркнет зло и прищурится, словно целится в тебя, а потом припомнит, ударит исподтишка. Может, тогда князя Буривого выбрать? Родня все ж. Карелы князю доверие выказали, призвали его, чтоб тот оборону держал, – опыта Буривою не занимать. Все это хорошо, но... Уж больно стар Буривой, сын Турвида, не выдюжит он тяготы власти, да и обидчив не в меру. Или на Антеро поставить, кунингаса ижорского? Всем взял – и смел, и мудр. Только вот не русских кровей Антеро, не пойдут за ним конунги с ярлами, не последуют. Та же история с риксом готским Тайной, сыном Ильдибада, что с Верхнего волока. Не много готского племени под ним, да и можно ли малое ставить над великим? Вот и думай теперь...

– Почнем, бояре... – сказал Улеб.

Все согласно кивнули.

– Тогда я первым слово возьму, по старшинству, – сказал Буривой и кашлянул. – Ропщут карелы, конунг. Не по чести ты их прижал! Почто дань нарастил? Сдали тебе меха по зиме? Сдали! Хорошие шкурки? Да одна к одной! Зачем же лишнее брать?

Улеб нахмурился и раздельно сказал:

– Мерянам или весиам я подати не увеличил. Сказать, почему?

– Сказать! – задиристо молвил Буривой.

– Потому что они сами соболей да горностаев бьют! – с силой выговорил Улеб. – Это их добыча. А карелы твои нагличают! По всему Северу рыщут, по дешевке меха скупают у биармов да у лопарей. Сами же и везут потом к све-ям или к саксам, торгуют, нам цену сбивая. Негоже так!

– И что?! – повысил голос Буривой. – Разве они крадут те меха? Или силой у биармов отнимают? Все по чести да по совести! И везут они те шкурки продавать на своих же лойвах, кнорров ваших не занимают. Что тебе не по нраву?

– В единых Гардах, – проговорил Улеб, сдерживаясь, – и власть едина, и правда.³⁶ Как я сказал, так и будет.

³⁵ *Ярл* – титул, тождественный графскому. *Рикс*, *кунингас*, *кугыжа* – княжеские титулы.

³⁶ *Правда* – закон.

– Не будет! – возопил Буривой. – Пока я на княжении в Кирьялаланде,³⁷ обдираловке быть не позволю!

– Что, княже, – сощурил глаз Улеб, – из общей лодьи желаешь в лойву пересесть?

– Желаю! Считаю, уже пересел!

– Ай, молодец! – Злая насмешка искривила Улебу губы. – Вот только, далече ли уплывешь? А защищать ту лойву кто станет?

– Да уж как-нибудь справимся! – высказался Буривой в запале.

– Думаешь, что говоришь, – сердито сказал Аскольд. – Карелы в охоте смекают, а к войне они не годны. А ежели датчане явятся? Рагнар Кожаные Штаны³⁸ давненько на Кирьялаланд облизывается!

– Пусть только попробует, – пробурчал Буривой. – Живое языка своего слюноточивого лишится!

– Дурак ты... – с сожалением сказал Аскольд.

Буривой вздернул седую бороденку, засверкал глазками.

– Так мне ждаться подати али как? – тяжело спросил Улеб.

– Али как! – ответил Буривой, как отрубил.

– Тогда проваливай! – рявкнул Улеб. – Гребни в своей лойве наособицу и подмоги не жди. Ни одного варяга в помощь не дам!

Буривой поднялся, выпрямив, как смог, сутулую спину, и пошел вон. На пороге гридницы он обернулся и процедил:

– Обойдемся!

Ненадолго в гриднице зависла тишина, хмурая и неловкая. Только Вадим чему-то улыбался, словно радовался непорядкам.

– Глупость какая... – пробормотал Аскольд.

– Да уж... – буркнул Улеб.

– Это не дело! – решительно заявил Лидул. – Отломить такой ломоть от общего пирога...

– Кирьялаланд – не вотчина Буривой, – возразил Улеб, – не он там правит, а кунингасы. Это их жадность говорила на кругу, а не князь! А мы подождем... До осени. Ежели не образумится до того времени, придем и спросим. По-свойски!

– Пора самих биармов под руку подвести! – крикнул с места Шаев. – А как станут они нам дань платить, вот тогда карелы трижды подумают, прежде чем союз с нами рвать!

– Верно говоришь, Шаев, – кивнул Улеб. – Вот и займись! Собери людей десять, да пройди по Онеге до Гандвика.³⁹ В Вину зайди, осмотришь там, урядись с биармами насчет дани и не забудь им хороший товар предложить. Биармы-то железа не знают, а ты им и выставь ножи, да топоры, да наконечники. Они тогда живо от карел откачнутся!

Бояре довольно захохотали.

– Правильно! – закивал Антеро. – Карелы-то всякую дрянь биармам спихивают, а мы с ними по-честному да по-хорошему.

– Так тому и быть, – подвел черту Улеб.

Тут за окнами поднялся переполох, визги пошли да оханья. Аскольд метнулся к окну и высунулся наружу.

– Чего там? – глухо донесся его бас. – Да ты что?!

Сэконунг обратил к почтенному собранию радостное лицо и воскликнул:

– Гости к нам жалуют! Рюрик со свитой.

³⁷ *Кирьялаланд* – Карелия или Корела.

³⁸ *Рагнар Кожаные Штаны (Лодброк)* – знаменитый датский конунг, правивший в описываемое время.

³⁹ *Гандвик* – Колдовской залив, так называли в ту пору Белое море.

- Да неужто? – обрадовался Улеб и соскочил с места.
- Бояре заволновались.
- Пошли глянем!
- А то!
- Чего сидеть, князья?
- Подъем!

Живописной толпой ярлы, кунингасы и прочее княжье повалили наружу. Перед воротами остепенились и вышли на берег солидными людьми.

Народу на берегу собралось – море. Люди оживленно переговаривались, спорили, смеялись, девки прихорашивались, а парни всё плечи разворачивали да пыжились. Рорик, сын Регинхери, рейкса вагирского, правителя Вендланда,⁴⁰ был фигурой известной. Его варяги, прозванные тиграми моря, наводили страх на купцов и воинов с Готланда и Курланда, торговые гости из Каупанга и Дорестада, Гамбурга и Бирки бледнели, завидев паруса со зловещим силуэтом сокола, падающего на добычу. То был Рарог, тотемная птица вендских рейксов. Пираты Рорика грабили всякие корабли, кроме гардских, а добычу свозили в Аркону, часть уделяя храму Свентовита. И ни Улебу конунгу, ни отцу его ни разу не приходилось долго упрашивать «тигров» сходить в поход сообща. Франков бить? Любо! Арабов колошматить? Давай!

- Идут! Идут! – закричали мальчишки на мысу.

Улеб конунг придвинулся к берегу поближе, испытывая непонятное волнение. Рорик, коего в Гардах прозвали Рюриком, – вот достойный преемник ему. Этот точно не подведет. Молод? Да. Горяч? Да. Но умен, но хитер, но как честью дорожит! А уж род его подревнее, чем у Ськолдунгов...

В устье Ала-дъоги вплывали лодьи – черная, синяя с белым носом, сизая с красной полосой. По бортам щиты красуются, ряды весел размеренно блещут мокрыми лопастями, а драконы со штевной сняты – имеют венды уважение к богам гардских земель!

На корме черной лодьи стоял высокий молодой человек и махал снятым шлемом. Улеб конунг вскинул руку в ответ. Интересно, с чем пожаловал сын Регинхери? Не тот это человек, чтобы просто так по гостям шляться...

Забрякали сходни, и на причал соскочил Рюрик. Легко взбежав на травянистый пригорок, где глыбою вкопанной стоял Улеб, он отвесил поклон и сказал:

- Гой еси, конунг!
- И тебе поздорову! – важно ответил Улеб. – С чем пожаловал?

Рюрик вдруг покраснел, смешался, открыл было рот, но так ничего и не вымолвил, повернулся только и махнул рукой. Тут же четверо дюжих варягов снесли по сходням тяжелый сундук, окованный полосами железа, и поставили к ногам Улеба. «Так...» – похолодел конунг. А Рюрик, пылая ушами, отпер замок и поднял крышку сундука – на солнце заиграли радугой драгоценные камни, заблестели жемчужины, крупные, как винные ягоды, брызнуло желтым отливом маслянистое золото.

– Это – мунд за невесту, – хриплым голосом произнес Рюрик. – Отдай за меня Ефанду, конунг! Любую службу сослужу, что ни попросишь – сделаю.

Улеб подбоченился. Был ли он рад в этот момент? Скорее, растерян и ошеломлен. Всякий отец, растивший дочь, знает, что рано или поздно явится к нему некто молодой и прыткий и уведет его «маленькую» со двора. И все равно, женихи застают отцов врасплох...

- А любить будешь? – сощурился Улеб.
- Вечно! – с жаром воскликнул Рюрик и покосился мимо конунга.

Улеб поглядел в ту же сторону.

- Выходи, выходи, давай... – сказал он с ворчаньем и прикрикнул: – Ефанда!

Девушка, опустив голову, вышла из толпы подружек, хихикавших и шушукавшихся.

⁴⁰ *Вендланд* – страна вендов (венедов), расположенная на южном берегу Балтики.

«Статная какая... – залюбовался Улеб. – А груди уж больше материных налились! Ишь ты ее...»

– Ну что? – спросил он Ефанду. – Все слышала?

– Да... – прошептала девушка.

– Ты на жениха посмотри хоть, – проворчал Улеб. – Нравится?

Ефанда вскинула глаза на Рюрика и кивнула.

– Пойдешь за него?

– Да! – смелее ответила Ефанда.

Рюрик смотрел на нее жадно и умиленно, вся grids его, что сошла на берег, улыбалась, а Улеб конунг оглядывал молодых, грустя о близкой разлуке и гордясь дочерней красою. Вздохнув, он взял узкую, холеную руку Ефанды и вложил ее в крепкую, мозолистую пятерню Рюрика.

– Я принимаю твой мунд, – громко объявил Улеб конунг, – и отдаю тебе самое дорогое, что нажил. Береги ее и не обижай, а то... – Конунг сжал огромный кулак. – Сам разумеешь.

– Буду беречь! – воскликнул счастливый жених. – Сам не обижу и никому иному не позволю.

– Ну, тогда быть свадьбе!

При этих словах Улеба конунга народ закричал, засвистел, заревел. Затрубили рога, застучали неистово мечи о щиты. Свадьба! Эх и погуляем!

...Пир удался на славу. Столы накрыли и в тереме, и на крепостном дворе, и прямо на улицах Альдейгьюборга. Гуляли все. Gridни Улеба и Рюрика перепились, мигом побратались и бродили в обнимку, горланя песни – пусть и не в лад, зато громко!

Жители скидывались улицами и концами городскими, собирали подарки и подносили красивой паре. Для Ефандочки ничего не жалко! А уж князья как расстарались – дарили, словно хвастаясь богатством. Соболей – охапками, бобровые шкурки – высокими стопками, горностаев – тюками! Дорогой посудой одаривали, из стекла и фарфора, тканями шелковыми, парчой и бархатом, благовониями аравийскими в хрустальных флакончиках, румянами и тушью в коробочках из слоновой кости – Ефанда притомилась кланяться.

А народ разгулялся так, что рыба из Олгоги выпрыгивала! Даже арабских купцов умудрились спойть. Те отбрыкивались – дескать, вера не позволяет вино пить. А им и не перечили, вина не давали, меда только подливали хмельного. И запели южане протяжные песни, восхваляя девичью красу и молодецкую удаль.

Всю ночь гудела Альдейга, до самого утра бродили по ее улицам варяги – русы и венды, готы шатались и меряне, весины и гости с иных земель – фризских, урманских, франкских, ромейских, болгарских, хазарских. Только на рассвете затих город, забылся пьяным сном.

А когда стоял туман и высохла роса на влажных бортах лодий, самые упорные сбредлись на проводы.

– Бать... – всхлипнула Ефанда, крепко обнимая отца.

– Ну, чего нюнишь? – ворчал ласково Улеб конунг. – Аль не рада?

– Рада... – шмыгнула носом Ефанда. – Только одна не хочу...

– Глупая... – пенял ей отец. – Разве ж ты одна? Двое вас! А вскоре и третий объявится... Или третья!

Ефанда краснела только и вздыхала. Она вступала в извечное кружение жизни, неведомое ей дотоле. Новизна того, что прихлынуло, пугала и влекла.

– Ну, ступай...

Ефанда в последний, в самый последний раз чмокнула отца и отшагнула к мужу.

– Ну, носи ты теперь, – усмехнулся Улеб.

Рюрик подхватил Ефанду на руки, прижал к груди и взошел по сходням на борт черной лодьи, где бережно опустил драгоценную ношу.

– Ждите в гости! – прокричал с берега конунг.

Ладожане тоже закричали, замахали руками, платками, зелеными ветками и цветами. Дружно ударили весла, и лодьи отчалили, уходя по тихой воде.

Улеб конунг стоял и смотрел, как исчезает за поворотом точеная фигурка на палубе, прижавшаяся к другой, крепкой и ладной. И чувствовал, как подливает тоска, как сжимает сердце смутная тревога, извечный родительский непокой.

– Пошли, Улеб, – вздохнул Аскольд. – Выпьем за спокойное море и добрый путь.

– Пошли, – кротко согласился конунг.

Глава 7

1

В Перунов день, то есть в четверг, Олег, сын Романа сидел в кузне и работал стеклянные бусы. Засел с самого утра, благо Веремуда оставили в Бравлинсхове мечи точить. Бусины – дело тонкое, твердой руки требует, а после обеда у Олега по расписанию тренировка по иайдо, где он так умотается, что руки трястись начнут...

От маленьких тиглей с разного цвета стеклом припекало бок и спину. Олег осторожно наматывал на синюю стеклянную палочку желтый слой, окунал ее в красное варево, макал в зеленый расплав. Потом щипцами отделял от палочки кусочки и прокалывал их иглою по слоям или поперек. Вплавлял в эти бусины «глазки» – отрезочки других стекляшек, у коих цвета шли концентрическими кружками, – и получалась красивая «карамелька».

– Здорово! – сказал Пончик с завистью. – А что ты будешь с ними делать? Бусы? Раде подаришь?

– Не-е... – протянул Олег. – На торгу продам. Тут бусины ценятся, каждая за дирхем уйдет. Стоит и попотеть!

– Дирхем – это монета арабская?

– Арабская... Тутошняя конвертируемая валюта. За один дирхем можно двадцать пять кур купить или нож. Хорошую корову за тридцать возьмешь, коня – за пятьдесят...

– А раба? – тихо спросил Пончик.

– За сто – сто пятьдесят... Недешевы рабы, ох, недешевы... Ничего, Пончик, выкупимся!

С улицы донеслось лошадиное ржание и деревянный скрип.

– Ну что? – влетел в кузню Валит. – Грузимся?

– Все? – спросил Олег, не отрываясь от стекольных дел. – Пончик, у тиуна отпросился?

– Ага!

– Грузи потихоньку. Сейчас я подойду... Валит, остаешься за старшего!

– А можно я попробую, со стеклом? – сказал Валит, просительным тоном.

– Дерзай.

Олег аккуратно собрал в мешочек цокающие бусины и вышел – из сухого жара кузни во влажную духоту лета. Июнь!

У самой кузни стояла телега, запряженная чалым мерином, воезовитым и доброезжим. Имени ему не придумали, так и звали – Чалко. Увидев Олега, Чалко тряхнул головой и потянулся теплыми губами к рукам кузнеца, вынюхивая угощение. Олег сунул лакомке сухарик, обмакнутый в мед, и Чалый схрумкал вкусняшку.

Товару сегодня было вдосталь – серпы, косы, насошники, топоры, тесла, ножи. Впору сельпо открывать! Вышел Пончик, волоча мешок с бронзовыми ступками.

– Поехали? – спросил он, уложив мешок и берясь за вожжи.

Олег дал отмашку.

– Но-о! – крикнул Пончик.

Телега тронулась, и Олег возмечтал о рессорах. Невозможно ехать на этом костотрясе: от каждого бугорочка организм екает, а на камнях просто разжижается.

Телега выехала на берег Ила-дьоги, в кусты тальника. Чалко, мерно качая головой, перетащил возок через бугор и вкатил во двор Бравлинсхова. Где-то он все это уже видел, мелькнуло у Олега. То ли на картинах Васнецова, то ли еще где... Девки прядут, ткут, зорят... Олег их уже немного различает – у вендских красавишен коса имеется, а их русские подружки ходят с распущенными волосами. Но все как одна в поневах. Перекрестное опыление культур...

Телега объехала терем, где на крыльце скучала пара гридней в полном боевом облачении, и выкатилась на дорогу. Справа полого стелился травянистый берег, далее блестела-переливалась Олкога, а за нею вставал непролазный лес. На его фоне красиво смотрелась лодья-коча, шедшая с Ильменя. Слева, на лугу, за прясельной изгородью, паслись коровы. Босоногие пастушата сидели под одиноким дубом. Позвякивали колокольца, простенькую мелодийку выводила свирель. Пастораль. Буколика.

И тут же, как назло, диссонансом прозвучала тревожная нота – топот коня, пущенного в галоп. Со стороны дворища проскакал бородач в кафтане-безрукавке поверх кольчуги, в шапке кульком с оторочкой из меха. Кафтан стягивался поясом с золоченой урманской пряжкой и с бляшками от болгар, сведущих в серебре. Накатила волна запахов – лошадиного пота, какой-то кислятины и прели.

– С дороги! – прорычал голос, и свистнула плеть. Олег едва увернулся от жалящего хвоста.

– Чтоб ты сдох! – пожелал Олег вослед кавалеристу.

– К ромею своему поскакал, – подключился Пончик. – Угу... Арпил это, из ильменских.

– К этому... к Ставр? – поинтересовался Олег.

– Да не! К Агапиту. Помнишь?

– К Агапиту? Так он еще осенью уплыл!

– Уже приплыл! – охотно делился информацией Пончик. – Угу... Ему Вадим ярл избу подарил. Быстро же они спелись. Хотя... Ярл-то крещеный! Угу... Совсем рассказать забыл! – оживился Пончик. – Ты слыхал, как Агапит местных крестить пытался?

Олег помотал головой.

– Вышел на бережок, – продолжал Пончик, – а там девки купаются. Гольшом! Угу... Агапит как давай их шугать! Крестом машет, молитвы трубит. Девки терпели-терпели, да и стащили попа в воду! Чуть не утопили особу духовного звания. Угу...

– Ругался поп? – спросил Олег с интересом.

– Аж шипел!

Оба расхохотались, радуясь всему сразу – и тому, что ромею кичливому дали сдачи, и погоде хорошей, и вообще... И снова стук копыт за спиной. На этот раз телегу обогнал княжеский гридень – утконосый какой-то. Он тоже был в кафтане, как и Арпил, но, кажется, без кольчуги и без меча. Зато с громадным ножом-скрамасаксом на поясе, в ножнах с посеребрёнными накладками. Неприятный тип. Неприятный и опасный.

– Еще один... – проворчал Пончик, провожая утконосого хмурым взглядом. – Тоже небось к попу. Ишь, повадились... Хуфин это, из датчан, – объяснил он Олегу, – в прошлом году с сотней Асмуда в Миклагарде служил, там и крестился. Щас ото всей братии наособицу, язычниками прозывает...

– Интересно... – задумчиво протянул Олег.

Беспокойство не беспокойство, но тревожность некая протрезвила его, заставила поежиться разомлевшую душу.

Телега выехала к берегу, заставленному наустами – корабельными сараями для лодий и снекк. Здоровенные, как соляные амбары, наусты тянулись вдоль берега, загораживая реку, до самого города. Но те, что стояли с краю, поднимали свои крыши совсем уж высоко. Стен на эти наусты еще не приколотили – одни столбы да кровля, – и потому не глушились звонкие удары топоров и колкий скрип тесел, озвучивавших строительство новых лодий.

Сноровистые мужички-корабельщики работали плотницкими дружинами – слово

«артель» еще не было в ходу. Пончик попридержал Чалко:

– Тпрру, запыхлятина!

«А ладные лодейки выходят, ничего не скажешь, – подумал Олег. – Как гульнут по Европам, как втешутся в чужие берега... Любо-дорого!»

– Поехали, – вздохнул он.

– Слушай, Олег, – сказал Пончик задумчиво. – Ты что-нибудь помнишь из истории? Ну, что в этом году произойдет?

У Олега сразу испортилось настроение.

– Да ничего хорошего... – пробурчал он. – Кто-то должен напасть, то ли Рагнар Лодброк, то ли еще кто... Всю Альдейгу на хрен пожжет... И вроде как Рюрика должны призвать.

Пончик заволновался.

– А потом? – спросил он.

– Потом?.. – Олег нахмурил лоб. – В восемьсот шестидесятом Аскольд пустится в поход на Миклагард и по дороге, так, мимоходом, Киев захватит. Пока он еще Самба-том зовется...

– Кто?

– Не кто, а что. Киев. В шестьдесят первом наши опять Париж возьмут. В сорок пятом брали, в пятьдесят седьмом брали, ну и еще разок займут... Хм. А в шестьдесят втором Вадим против Рюрика восстание поднимет...

Пончик очень серьезно сказал:

– Тебе надо об этом рассказать конунгу. Угу...

– О восстании?

– Да обо всем! Сам подумай, сколько можно будет жизней спасти, если заранее знать. Угу...

– Ты сам лучше подумай, – сердито сказал Олег. – Кто я и кто он!

– Все равно, – заупрявился Пончик. – Пусть лучше знает.

– Да кто поверит трэлю?

– Вот зря ты. Угу... Сейчас не двадцать первый век, тут всему верят. Да и не важно, поверит тебе конунг или нет. Главное, что ты предупредишь!

Олег не нашелся, что ответить, и пробурчал:

– Ладно, попробую...

– Обещаешь?

– Да! – рявкнул Олег. – Вот пристал...

Довольный, что добился своего, Пончик прибавил прыти чалому, и скоро уж телега миновала загремела по улице, мощенной деревянными плахами. Неширокая улочка звалась Варяжской – до Свейского переулка. Далее она меняла русское название на урманское, но та же ореховая скорлупа хрустела под коваными ободами, те же мощные срубы из гигантских почерневших бревен тянулись по сторонам улицы, те же могучие заборы справа и слева. Такое же все крепкое, мощное, ладное. Сколько заборов – столько крепостей. Нету пока у Альдейги герба своего, а девиз уже имеется: «Накося!» Замучишься завоевывать...

– Опять чинят в базарный день... Угу... – проворчал Пончик, подбирая вожжи. – Нашли время!

Впереди дюжие ребята-мостники перестилали покрытие – ложили вдоль улицы три бревна-лаги и врубали поперек крепкие плахи. Еще и брус по краям клали, типа поребрика.

– Давай в объезд.

Ворча, Пончик приворотил телегу в узкий, немощеный переулок и выехал на соседнюю улицу, прямо к свежесрубленной избе, над резным крыльцом которой нагло растопырился крест. На новеньких, светящихся смолистой желтизной ступенях стоял отец Ставр во всем черном и мерно постукивал по столбу волосатым кулаком, усеянным огромными перстнями-жуковиньями. Ему что-то неслышное говорил утконосый Хуфин, переминая пальцами шапку. Священник кивал со значительным видом.

- Ты езжай пока, – Олег соскочил с телеги, – я сейчас...
- А ты куда?
- Нужно мне.
- А-а...

Олегу приспичило. Он свернул в проулок, зажатый частоколами так, что двум пешим не разойтись, и выбрался на немощеную улочку, застроенную амбарами, крепкими и основательными, как доты. За амбарами тянулись овражки да западины, заросшие густой зеленью бузины и шиповника. Здесь Олег, поозиравшись, оправился и пошел обратно другой дорогой. Распугав гусей за длинным зданием платной конюшни, он полез через кусты смородины, продираясь к задней стене новенькой избы. «Совсем на местности не ориентируешься! – сердился он про себя. – Сейчас вот спустят хозяева собак, они тебе моментом верный путь укажут...»

Внезапно из волокового окна-просветца над его макушкой донесся негромкий мужской голос:

– Мы творим дело богоугодное, стало быть – правое... – Олег узнал баритон отца Агапита и замер. – Простереть свет истины над русскими землями – разве не благо?! И пусть великая идея спасения души овладеет заблудшими! Обратись к василевсу ромеев, и он поможет тебе взойти на трон всея Гардарики...

– Ага! – послышался голос Вадима ярла, исполненный сарказма. – И стану я тогда вассалом императора. Приставит ко мне какого-нибудь архиепископа, и будет он тут мной вертеть...

– Не вертеть, – с достоинством сказал отец Агапит, – но направлять волю христианского царя русов и наставлять его. В том и заключено богодержавие!

– И чем он мне поможет, василевс твой? – спросил Вадим агрессивно.

– Золотом, – коротко ответил Агапит.

– Мало золота! – рявкнул Вадим. – Еще и сталь нужна! Дружину Улеба не купишь, ее резать надо! Колоть! Рубить! Сживать со свету! И какой мне в этом толк от василевса?!

– Не волнуйся так, ярл, – зажурчал Агапит, – все в руках божьих.

– Как же мне все это надоело, господи... – процедил Вадим. – Сколько можно гнить на этих поганных болотах?! Ладно, пойду я...

– Ступай с богом, сын мой...

Олег осторожно выпрямился и скользнул в проулок. «Да-а... – подумал он. – Страсти кипят шекспировские. Может, и впрямь Нострадамусом прикинуться? Возвещу конунгу грядущее, а дальше пусть сам думает. Хоть душа будет спокойна...»

2

Свеаланд, Упсала

Лодью свою Вадим ярл получил в наследство от отца и продолжал называть «Пардусом»⁴¹ – так легка была она на воде, так стремительно разгонялась, разрезая килем пенные гребни. Борта лодьи поднимались невысоко и были выкрашены в густо-синий цвет. Следуй она на одних веслах, заметить ее в толчее волн было бы непросто, но «Пардус» шел под парусом. Растянутое реем красно-белое ветрило маячило издали, словно бросало вызов встречным и поперечным, пугая мирных купцов, напрягая воинов. Удача – девица с норовом, изменить может запросто, а тут, на палубе, восемь десятков отборных головорезов, точно знающих, где у меча острие...

⁴¹ *Пардус* – гепард.

Сошурившись, Вадим осмотрелся. Серо-зеленое Варяжское море заливало весь круг зримого им мира, перекачивая валы соленой влаги, шумно дыша и плеща.

– Воист! – коротко кликнул ярл и, без лишних слов, показал на мачту.

Воист, шустрый белоголовый малый, мерянин из города Суждал,⁴² поплевал на ладони, сплошь покрытые мозолями, и полез на мачту, ловко цепляясь за канат из моржовой кожи. Наверху, уперев колено о рей, Воист оглядел море на западе и крикнул:

– Вижу берег!

Вадим молча кивнул, хороня скупую улыбку в бороде. Засветло управились! Позади глубокая Нева и мелкие воды Хольмского залива между Финландом и Эйтландом, позади – короткий простор Варяжского моря, и вот зоркий Воист углядел коренные земли Свеарики.⁴³ Подгребаем, однако!

За годы службы у василевсов, сперва у Феофила, после у сына его Михаила, Вадим привык к теплым водам синего Русского моря, Понта Эвксинского, как звали тот водоем ромеи. Не то что море Варяжское, зябкое летом, окованное льдом зимой. Тут и краски побледнее, и теплынь поскуднее... Природа второго сорта.

Долго ли, коротко ли, а приблизилась страна свеев, обтекла лодью островами-шхерами. Да, не любит земля тутошняя соху и посев – сплошь скалы да сосны. А где тощие почвы ровно стелятся, там травку-муравку камень прорывает, мшистые валуны утаптывают. Худая земля, не для урожаев богами сотворена. А в Гардарике чем лучше? И там поля – урывками. Где расчистишь деляну да выжжешь деревья, там и сеешь. Одни птицы да души блаженные в Ирии видят сверху «Страну крепостей» – ковер лесной в подпалинах огнищ, в черных дырах болот, в серебряных брызгах неисчислимых озер. Окраина. Задворки мира.

– Белый щит поднять! – скомандовал Вадим.

Двое гридней-близняшек, Ардагаст и Прогост, вскочили и кинулись к мачте, живо подтянув к самому флюгеру круглый щит, мазанный белой краской, – знак добрых намерений.

– Парус спустить! Весла на воду!

Произошло множественное движение – гридни расселись по скамьям-румам, вывернули круглые заглушки из лючков в борту, просунули в них узкие лопасти весел, взялись хорошенько и налегли.

Узкая длиннотелая лодья, высоко поднимая форштевень с ощеренной пастью чудовищного зверя, помчалась шустрее и вошла в пролив к озеру Лёг. Показались первые дымки, навстречу проплыл пузатый фризский когг. А Вадиму стало нехорошо – припомнил он, с чем следует в земли свейские, какие вести несет Эйрику конунгу, сыну Энунда из рода Инглингов. Оплывая страхом, прислонился Вадим спиной к мачте. Господи Иисусе, спаси мя и помилуй...

«Пардус» скользил по волнам озера, неся черным вороном, зловещей птицей, вестником несчастий и горестей. Словно отвечая мыслям Вадима, пролетел по ясному небу живой ворон, хрипло каркая. Священная птица Бодана... Вадим сжал пальцы в кулаки – это знак! Крещенный в храме Святой Софии, ярл до сей поры барахтался в тенетах языческих провозвестий.

– К берегу! – скомандовал он, повеселев.

За разливом вод открылась Упсала, столица свейская, поставленная в устье речки. В Упсале проживал Эйрик Энундсон, конунг всея Свеарики.

Ладья утишила разгон и плавно приткнулась к деревянным мосткам. Крепкие парни с берега приняли швартовы и живо обмотали вокруг бревен. Первым на берег сошел Вадим, следом спустились Ардагаст и Прогост. Дорогу важничавшей троице перегородили трое

⁴² *Суждал* – ныне Суздаль.

⁴³ *Свеарики* – Швеция.

викингов, каждый поперек себя шире. Средний из них, поглядывая на лодью, спросил неприветливо, коверкая гардскую речь:

– Чего надобно?

– А ты кто таков, чтобы спрос учинять? – попер на викинга Ардагаст, кладя пятерню на рукоять меча.

– С дороги! – поддержал брата Прогост.

На лодье заволновались, забежали, гремя оружием. Но викинги попались упертые. Средний набычился и пошел на Прогоста, вытягивая меч. Клинок в его могучей лапе гляделся кухарским ножиком.

– Стоять! – хлестнул голос, в котором пробивалось властное превосходство, и викинги неохотно отошли. Из-за их неохватных спин выступил дородный свей в синем кафтанчике из фламандского сукна, с огромной собольей шапкой на голове, и громко сказал:

– Я – стурман⁴⁴ Эйрика конунга нашего, и все называют меня Хродвислом ярлом сыном Торгерда. Чья лодья пристала к нашему берегу?

– Люди зовут меня Вадимом ярлом сыном Годлава, – ответил Вадим. – Сами мы из Гардов и хотели бы переговорить с конунгом свеев.

Стурман склонил голову в знак согласия и повел рукою, приглашая следовать за собой.

Дорога была не длинной. Обогнув пологий курган, Вадим вышел к храму, рубленному из дерева и разукрашенному золотом. Храм стоял на ровном месте, окруженном холмами, как трибунами амфитеатра, виденного ярлом в Миклагарде. Рядом с капищем рос огромный, раскидистый дуб. На его ветвях висели, покачиваясь на ветерке, почти истлевшие останки давних жертв, а с голого сука свешивалась петля, стянувшая горло человека, принесенного богам намеренно, – вороны только и успели, что глаза ему выклевать. За распахнутыми дверьми святилища горел огонь в очаге, подсвечивая статуи трех богов. Тор с молотом сидел посередине, Бодан в доспехах и Фрейр с огромным членом тулились по сторонам. Вадим истово перекрестился. Ох, прав он был, спасая душу в вере истинной, и порукой тому его чутье! Да разве может сравниться запах тлена с благоуханием ладана?

Стурман не заметил крестного знамения. Поклонившись богам, Хродвисл ярл повел гостя ко дворцу свейского конунга. Вадим скривился. Дворец, называется! Да в Миклагарде его и за конюшню не сочли бы.

По двору близ королевских палат маялись без дела с полсотни викингов в доспехах. Завидев Вадима, «ясени битвы» мигом оживились, словно почуяли, с чем пожаловал пришелец из Гардов.

Поднявшись на второй этаж по внешней лестнице, стурман проводил Вадима в покои конунга.

Эйрик сын Энунда из рода Инглингов выглядел браво, хотя ростом и силой не потрясал. Кряжистым он был, основательным, со светлыми волосами цвета половы и ясными глазами, прозрачными, как тающий лед. Конунг был в высокой вихухоловой шапке с бобровой тульей, в длинном плаще черного сукна, отороченном горностаем. Плащ открывал красный кафтан с золотыми бляшками и плетенками и кожаные штаны, заправленные в юфтевые сапоги, расшитые мелким речным жемчугом.

– Высокочитимому владетелю Свеарики, – напыщенно возговорил Вадим, – великому и светлому Эйрику конунгу сыну Энунда, шлет приветное слово Вадим Храбрый сын Годлава, ярл ильменский!

– Приятно слышать учтивые речи от боярина Улеба конунга, – слегка поклонился Энундсон. – Что привело тебя к порогу дома моего, Вадим ярл?

– Хочу предложить Эйрику конунгу Аустрвег,⁴⁵ – ровным голосом проговорил Вадим.

⁴⁴ *Стурман* – буквально «большой человек», придворное звание.

⁴⁵ *Аустрвег* – «Восточный путь», то есть земли на восточном берегу Балтийского моря.

Эйрик вострепнулся, его глаза расширились – сперва во гневе, потом от растерянности. Светлые брови сошлись, сминая кожу на лбу морщинами непонимания.

– Проясни смысл твоих слов! – отрывисто сказал Эйрик.

– Все просто, конунг, – заговорил Вадим, дергая губами от возбуждения. – Тесть Улеба Буриовой вдрызг разругался с зятем, разорвал все ряды мира и любви⁴⁶ и теперь один сидит в Кирьялаланде. Известно, Кирьялаланд мехами обилён, но ведомо ли тебе, конунг, что целые груды мехов скопились в Бьярмаре,⁴⁷ дожидаясь купцов арабских? И все они будут твоими, если ты поторопишься их взять!

На губах Эйрика заблуждала улыбка.

– Карелы – хорошие охотники, – надавил Вадим, – но воины они никакие. На землях их стоит много крепостей, но самая большая...

– Кирьялаботнар? – перебил его Эйрик. – Та, что в устье Вуоксы?

– Да, конунг.

– У стен ее погиб мой прапрапрадед, – пробормотал Эйрик, – Ивар Широкие Объятия...

– Верно! – нетерпеливо сказал Вадим. – Но ныне Кирьялаботнар опустела. Кунингас Матул ушел из нее на праздник в Бьярмаре, и с ним утопала половина рати, что стояла в крепости. Путь свободен, конунг! А в помощи Буриову отказано. Улеб ясно выразился: ни одного варяга не дам! Сам, дескать, выкручивайся.

Эйрик взволнованно заходил по комнате, почти касаясь шапкой низкого потолка.

– Но почему ты открываешь мне тайное? – резко спросил он. – А, Вадим ярл? Тебе-то какая выгода от моего похода на карел?

– А такая! – Вадим раздул ноздри и сжал кулаки. – Карел ты покоришь с легкостью, и кто тогда помешает тебе подмять под себя Гарды? Ты вернешься домой с хорошей добычей, а Улеба убьешь. И пусть его место займу я! Я буду собирать тебе дань и каждый год привозить в Упсалу. Сам!

Эйрик Энундсон задумчиво смотрел в угол, где стояло копьё Одина.

– Хорошо... – протянул он. – Ты станешь правителем Гардов.

Вадим неслышно выдохнул: получилось!

– Но! – поднял палец конунг. – Улеба конунга убьешь ты.

– Я... – слабо молвил Вадим.

– Ты, Вадим ярл, ты, – мягко проговорил конунг.

Он прошел к маленькому окошку, под которым стоял поставец с нехитрой снедью, взял ржаную лепешку, намазал на нее масла, присыпал икры и откусил.

– Никто же тебе не предлагает заявиться к Улебу во дворец и прирезать его, – журчал Эйрик, – но я ж по себе знаю, как живут конунги. Зимой Улеб пьянствует на пирах, а летом или воюет, или на охоте пропадает. Отсюда и выбор – или яду подсыпь, или подстрой несчастный случай на охоте. Мало ли что в лесу случается...

– На неделе Улеб тура гнать собирался... – задумчиво произнес Вадим.

– Во! – обрадовался конунг. – И ты поохотись! Улеб на тура, а ты – на Улеба. Главное что? Охота на тура – дело опасное... Вот где можно конунга... того...

– Чего? – недопонял Вадим.

– Убрать. Подколоть копьём! Упаси бог – стрелой или ножичком. Только копьём. Будто рогом боднули! Чтобы так – вот Улеб, вот тур. Насадить конунга на рожон – и в лес! И пусть тур с трупом поиграется, потопчет. Кто что скажет? Несчастье на охоте! Не остерегся конунг. Ну и все... Дружина без конунга, что стадо без пастуха. Разбежится! К тебе же и откинется. А в помощь тебе дам своего человечка. Зовут его Хуфин Убийца, надежный

⁴⁶ Так в то время назывались мирные договоры.

⁴⁷ *Бьярмар*, или Бьярмы, – тогдашняя столица Карелии, располагалась в районе Приозерска.

малый. Действуй... Вадим конунг!

Рано-рано, когда в зоревых лучах догорали последние звезды, «Пардус» покинул озеро Лёг и взял курс на Гарды. Тревоги и страхи мучили Вадима, но и сладкий яд точил душу его. Лодья летела черной птицей к озерам и лесам Гардарики, а Вадим чувствовал себя ангелом смерти, возвещавшим божий суд. Он нес родине войну.

Скоро, скоро вострубят рога! Огнем и мечом расчистит Эйрик Энундсон дорогу Вадиму Храброму, дорогу к трону. И мы еще посмотрим, кто кому будет дань платить!

3

...Лев – царь зверей. Трюизм. Кто-то первым высказал это мнение, а молва возвела его в ранг последней истины. Сомнительной, если рассудить. Никто же не сводил в поединке льва с белым медведем или, хотя бы, с бурым собратом арктического ошкуя.⁴⁸ О, такие, бывает, чудища попадают в лесах, что куда там гривастому с кисточкой на хвосте! Но что мы все о царях, да о царях. Можно и о князьях звериных потолковать. Кто в русском лесу хозяин? Медведь. А если подумать? Никогда ни один медведь не схлестнется с туром! В этом диком буйволе жила великая мощь, а если помножить ее на ярость... Не одолеть тура медведю! Турицу задрать – куда ни шло, а тура – ни в жисть. Надо полагать, трон лесного князя перешел к топтыгину в семнадцатом веке, когда европейцы доконали последнего тура. Ах и красивая же зверюга была! Высоченный, широченный, лоснящийся, гнедой весь, только на хребтине белая полоса, и рога – длиннющие, острейшие, торчащие вперед, как у трицератопса. А уж характерец... Это вам не племенной бык! Тур! Он не туп, он умен и зорек, ступает бесшумно и появляется неожиданно. Степного тура хоть издали увидишь, а лесного, поди усмотри! Наверное, зря природа дала туру рога – повадки у него какие-то не травоядные. Хищного в туре много, немирного. Так на то и князь, за то и уважение! А охотнику, добывшему тура, – почет и слава.

Охоту на тура затеяли в междуречье Паши и Сяси. Места здесь буреломные, по внешней поре – топкие, но в начале лета пройти можно. Не парк, конечно, так ведь и тур – не буренка.

Вадим поднялся по Паше на «Пардусе», взяв, кроме гребцов, лишь Ардагаста и Прогоста. Двойняшки не отличались сообразительностью, зато ничего не боялись и никому не давали спуска. «Когда трон займу, – мечтал Вадим, – сделаю их гвардейцами! А Прогосту дам чин... нет, лучше дам обоим, передерутся еще...»

С приятностью решая будущие проблемы, Вадим ярл высадился на бережку, где сосны отступали полукругом. Здесь и разбил лагерь Улеб конунг. Дугой вдоль опушки стояли шатры, аппетитно булькало мясо в котлах. Охотники – гардские князья и ярлы, следопыты и гридни – попивали мед да пивко и рассуждали об особенностях национальной охоты и рыбалки.

– Ты мою лодью знаешь? Не малая посудина – в шестнадцать румов.⁴⁹ Так тот осетр... ну, может, на локоть меньше лодьи был! Царь-рыба!

– Не видел, значит, ты матерого волчару! А на меня один такой вышел... В холке – выше хорошего коня, а лапы – что моя нога! Ох и зверюга был... вся семья его шкурой укрывалась...

– Тю, тетерев! Я однажды чуть птицу Алконост не свалил! Гляжу – сидит на суку диво, вроде птица, да уж больно велика. Я быстренько стрелку на лук, натягиваю... А оно как раскинет крылья, как обернется... Мать моя! Сиськи торчат – от такенные, и лицо бабье! А

⁴⁸ Ошкуй – белый медведь.

⁴⁹ Число румов соответствовало количеству гребцов по одному борту.

ты – тетерев, тетерев...

– А лонись⁵⁰ я четвертого добыл. Вроде и жалко тварь, так ведь на него бортей не напашешься!

Ардагаст с Прогостом быстренько вкопали центральный резной столб и накинули на него кожаный шатер, растянули к колышкам, чтоб все было как у людей. Двойняшек узнавали, хлопали по гулким спинам, звали к кострам. С Вадимом тоже здоровались, но разговоров не заводили – старались вообще не связываться. Вадимова надменность и высокомерие, злопамятность и склонность к пакостям людей не влекли. Все сходились на том, что «с дерьмом лучше не связываться».

Вадим был в курсе общественного мнения, но выводов не делал, злился только и представлял в сладких мечтах, что он сделает с обидчиками, когда дорвется до власти. А уж его мрачным фантазиям позавидовали бы иные заплечных дел мастера. У Вадима ярла было пугающее хобби – он коллекционировал пытки. И казни. Узнает что-нибудь новенькое о том, как помучить человеческое существо, и записывает, наслаждаясь, как всякий собиратель. Саддам-урганджи, купец-хорезмиец, поведал Вади-ярлу на днях, как человеку испортить жизнь. Надо надрезать ему пятки, всыпать на живое рубленого конского волосу и дать зажить ране... Другой рецепт пришел из Аквитании: сгибаешь мужика в дугу, яички его перетягиваешь проволокой, а другим концом наматываешь на шею. Сидит мужик, согнутый в три погибели, мучается, костенеет, пялится на синюю, вспухшую мошонку, а выпрямиться не может! К женщинам иной подход – надо соски их распрекрасные защемить, хотя бы крышкой сундука...

Как припомнишь всех врагов, как начнешь применять к ним (пока что в уме!) эту такую методику – душа петь начинает, в глазах мягкость появляется, нежность даже...

– Здрав будь, Вадим конунг, – послышался тихий голос. Вадим живо обернулся. На него глядел голубоглазый блондин с очень странным утиным носом. Что-то злое, нутряное, потаенное то и дело пробивалось в блуждающей усмешке утконосого, пугая желтозубым оскалом, выглядывая из-под белесых ресниц.

– Меня называют Хуфин Убийца, господин, – представился утконосый.

– И ты здрав будь, Хуфин, – милостиво сказал Вадим, наслаждаясь самой формой приветствия и ответа.

– Тот, кто велит, – добавил Хуфин тихо, намекая на Эйрика Энундсона, – приказал помочь тебе... в охоте!

– А знаешь ты, на кого мы охотимся? – криво усмехнулся Вадим.

– На Улеба! – хихикнул утконосый. – Копье начнет, а рога закончат!

Улыбка разделила бороду и усы Вадима и вновь свела их, замкнув уста. Когда Хуфин только появился, ему хотелось одного – пусть утконосый как-нибудь сам прикончит Улеба, без него. Но теперь, испытав усладу чужого раболепия, Вадим отказался от своего желания. Если конунга порешит Хуфин, он никогда уже не взглянет на Вадима вот так вот, снизу вверх. Утконосый поднимется на ступеньку и встанет вровень со светлейшим высочеством, ибо высочество будет обязано Хуфину. Стерпеть такое унижение? Еще чего!

– Будешь прикрывать меня, – приказал Вадим, хмурясь.

– Да, господин!

Ну разве не стоит эта угодливость мгновения риска? Одно мгновение всего – копье входит Улебу в спину, с хлюпающим звуком разрывается кожа, хлещет кровь, уходит жизнь... И сбывается мечта.

– Э-ге-ге! – закричал с опушки егеря Рунольт. – Нашли!

Загалдела знать, как на торгу, хвастаясь охотничьими подвигами, пошла врать, живописуя таких тварей, по сравнению с которыми даже дракон покажется игривым Мурзиком. Слышались возгласы:

⁵⁰ *Лонись* – прошлой осенью.

- Пошли скорее! Долго ты будешь копаться?
- Отвине, возьми мое копье! Щас я, быстро...
- Бери эти – срезни не пробьют. У него шкура – что твой щит...
- Видга, останешься за хозяина!
- Да ты лапти обуи! Чего в сапогах париться?
- Быстрее, быстрее!

Вадим вытер о штаны вспотевшие ладони и покрепче перехватил копье. Глаза его осмотрели толпу и цепко глянули на Улеба. Конунг гардский был без брони, в одной стеганке поверх рубахи. Плащ-корзно он оставил в лагере, в шатер полетела и княжеская шапка. Веселый, раскрасневшийся, Улеб внешне ничем не отличался от своих гридней, толкавшихся на опушке.

Вадим насупил и шагнул на тропу.

Смешки вокруг затихали, словно веселье оставили в лагере вместе с ненужными на охоте вещами. Люди шагали бесшумно, быстро скользя меж деревьев, переговариваясь по нужде – четко, быстро и негромко. Люди принимали законы Леса.

Издали долетел полурев-полумычанье. Охотники замерли, а Асмуд хевдинг, набрав в грудь воздуха, затрубил в рог-манок, подражая туру. Неужто лесной князь потерпит наглеца, топчущего его угоды?! Рев донесся яснее – тур рвался проучить пришлого самца. А ну как его туриц уведет?! Ой, плохо чужаку будет, ой, плохо...

– Туда! – указал Асмуд на просвет между двух скрученных сосен.

Охотники молча пошли, куда велено. Асмуд выпрямился и затрубил – с переливами, словно гордясь своей силой и статью. В ответном реве зазвучало бешенство обманутого супруга.

– Ишь, забирает как! – с ухмылкой пробасил Асмуд.

– Разделяемся! – развел руки Рунольт.

Охотники пошли двумя отрядами. Вадим высмотрел Улеба и пристроился за ним. Позади затрубил Асмуд. Тур заревел совсем рядом, горой окостеневших от гнева мышц ломаясь сквозь кусты. Вадим облизнул пересохшие губы. *Странно* он чувствовал себя. Тур его не страшил, а вот Улеб... Чем ближе подходила роковая минута, тем сильнее дрожали руки.

Ярл прокрался между мелких, растрепанных сосенок и зашел Улебу за спину. Вот она – широкая, мускулистая, обтянутая стеганкой. Сын Бравлина конунга присел за валуном и ждал выхода зверя. Плечи его были напряжены, пальцы, стискивающие древко рожна, побелели. Подрагивал плоский и длинный наконечник, похожий на короткий меч.

А вон на стеганке, слева внизу, горелое пятно. Бить нужно туда... Вадим в тоске оглянулся – никого. Пора...

Но... нет! Несказанный страх и томление сковали Вадиму руки. Ну же, ну же... Время уходит! Никто ж не узнает! А вдруг?.. Кто схоронился за теми кустами – друг или враг?! А пусть даже и друг! Это только так говорится – друг не выдаст, друг не продаст... Не продаст, пока цену не назовут! А коли сторгуются?! Да если только гридь узнает, кто проткнул их конунга... Вадим на практике ознакомится со многими украшениями своей коллекции. Вдоволь нанюхается паленого мяса! И не чужого... Принято южан считать знатоками, спецами по причинению страданий. Ну так северянам тоже кое-что ведомо! Положат «Вадима конунга» мордой вниз, привяжут и ножичком взрежут кожу вдоль хребта. Каждое ребрышко отделят и вывернут – на живом еще! А потом заделают Вадиму «кровавого орла» – вытянут со спины его розовые легкие, будто крылышки...

Вадим заскрипел зубами. Улеб резко обернулся и поднес палец к губам: тихо, мол! И вновь приник к камню.

Тур явил себя. Он возник как бы из ничего – черная бестия, критическая масса беснующейся плоти. Тур шумно вдохнул воздух, высматривая противника налитыми кровью глазами. Угрожающе опустил громадные рога и загреб землю копытом. Напружил могучую шею, исторг яростный рев. Где враг?!

Без шума спущенные стрелы воткнулись быку в загривок. Утробно замычав, тур взвился на дыбки, закидывая голову. Улеб этого только и ждал. Словно подброшенный пружиной, он перепрыгнул валун и воткнул копьё в брюхо конунгу лесному. С другого боку подбежал Асмуд и добавил.

От боли тур испражнился. Он тяжело упал на передние копыта и вдруг бешено завертелся, харкая кровью и поражая страшными рогами. Рунольт замешкался, и тур буквально измочалил егеря, отбросив в кусты растерзанное тело.

Не желая терять лицо, Вадим выскочил на поляну. Тур резко развернулся и бросился на Вадима ярла. Тому надо было за один удар сердца успеть поразить лесного гиганта копьём, упереть оскопище⁵¹ в землю и отскочить в сторону. Вадим успел.

Тур напоролся на копьё и, замерев на мгновение, тяжело повалился на бок. Жизнь покидала громадную тушу. Асмуд вскочил на трепещущий бок буй-тура и острым ножом вырезал широкую и длинную полосу вороной шкуры. Обычай жестокий, но считалось, что в ремень турьей кожи переливается сила животного, и что она передастся тому воину, кто его наденет.

Помалу охотники выходили из транса, унимали кровь. Егеря заученными движениями разделали тушу, и Улеб лично закопал голову тура, помолясь и испросив прощения у духа животного за причиненную смерть.

Усталые и довольные, охотники потянулись в лагерь, волоча добычу. И даже то, что двое несли Рунольта, похожего на истоптанную тряпичную куклу, не омрачало настроения – все ведь знали, на что шли. Тур – не заяц, промашки не спустит.

Вадим плелся следом за двумя молодыми гриднями, тащившими каждый по здоровенному окороку. Рядом пристроился Хуфин Убийца.

– Не успел, – буркнул Вадим, непроизвольно сжимая руку, где совсем недавно было копьё.

– Ну и ладно, – бодро зашептал утконосый. – Зато, конунг, ты тура положил!

– Начал Улеб, – вяло отговорился Вадим.

– А ты dokonчил!

– Ну да...

На опушке уже вовсю пылали костры. Мясо тура рубили большими кусками и насаживали на вертела, солили, натирали травами, совали в надрезы лук. Запах поплыл над лагерьем, будоража и дразня. Гардская аристократия переменила тему.

– Я, когда в Миклагарде служил, – вспоминал Асмуд хевдинг, – едал ихнего... как его... поркус... дальше забыл. Ну, короче, вепря берут и жарят целиком, а внутрь птицу битую суют. Пулярочек, там, рябчиков всяких...

– А меня однажды в Асские горы⁵² занесло, – с жаром начал Крут, – к аланам ездили... по разным делам. Так они шашлыком угощали. Это... да вот, как у нас, мясо на вертеле, только кусочки ма-аленькие, и их всю ночь вымачивают. Ну, там, соль, лук кладут, укус... Обедение!

– А на Непре нас колбасой потчевали, – мечтательно закатил глаза бледный гридень с узким лицом. – Готы свиные кишки не выбрасывают, как мы, а чистят и набивают кусочками мяса, получают колбаски. Их жарят, и мясо в них, как в мешочке, соку не теряет...

Вадим сидел, развалясь, у костра и пил хмельной мед. Он был тут, со всеми вместе, и в то же время наособицу. На душу его опустились сумерки, и даже мед не разгонял тоскливый мрак. Вадиму было паршиво – он так и не пришиб Улеба... На первом шаге к трону его светлейшее высочество споткнулось.

⁵¹ *Оскопище* – древко копья.

⁵² *Асские горы* – Кавказ.

Глава 8

1

Любимая лодья Эйрика Энундсона была наречена «Рыжим Змеем». Не в честь славного Энунда, чья пышная грива горела на солнце яркой желтизной. Просто, когда лодью спускали на воду, она скользила по двум бревнам, щедро смазанным салом, а поперек лежала жертва – рыжий безымянный трэль. Тяжелый киль драккара переехал трэля, раздавил и размолот тело, так что кровь человеческая забрызгала оструганные борта. И дротт, жрец Одина, присоветовал назвать лодью «Рыжим Змеем». Дескать, этим привлечена будет милость богов, владык пучин и ветров.

«Рыжий Змей» был велик. Огромное дерево в пятьдесят больших шагов пошло на его киль. Правда, конунг гардский владел еще большими лодьями, но такие корабли могли заходить лишь в устья полноводных рек вроде Сены или Рейна. А вот когда русы ходили в поход на арабов, они поднимались до Севильи на обычных скедях. И ромеев воюют тем же порядком. Да и как одолеешь волоки по пути из варяг в греки на тех же снечках, громадных, как ромейские триремы?! И это утешало Эйрика Энундсона...

– Конунг! – почтительно склонился стурман. – Прибыли свободные ярлы! Арт Одноглазый сын Хравна на лодье «Акула», Даль Толстый сын Ульвара, тот самый, что на тинге поколотил берсерка Эгиля, приплыл на двух лодьях. Альф Готский сын Вифила, на трех. Гейр Ливонский сын Хакбьярна...

– Дюк Славянский на месте? – перебил его Эйрик.

– Да, конунг, – почтительно склонился стурман. – Дюк Славянский сын Хилвуда сына Келагаста привел своих людей на трех лодьях и поит их со вчерашнего дня...

Эйрик расхохотался.

– Узнаю Дюка! – воскликнул он. – Кто еще пожаловал?

– Уббе Фризский сын Гудлауга, – торжественно продолжил стурман, – Греттир Викский сын Эринмунда... С Греттиром людей мало явилось, зато на четырех кораблях.

– Добавим! – кивнул Эйрик.

– Торольв Стабборнский сын Спяльбуда пожаловал, – продолжал стурман, – на лодьях «Арвак» и «Альсвинн», Громар Крестьянин сын Фрейгейра на своем «Морском вороне»... И... И все. Пока.

– Ледунг⁵³ объявлен? – деловито спросил Эйрик.

– Да, конунг. Всем лендрманам я послал по стреле, и каждый из них оказался послушен твоей воле. Больше всего хускарлов выставил Андветт из Бирки – пятьдесят дюжих молодцев!

– И много набралось воинства?

– Три раза по десятку сотен!

– Отлично, Хродвисл! Прикажи трубить поход. Аустрвег ждет нас, Хродвисл!

Стурман весь расцвел радостной улыбкой и сбежал на берег. Эйрик подошел к борту «Рыжего Змея». Пристань бурлила, переполненная викингами. Кто познатней да побогаче, явился ко двору в бирни – длинных кольчугах до колен, а основная масса щеголяла в кожаных подбитых куртках с нашитыми пластинами из железа или бронзы. Иные были в круглых шлемах, ополченцы носили на нечесаных и нестриженных головах кожаные шапки.

Больше всего в толпе качалось копий, мечи блистали куда реже. Часто сверкали лезвиями боевые секиры на длинных рукоятках. Гремели щиты. Лязгали, сцепляясь, копь-крюки и копь-топоры. Грюкали бортами десятки драккаров, тесно поставленные у приглубого берега.

⁵³ Ледунг – ополчение.

Эйрик даже глаза зажмурил, погружаясь в эти волнительные звуки, предвещавшие битву. Скоро, очень скоро затрубят рога, и вся эта Сила, покорная его власти, двинется на восток – рубить и жечь, копить добычу и славу!

Хрипло завывали рога. Викинги на берегу взревели, бряцая оружием, и повалили на драккары. Полторы сотни лучших из лучших уже взошли на палубу «Рыжего Змея». Они ждали. Эйрик Энундсон положил ладонь на рукоять своего меча, носившего имя Грамр, что значило «Неистовый», сжал ее и выдернул клинок из ножен. Он любил свой меч и относился к нему с нежностью и трепетом, коих не дожидались от него женщины. Меч для викинга – не орудие убийства, а драгоценный товарищ. Железо и огонь совокупились, чтобы родить клинок. В лезвие его вселялся яростный дух войны, терзаемый жаждой убийства, и истинный викинг ублажал свой меч, поил его горячей кровью...

– Вперед, ярлы! – взревел конунг. – Вперед, грид! Вперед, ледунг!

Крики восторга слились в могучий рев, разносясь над водами. Война началась.

Шесть десятков лодий вывел в поход Эйрик Энундсон. Черные вороны корчились на парусах и завитые в узел змеи, молоты Тора и колеса Ирмина, верховного бога саксов. Могучую грудь Эйрика конунга распирало гордостью и злым торжеством. Железной бороной пройдет его войско по землям гардским, сравняет с травой их хваленые крепости, выкосит варягов и пожнет великую славу!

– Подходим! – заволновались на носу корабля.

«Рыжий Змей» шел мелким Хольмским заливом. К северо-западу зеленели растрепанные сосны и угрюмо серели мшистые скалы, обрамлявшие устье Вуоксы.⁵⁴

Драккары медленно перестроились, по одному втягиваясь в прозрачную реку. Ветер переменился, и викинги сели на весла.

Вуокса раздвинула берега – две стены елей и сосен. Кое-где, по урезу воды, шелестел камыш. И вот за очередным поворотом очертились стены Кирьялаботнара. Крепость стояла на пригорке, на мощном валу, сложенном из камней и целых валунов. Круглая в плане, фортеция была огорожена частоколом из бревен в обхват, а еще выше поднимались шесты с выбеленными дождем черепами – коровьими, медвежьими и человеческими.

– К бою, – спокойно сказал Эйрик, сдерживая азарт.

Драккары устремились к берегу, шурша камышами, и сотни викингов молча перепрыгивали через борта, уберегая от воды топоры и мечи.

Сонный карел возник между заостренных бревен и ошарашенно вытаращился на огромное войско. Он уже раскрыл рот, чтобы поднять тревогу, но меткий дротик-ангон пробил карелу грудь, обрывая жизнь.

– На штурм! – заревел Эйрик, и вся рать подняла крик и вой, кинувшись на стены Кирьялаботнара.

За верхом частокола замелькали головы защитников, но напор был куда сильнее вялой обороны. Викинги с ходу бросали лестницы на стены и махом взлетали по ним до самого верха, прорубая себе вход сквозь кровь и кости, железо и кожу.

Громадное бревно, подхваченное на руки, стало тараном. С ревом и руганью викинги сорвались с места, удерживая таран, и ударили по толстым воротам. Лесины жалобно закрипели.

– Отходим! Разбег... взяли!

– У-у-у!

– А-а-а!

– О-о-о!

С третьего удара сорвалась левая створка ворот, и викинги ворвались во двор. В кругу крепостных стен стоял всего лишь один «длинный» дом и несколько клетей, по двору

⁵⁴ В те времена Вуокса была глубока и соединяла Ладогу с Финским заливом.

металось с полсотни карел без брони, даже кожаных доспехов не было на них, а руки оборонявшихся сжимали старинные мечи эпохи Меровингов.

– Бей финнов! – заорал Даль Толстый и первым показал пример, рубанув карела в длинной рубахе с богатой вышивкой. Выбеленная ткань щедро окрасилась кровью.

– Бей! Бей!

– Спалим осиное гнездо!

– Га-га-га!

– Орм! Тащи факел!

Крепость пала. Вуокса была открыта – входи, бери, что хочешь! И викинги тут же воспользовались предоставленной возможностью – наведались в карельскую деревню, тулившуюся к Кирьялаботнару со стороны леса. «Ясени» врываются в избы, зверея от вседозволенности, и рубили всех подряд: немощных старцев и стариц, малых отроков и отрочиц, юнышей и юниц. Впрочем, нет, для девиц делалось исключение – их сначала насиловали, а уже потом закалывали. Парней убивали сразу. А как же? Вырастет воином, придет да стребует должок! Еще чего не хватало...

Эйрик конунг прошелся по деревне, слушая женский вой, стоны умиравших мужей, девичьи крики, и мягко улыбнулся. Война! Он снова в деле, и руки его сильны, и глаз зорек! Держа в руке меч, он подошел к длинному дому, выходившему на маленькую площадь посреди деревушки, где рос священный дуб. Банда славян, приведенная Дюком, как раз вешала на суку местного жреца, седобородого карела, крепкого и статного. Карел молча и яростно вырывался, тщетно призывая Ильмаринена, а славяне, похохатывая, накидывали ему на шею веревку.

– Нет! – заверещал молодой ломкий голос, и из длинного дома выскочила девушка зим пятнадцати-шестнадцати, но уже с весьма заметными округлостями, с телом тугим, налитым здоровьем и женской силой.

– Стоять! – воскликнул Эйрик конунг, хватая девушку за талию. – А говорили, в деревне нет ничего ценного! – захохотал он. – А тут целый слиток «лохматого золота»!

– Пусти! – закричала девушка, трепыхаясь в железных объятиях Эйрика. – Дедушка!

– Прощай! – выкрикнул жрец. – Помни...

Он не договорил – славяне перебросили веревку через сук и дружно натянули ее, вздергивая карела, обрывая ему голос и саму жизнь.

– Дедушка! – застонала юница.

Эйрик сгреб юницу в охапку и потащил в ближайшую избу, длинный, приземистый дом, поставленный с краю леса. Кроватей тут не знали, но у всех стен тянулись широкие лавки, этого было довольно. Отложив меч, Эйрик рывком стянул с девушки рубаху и стал одной рукой лапать упругие груди, а другой торопливо расстегивать ремень на кожаных штанах. Девушку он швырнул на лавку и придавил коленом, чтобы не дергалась. Внучка повешенного казалась безучастной, как вдруг ее рука вцепилась в детородный орган свея, набравший твердости, и резко согнула его. Эйрика Энундсона резануло болью. Захрипев, он отшатнулся, хватаясь за член. Палящая боль еще сильнее хлестнула его. А девчонка скатилась с лавки, вскочила и с криком «Проклинаю!» убежала в лес, голая и босая.

Рыча от бессильной ярости, Эйрик кое-как заправил штаны и похромал прочь, мечтая о холодной примочке на больное место и о море огня для всех карел.

– Все сжечь! – каркнул он подбежавшим викингам. – И всех вырезать!

– А мы уже... того... – доложил длинный как жердь Суннват. – Всех, под самый корень!

– Хвалю! – буркнул конунг и побрел к крепости.

Когда он вошел во двор Кирьялаботнара, все постройки горма горели.

– Стены пожгите! – приказал Эйрик. – Никто не ушел?

– Нет! – заревели здоровенные красавцы хускарлы, навыка боевого не имевшие, но рвения преисполненные. – Всех положили, конунг!

– На корабли! – скомандовал Эйрик, пересиливая боль. Замечая в глазках хускарлов восторг и обожание, он через силу добавил: – Вперед, храбрецы! Я горжусь вами!

И хускарлы, вчерашние пастухи и кузнецы, железоделы и углежоги, сразу будто выросли на пару футов и раздались вширь. Что им Кирьялаланд! Да за одно доброе слово конунга они весь Мидгард⁵⁵ положат к ногам его! А конунг, шипя сквозь зубы, проковывал под навес, где хозяйничал дротт Гаутдьярв, и жрец, и целитель.

– Глянь-ка... – просипел Эйрик, спуская порты.

– Ох, ничего себе!.. – выпучил глаза дротт и тут же прикрыл их мохнатыми седыми бровями.

Член у Эйрика распух, став толщиной в руку, а мошонка посинела. Кровоподтек выкрасил весь низ живота..

– Тут лед надобен, – вздохнул дротт.

– Так найди! – злобно сказал конунг.

Гаутдьярв разогнулся, кряхтя, и подозвал помощника, белобрысого Бьерна. Тот выслушал приказ и бросился в деревню – ледник искать. Вернулся быстро и принес большой кусок льда, завернутый в тряпицу, мутный и грязный. Лед таял и стекал по рукам Бьерна струйками, но конунгу было не до того. Нетерпеливо отняв последний привет зимы, конунг приложил лед и содрогнулся.

«С-сучка! – подумал он. – Доберусь я до тебя! Сто раз пожалеешь, что сразу не сдохла!»

2

Кирьялаланд, река Кумена

Князь Буривой вел свой род от Иона и Ендвинда, а брак его дочери Умилы с самим конунгом гардским сильно поднял ему авторитет. Под старость Буривой стал сварлив, вечно цеплялся к зятю, учил его жить. А зятек тоже смирения не выказывал – посылал тестя по всем известным ему адресам, причем очень далеко и надолго.

И вот семейные неурядицы распухли до размеров междоусобицы...

У Буривой под началом была сборная дружина карельских воинов – великолепных стрелков, запросто шлющих стрелу в глаз белке, но с мечом не дружных. А еще Буривой распоряжался ратью в полусотне крепостей, похожих на Кирьялаботнар, только помельче. В крепостях тех никто не жил, туда сбегался окрестный народ, если вдруг жаловали непрошенные гости, датчане или еще кто. И на этом власть Буривой кончалась. Жадные кунингасы просто сгрузили на него все военные заботы и развязали себе руки для главного в их жизни – скупки мехов в северных пределах и перепродажи «мягкой рухляди» гостям с далекого юга. Уяснив это впервые, Буривой взбесился, чуть не поубивал кое-кого, но быстро остыл – сам виноват. Надо было сначала думать, а потом уже хвататься за лестное предложение! Эти купчины, которые по недоразумению кунингасы, знали, как с ним торговаться и залучить князя в военные вожди. А теперь все, слово даденное надо держать, хоть ты умри! Иначе какой ты князь?! Да и любят его карелы, уважение к нему имеют...

Буривой закричал и перевернулся на другой бок. Нудный дождь лупил по верху кожаного шатра и мешал спать. Раздраженно почесав седые космы, Буривой сел и потянулся к ковшику с квасом. Ковшик был пуст. Ну, не ему одному не спать...

– Ларни! – позвал он сердито. – А ну, подь сюды!

Кожаный полог зашевелился, и в шатер проник белоголовый парень, крепкий и ладный,

⁵⁵ *Мидгард* – Средний мир, мир людей, в отличие от мира богов.

с мечом на поясе, но без брони. Жадны кунингасы, жалеют дирхемов на кольчуги! Жабы...

– Звал, княже?

– Квасу набери, – буркнул Буриной.

Ларни исчез и тут же вернулся с полным ковшиком шипучего, холодного кваску.

– Ха-арош! – оценил Буриной, пригубив.

Ларни расплылся в довольной усмешке и тут же нахмурился.

– Княже, – неуверенно молвил он, – там девка одна... Говорит, старого Пелко внука, Дана...

– Так зови...

Ларни пропал и тут же вернулся с бледной девушкой, завернувшейся в плащ. Босые ноги ее были разбиты и грязны, волосы слиплись в сосульки и торчали, взывая о бане. Девушка пошатнулась, и Буриной сделал движение подхватить ее.

– Садись, садись... – засуетился он. – Ларни!

Ларни подsunул девушке чурку, и та без сил опустилась на нее.

– Не похожа ты на внуку жреца, согласишься... – проворчал Буриной.

– Это уже неважно... – проговорила девушка. В тепле шатра ее неудержимо потянуло в сон. – Извини, княже, за мой вид, я две ночи добиралась до вас...

– Что случилось? – насторожился Буриной. – С дедом плохо?

– Деда больше нет, – равнодушно ответила девушка.

– Что-о?

– Воины Йерика кунингаса напали на Кирьялаботнар, – по-прежнему безразлично сказала Дана. – Линनावуори⁵⁶ и деревню нашу пожгли, всех вырезали, кто в лес не успел убежать, а деда повесили на святом дереве... Буриной выпрямился и скомандовал Ларни:

– Буди всех! Живо!

Ларни исчез, а князь склонился к Дана:

– Это правда?

Дана пожала плечами.

– Я не за тем ноги сбивала, чтобы врать...

– И много тех воинов?

– Я насчитала пять десятков лодий, и там еще были, и все лодьи велики, каждая сотню свободно вместит... И они все идут сюда, княже!

– Та-ак... – тяжело измолвил Буриной. – Ладно, Дана, ложись и спи, а я пойду!

Девушка добрела до топчана, легла и мгновенно уснула.

– Намаялась, бедная... – пробормотал Буриной.

Тихонько стащив с Даны грязный плащ, он обнаружил, что девушка нага, и только головой покачал: натерпелась, девонька... Укрыв ее теплым овчинным одеялом, он вздохнул и вышел вон.

Дождь перестал, но воздух был прохладен, тянуло сыростью, река Кумена за густым тростником шумливо ворочалась в узких берегах.

Сотники, хмурые и встрепанные, предстали перед князем, переминаясь и поправляя пояса с мечами.

– Не на меня злитесь, – пробурчал Буриной, – а на врага. Свои припожаловали!

Кратко посвятив сотников в события минувших дней, он прошелся взад-вперед и вынес решение:

– Здесь ждать будем свеев! Эйрик конунг поднимается по Вуоксе, и устья Кумены ему не миновать. Ты, Тойво, станешь со своими на том берегу...

Высокий мужчина с белокурыми кудрями херувима, сухопарый, с широкими костлявыми плечами, молча кивнул.

⁵⁶ Линनावуори – крепость.

– Из лесу не кажись до поры, – наставлял его Бури-вой, – пушай стрельцы твои постараются свеев пощелкать, потом уж накинемся. А у тебя, Урхо, иная задача...

Коренастый, плотный крепыш с едва раскосыми глазами изобразил на скуластом лице максимум внимания.

– Заготовишь поболее смолы да сухой бересты и будешь лодьи свейские жечь с берегу. Все тебе не успеть – подпали, какие сможешь.

– Сделаем, – кивнул Урхо и вновь сомкнул узкие губы.

Раздав приказания, Буривой отпустил воинов и присел на пенек. Подумал грустно, что, наверное, это будет его последняя война. Еще одной ему просто не сдюжить – годы не те...

Выглянуло солнце, лес заиграл мириадами капель и бисеринок пролитой небесной влаги. Запарило, а когда стало совсем тепло, показались лодьи свеев. Одна за другой выплывали они из-за поворота вертлявой Вуоксы – паруса подтянуты к реям, весла дружно, без всплесков, гребут, баламутя прозрачную воду.

– Дашь сигнал, когда последняя покажется, – тихо сказал Буривой. Ларни серьезно кивнул.

Драккары шли ходко и кучно, не растягиваясь. Вуокса в этом месте была неширока, стрелкам удобно – бьешь в упор, но викинги не спешили становиться мишенями. Гребцов прикрывали прочные доски бортов – до шеи, а головы прятались за навешанными щитами.

Высоко задирая нос с головой горгульи, выплыла замыкающая строй лодья. Ларни приложил руки к губам и громко ухнул филином. С того берега откликнулись две сороки. И тут же сотни стрел пронизали листву, втыкаясь в борта, в щиты, в тела. Кормщики, сидящие повыше гребцов, пострадали больше всех – половина лодий лишилась рулевых. Драккары стали рыскать, разворачиваться поперек, ломая строй.

– Навесом стрелять, навесом! – глухо крикнул Буривой. Команда облетела стрелков, и вот луки задрались в небо, и облачко тяжелых стрел взвилось свечами, переваливаясь в высоту и падая на лодьи сверху, с огромной убойной силой гвоздя неприятеля.

По-над рекой понеслись крики, лодьи повернули к берегу, высаживая разъяренных бойцов, а тут и огнеметчики Урхо приспели – забросали лодьи чадящими факелами, добавив для верности тючки пакли и бересты, сухие и щедро просмоленные. Пара лодий занялась в момент, после вспыхнули еще три, но это был последний успех – викинги перешли в наступление. Злобно воя и бранясь по-черному, свеи бросились в атаку на оба берега, продираясь через кусты, и бешено работали мечами, врубаясь в ряды карел, полосуюя их направо и налево.

Буривой вытянул клинок. Боги, боги, сколько же крови сольется сегодня в реку...

На обрывчик, где стоял Буривой, с разбегу выбрались трое викингов. Двумя занялись Ларни и великан Ахти, третий достался Буривою. Викинг был хорош лицом и фигурой ладен – широкоплечий, мускулистый, рослый. Гладкая кожа на лице выдавала молодость и скудость опыта.

– Х-ха! – выдохнул викинг, нанося мощный удар.

А Буривой, уклонившись, подрубил викингу ногу. Обливаясь кровью, свей устоял. Сделал, было, замах, но Буривой в ту же долю секунды ударил снизу вверх, снося молодое, гладкое лицо, и отступил, освобождая место для падения мертвого тела.

Ларни был вооружен копьем длиною футов в пять, с вытянутым, широким наконечником листовидной формы. Его противник помахивал топором на трехфутовой рукояти. Замахнувшись, он обрушил топор на непокрытую голову Ларни. Карел подставил круглый русский щит, и тот треснул посередине. Отбросив щит, Ларни вцепился в копьё обеими руками и сделал выпад. Викинг махнул топором, но закругленное лезвие опоздало перерубить древко – Ларни отпрянул, тут же поймал секиру в том месте, где она соединялась с рукоятью, и выдернул ее из рук обалдевшего викинга. Глаза таращить ему довелось недолго – Ларни тут же воткнул копьё, просаживая кожаный доспех. Хлынула кровь, свей, шатаясь и зажимая рану ладонями, отступил к дереву. И тут же три стрелы прикрепили его к

стволу.

Ахти, зарубив своего, примерил трофейный шлем-спангельхельм и остался доволен.

– Как раз по мне! – крикнул он.

Буривой даже не глянул на Ахти. Выбежав на край обрыва, он оглядел поле боя. Нет, не боя – бойни. Викинги методично истребляли карел, щедро поливая землю не своей кровью.

– Отходим! – крикнул Буривой. – Ларни!

Ларни заголосил гусем, но побоялся, что шум баталии заглушит крик птицы, и выскочил на обрыв, маша руками. Кто-то далекий, но свой, выскочил из-за деревьев и резко опустил поднятые руки: сигнал принят!

– А если навалиться всем?! – жарко спросил Ахти.

– Кому – всем? – горько спросил Буривой. – Они разделают нас и даже не запыхаются! Отступаем!

– И куда будем отступать? – помрачнел Ахти.

– Уходим к Бьярмару, – сказал Буривой, – соберем ополчение и дадим бой. Ступай, Ахти, предупреди своих!

Ахти хмуро кивнул.

– Да! – припомнил Буривой. – Пошли верных ребят по деревням, пусть все в лес уходят, и подальше!

Ахти опять кивнул и исчез за деревьями – ни одна хвоинка не дрогнула.

– Где Дана, Ларни?

– В лагере была...

– Пошли тогда... Заберем ее, и вперед...

– Варягов бы кликнуть... – неуверенно предложил Ларни. – Они б свеев прогнали.

– Верно говоришь, прогнали бы! – резко ответил Буривой. – А сами бы остались. Варяги за просто так биться не станут.

– Ну и пусть! – заупрямился Ларни. – Все равно они как бы свои! Мехами возьмут, а кровь пускать не станут!

– Помолчи... – пробурчал Буривой. – И без тебя тошно...

Потерпев поражение, дружина князя Буривоа стала таять – малодушные покидали общую тропу, уходя к родным селениям, раненые не выдерживали трудных верст отступления, ложились и помирали. Иных подбирали товарищи, а тех, кому не повезло с друзьями, хоронили дикие звери.

Когда Буривой вывел остатки своего воинства на берег озера Нево, он ужаснулся: с кем же ему оборонять Бьярмар?! С этими людьми, потерявшими веру в себя, город не отстоять.

Дана, стоявшая рядом с князем на вершине невысокой песчаной гривы, поросшей соснами, глядела на бредущих понизу карел.

– Княже, – тихо сказала девушка, – их души ослабели, они уже сдались. Уйдем, княже, в Альдейгу. Что тебе Бьярмар? Город ведь все равно падет...

– Нельзя мне уходить, девочка... – вздохнул Буривой тяжело. – Я князь, я слово дал... Как же я уйду? Мне ж перед людьми и богами стыдно будет!

– Пропадешь ведь, – горестно вздохнула Дана.

– Ну что ж тут поделаешь... Знать, судьба такая!

Из зарослей вынырнул Урхо.

– Бьярмар показался, – доложил он оживленно. – Народищу собралось под стенами – что морoshки в лукошке. В броне все и при оружии!

Буривой будто помолодел.

– А что? – воскликнул он. – Сила есть еще. Поборемся! Веди своих. И пусть головы выше держат, а то как псы побитые!

И только Дана с сомнением покачала головой. Она видела: багровые отсветы мрачной Туонелы, обители мертвых, плясали над Бьярмаром...

Глава 9

1

Альдейгьюборг

Всю последнюю неделю Веремуд водил Олега по хлябистым окрестностям Альдейги, выведывая места, богатые болотной рудой – тяжелой землицей цвета ржавчины. Он выводывал, а Олег ту землицу таскал. Таскал, прокаливал в огне, выжигая труху, промывал и сушил – получался увесистый черный песок, железный концентрат. А кострище рядом с лесным ручьем было своего рода горно-обогачительным комбинатом...

Год назад Олег с ног бы валился после такого трудового дня, а теперь ничего, нормально – ежедневные упражнения закалили тело и укрепили дух. Сухов даже гордился тем, что ни разу не пропустил своих тренировок. Лупил ли осенний дождь, трещал ли мороз, хлюпала ли весенняя слякоть – он брал боккен и шел рубить да сечь тени грядущих врагов. А ежедневное «знакомство» с топором да с молотом, свежий воздух и трехразовое питание хоть кому мышцы нарастят.

Однако, побродив неделю по топким болотинам, притомился и Веремуд. На восьмой день кузнец проворчал: «Поди, довольно будет...» Вдвоем с Олегом они погрузили кожаные мешки с рудой на ушкуй и погребли в Альдейгу.

– Гуляй до послезавтра, – расщедрился Веремуд, сойдя на пристань, – и будем домницу запаливать...

– Лады! – кивнул Олег, радуясь редкому выходному.

За неделю лесной жизни он отвык от мощных улиц и ладных изб, от людских толп, от шума и гама. Его не покидало странное ощущение перезагрузки – все, что он видел вокруг, было привычно и узнаваемо, только чуть-чуть подзабыто. Будто домой вернулся из долгой командировки.

Олег вздохнул и потрогал кожаный мешочек, висевший на шнурке, под рубахой. Пальцы нащупали четыре золотых динара и жменьку серебряных монет, похожих на чешуйки с арабской вязью. В каждом динаре было по двадцать пять дирхемов. Столько сумел он накопить за год – бусины толкал за наличку, зимою трех соболей добыл и пяток горностаев, речного жемчугу наковырял из перловниц, шаря по студенным ручьям... Еще полгода такой переработки, и – на свободу с чистой совестью!

Олег прошелся по Варяжской, по горбтому мостику перебрался через шумливую Ила-дьоги. По левую руку выстроились непрерывной чередой двухэтажные дома из потемневшего, сизо-серого дерева. К каждому дому с угла был пристроен, тоже двухэтажный, сарай: внизу, в первом этаже, для скотины, наверху – «гараж» для телеги. Длинные, широкие и пологие съезды, идущие от ворот верхних сараев до земли, были устроены так, что по ним въезжали на волах во второй этаж, оставляли там телегу и сводили вниз волов.

Возле гостиного двора, устроенного купцами с Готланда, Олег остановился. У коновязи потряхивал гривой Лембой – статный коняка, носивший в седле самого Улеба конунга. Олег всмотрелся в шумную толпу готландцев и различил венец на изрядно поседевшей голове правителя Гардов. Готландцы всю рекламировали свои товары, закатывая глаза и цокая языком, а Улеб посмеивался только и кивал, соглашаясь: добрый товарец!

Отойдя от гостей города, Улеб пошагал к крепости, легкими кивками головы отвечая на поклоны встречных-поперечных. Олег сразу вспомнил обещание, данное Пончику. Набравшись смелости, он подошел к конунгу и поклонился.

– Чего тебе? – добродушно спросил Улеб, будучи в хорошем настроении.

– Я твой трэль, конунг, – заговорил Олег, – но не всегда я ходил стриженным. Не ведун я, не пророк, но кое-что мне ведомо...

– Ты мне башку-то не тумань, – сказал конунг. – Выкладывай самую суть!

– Я ведаю будущее! – выложил Олег. – Я чего и подошел – предупредить хочу! Угрозу чую, конунг, прямую и явную. Можешь гнать меня, но знай – этим летом придет на твою землю сильный враг и сожжет Альдейгу!

– Кто?! – сразу наострил уши конунг. Глаза его моментально обрели резкость и цепкость.

– Точно не скажу, – признался Олег. – То ли Рагнар Лодброк, то ли Эйрик Энундсон... А больше и некому!

– Та-ак... – нахмурился Улеб.

Конунг ступал по мостовой, приближаясь к крепости и Торгу, Лембой, потряхивая гривой, шагал за хозяином, а Олег топал следом, не разумея, уйти ли ему или остаться. Завернув за угол крайнего «длинного дома», вся троица вышла к пристани, обходя торговые ряды по берегу. У пристани покачивались средневековые плавсредства, арабские и местные, а из-за мыса выгребала карельская лойва.

Глянув на реку, Олег очень удивился, приметив вдруг лойву. После разлада между Улебом и Буривоем карелы избегали появляться в Гардах. Конунг визиту неожиданному тоже подивился – он озадаченно почесал макушку в кругу золотого венца с крупным изумрудом надо лбом и хмыкнул в затруднении.

Лойва медленно приблизилась и со скрипом потерлась о бревна вымола. Гридни молча приняли брошенные канаты, потом вдруг зашумели, выкрикивая угрозы и проклятия, замахали руками, хватаясь за мечи.

– Чего они там? – сказал Улеб встревоженно и поспешил к лойве. Сухов направился следом.

Карел набралось с десятков, и почти все были обмотаны окровавленным тряпьем – у кого нога, у кого рука, а то и голова. Карелы хмурились и зыркали исподлобья на русскую гридь, а четверо «ходячих» бережно снесли на берег носилки с Буривоем. Князь был плох – одна рука его лежала на груди, другая бессильно свешивалась с носилок. Юная девушка, глазастая, скуластенькая, нагнулась, вернула руку на место и отерла князю пот со лба. От этого легкого движения лицо Буривой страдальчески сморщилось, глаза его открылись, сморгнули слезу.

– Что с тобой? – спросил Улеб, пересилив гордую натуру.

Блуждающий взгляд Буривой нашел конунга и отвердел.

– Эйрик напал на нас... – прохрипел князь. – Эйрик сын Энунда...

Олег похолодел, мурашки сыпанули по телу, а конунг оглянулся и проговорил:

– А ты прав был... – Он усмехнулся и добавил: – Олег Вещий!

– А-а... к-как? А настоящий где? – пролепетал Олег.

Конунг непонимающе посмотрел на него и пожал плечами.

– Большую силу привел Эйрик? – склонился он над раненым.

– Шестьдесят лодий... – вымолвил Буривой. Легкие его сипели и клекотали, на губах выдувались и лопались розовые пузыри.

– Лекарей сюда! – гаркнул Улеб. – Живо!

Несколько гридней сорвались с места.

– Они взяли Кирьялаботнар... – говорил Буривой, закрыв глаза. – Бой был на Кумене... Бойня... Разбили нас... Потом и Бьярмар взяли...

Девушка, что рядом с носилками была, сказала заботливо:

– Тебе нельзя разговаривать, княже!

Буривой улыбнулся ясно.

– Уже можно, Данка... – прошелестел его голос. – Я одной ногой на Звездном

Договорив последнее слово, Буриной закашлялся, у него изо рта пошла кровь.

– Лекари где?! – зарычал Улеб. Конунг был страшен.

– Здесь мы! – пискнула Чара.

Травница подлетела к носилкам, следом принесся Пончик.

– Поздно, – ровным голосом сказала Дана. – Князь ушел к предкам...

Чара вздохнула жалостливо и положила ладошку, прикрывая Буриной глаза.

– Улев, – по-прежнему ровно проговорила Дана, – Йерик кунингас в Бьярмаре не задержится, не сегодня завтра свеи и сюда явятся... И не одни – нашлись предатели-карелы!

– Мы их всех встретим! – осклабился Улеб конунг и возвысил голос: – Верно, братие?!

– Вер-рна! – заревела гридь, вскидывая кто что – мечи, секиры, копья.

– Бояр ко мне! – скомандовал конунг железным голосом. – Быстро!

Тайными тропами поскакали гонцы: на запад – в Хунигард, на восток – в Алаборг, на юг – в Гадар и Дрэллеборг. Тамошним ярлам было приказано бросать все дела и двигать с дружинами на соединение с гриднями конунга. А херсирам пограничных крепостей Ногард и Хольмгард, стороживших Неву, был отдан иной приказ – пропустить свейские драккары и ударить по захватчикам с тыла.

Над Альдейгой стоял стон и плач. Собиралось ополчение, мужики-вои наскоро расцеловывали женок и деток и разбежались по кончанам и уличанам.⁵⁸ Началась «эвакуация мирного населения» – дети, старцы, девки и замужние уходили в лес, сгибаясь под мешками со скорбью. Надрывно мычащую скотину уводили с собой, коней отдавали ополченцам, а кур и гусей разгоняли или резали.

Торг совершенно опустел. Купцы по большей части покинули пределы Гардарики, поднявшись по Олкоге до Верхнего волоку и там уже разделившись, – кто по Двине-Дине подался, кто по Днепру, кто по Десне в Оку да и в Итиль.

А небо какое сияло над Гардами! Пронзительно синее, ясное. Солнце заливало светом и жарило, как на юге, рассыпая блестки по водам рек и озер. Леса зеленели яростно и буйно, с каждым порывом ветра разнося чистейший смолистый воздух, настоящий на хвое, цветах и травах. И вот этот праздник жизни решил испортить какой-то Эйрик, приведя с собой головорезов-находников! Чтобы залить кровью траву, чтобы закоптить небо чадом пожарищ, чтобы перебить хвойный аромат запахом мертвечины...

– Ты что делать будешь? – серьезно спросил Олега Пончик, снимая с веревок высохшие полосы ткани, вымоченные в целебных отварах, и укладывая эти бинты в короб.

– Бить фашистов, – усмехнулся Олег, – что же мне еще делать...

Пончик засопел.

– Ты же сам мне говорил, – напомнил он, – что с викингом тебе не справиться! Угу...

– Да там не одни викинги, – успокоил его Олег. – Эйрик ведет в бой ледунг – это у них так ополчение называется... Понимаешь изюминку? Вот этих и буду бить!

– Убивать? – уточнил Пончик.

– Да! – твердо сказал Олег.

– А не страшно?

Сухов подумал.

– Страшно, конечно, – признался он, – очень даже! А что делать? Ждать, пока они меня в рабство погонят или прирежут? Щаз-з! Да ты сам-то... Думаешь, тебе страшно не станет?

⁵⁷ *Звездный Мост* – Млечный Путь. Наши предки верили, что душа человека после смерти проходит по Звездному Мосту. Если душа безгрешна, она попадает в рай – Ирин, если отягощена грехами, то срывается в мрачный Хель.

⁵⁸ *Кончая и уличан* – совет улицы или конца города, органы местного самоуправления.

Представляю, сколько вам с Чарой придется рук и ног оттяпать, сколько ран зашить! Ей-богу, мне легче самому травму получить, чем ковыряться в чужой ране!

– А он орет, – подхватил Пончик, нервно-зябко потирая ладони, – ему больно очень, он дергается, хрипит, рычит, глаза белые... Ох!

– Ладно, – вздохнул Олег, – пойду я... Негоже дисциплину нарушать.

– А ничего, что ты трэль? – неуверенно спросил Пончик.

– А им по фигу, кто ты, – усмехнулся Олег, – лишь бы на врага бежал, а не с поля боя...

Вон, какую-то железяку даже выдали, – Сухов вытащил из ножен ржавый скрамасакс, схожий с большим ножом в полметра длиной.

– И броней не дали? – спросил Пончик с неприязнью.

– Какие еще брони, Пончик? Кольчуга, знаешь сколько стоит? Ее тут по наследству передают. Ничего... Добуду трофей! Ну ладно... Пошел я. Чару береги!

И Олег, не дослушивая скорбные вздохи Пончика, повернулся и пошел к месту сбора.

Сухова взяли в отряд Олдамы, кряжистого, плотного усаца, немало повоевавшего. И на Париж хаживал, и на Севилью, и гамбургских купцов потрошил. Опыт есть!

– Не расходиться! – орал Олдама, словно громкостью добиваясь послушания. – И меня чтоб слушали! Понятно? А то прётесь, как... как...

Олдама затруднился с подбором слова, и Олег подсказал ему:

– Как бараны прёмся!

– Точно! – рявкнул Олдама. – Стрелки есть?

– Как не быть! – пробасил огромный чудин по имени Каницар. – Имеемся!

– Стрел в досталь?

Каницар молча показал берестяной тул-колчан, набитый боеприпасом втугую.

– Встретим врага на курганах! – насадно проорал Олдама. – За мной!

Взбудораженная толпа ополченцев поперлась за командиром.

Курганы шли чередой ниже по течению Олкоги, начинаясь за стенами Альдейги. Оплывшие, заросшие травой, курганы были насыпаны века назад, хороня в недрах пепел конунгов и херсиров, мудрых вождей и храбрых воинов. Люди сюда приходили изредка, почтить память павших, поклониться предкам. Мальчишки здесь не играли, скотину на склонах курганов не пасли, охраняя покой ушедших.

– А ничего, что мы здесь? – тихо спросил Линду, охотник-весин, кивая на курган. Его длинные черные волосы были стянуты в «хвост» и словно оттягивали к вискам узковатые глаза.

– Мы сюда что, пить пришли? – пробурчал Олдама. – Наша задача – кровь лить, причем не свою – чужую. А тут воины спят, и каждая капля вражьей крови им в радость.

Линду кивнул, заметно успокаиваясь. Олег сел в траву и положил скрамасакс на колени. Было тепло, даже жарко. Гудел пушистый шмель, облетая цветки клевера. Негромко плескала в берег река, а вниз по течению спускались лодьи. Расписные щиты покрывали их борта, головы драконов угрожающе скалились с высоких штевней.

– Куда это они? – спросил Алк, конопатый, вечно вострепанный юноша, с жадным интересом провожая корабли.

– На Нево! – авторитетно ответил Валит, проверяя свой лук. – На Олкоге тесно, не развернешься.

– А-а...

– Эх, жаль, мало лодий! – завздыхал Валит. – На Непр уперлись, на Итиль...

– Ништо! – бодро заверил всех Алк. – Побьем!

Олег закинул руки за голову и лег на спину. Смотреть в яркое небо было больно, он прикрыл глаза. Солнце пекло, и лазурь сменилась под веками густой кровавой краснотой. Олег тотчас разжмурился и сел – насмотришься еще на кровушку...

Время текло, утекала мутная вода Олкоги.

– Иду-ут! – донесся крик дозорного. – Э-ге-гей!

– Готовы будьте! – дал Олдама отрывистую команду.

– Всегда готовы! – бодро ответил Олег. – Да, Валит?

Карел вымученно улыбнулся и кивнул. Прибежал мальчиш-дозорный, задыхаясь от быстрого бега, и протараторил:

– Плывут! Четыре лоды, чужие, и еще – там, дальше, где поворот... Много их!

– Стрелки! – заорал Олдама. – Рассредоточиться... Зря не высовываться... Стрелять, когда я скажу!

– Зачем же зря... – поднялся Каницар. – Зря не надо...

Олег, пригибаясь, отошел за серую каменную глыбу с ошметками мха на боках. Рядом плюхнулся Валит, подтягивая тул со стрелами.

– Ты чего шлем не взял? – нахмурился Олег. – У тебя ж был, я видел.

– Потерял... – виновато сказал Валит.

– Раззява...

Выглянув из-за глыбы, Олег увидел, как на сверкавший стрежень выплывала черная лодья. Парус ее был скатан и притянут к рею, а десятки весел загребали мутную воду. Ни шлема, ни копыя не блеснет с палубы – попрятались свеи, берегутся...

– Валит! – громко шепнул Алк, согнутый в три погибели за соседним камнем. – Олдама передал, чтоб стреляли по первому крику кукушки!

Валит молча кивнул, видать, горло пережало. «Это ж какво Кайсе придется, – мелькнуло у Олега, – если Валита кончат!..»

Свейская лодья подошла совсем близко. Медленно, споря с течением, проплыла в четверти перестрела. Стал слышен скрип весел, натирающих лючки, и умноженный плеск. Глухо доносились голоса, разносящие над водой непонятные слова северных наречий. И тут повела счет годам кукушка.

Валит встрепенулся, мигом положил стрелу, вскочил, нашел цель – кормщика в доспехе – натянул и спустил тетиву. Оперенное древко с граненым бронебойным наконечником легко пробило кольчугу, до половины входя в бок свею. Тот даже не упал – его сбросило на палубу убойной силой стрелы.

Алк тоже поднялся, стрельнул, тут же выхватил вторую стрелу, выпустил – да так быстро! Олег сморгнуть не успел, а Алк уже присел. В тот же миг поверх камня, точно там, где только что стоял Алк, просвистела свейская стрела.

А Каницар был умнее, он рисковать не стал – чудин растянул свой огромный лук и выстрелил по косою вверх. Стрела ушла высоко, пропадая из глаз, и вернулась, пригвоздив свея-гребца к его скамье. Вскрик уведомил Каницара – попал! А на другой лодье завывли, заклекотали, а на третьей взорвались проклятиями...

– Получили, гады?! – прошипел Валит.

– ...К бою! – донеслось глухо.

– Вроде Олдама кричал... – сказал Алк неуверенно.

Олег настороженно прислушался. По берегу разносились крики, извергающие ярость. Олег подхватил скрамасакс и отполз по сырой низинке меж двух сопков. Вскочил, понесся вокруг травянистого холма, обложенного кругом камней, и выбежал прямо на свейский отряд, бешено рубившийся с ополченцами Олдамы. Свеи были почти без доспехов, изредка мелькали кожаные панцири и шлемы, а в Руках они держали топоры да трофейные карельские мечи.

– Слева! – орал Ошкуй, махая огромной секирой.

– Бей свеев! – вопил Олдама, крест-накрест пластуя вражий строй.

Веремуд ловко орудовал тяжелым копьём с длинным, сплюснутым наконечником. Свею такое не перерубить – не дотянуться до древка! Вот рыжий детина вскинул топор, щеря желтые лошадиные зубы, и содрогнулся, выпучил глаза – копьё Веремуда прободало свея насквозь.

Еще двое свежих хускарлов подоспело – длинный и коротышка, причем оба с мечами и при щитах. Олег выбрал длинного и бросился к нему, выхватывая скрамасакс.

Длинный заметил его и ослабил. Отведя меч, он вдруг пригнулся и ударил Олега по ногам, скашивая траву. Сухов подпрыгнул и приземлился на согнутые ноги. Меч хускарла просвистел обратным движением поверху и опять не попал, ветерком взьерошив Олегу волосы на макушке. А Олег попал... Скрамасакс легко погрузился в свейское брюхо и завяз в кости. Олег отпихнул падающего мертвяка, подхватывая роняемый меч эпохи Меровингов.

Словно учуяв опасность, Олег перекатился, не выпуская трофейный клинок из руки, и вовремя, – на него наседали коротышка. Хэкая, кроил мечом воздух перед собой, пытаясь достать Олега. Сухов ударил без замаха, подрезая коротышку. Тот заверещал, шлепнулся, и Олег добил его, перерубая горло.

– С-сучара! – рычал Олдама, отмахиваясь от здоровенного свей, оравшего дурным голосом.

– Щас! – рывкнул Ошкуй, спеша на подмогу командиру, и так врезал своим топором, что свей переломился.

– Олег! – крикнул Веремуд. – Как ты?

– Все путем! – выдохнул Олег.

Оглянувшись, он с изумлением обнаружил, что отряда хускарлов больше нет – они положили всех.

– Молодцы! – гаркнул Олдама. – Все тут?

– Радима убили, – спокойно сказал Линду, – и Алдана.

– Сулев с вами? – крикнул с кургана Каницар. – Су-лев!

– Здесь я, бать! – прогудел квадратный парень, подбирая Олегов скрамасакс. – Не нужен боле? – спросил он у хозяина.

– Пользуйся, – улыбнулся Олег.

Сулев кивнул и пошел вперевалку к отцу.

– Почапали, – нахмурился Олдама. – Не нравится мне это... Сорок лодий ихних прошло! Значит, наши где? На дне!

– Ты ерунду-то не говори! – строго попенял ему Мутур сын Алвада, углежог из Хунигарда. – Да они бьются еще, там, на озере. И кто кого, одним богам известно...

– Да что ты говоришь! – сказал Олдама, подпуская яду в голос. – Нам от того не легче. Сорок лодий – это тыщи четыре викингов, а у конунга в дружине всего пять сотен. Ну, с Лидулом еще пришли, с Вадимом... Тыща всего!

– Ну и что? – не сдавался Мутур.

– А то... Хватит болтать! – оборвал его Олдама. – За мной!

По дороге в маленький отряд Олдамы влились стрелки. Олег с облегчением заметил Валита. Карел был жив-здоров и не ранен даже.

– А мы с Алком еще троих пристукнули! – радостно доложил Валит.

– Молодцы, – усмехнулся Олег.

– Это еще не битва была, – пропыхтел Олдама, – а так, разминка. Вот щас... Да!

Отряд выбежал к лесополосе, разграничивавшей город и курганы. Из-за деревьев слышались крики и вой, лязг мечей, грохот щитов, а в небо уже клубились столбы дыма.

– Наусты горят! – крикнул Алк.

Олег выбежал на край возвышенности и замер. Насколько видел глаз, везде кипел бой – на берегу, на улочках, сходящих к реке. Под стенами Альдейги бегали люди с оружием, сходясь один на один, один на всех, все на одного. Тысячи воинов топтались на деревянных мостовых, лужи крови медленно пропитывали исшарканную древесину. А бой только начинался...

– К крепости пробиваемся! – прокричал Олдама. – Одних нас тут размажут!

Все разом припустили к Северным воротам, перескакивая через трупы, избегая схваток. Стены прикрывали Альдейгьюборг только наполовину, охватывая город полукругом, концами выходя к реке и утыкаясь в квадратные рубленые башни, чьи бойницы глядели в воду. Берег же был открытым, но не беззащитным – повсюду из воды торчали вбитые сваи, не давая причалить лодьям, оставляя единственный проход к устью Ала-дьоги. И вот к

нему-то, как лососи на нерест, шли драккары с носами, украшенными головами змиев, волков, козлов, горгулий.

– Кучнее бежим, кучнее! – надрывался Олдама.

Тяжелые городские ворота уже не висели, а лежали на земле, как вытасченный на берег плот. Десяток сгибших воинов лежал на мосту через мелкий, недорытый ров. Ополченцы ворвались в город. На перекрестке, там, где Готский конец граничил с Водским, дорогу отряду преградила парочка викингов. Разгорячась, двое русов – Фроутан и Слуд – бросились на того, что слева. Русы-то они русы, но не варяги! Викинг нанес один молниеносный удар снизу вверх, выпуская Слуду кишки, и тут же рубанул по Фроутану, снося тому голову с плеч. Каницар спас положение – выпустил стрелу. Товарищ павшего свея не стал принимать бой в одиночку. Прикрывшись круглым щитом, он скакнул в узкую щель между избами и пропал.

– Бежим!

Выбежали к церквушке. На пороге храма лежал в луже крови диакон Ставр, рядом, раскинув руки и ноги, покоился Булан. Его черные глаза с удивлением глядели в небо. Нет, не глядели, просто отражали невинную голубизну... Кривой хазарский меч валялся рядом, его блестящее лезвие чернело запекшейся кровью. Олег положил на землю свой меч и поднял тот, что служил хазарину. Этот ему сподручнее будет... Лезвие узкое, в два пальца, как у катаны. И колоть можно... Только рукоять покороче, на два кулака.

– Прости... – шепнул Олег, глядя в мертвые глаза Булана, и снял с хазарина ножны. Повесив их за спину, он затянул перевязь на груди.

– Коней бы! – крикнул Олдама.

– А вона! – показал Ошкуй на питейное заведение, перед которым были привязаны к коновязи пять или шесть лошадей. Перепуганные животные метались, храпели, дергали головами, пытаясь вырваться, но поводья держали крепко. А на самой коновязи лежала, выгнувшись дугой, молодая девушка. Рубаху ее красила кровь, а золотистые волосы окунались в поилку для лошадей. Олегу тут же вспомнилась Рада. Как она там?..

– Олдама! – крикнул он. – Давай поделимся! Ты к крепости, а мы к Бравлинсхову поскачем. Я и Валит... Да, Валит?

– Конечно! – встрепенулся карел.

– И я! – поднял секиру Ошкуй.

– А пробьетесь? – спросил Олдама, распутывая одной рукой скользящий узел, а другой успокаивая коня.

– Попробуем!

– Гоните!

Олег отвязал гnedочалого, с густым нависом, хорошей выездки. Степняк! Животина беспокойно отаптывалась, конячий глаз косил на Олега, дыхи тревожно раздувались.

– Спокойно, коняшка! – Олег огладил коневью морду, потрепал седую гриву и взлетел в седло.

Конь сперва вскобенился, но пофыркал-пофыркал и стал слушаться. Олег припустил коня мелким шагом, дожидаясь, когда его догонят Валит и Ошкуй. Валит выбрал рыжего, а Ошкуй взгромоздился на серого в яблоках.

– За мной!

Понукаемый гnedочалый пошел быстрым наметом. Да коняшенок и не ждал посылы – сам ярился, гонистый был, обскачливый. Во как припустился! И ведь мягко как несет, хоть бы раз трянуло. Золото, а не коняшка! Грива отвалом на бок, хвост на отnose – загляденье...

За скачущими мыслями Олег старательно прятал страх и тревогу – что с Радой? Ни разу даже не вспомнил! Вот ведь...

– Может, наши в лес ушли? – прокричал Ошкуй, пригибаясь к гриве коня.

– Щас увидим! – ответил Валит.

«Надо же! – подумал Олег. – Ошкуй о товарищах вспомнил! Не так уж все и

запущено...»

Альдейга строилась широко, привольно, вытягиваясь по берегу Олгоги и забираясь в лес по ее притокам. И четыре тысячи свеев, рассыпавшись по улицам, затерявшись в закоулках, не казались более страшной силой. Не сразу-то и заметишь вражин!

На полном скаку всадники преодолели горку. Вот наконец и Бравлинсхов! Главный хозяйский дом горма горел, языки пламени выбрасывало из окон второго этажа. По двору бегали девки, две кучки воинов из младшей дружины крепили оборону. А по руслу Ила-дьоги уже бежал отряд хускарлов, волоча лестницы и веревки, потрясая топорами и копьями.

Вот, наконец, и частокол. Олег бешено замахал рукой гридням, засевшим в привратной башенке. Створка ворот на ржавых пудовых петлях неохотно приоткрылась, и гнедочалый влетел во двор. Остужая коня, Олег сделал круг, высматривая, где мелькнет расшитая рубаха Рады. Рубахи трэлей, кожаные доспехи дренгов, поневы... Углядев зареванную Чару, он замахал ей рукой. Чара подбежала.

— Где Рада? — спросил Сухов, свешиваясь с седла. Травница сначала вытаращилась на Олега, а потом только махнула в сторону кузни:

— Там где-то!

Сухов молча развернул коня.

Странно он чувствовал себя. Умом Олег понимал, что кипит бой, что могут убить, но душа не принимала такой вариант развития событий. Словно все вокруг было не по-настоящему! Будто сидел в сердце некий клапан и не выпускал страхи наружу. Юго-Западными воротами Олег проскакал на опушку. Ошкуй с Валитом догоняли его.

Они были здесь — все, кого он искал, кого жаждал спасти и уберечь от смерти. Возле ивы лежал Вольгаст тиун. Выбеленная рубаха тиуна мокла кровью. Пончик придерживал его голову на коленях, тампонируя рану, и орал, неумело матерясь в сторону Ила-дьоги. Там, в десяти шагах, кричала Рада. Косматый пират-находник без шлема, но в чем-то наподобие пластинчатого панциря, волок девушку за косу, громко гогоча, а Рада лупила по волосатой лапе маленькими кулачками. Олег замертвел. Его сон! Он спрыгнул с коня и бросился к викингу, нащупывая за правым плечом рукоятку хазарского меча. Свей заметил его, но девушку не отпустил, только намотал косу на руку. На правую. Девушка мешала викингу, да и левой биться было несподручно, но он все не отпускал добычу. Рада не удержалась и упала на колени во взбаламученную воду. В жестокой ярости Олег рубанул по руке разбойника, вцепившейся в косу. Меч чисто оттяпал конечность. Рада упала на четвереньки, рыдая, выпутывала из волос кровавый обрубок и глядела, глядела на Олега, не отворачивая зареванного лица, не отрывая огромных умоляющих глаз.

— К троллям тебя, нидинга! — прорычал Олег. — На север и в горы!

Добрый хазарский меч обрушился на бычью шею трубно ревущего викинга... Олег только головой покачал. Повезло — викинга доконал! Хотя, может, на дурака просто нарвался, похотливого и жадного. Но об этом потом — в свободное от войны время. Вон, набегает еще один желающий сдать кровь рыбам на анализ... Этот был не столько могуч, сколько просто грузен. Хускарл. Но быстр, чертовски быстр... Олег едва успевал отбиваться от этого рубаки. Свейский меч полоснул Олегу по ребрам, рассек мышцу бедра... И тут Олегу снова повезло — клинок свея изломился у самой крестовины! Мах. Олега меч вспорол пивной животик — сизые кишки вывалились неприятным куб-лом, плюхнулись в воду. Олег развернулся и поспешил назад, протягивая руку Раде, фиксируя каждую мелочь, — и заплаканные глаза, и пятнышко сажи у девушки на щеке...

— Пошли, маленькая, пошли, — сказал он ласково. Рада больше не плакала, всхлипывала только, когда цеплялась за него — за руку, за пояс, за шею. — Пошли, пошли... Тиуну нашему худо.

Пончик больше не орал и не ругался, сосредоточившись на оказании первой помощи. Ему пособлял Валит.

— Как он? — спросил Олег, в правой держа меч, в левой — руку девушки.

– Живой... – проворчал Пончик, закладывая черные зияния ран чистыми тряпицами, смоченными в пахучем зелье. – Крови вытекло – пропасть... Угу...

Валит вдруг вскинул голову и выдернул из тула стрелу. Ложил он ее не слева от лука, а справа, большим и указательным пальцами придерживая за пяточку, прочими оттягивая тетиву. Приседая, Олег ушел с линии огня и облегченно выпрямился – свои!

– Вона, пороки едут! – возбужденно крикнул Ошкуй, выламываясь из тальника.

Из-за ив вывернули две конные упряжки, влекущие квадратные повозки на шести катках. На повозках покачивались катапульты – онагр и баллиста, сплоченные из бруса. Онагр бил по навесной траектории, баллиста – по настильной. За пороками попевала подвода, груженная круглыми горшками с нефтью и каменными ядрами. Катапульты бежали рядом, держась за рамы орудий.

– Давай, батя! – закричала Рада. – Врежь им! А то сомнут наших!

– Мы и так... – пропыхтел Ярун – коренастый бородач в плоском шлеме-наплешнике – и звонко лупанул коня мозолистой пятерней. – Но-о, мила-ай!..

– Ошкуй! Валит! – заорал Олег. – Уносите Вольгаста в лес! Рада, ты с ними...

– А чего сразу я? – вякнул было Ошкуй, но, глянув в быстро леденеющие глаза Олега, проворчал: – Ладно...

– А ты?! – закричала Рада.

– А я с батей твоим! Ну, чего стоите?!

Трэли подхватили носилки с тиуном и потащили в лес. За ними, часто оглядываясь, побежала Рада.

– Дай перевяжу! – кинулся к Олегу Пончик и вскрикнул в испуге: – О, боги! Да у тебя все штаны мокрые!

– Что?! – дернулся Олег.

– Да от крови, дурак! Блин, тут зашивать надо...

– Так шей!

– Больно будет... – предупредил Пончик.

– Быстрее!

– Тогда штаны спускай...

Лекарь достал холщовый мешочек из наплечной сумы, вынул из него кривую иглу с нитью и взялся сметывать живую плоть. Олег держался за ствол ивы и рычал, пуская розовую слюну, шипел и жмурил глаза.

– Все! – сказал Пончик дрожащим голосом, закончив операцию. – Тут еще ребра...

– Шей!

«Продолжение следует... – вертелось у Олега в голове. – Продолжение следует...»

– Все! – выдохнул Пончик.

Сзади слышалось тихое, будто бы даже вопросительное ржание. Олег обернулся, отходя от «иглоукалывания». К нему, потряхивая роскошной гривой, трусил гнедочалый.

– Ах ты, мой хороший! – обрадовался Олег и обнял коня за шею. – Понравилось тебе?

Гнедочалый потерся головой об его плечо. Кряхтя, Олег взгромоздился в седло.

– Осторожнее! – прикрикнул Пончик. – Тебе вообще лежать надо!

– Хочешь, чтобы все легли? Догоняй!

Олег доскакал до Торга и притормозил коня, обозревая с обрывчика батальную сцену: под стенами цитадели сошлись две дружины – русская и свейская. Викинги отжимали варягов к перешейку, ведущему к отпертым воротам крепости. Русская гридь поддавалась, в нее клином вколачивалась ревушая, потная масса свеев. Звон и лязг, вой и топот, тупое бряцанье щитов, отводящих убийственную сталь, – все мешалось в обвальном шуме битвы.

Яруновы катапульты выехали на отлогий берег Ала-дьоги, усыпанный галькой. Позиция была превосходной – лодьи Эйрика конунга, числом с полтора десятка, стояли кучно, на расстоянии перестрела – это около двухсот двадцати метров. Вокруг пороков уже носился Олдама.

– Стой! – орал он Яруну. – Раскручивай вправо! Под колеса – упор!

На лодье с полосатым сине-белым парусом, подтянутым к рею, обратили внимание на подозрительное шевеление и переложили руль. Весла с левого борта пропустили один гребок, на правом борту навалились со всей дури, и лодья рыскнула к берегу.

– Выпрямляй! – заорал Олдама. – Стрельцы есть?

– Как не быть, – сказал Ярун, живо распрягая шестерку.

– Луки в зубы, – скомандовал Олдама, – и по коням! Вперед не лезть, бить гадов издали!

Драккары приставали к берегу и высаживали бойцов. Свежих. Дюжих. Ражих. Корабли теснились на узкой и мелкой Ала-дьоги, тут им было не развернуться. Зато не промахнешься...

Расчеты, ритмично хэкая, крутили ворота, свертывая в жгуты ворохи воловьих кишок – упругие элементы. Стрелки, мотаясь вдоль берега, осыпали стрелами близкую уже лодью, гигантской водомеркой скользющую по глади вод.

– Натяни-и! Заряжа-ай! Поджига-ай!

Мужички-катапультичики уложили в пращу онагра сосуд с горючкой, зарядили баллисту и запалили просмоленный жгут.

– Отпускай! – рявкнул Олдама.

Метнулся рычаг онагра, с маху ударил по тьюфяку на вертикальной раме – аж гул пошел. Низко прогудела баллиста. Машины подскочили передками, а снаряды унеслись, оставляя сизые шлейфы, – один по крутой дуге, другой по-над водой – и лопнули, раскалываясь о борта дальних лодий. Разбились, расплескивая вокруг лужи оранжево-копотного огня. Поднялся вой. Фигуры, объятые пламенем, заскакали по скамьям. Перекидываясь за борт, сигали в воду.

– Опускай! Заряжай! Натяни! Толкай!

Еще две зажигалки просвистели над флотилией. Одну из них кто-то расколотил меткой стрелой в воздухе – и устроил себе огненный душ. Пламя рассеялось от носа до кормы сине-черного драккара, зажгло скатку паруса, стекло по драконьей шее, пролилось в воду – и горело, горело, горело...

– Пускай!

– Недокрутили ишшо... – жиясь, выдавил Ярун, наваливаясь на рычаг.

– Тролль с ним! Пускай!

Недокрученный онагр швырнул полуведерный горшок в подплывавшую лодью. Ярун едва не промазал – гончарное изделие разбилось о ту планку, на которой крепились щиты. Жидкий огонь выплеснулся, окатил викингов. Паленые «ясени битвы» с воем и проклятиями ринулись за борт. А тут стрельцы! Гарцуя на конях, в манере степных кочевников, ополченцы-вои били прямой наводкой, дырявя и брони, и тела. Растянуть русский боевой лук – ох, как непросто. Все равно что одной рукой взрослого мужика поднять! Стрелы били с огромной убойной силой – попадая, они сносили с ног, отбрасывали свирепых вонючих мужиков на пару шагов. Вот и сам стурман, потрясая боевой секирой, прет в воде по пояс, оставляя за собой буруны. Подскакивает Алк, кладет стрелу с бронебойным граненым жалом и, трясаясь и постанывая от напряжения, оттягивает тетиву до уха. Басовой струной звенит спущенная оленья жилка. Стрела сухо тюкает стурману в грудь – и бросает спиной в мутную воду. Ноги у главаря смешно задираются вверх, а потом бухаются в муть. Готов!

Но сотни свеев добрались-таки до отмелого берега – злые, как медведи с большими зубами.

– Отходим! – проорал Олдама. – Бросай все, Ярун!

Маленький отряд, огрызаясь стрелами, отступил, смешался с гридью Улеба конунга.

Над рядами защитников Альдейги возвысился Асмуд хевдинг и мощно грянул:

– За стены! Круту прикрывать!

Олег, затесавшись в плотно сбитый ряд варягов, отступал со всеми вместе, не поворачиваясь спиной к врагу и держа меч обеими руками, готовый пустить его в ход.

Повернулись на мощных петлях створки крепостных ворот, захлопнулись с гулом, двое

варягов подхватили тяжелый брус и уложили его в ушки – посторонним вход воспрещен!

2

Эйрик конунг был мрачен. Он был мрачен с того самого дня, когда эта сучка, внучка карельского жреца, нанесла ему травму, о которой лучше помалкивать. Ходить раскорякой конунг стеснялся, а иначе одолевала свербящая боль в паху. Все бесило конунга, все раздражало его, доводя до белого каления.

Эйрик сидел на сундуке, широко раздвинув ноги. Сундук стоял под мачтой «Рыжего Змея», а за бортом открывалась панорама сражения – слева глыбилась крепость, справа вились улочки Альдейгьюборга. Пара гигантов-норвежцев, Ингъялд Лесоруб и Хранир Белый, зорко следили за небом, отлавливая щитами случайные стрелы.

– Где Хродвисл?! – злобно спросил Эйрик.

– Убили Хродвисла, – спокойно доложил Белый.

Эйрик ударил кулаком по мачте.

– Там же одни ополченцы! – прорычал конунг.

– Они русы, – ответил Ингъялд таким тоном, будто имел в виду гигантов-йотунов.

– Чтоб им стать поживой троллей, твоим русам!

Эйрик встал, задавливая стон, и подошел к борту драккара. Северную часть города он взял и держал крепко, а вот южная половина, что за Ала-дьоги, никак не давалась ему. На том берегу речушки, сразу за Торгом, ополченцы нагородили защитную стену из камней, бревен, мешков и корзин с землей и обстреливали оттуда наступавших свеев. Даже два метательных орудия отыскились, забрасывая его лодьи горшками с горючкой и камнями. Три драккара сгорело, еще два затонуло – ядра проломили им днища.

На пристань, хромая, вышел Дюк Славянин. Перед собою он толкал Хуфина Убийцу.

– Конунг, – доложил Дюк. – Этот рус называет себя твоим человеком.

– Он не рус! – ответил Эйрик. – Он датчанин. Что скажешь, Хуфин?

Хуфин поклонился и подошел ближе к борту, косясь на невозмутимых норвежцев.

– Вади ярл держит оборону Южных ворот, – быстро доложил он, – и предлагает помощь. Ярл пропустит твоих людей и уведет своих.

– Ага! – гаркнул Эйрик, веселея. – Отлично. Дюк, хватай бойцов и гребь вокруг крепости. Высадишься у Южных ворот... – Дюк открыл было рот, но конунг поднял руку и закончил: – Тебя пропустят! Ударить по русам, как полагается!

Дюк закудаhtал от восторга и помчался за своей бандой. Вскоре пара лодий покинула Ала-дьоги, заворачивая за Стрелочный мыс.

– Ну... – цедил Эйрик. – Ну же...

Долго мучаться ожиданием ему не пришлось. Оглушительный шум битвы усилился еще больше, а за линией Укреплений замелькали круглые шлемы, заблестали мечи, рубящие и полосующие ополченцев. Вспыхнула, загорелась баллиста, облитая нефтью из разбитых горшков, а на раму онагра влез Дюк и победно замахал мечом. Эйрик радостно захохотал.

– Уббе! – заревел он, бросая в бой резерв. – Греттир! Сивальд! Торольф! Стройся клином!

Викинги, засидевшись на лодьях в ожидании своего часа, с ревом повалили на берег, сбиваясь в клин-фюлькинг, неуничтожимый и всепобеждающий.

– Мечи к бою... Щиты сбить... Марш...

Викинги завывали, заржали на все голоса и бросились в атаку. Как настоящий клин разделяет дерево, члени ствол пополам, так и фюлькинг располовинил русскую гридь, отбрасывая варягов к стенам крепости. Но смять русов им не удалось – те укрылись внутри.

– И тролль с ними... – проворчал Эйрик.

Уббе, Сивальд, Гудфат и Гумми из Гизланда, разгоряченные и яростные, высыпали на пристань.

– Крепость оставим русам, – решил Эйрик, – никуда они не денутся. Делите город! Обыщите каждый дом, все ценное волоките на лодьи! Молодых не убивайте – мы их сторгуем арабам. И сожгите к троллям этот свинарник!!!

Ярлы радостным ревом поддержали решение конунга и бросились исполнять самый любимый приказ командования – грабить и делить добычу.

Глава 10

– Лидул, на Тайничную! – отдал приказание Улеб конунг, едва заперли ворота, и гридь собралась во дворе крепости. – Крут, на Воротную!

Лидул ярл покорно склонил голову, выхватил из толпы пяток варягов и кинулся к Тайничной башне. Крут со своими поднялся на Воротную.

– Асмуд, на Толстую! Аскольд, на Водовзводную! Вуефаст, на Середову! Стрелки – на стены!

Лучники, придерживая тулы, бегом побежали, куда сказано, заняв позиции вдоль заборола – верха крепостной стены, прикрытого тесовым навесом, уберегавшим защитников от дождя и стрел. Работа лучникам нашлась сразу же – свеи пошли на приступ. Рев викингов и поднятый ими лязг переклестывали через частокол.

Перед Олегом вырос Гайна, готский рикс, с плечами такой ширины, что на каждом могло бы сесть по Олегу Сухову.

– Кто таков? – коротко осведомился рикс.

Олег внутренне сжался, примиряясь с насмешками. «Лишь бы меч не отобрали...» – подумал он и честно назвал:

– Олег трэль!

По толпе дренгов прошли смешки. Рикс тоже растянул в усмешке рот, выказывая щербатые зубы, и сказал:

– Ты уже полдня, как вольный. Не может быть трэлем тот, кто бьется с врагом. А ты неплохо дрался, я видел!

Гайна говорил снисходительно, будто «дед» с новичком-салабоном, но Олег не вникал в тонкости – известие о воле потрясло его. Он даже не обрадовался в тот момент – душа его растеряла все эмоции. Было такое ощущение, будто в нем разверзся вакуум.

– Мечом ты добыл свободу, Вещий, – проговорил Улеб конунг, держась за сердце.

Пончик храбро кинулся к нему, крича:

– Ляг, конунг, ляг! Да уложите же его!

Варяги послушались – быстро вынесли из терема пару медвежьих шкур и постелили на ступенях. Улеб, страдальчески морщась, прилег.

– Щас я... Угу... – заторопился Пончик, роясь в своем коробе. – Где-то у меня тут настоечка была... Боярышника... Вот!

Конунг глотнул настойки и сморщился:

– Гадость какая!

– Зато полезно, – назидательно сказал Пончик. – Это сердце прихватило... Угу...

Гайна, почтительно подождав, когда лекарь закончит обхаживать конунга, поманил Олега за собой.

– Давай на стену! – приказал он. – Чую, скоро полезут. Твое место – возле самой башни.

Олег серьезно кивнул и полез на стену. Все пело в нем и орало, сжималось от неожиданного счастья и распирало грудь. Война – это такой пустяк! Воля – вот что самое драгоценное. Пока человек живет обычной жизнью, он не понимает этой простой истины. Но стоит только свободу потерять... О-о!

Взобравшись наверх, Сухов прошел к стене башни. Слева тянулись крепкие перила с балясинами и открывался двор, а справа торчал частокол из заостренных бревен. Через равные промежутки бревна поднимались столбами, удерживая навес. Олег выглянул поверх

частокола, и ему стало нехорошо – свеи шли на штурм, войско запрудило весь Торг. Копья качались убийственным камышом, а шлемов-то, шлемов... Словно смотришь на кучу просыпанных яблок. И вся эта масса орет, движется, потрясает мечами и топорами, волочит лестницы, раскручивает веревки с «кошками»...

Олег сцепил зубы и потянул меч из ножен. Воля – это хорошо, но он пока никто, и звать его никак. Он даже не дренг. А в этом времени воин – не просто защитник родины. Дружина конунга – это и армия, и свита, и совет министров. Прибиться бы ему к гриди, зацепиться бы... Только вот кого попало в гридни не берут, войти в дружину конунга – это все равно что записаться в отряд космонавтов. Так же просто... Вот и докажи, что ты достоин. Давай, Олежек, давай! А дирхемы с динарами отдадим Пончику, ему нужнее!

Прямо перед лицом Олега о частокол брякнула штурмовая лестница с крючьями. Сухов, холодея, отвел меч. Из-за стены вздыбился свей. Прикрываясь щитом, он попытался пырнуть Олега мечом. Сухов отшиб вражеский клинок и тут же опробовал комбинацию «синкагэ-рю» – ушел с линии атаки, одновременно нанося вертикальный удар. Враг с раскroенным черепом рухнул вниз.

Олег переменял руку на обратный хват и просадил шею следующему противнику – в шлеме с выкружками для глаз, из-под которого высывались смешные рыжие косички. Свей заклекотал, упал на стену, судорожно цепляясь за верхнее бревно, и сорвался вниз. Олег выглянул наружу, и тут же над ухом у него просвистела стрела. Он резко присел, успев, правда, заметить главное, – викинги отступили, побросав лестницы.

Скрипя досками, подошел Гайна, держа в опущенной Руке прямой меч. С лезвия падали тягучие капли.

– Решили не тратить на нас время, – усмехнулся рикс и крикнул, перегибаясь через перила: – Отбой! Свеи грабить пошли.

По балкончику, с башни на стену перебрался Асмуд хевдинг, а во дворе, задирая голову, остановился Аскольд сэконунг.

– Что делать будем? – крикнул он.

– Прорываться надо! – ответил Асмуд сверху вниз.

– Сейчас?!

– Зачем сейчас? Когда стемнеет!

– Вот именно, когда стемнеет!

– Будет светло, – усмехнулся Асмуд, – вся Альдейга заполыхает!

– Тогда они и нас подожгут... – обеспокоился Гайна.

– Ни в жизнь! Им же добыча нужна. А что добудешь из золы?

– Верно, – кивнул Аскольд. – Дождемся вечера и ломанемся.

– Опять-таки, куда? – задумался Асмуд. – Можно к северным воротам пробиваться... Нет, далеко слишком. К южным?..

– А давай к западным! – вступил Лидул ярл. – Двинем прямо по Влесовой дороге! И в лес, не доходя до храма.

– Подходяще! – оценил Асмуд.

– Ага, – усмехнулся Гайна. – А вы видели хоть, где у свеев лагерь? Прямо напротив Влесовой дороги.

– Ну и отлично! – воскликнул Асмуд. – Нас же там не ждут. А мы и поперем прямо через шатры. Видели когда, как степные буйволы скачут через лагерь? Несутся, как бешеные, людей до того истопчут, что те лежат на земле раскатанные, не толще сложенного шатра.

– Мы этих не хуже потопчем! – расхохотался Аскольд. – Пойдем, Улебу доложимся!

– Бди! – хлопнул Гайна Олега по плечу и потопал к лестнице.

Сухов сунул меч в ножны и остался бдить.

Свеи раскинули огромный лагерь на пригорке за Торгом. Сотни шатров стояли часто, заняв всю площадь, образованную устьями пяти улиц. Между шатрами горели костры. А справа открывалось другое устье – неширокий влив Ала-дьоги, сплошь заставленный

драккарами. Свейские лоды стояли так кучно, что по их палубам можно было перейти с одного берега на другой, не замочив ног.

Тут в лагере поднялся множественный крик, и Олег обернулся к шатрам. Солнце село, начинало темнеть, и фигуры свеев теряли ясность очертаний, расплываясь в сумерках. Потом дергавшиеся фигуры осветились – свеи зажигали факелы и разбегались по улицам. Видать, выгребли все ценное и решили побаловаться с огнем. Факельщики, впад в безумие разрушения, выли и гоготали, запаливая все, что могло гореть. Очень скоро проемы распахнутых дверей осветились трепещущим оранжевым светом, из окон ударили языки пламени, густой дым потек в небо, собираясь в душное, чадное облако.

Олег смотрел как зачарованный. Пожар разгорался медленно, но был неостановим. Все больше и больше вилоь рыжих протуберанцев, вырывавшихся из окон, треск отдельных пожарищ постепенно соединялся в единый низкий гул, все добавлявший и добавлявший мощи. Загорались клетки, амбары, сараи, хлева.

– Олег, спускайся! – крикнул Гайна.

Олег скатился вниз по лестнице.

– Строимся! – гаркнул Асмуд хевдинг. – Слушай меня! Пойдем «клином». Впереди и по бокам идут те, на ком доспехи. Кто без брони – в середине. Потащите конунга и будете помогать тем, кого ранят. Всем ясно?.. Становись!

Варягов из дружины конунга уцелело человек двести. Они выстроили клин, двойными рядами окружив тех, кого не прикрывали латы. Четверо огромных гридней держали за лапы шкуру медведя, на которой лежал хмурый и недовольный Улеб конунг.

– Крут! Ханала! Алзис! Сымайте брус! Тихо только!

Названная тройка поднатужилась и вынула из ушек крепкий брус.

– В сторону! Отворяй ворота! Пошли-и!

Створки ворот плавно распахнулись, и клин выдвинулся наружу. Свеи, сторожившие крепость, растерялись от такой наглости. Мышек загнали в мышеловку, а они, вместо того чтобы сидеть тихо и не рыпаться, еще и напасть осмеливаются!

– Мечи к бою! Бегом! Плотнее...

Свеев раскидало, как ветром развеяло. Клин взял в гору и повалил на шатры. Дорогу русам освещали пожар и луна.

Олег бежал, задыхаясь не от натуги, а от волнения. Рядом, прижав локотки, неся Пончик.

– В боку не колет? – спросил Олег.

Пончик помотал головой.

– Не сбивай дыхание... Угу... – посоветовал он. – Мы только стартовали.

Клин вломился в свейский лагерь, как танк. Варяги пробивали себе путь копьями и мечами, опрокидывая котлы с варевом, прорывая шатры, прорубаясь сквозь викингов и хускарлов. Викинги с хускарлами тоже не терялись, набрасываясь на русский клин орущей серой массой. Проткнутые копьем или зарубленные мечом, варяги падали замертво, но их побратимы тут же смыкали строй. Сцену прорыва заливал огнистым светом пожар. Прогоревшие стропила домов ломались, не выдерживая тяжести земляных крыш, и те с грохотом рушились, взметывая тучи искр. Пламистые языки огня с ревом устремлялись к небу, закручиваясь, подсвечивая клубы плотного дыма.

Дротик, падая сверху, проткнул бок гридню, бегущему рядом с Олегом. Гридень сбился с шага, валясь кулем. Олег подхватил его, закидывая руку гридня себе на шею.

– Брось... – захрипел гридень, не размыкая глаз.

– Щас! – буркнул Олег. – Ты, главное, ноги переставляй...

Раненый навалился на Олега всем весом, теряя сознание. Сухов закрихтел, но удержал.

Клин между тем миновал Западные ворота и почесал по дороге к храму Велеса. Святилища этого бога, в отличие от Перуновых, строили в низинах. Правда, рассмотреть архитектурную достопримечательность Олег не успел, краем глаза ухватил только восьмигранное строение с фигурной крышей.

– Налево!

Клин повернул и втек в лес.

– Рассыпаться!

Строй послушно распался, люди поодиночке или парами неслись, огибая деревья.

– Шагом!

Олег, почти задохнувшийся, сменил трусцу на шаг и поволок гридня дальше, как рыба на песке хапая ртом воздух. Крики погони смолкли, и отсветы пожарища бледнели, подавляемые вечерними тенями.

Куда они шли, Олег не видел. Все его силы уходили на то, чтобы не упасть и не уронить раненого. Деревья тянули ветви, склоняли колючие лапы. Но отвести их Олег не мог, он лишь жмурился и вбирал голову в плечи, уберегая глаза. Ныла рана в боку, а та, что на бедре, открылась и сочилась кровью.

– Сто-ой!

Дорогу гриди перекрыл неглубокий овражек. Асмуд выставил дозорных и приказал разжечь небольшие костерки. Лесовики и охотники махом надрали бересты и, скрутив что-то наподобие горшков, набрали воду из ручья, журчащего по дну оврага, и поставили кипятиться – жар огня не проедал бересту, держащую влагу. Пончику привалило работы – в потемках он промывал раны, бинтовал, прикладывал травы. Олег подтащил к лекарю «своего» раненого. Пончик осмотрел его и заявил, что жить будет.

От гридня к гридню передалась команда – ожидать рассвета. Измученные бойцы валились на травянистый склон и засыпали или просто лежали, закрыв глаза и отходя от схватки.

Лес тихо шумел, верхушки сосен, колеблемые ветерком, разносили шуршащие звуки, схожие с накатом волны на песок, только что не в лад прибоя. Заухал филин, захлопал крыльями и зыбкой тенью проплыл над оврагом. Олег, вымотанный донельзя, откинул голову на траву, закрыл глаза – и словно переместился на валкую палубу лодьи. Тело плыло в шатком неравновесии, погружаясь в манящую тьму. Кровь пульсировала все покойней, звуки, рождаемые большим скоплением людей, искажались и гасли. Олег уснул.

Долго поживать ему не пришлось. Едва забрезжил рассвет, скомандовали подъем. Варяги – русы, венды, готы, финны – подымались с земли, разминались, ухаживая сначала за оружием, потом за собой. Олег не стал противоречить этому полезному обычаю и первым делом тщательно протер хазарский меч, после чего спустился к ручью и с удовольствием ополоснул лицо. Сразу стало полегче.

Солнце еще не встало, лес был погружен в сумрак, где тень сливалась с отбрасывающим ее предметом. Рваная пелена тумана прикрывала землю, ветра не было, и стояла дремотная тишина. Только мягкие шаги озвучивали ее да негромкое бряканье оружия. Варяги переговаривались:

– Спалили все на хрен, ур-роды!

– Небось и в терему все перерыли...

– Делить сегодня будут...

– Ничего, Идар, вот отстроимся, да как заявимся в Бирку!

– Первым делом Упсалу по бревнышку раскатаем!

– И то верно!

– Все припомним!

– Тише! О, Свенельд рукой машет! Пошли!

Олег пошел вместе со всеми. Улеб конунг речей не толкал и вдохновлять гридь даже не собирался. Сказал просто и доходчиво: «Забьемся в лес, раны залижем, да и выступим!» За ночь конунг маленько поправился и теперь шагал сам. Правда, парочка гридней постоянно страховала конунга, но тот старался их не замечать.

Шли долго – оврагами, низинами, тропами лесными, переваливали через холмы, пробирались болотами – по жердям, брошенным на колыхавшийся покров топи.

Ближе к вечеру разбили лагерь, расположившись на вершине поросшего соснами холма. Холм поднимался посреди обширной луговины – просто так не подкрадешься. Боевыми секирами повалили деревья по кругу, обнеся холм импровизированными укреплениями, выставили дозор. Пончик снова занялся ранеными, а с десятков гридней отправились на охоту. К полудню они вернулись, волоча двух оленей, а за ними поспешала целая делегация – ладожане, блудавшие по лесу. Среди них Олег с радостью узнал Раду, а Пончик встретил Чару. Подошли Ошкуй и Валит, несшие носилки с Вольгастом тиуном, – досталось приветов и им.

Женщины и девушки быстренько сготовили немудрящий обед – оленину с сухарями. А Рада заварила для всех целый котел сбитня – и трав в воду набросала, и ягод, и меду ливанула. Ничего получилось, вкусно.

– Кофейку бы... – вздохнул Пончик, сыто жмурясь.

– Будет тебе и кофэ, – сказал Олег, – и чай с какавой! Дай только свеям ряшки начистить!

Подбежал Валит и скороговоркой выложил:

– Там бояре на совет собрались! Давай послушаем?!

Олег кивнул и поднялся – надо же быть в курсе!

Для военного совета – коменты – выбрали полянку, окруженную высоченными соснами, чьи кроны почти смыкались высоко вверх, стягивая небо в голубой лоскуток. Посреди поляны лежали стволы деревьев, невесть когда поваленные сильным ветром. На них-то, как на скамьях, и расселись бояре. Валит с Олегом пристроились за кряжистой сосной – не видать ничего, зато хорошо слышно.

– Нас мало осталось, – тяжело начал Улеб конунг, – меньше половины... Тыщи две свеев мы положили, теперь будем думать, как остальных отправить в Хель!

– Я скажу! – прогудел Асмуд хевдинг и повел свою речь: – Лодий мы потеряли много, вот что худо. Только, наверное, и остались те, что с Шаевом ушли, биармов уговаривать. А у свеев почти все на плаву. Вот мы тут деревья валили, а зря – свеи сюда не придут. Они не за войной явились и не за славой, а добычи для. А уж добра нашего °ни натырили вволю! И в любой момент могут загрузить лодьи и свалить отсюда. Мы же, пока новые себе отстроим, до весны провозимся, и в этом году никак не накажем свеев!

– Что ты предлагаешь? – резко спросил Лидул ярл.

– Лишить эту сволочь Эйрика преимущества! – рубанул Асмуд. – И заодно так сделать, чтоб он уйти не мог, – выдержав паузу, хевдинг выразил свою мысль: – Надо сжечь свейский флот.

Бояре зашумели.

– Асмуд прав! – высказался Гайна. – Без лодий свеи никуда не денутся, и мы их всех почикаем.

– Точно, – поддержал его Антеро. – Истребим!

– Не думаю, что Эйрик поспешит уйти, – проворчал Улеб конунг. – Мы-то народ предупредили, все ушли, и много чего с собой унесли. Вот Эйрик и начнет охоту за ладожанами. И добычи ему прибавится, и рабов сколько уведет...

– А мы ему мешать будем! – воскликнул Аскольд сэконунг. – Не отдыхать же мы сюда пришли. Щас вот, мечи наточим и начнем отсюда свою войну.

– Верно! – согласился Улеб. – Если же мы пожгем лодьи свеев, то они все останутся здесь. И будет большая резня – тьма народу скрылась в лесу. И свеи пойдут по следам их, как псы!

– Так ты против, конунг? – прямо спросил Асмуд.

– Я – за, – проворчал Улеб. – Просто хочу, чтобы вы все представляли себе, что нас ждет... Значит, так... За веремудовой кузней склад стоит, а в том складе полно горшков с земляным маслом. Наберешь их, сколько унесешь. И, как стемнеет, отправишься на дело... Бери, кого хошь!

– Ополченцев возьму, – сказал Асмуд успокоенно, – Олдаму, Каницара, Яруна,

Веремуда, Вещего... Уж очень нас мало осталось, воевать некому, а этих не так жалко потерять!

Олег только крикнул. Оценили, называется! Хотя... Разве Асмуд не прав? Война идет! Тут каждый гридень на счету, а за одного гридня десять Олегов отдать не жалко. Такая уж у войны арифметика...

Под вечер маленький отряд диверсантов, ведомый Асмудом, вышел к лесному озерцу напротив старой кузни. Склад, где хранились горшки с нефтью – или «земляным маслом», как ее называли, – отыскался не сразу. Его устроили меж двух земляных валов, перекрыв их поверху бревнами в два наката.

– Мехи все взяли? – спросил Асмуд.

– Взяли... – проворчал Олдама, недовольный, что его приписали к ополчению. – Ты ж сам проверял!

– Цыц! – сказал Асмуд. – Берем по два горшка! Олег аккуратно уложил пару емкостей в заплечный мешок и осторожно закинул за плечо. Ведра два нефти...

– Ух и займется... – кровожадно измолвил Веремуд. – Ух и запылает!

– Пошли! – насупил брови Асмуд хевдинг и сторожко двинулся в обход озера, к берегу Олкоги.

Дойдя до места, схоронились до поры в густом тальнике. Олег встряхнул мех из-под вина и надул его. Быстренько воткнул пробку и обвязал ее шнурком для надежности. Готово!

– На таких кочевники переправляются, – неожиданно разговорился молчаливый Асмуд. – Только у них побольше – целые бычьи шкуры сшивают в пузырь и надувают... Ставишь, бывало, лодью на якорь, не думаешь ни о чем, а он – нырь из воды и ножом по горлу! И пошла свистопляска на всю ночь...

– А что ныне за кочевники в степи? – поинтересовался Олег.

– Да хрен их разберет... Хазары, те не кочуют, они к Непру для боя скачут, считают, что все те земли ихние... И других не пускают – печенегов, куманов, гузов... А те все равно просачиваются, уж больно хороша непровская степь для кочевий! Воды вдосталь, травы прут из земли бешено... Так, все, – изменился голос Асмуда, – скидывай обувь, и поплыли!

Олег крепче ухватился за мех и скользнул в воду. Ух! Не такая уж она и теплая... Работая ногами и подгребая свободной рукой, он поплыл вниз по течению. Головы его товарищей смутно выделялись на черной воде. По обоим берегам стенами мрака вздымался лес. Настоящий русский лес! В нем не было места кудрявым березкам и прочему растительному колориту, который в будущем времени признают национальной приметой. Слезливые лирики, тискавшие березки, плохо понимали, какое дерево к сердцу прижимали. Береза – дерево сорное, она поднимается там, где выжигают сосну и ель. Березой зарастают пустоши и пожарища, брошенные поля и уголья, это дерево белеет, как знак давней беды, как помин несчастья.

– Тише гребем! – сдавленным голосом командовал Асмуд. – Подплываем!

Олег пригляделся и разобрал на звездном фоне темный силуэт крепости. Осторожно огибая мыс, диверсанты заплыли в устье Ала-дьоги, плотно забитое драккарами. Лодьи стояли так тесно, что между их корпусами еле протиснуться можно было.

Асмуд молча тыкал пальцем в очередного диверсанта и показывал тому, куда плыть. Олега он послал в сторону Торга, а сам спустился чуток ниже, к вымолам.

Олег выдохнул воздух и тихонько подплыл к борту драккара. Схватился руками за край, подтянулся, глянул – никого! – и перелез на палубу. Драккар тихонько поскрипывал, вода плескала в борта. Олегу даже жалко стало гордый корабль – за что его жечь? Вздохнув, он откупорил горшок с нефтью и разлил ее по палубе, плеснув на скамьи, на сложенные весла. Все, полгоршка ушло... Крадучись, он прошел на корму, к которой вплотную примыкал нос соседней лодьи, и перешел на ее борт, где опорожнил горшок до конца.

Подул ветерок, и Олегу стало зябко в мокрой одежде. С берега долетели слова неизвестного языка, смех и хлюпающие звуки – свеи попивали русский мед и закусывали русским салцем. «Чтоб вам подавиться!» – сердечно пожелал им Олег, отыскивая дорогу на

третий корабль. Сами свеи облегчили ему путь – уложили сходни на оба борта. Олег на цыпочках перешел и обнаружил пьяного викинга. Викинг вставал, ворча себе под нос. Олег присел в тень, отбрасываемую высоким штевнем, и нащупал на поясе нож – это было все его оружие. Меч пришлось оставить в лагере, ибо плавать с пятью килограммами стали как-то несподручно.

Викинг, громко сопя, расстегнул штаны и встал на кромку борта, здорово удерживая равновесие. Эге, не такой уж он и пьяный... Что ж делать?

Зажурчала мощная струя, и сопение сменилось довольным побряхтыванием. Решение само пришло к Олегу. Отставив горшок, он резко шагнул к викингу, мгновенно спустил с него порты и двинул локтем, сбивая с ног. Стреноженный викинг грохнулся на палубу – вся лодья загудела.

– Один ок Фригг! – выругался свеи и захрипел, прерванный лезвием Олегова ножа.

С дальней лодьи крикнули что-то вопросительное, и голос Асмуда совсем рядом прогнусавил что-то успокоительное на свейском. С неслышным плеском голова хевдинга появилась над бортом. Лодья качнулась.

– Что за дела?! – прошипел хевдинг.

Олег молча указал на пришибленного викинга. Асмуд кивнул и сказал:

– Выливай, что осталось, и дуй отсюда! Будем поджигать!

– Горшочек с угольками у Веремуда, – напомнил Олег.

– А я придумал другой способ! – оскалился Асмуд. И растворился в реке.

Олег послушно разлил нефть и вернулся в воду – так было теплей. А на берегу возникла широкая фигура Асмуда. Силуэт хевдинга заслонил собой костер, вокруг которого грелись часовые. Они задали хевдингу какой-то вопрос и протянули жбанчик.

– Оль? – спросил Асмуд, интересуясь, не пиво ли внутри, и свеи загалдели утвердительно.

Изрядно отпив, Асмуд передал жбанчик и потянулся к костру. И только сейчас перепившиеся свеи заметили мокрую одежду хевдинга. Один из сидевших у костра попытался привстать и напоролся на нож. А хевдинг выхватил горящие головни и махом, с разворота, швырнул их на лодьи. Головни, разгоревшись в полете, упали на палубы, умащенные нефтью, и полыхнуло большое пламя. Вдалеке, у левого берега Ала-дьоги, тоже заблистали отсветы огня – Веремуд раздувал угольки. Пламя вспыхнуло и занялось, перекидываясь на соседние лодьи.

А хевдинг тем временем, побив ногами пьяных свеев, схватил еще парочку головней и отбежал в сторонку, целясь в драккары, политые Олдамой и Каницаром.

– Олег! – крикнул он. – Уплывай!

– А ты?!

– Да щас я...

Асмуд добежал до следующего костра и столкнулся с часовыми. Протрезвевшие свеи нацелились проткнуть копьями наглого варяга, да не тут-то было – Асмуд ухватился за прянувшие в него копья, вырвал их, перевернул и воткнул в противников. Затем быстро разметал костер, разбрасывая по лодьям горящие сучья. Пару раз прием не сработал, но, уж если раскаленные угли соприкасались с нефтью, тут же вспыхивал огонь, растекался по палубе, забираясь на скамьи, влезая на мачты, добираясь до скаток парусов.

Огромными скачками Асмуд добежал до вымола, подхватил с земли оставленный мех и прыгнул в воду.

А на берегу началась паника. Изрядно выпившие свеи бестолково носились по пристани, сталкиваясь друг с другом, спотыкаясь и падая. Пробудился лагерь, целая толпа с факелами и оружием побежала с пригорка. Но что она могла сделать? Ночи больше не было! Огромный костер полыхал меж берегов Ала-дьоги, десятки лодий, зажженных первыми, горели от носа до кормы, подпаливая соседние и выбрасывая тучи палящих искр. Вот на одном из драккаров перегорели штаги, удерживавшие мачту с реем, и рангоут рухнул на ближайшую лодью, с грохотом пробивая доски палубы ноком рея. Вспыхнул и этот

корабль... Оружие свои попытались увести хоть часть лодий, но горло Ала-дьоги было забито напрочь, огонь распространился от берега до берега, ярко освещая скученные драккары, остававшиеся на плаву последние минуты. Пламя гудело и ревело, словно сам бог огня радовался новому пожару, возожженному как мсть за гибель города.

Свет пожара был настолько ярко, что Олег поневоле щурил глаза.

– Отплывайте! – раздался сердитый голос Асмуда. – Что встали?! Вас же с берега видать!

В подтверждение этому в воду булькнула стрела, за ней другая.

– Быстро отсюда!

Диверсанты живо погребли прочь, часто оглядываясь на разоженный ими пламень. Сосновый бор на другом берегу Олкоги отсвечивал стволами, крепость четко выделялась на фоне красно-оранжевого зарева, а диверсанты заплывали в тень, которую отбрасывали стены и башни.

– Так вам! – заорал Асмуд хевдинг, нарушая режим тишины. – Испробуйте горелого!

Гомерический хохот невидимок разнесся над темными водами Олкоги, тихая и теряясь в громовом реве пламени.

Глава 11

1

Эйрик конунг в гневе прошелся по берегу Ала-дьоги. Флота больше не было. Пять драккаров с обожженными бортами стояли у дальней пристани – все, что удалось спасти. Эйрик криво усмехнулся. Спасти! Ветер просто переменился, вот и все спасение!

Ярлы, оставшиеся без лодий, уныло топтались на вымолах, следя за хускарлами. Те, бранясь по-черному, цепляли баграми остовы недогоревших драккаров и сплавляли их в Олкогу. Противный сизый дым стелился над Ала-дьоги, как утренний туман, выедавая глаза и бередя душу. Войско толпилось на пригорке, шаталось по Торгу, роптало и шепталось. Еще бы им не шептаться! Пришли, увидели, победили, добыли немало, поделили справедливо, и что теперь?! Как вернуться с добычей? На чем?!

Эйрик затравленно оглянулся. Куда ни посмотришь – всюду гарь. Город перестал существовать – одни фундаменты, сложенные из камней, выглядывали из серой золы. Воздух наполнился удушливым чадом, и никакой ветер не мог развеять этот запах.

Конунг вздохнул, напряг чресла. Нормально... Боль в паху отпустила Эйрика, чему он был рад несказанно, так теперь новая напасть! Он привел в Гарды шесть тысяч войска, осталось четыре. Вопрос, однако, не в счете погибших. Как ему вывести живых? Пешком чапать по враждебным лесам? А море им как перейти? По воде, как Распятый, коему поклоняется Вадиярл?

– Дюк! – кликнул Эйрик.

Славянин подошел вразвалочку.

– Лагерь разобьем ближе к крепости, – распорядился конунг.

Дюк кивнул понятиливо.

– И пусть те, кто за стенами, меняются местами с теми, кто в шатрах.

– Справедливо! – согласился Дюк.

– В дозор выставляй по сотне днем, по две – ночью.

– Понял, конунг!

– Даль! Уббе! Торольв! Гейр!

Названные ярлы неторопливо приблизились.

– Выберите из своих людей самых проворных, – резко заговорил Эйрик, – и пошлите в Алаборг, в Гадар, к карелам, куда хотите... Пусть ищут лодьи – любые! Скедии, снечки, да хоть рыбацкие карбасы. Нам все сойдет! А ты, Уббе, возьмишь один из драккаров...

«Морского коня» возьми! И дуй в Бирку – приведи сюда купцов. Всех подряд – фризов, пруссов... Всех! Лишь бы на кораблях. Понял?

– Понял! – расплылся в улыбке Уббе ярл.

Остальные тоже повеселели – не все для них кончено!

– Поборемся еще? – бодро спросил Торольв.

– А ты думал? – хмыкнул Эйрик. – Готовь ребят-лесовиков, прочешем лес по этому берегу. Всех, кого найдем, сгонять сюда. Гейр! Собери ледунг и дай им работу – пусть ставят крепкие загоны для трелей!

– А скоро и арабы пожалуют! – потер руки Даль Толстый. – Мы им меха – они нам серебро! Мы им рабов – они нам золото! О-хо-хо-хо!

– Короче, Торольв! – подвел черту Эйрик. – Готовься! Я сам поведу отряд.

Разгладились лица хускарлов. Привычные к топору и лопате, ополченцы споро включились в работу, заданную конунгом: вкапывали столбы, набивали на них колючие стволы елок. Сучья на стволах не подрубали, а оставляли торчать, еще и острили кончики – полезешь через такой забор и обязательно зацепишься, одежду порвешь, а то и в брюхе дырку оставишь!

Эйрик конунг лично проверил, крепок ли загон, покачал столб, потряс колючую загородку – ни с места! Добрая работа!

– Обносите по-быстрому! – распорядился он. – Скоро приведем скотину двуногую!

Хускарлы загоготали.

– Выступаем! – крикнул Эйрик.

Тысяча бравых свеев, хускарлов и хирдманов попеременно забрякала оружием, затопала, грянула в сотни глоток:

– Веди нас!

И Эйрик Энундсон повел. Свеи вломились в заросли бузины и шиповника. Обойдя по бережку мелкое озерцо в окаймлении зеленых перелесков, «охотники за головами» добрались до Медвежьего тока – весной медведи тут подкрепляли силы подснежной клюквой. Ноголомное место: огромное болото – за день не обойти, на болоте песчаные гряды, на грядах матерые сосны, а понизу пади тянутся с неунявшейся внешней водой, заваленные подмытыми слизкими стволами.

– Торольв – влево! – скомандовал Эйрик. – Даль – вправо! Идти тихо и скрытно, вы на охоте...

Ярлы повели свои сотни по обе стороны хляби, просачиваясь через скудное чернолесье. Повезло Далю – сперва нос жирного ярла учуял дымок костра, потом уши уловили русский говор. Даль показал рукою – сотня Бьерна обходит так, люди Олафа – этак. Пригибаясь, викинги заскользили по кустам. Даль осторожно раздвинул колючие хлыстики малины и увидел сухой пятачок земли у самой топи, где горели крошечные костерки, и десятки людей обоего пола сновали от шалаша к шалашу, то ли готовя еду, то ли куда-то собираясь.

На противоположном конце сухого «островка» шевельнулась трава, пропуская голову Олафа в косо нахлобученном шлеме. Даль кивнул и поднял своих.

Бежавшие от напасти ладожане вдруг с ужасом увидели, как их стоянку окружают викинги, как шагают пришельцы, сжимая кольцо. Бородатый мужик подхватил рогатину и с гортанным криком бросился на живую стену в кольчугах. Блеснула сталь меча, и крик отчаянного бородача пресекся. Завизжали девки, бегая между шалашей, запричитали их старшие товарки. Редкие мужики угрюмо и злобно сбились в кучку.

– Вяжи их! – лениво скомандовал подошедший Эйрик. – И к жердине пристегивай – легче будет уследить!

Два десятка ладожан смирились, дали себя связать и пристегнуть. Конунг выделил полусотню конвоя и отправил первых рабов на место сбора.

– С уловом вас, ребята! – поздравил он викингов, и «ребята» весело загоготали: рады стараться!

Сосны на берегу Олкоги вздымались мощными колоннами, едва качаемые ветерком. Сулев выбрал для засады самую здоровенную. На высоте тридцати шагов привязал к сучьям крепкие палицы, настелил сверху жердочек и уселся, свесив ноги. Снизу его заметить было нельзя – ветки прятали, а ему все видно, весь разлив реки.

Олев и Пелг, Азамат и Сувор, Радим и Хурта устроили себе «гнезда» на соседних деревьях. Сулев ухнул филином, и Олев тут же откликнулся, каркнув по-вороньи.

– Порядок... – проворчал Сулев.

Вынув стрелы из тула, он разложил их, чтобы были под рукой. Согнул тугой лук и натянул тетиву, плетенную из трех оленьих жилок. Оттянуть ее мог только батя, да еще Ошкуй, остальным такое было не под силу.

Удобно откинувшись на ствол, Сулев задумался. Свечи его не особо волновали. Неприятно, конечно, когда чужие по дому шарятся, да и сколько теперь лишней работы надо будет провернуть! И дома новые ставь, и припасы собери, и то, и это... Ну так война ж! Ничего... И свеев уже били, и датчан. Всяких хоронили в окрестных болотах. И этим всыпем... А вот куда ему, Сулеву сыну Каницара, дальше путь держать? Пора определиться! По торговой части пойти, как дядька Ярун? Или охотником оставаться, как батя? Торговать... Хм. Выгодное дело, конечно, но хитрое. Денежки счет любят, а он в пальцах одной руки путается. Но и в лесу всю жизнь пропадать тоже охоты нет. Нищим не будешь, но и не разбогатеешь особо. Дешев мех, много за него не дадут. Да и повывели соболей в ближней округе, надо за ними далеко на север переться, за озеро Онего, и еще дальше, до самой Вины. Считай, полгода не дома греешься, а в шалаше зябнешь. Молодому-то ничего, так не навсегда ж та молодость! А о вечере надо с утра беспокоиться... И куда ж ему тогда? В дружину к Лидулу ярлу? А возьмет? Сулев вздохнул и тут же услышал, как прокаркал Пелг. Внимание!

Сулев встрепнулся и глянул на реку. Ага!

По Олкоге спускался свейский драккар, небольшой, румов в двенадцать. Гребцы дружно работали веслами, подгоняя лодью. Главным у них был рыжий верзила в блестящем шлеме с золотой насечкой. Он сказал что-то непонятное кормщику, и тот хрипло ответил:

– Йа-а, Уббе!

Уббе, значит... Сулев взял стрелу с бронебойным наконечником и растянул лук. Прощай, Уббе!

Стрела ударила викинга, как молния с небес, легко проткнув кольчугу. Уббе бросило к борту. Кормщик успел только глаза вытаращить, как вторая стрела пришила его к скамейке. И посыпались «змеи тетивы», как из хорошего гадючника! Одна стрела еще в цель не попадала, а Сулев уже пускал другую и накладывал на тетиву третью. Олев, Пелг и прочие, рассеявшиеся по «вороньим гнездам», добавляли к общему счету – иногда в одного и того же гребца вонзались по две стрелы за раз.

Лодья проплыла под Сулевым. Чудин внимательно пригляделся и крикнул Пелгу:

– Вседохлые! Свистни Тойво!

Пелг свистнул, пронзительно, раздирая слух. Сулев пригнулся, выглядывая из-под ветви. На гладь плеса выплыл из камышей ушкуй. Пятеро карел гребли, а Тойво стоял на носу, готовясь перепрыгнуть на драккар. Поравнявшись с лодьей, ушкуй на мгновение прижался к ее борту, и Тойво сиганул через борт. Он пробрался на корму и оторвал кормщика, прибитого к скамье. Резко переложил руль. Драккар медленно развернуло поперек реки.

– Весла ловите! – крикнул Сулев. – Весла! Уплывут же!

На таком расстоянии Тойво не мог его услышать, но и сам понимал, что к чему. Карелы в ушкуе подобрали пару весел, выскользнувших из мертвых рук, и поднялись на драккар. Разбившись на три пары, они быстренько снимали с убитых брони, побросали трупы за

борт и сели за весла. Хода не наберут, да и зачем им скорость? Тут главное – довести лодью, куда надо, и схоронить ее.

Сулев ухмыльнулся – Улеб конунг не только похвалит, но еще и наградит за такой трофей. И чем это не пропуск в дружину? Правильно Олег говорил: надо себя показать!

– Ай да мы! – сказал Сулев и полез с дерева. Вечереет уже, вряд ли swei поплывут на ночь глядя. А с утра он займет свой пост...

3

– Они наших похватили, – зло говорил Ярун, то и дело утирая мокнувший лоб. – Много! Загнали и держат, как скотину... Человек сто уже, или больше даже. Слуда тоже видел, спросите его.

– Да мы верим, – отмахнулся Улеб конунг. – А охрану какую выставили?

– Большую! – нахмурился Ярун. – Стоят вокруг всего загона, костры жгут... Всю ночь жгли. Светло было... И ни кустика тебе, ни деревца – просто так не подкрадешься.

– Асмуд! – подозвал конунг. – Ты как?

– Хоть щас! – ухмыльнулся хевдинг.

– Попробуешь?

– А то!

Асмуд отошел к Олдаме и поманил к себе Олега с Веремудом.

– Задание есть, – сказал он. – Значит, так... Надо ладожан выручать.

– Надо, – согласился Веремуд.

– Если попрям наобум, тихо не выйдет. Все swei сбегутся, пока мы своих выводить будем, да и далеко ли уйдем? Там же и старцы, и дети малые... Так я чего надумал – надо тебе, Веремуд, с Олегом на пару, тоже в плен попасть!

– И действовать изнутри? – спросил Олег, которого перспектива добровольного плена не шибко вдохновила.

– Точно! – кивнул Асмуд. – Только действовать нужно прямо сейчас. Swei шарят по Урочищу Сломанного Меча, а там топь. И они ее обойдут... – Хевдинг глянул на небо: – Когда солнце за лес уйдет! Короче, вам надо попасться sweiam на глаза и сдаться. Ножи возьмете засапожные, и все на этом... Попадете в загон, сбивайте мужиков, готовьте всех. А по темноте и мы подоспеем.

– Ясно... – проворчал Веремуд. – Пошли, Олег, сдадимся... Ох, не лежит у меня к тому нутро!

– Это ж понарошку, – успокоил его Олег.

– Да я понимаю... – вздохнул Веремуд.

Сунув ножи за голенища сапог, они отправились в тыл врага. По прямой до урочища было не так уж и далеко, но пришлось бы преодолевать топь.

– Двинем через болото, – решил Веремуд и протянул Олегу тяжелую жердь. – Держи! Я впереди пойду, а ты за мной ступай. И чтобы след в след!

– Понял... – кивнул Олег.

Веремуд шел осторожно, пробуя ногой податливую болотину. Раскисшее месиво сипело и пускало вонючие пузыри.

Олег вдаль не смотрел, тщательно следя, куда ступает нога Веремуда. Добравшись до сухого островка, поросшего кривыми, хилыми елочками, он оглянулся и не увидел за спиной ничего знакомого, ни одной приметы, одна чавкающая хлябь кругом. Зудели комары, противной мошки было, что пыли на шляхе.

И снова Веремуд полез в зеленую жижу, выдирая ноги с сосущим звуком.

– Маленько еще... – прокряхтел он. – Вон до той березы...

До «той березы» они добивались битый час и тину понацепляли на себя до пояса. Однако дорога посуху, вдругаля, заняла бы полдня.

– А почему ты думаешь, что свеи здесь пройдут? – спросил Олег.

– А куда им еще податься? Тсс! – пригнулся Веремуд. – Там кто-то есть!

Кузнец двинулся в обход купы деревьев, ступая мягко, без шума. Олег крался следом. За болотом росла черная ольха да тальник, весь опутанный малиновой лозой. Веремуд оказался прав – за ольшанником стояли два шалаша, дымил костер. Вокруг огня сутулились три мужика – двое в рубахах, один без.

– Вот попали... – вздохнул первый в кругу, с круглой головой, заросшей пегими прядями.

– Ох, и не говори... – молвил второй, худой и унылый.

– Судьба! – заключил третий, с горбатым носом.

Веремуд решительно вышел к костру.

– Здорово! – брякнул он.

Мужики чуть в костер не попадали.

– 3-здорово... – вымолвил круглоголовый. – А вы чего тут?

– А вы чего? – ответил Веремуд вопросом. – Гуляем мы, не видно разве? Пустите лучше обсушиться!

– Просим, просим! – сказал худой, отодвигаясь.

– Чего дымите? – спросил Веремуд. – Набросали сырятины...

– Да был у нас сушняк, – сказал горбоносый, – спалили весь!

Олег садиться не стал. Пройдясь вокруг, он огляделся. Лес будто дремал, легчайший ветерок трогал лишь осинки, перебирая трепещущие листки. Внезапно Олег насторожился – там, где кучно расставился можжевельник, вспорхнули птицы, закружили, пища и чирикают. Кто-то их испугнул! Олега посетило пренеприятнейшее ощущение – чужого, враждебного взгляда. По-хорошему если, то ему надо было бы предупредить Веремуда и мужиков да тикать. Увы, задание «партии и правительства» требовало не бегства, а позорной сдачи.

Олег прошелся, попинал шишку, краем глаза отмечая движение в редком кряжистом дубняке, и вернулся к костру. Встретив прямой взгляд Веремуда, он незаметно кивнул. Кузнец расслабился и спросил, нарочно повышая голос:

– Охота тут как? Не перебили зверье?

Мужики испуганно зашикали на него: молчи, мол!

– А чего такого?! – подбоченился Веремуд. – Это наш лес!

Тут-то их и взяли. На Олега кинулся, щеря зубы, молодой, прыщавый хускарл, и Сухов моментально протянул руки:

– Сдаюсь, сдаюсь!

Целый отряд свеев окружил костер и наставил копья на сидевших вкруг огня.

– Явились не запылились! – криво усмехнулся Веремуд. – Вяжите уж...

Свеи, весело переговариваясь, повязали пленников и повели в Альдейгу. Олег заметил за деревьями еще человек десять, попарно привязанных к жердине. А хускарл-то, который его повязал, вона как загордился! Взыграл и взорлился, зараза!

Олег пошевелил кистями – кожаный ремешок стянул их зверски, но узел был завязан неумело и подраспустился. Сухов шагнул, подгоняемый криками конвоиров, а на душе стало спокойней. Не было страха – Олег точно знал, что его не убьют, как и всех этих людей, пойманных в лесу. Свеи хотят их в рабство продать, а кто же станет треля убивать – себе же в убыток? Не было и ненависти, «перегноя страха», как однажды выразились братья Стругацкие. Да и за что ему ненавидеть этих свеев, что викингов, что хускарлов? Враги, захватчики – это все верно, но... Как там Горький сказывал? «Если враг не сдается, его уничтожают!» Правильно. Истребить свеев – вот задача, которую он решает со всеми вместе. Помогает решать... Но лозунг «Раздавить гадину!», сочиненный все тем же пролетарским классиком, как-то не стучит ему в сердце. Не постукивает. Он просто делает тяжелую и грязную работу. Убивать – это отвратительно! Три ночи подряд Олега преследовали кошмары, и тошнотворный запах крови бил в нос. Но привычка стерла, смазала паршивые воспоминания...

Закричали свои, идущие впереди, и лес кончился. Ушли назад деревья, а впереди открылся тоскливый пейзаж – квадраты и прямоугольники фундаментов с торчащими печами-каменками, присыпанные горами угля и золы. От крепостной стены только глинистый вал остался. Вдали вставали башни цитадели, а вблизи распахивались ворота в загон. Пинками и древками копий пленных затолкали внутрь. Народу тут хватало, Ярун не ошибся. И не сто человек томились за высокой изгородью, а все двести. Да больше... Женщины и девки жмутся вместе, детей тискают. Мужики сидят, головы повесив. Олег осмотрелся и прошел в середину, где на выступе фундамента устраивался круглоголовый с горбоносим. Оба были бледны и вид имели разнесчастный.

– Как жизнь? – бодро спросил Олег.

– Издеваешься, да? – сказал круглоголовый убитым голосом.

– Кто тебе сказал? – продолжал Олег в том же дурашливом тоне. – Глянь только – небушко голубенькое, травка зелененькая! Что еще нужно для счастья?

– Воля, – процедил горбоносый.

– О! – поднял Олег связанные руки и просиял. – В самую точку попал. Этим мы и займемся...

Опустив руки, он пальцами выпцарапал нож из-за голенища и сжал ручку между щиколоток. Ремешки разрезались на счет «два».

– Руки не вытягивай, – сказал Олег негромко, – и старайся держать вместе, будто они связаны.

Измученный круглоголовый только головой потряс – дескать, разумею. Олег перерезал ему путы, и горбоносый тут же протянул руки, обмотанные пеньковой веревкой. Лезвие освободило и его.

– А теперь, – негромко сказал Олег, – слушай меня! Когда стемнеет, придут наши и выпустят нас отсюда...

Круглоголовый при этих словах аж дышать перестал, а горбоносый шумно выдохнул.

– Я людям веревки резать буду, – продолжил Олег, – а вы незаметно переговорите с мужиками. Надо, чтобы каждый знал свое место и чтоб никого не забыли. Чтобы старых да малых несли молодые и чтоб все держались кучей и слушали, что им говорят. И молчали до поры.

– Ну... – задохнулся круглоголовый. – Ваще!

К вечеру, незаметно перемещаясь по загону, Олег и Веремуд освободили всех пленников. Люди перемешались, растягивая движение на часы, и со стороны не было заметно, как по бокам седобородого старика приседали два парня, как малышня разбирали женщины, а чад постарше крепко брали за руки девушки.

Олег добрался до последнего связанного, светловолосого парня, нос сапожком, и потянулся резать ремешки. Парень неожиданно отдернулся, ощерил рот и заорал:

– Стража!

Последним слогом он подавился – Олег вбил его парню вместе с осколками желтых зубов. Провокатор? Подсадной? Или просто дурак?.. Олег оглянулся. Нет, вроде стражники не обратили на крик никакого внимания. Ладно...

Олег, поглядывая на светловолосого, валявшегося в нокауте, отрезал у него подол рубахи и разорвал пополам. Один отрез скомкал и заткнул тому рот, а другим этот самый рот завязал. Подумал-подумал и снял с парня ремень, стянув им ноги. Так-то оно лучше будет.

– Чего он? – прошептал круглоголовый, кивая на связанного.

– А, тролль его знает!

Подсел Веремуд.

– Все вроде... – сказал он тихо. – Ждем.

В загоне застыла тишина, а часовые, напротив, говорили все оживленней, все громче. Видать, неоднократно прикладывались к жбанчикам и прочим сосудам. Костры горели ярко, опоясывая загон кольцом дрожащего, неверного света.

Стемнело. Олег, вглядываясь за колючую изгородь, высматривал спасителей, а те все

не спешили. Он не туда смотрел. Вертя головой, Олег заметил несколько кустов, чьи листья отсвечивали красным, и нахмурился. Он мог поклясться, что место было голо. Откуда ж кусты?.. Он моргнул и увидел, как медленно, пядь за пядью, кусты ползут.

– Вот дурак, – пробормотал Олег с облегчением.

Кусты затерялись за часовыми, тянувшими гортанные песни. Внезапно за спиной запевалы возникла громадная тень, и Олег услышал тихий треск сломанных позвонков. Певец медленно опустился на бок, словно настраиваясь вздремнуть. К нему тут же присоседился товарищ. Тень бесшумно мелькнула, скрипнуло дерево, и ворота загона начали открываться. Внутрь ступил Асмуд.

– Все готово, – доложил Олег, шагнув навстречу хевдингу.

Тот ухмыльнулся только и сделал жест рукой – бегом в лес!

Тихий ропот вознесся над толпой измученных людей и тут же сменился шиканьями. Пленные, чуть было не ставшие рабами, на цыпочках кинулись к лесу. Парни тащили стариков и стариц, за ними поспешали женщины с детьми на руках, следом бежали девушки, ведя за руки лупатую мелюзгу. И только один светловолосый оставался в загоне. Он мычал, он тряс головой, извивался и катался в пыли, но никто не помог ему – то ли трусу, то ли предателю, то ли глупцу.

Уходили тихо-тихо, переговариваясь шепотом, придушенно ойкая. Луна еще не взошла, шли впотьмах, и только в чаще леса Асмуд запалил факелы. Трепещущий свет запрыгал по испуганным, неверящим, счастливым лицам, по стволам деревьев, то пропадая в глубоких тенях, то бросая блики с лезвий мечей. До лагеря конунга добрались поздно ночью. Спать ложились там, где стояли, подстилая лапы сосен вместо перин. Олег лег с Радой на копешку скошенной поутру травы и заснул мгновенно, не распробовав даже вкус девичьего поцелуя.

Разбудили его крики часовых. Олег сильно вздрогнул и сел, протирая глаза. Нет, крики ему не приснились. А вот и лязг прибавился, и знакомое грюканье щита, отбивавшего удар.

– Сvei! – проревел голос Асмуда. – К оружию!

– Что это?! – воскликнула Рада, подхватываясь. – Опять?!

– Опять, маленькая, опять, – проговорил Олег, лихорадочно распутывая перевязь. – Беги к Чаре и будь с нею!

– Ты только не умри! – отчаянно взмолилась Рада.

– Я очень сильно постараюсь, – мягко сказал Олег и побежал на шум битвы.

Нападающих он заметил издали, в прогале между сосен. Свеев было очень, очень много – сотни и сотни викингов и хускарлов наступали с востока и севера, издавая воинственные кличи и потрясая оружием.

Лучники – карелы и русы – стреляли быстро, но передние ряды свеев уже лезли на холм, прикрываясь щитами. Этих доставали дротиками, но ощутимо проредить ряды наступавших варяги не могли – на каждого из них перло по десятку бойцов.

– Отходим! – заревел Улеб конунг. – Полусотне Крута прикрывать!

– Олег! – крикнул Олдама, завидя Сухова. – Сюда! Меч с собой?

Олег молча выхватил клинок.

– Стоим здесь! – прокричал Олдама, описывая мечом круг. – Не пускаем! Дадим бабью уйти...

– Понял.

Сквозь неплотный варяжский заслон прорывались отдельные свей, один напоролся на меч Олдамы, еще два свалились, схлопотав стрелу от Валита и Сулева.

Утро было раннее, туман рассеивался нехотя, и, когда перед Олегом вдруг нарисовалась фигура викинга, он обмер. А руки сработали будто сами по себе – описали дугу кончиком меча и полоснули врага поперек туловища. Удар был настолько быстр и точен, что викинг просто не успел ответить.

– Ну ты даешь, Вещий! – выдохнул Олдама. – Даже я так не могу!

Ответить Олегу помешали два свея, взлетевшие на холм с копьями наперевес. Тяжелое копье-топор Сухов отбил ногой, аж пятка заныла, и махнул мечом, разваливая свое бок. Пробегавший мимо Олдама добавил, резанув упавшего по горлу. Брызнула кровь, черная в утренних сумерках. Второго копейщика свалил Ошкуй, так махнувший своей любимой секирой, что костлявый хускарл сломался пополам.

– Валит! – крикнул Олдама. – Отходи... К болоту!

– А ты?! – завопил Валит, растягивая лук.

– Щас мы!

Низко тренькнула тетива, и свея, выскочивший из-за Древа, будто отпрыгнул обратно – бронебойная стрела сбила его, укладывая на вечные времена. Низко пригибаясь, проскочил викинг с топором на длинной рукоятке. Он с такой яростью рубил им воздух, что свист стоял. Олег отступил перед этой чертовой мельницей и подхватил копье хускарла, прибитого Ошкуем. Ударил изо всех сил, втыкая листовидный наконечник викингу под кольчугу. А тот будто споткнулся, топор его дрогнул и обрушился вниз, перерубая древко. С глухим рычанием викинг вырвал копье, просадившее ему нутро, и кровь хлынула, как из распечатанного кувшина с красным александрийским вином.

– Отходим! Олег!

Сухов отполз, вскочил и кинулся на голос Олдамы.

Втроем с Валитом они сбежали с холма и помчались в ту сторону, где заходит солнце. Прыгая с кочки на кочку, они одолели болотце, приблизившись к густому ельнику. С опушки им махал рукой Асмуд хевдинг.

– Быстрее!

Олег нагнал. Споткнулся, и тут же над его плечом свистнула стрела, вонзившаяся в мшистый ствол старой ели.

– Бежим!

– Куда хоть... бежать? – по очереди выговорил Олдама.

– К волхвам! – ответил Асмуд с оттенком почтения. – К Большому Дубу!

– А можно разве? – промямлил Олдама.

– Нужно! – рявкнул Асмуд. – Понеслись!

И они понеслись.

Большому Дубу было две тысячи лет. Это священное дерево пережило всех римских императоров, Перикла и Александра Македонского. Десять человек, взявшись за руки, не могли охватить дуб. Развесив облако зелени, он занимал громадную поляну и был окружен позолоченным заборчиком, защищавшим его от набегов диких кабанов. Кровь множества жертв удобрила корни Большого Дуба, а самый толстый сук обвивала массивная золотая цепь – каждый год волхвы, служившие священному дереву, переплавляли драгоценные подношения и добавляли к цепи еще одно звено.

Уже не одно поколение волхвов успело смениться в служении Перунову древу. Последние тридцать лет жрецами числились достопочтенные Чагод, Нур и Аральт. Они жили втроем в огромном «длинном доме», где смогли разместиться все гридни Улеба конунга, а гражданские грелись на солнышке, опасаясь ступить на тень священного дерева Перуна, покровителя воинов.

Вдруг послышалась протяжная песня. Пели варяги, на полузабытом сарматском языке. Гридни выходили из длинного дома и расходились вокруг Большого Дуба, не прекращая петь. И чем больше их появлялось на поляне, тем громче и торжественней делалась песнь. Последними вышли Улеб конунг и волхвы – седобородые, статные, в длинных белых одеждах, с посохами в крепких руках. Трижды обведя конунга вокруг священного дерева, Чагод, Нур и Аральт низко поклонились статуе Перуна, в которой Олег с изумлением узнал

работу кого-то из мастеров античности: в тени дуба пряталось мраморное изваяние Ахилла. В правой руке Ахиллес сжимал копье, «ясень пелионский», другая рука удерживала круглый щит. Кудри героя обжимал шлем с гребнем, а лицо выражало надменность и грозную готовность.

Волхвы нараспев выразили Улебу волю бога грозы и войны, и тревожное лицо конунга разгладилось, бледная улыбка расщепила бороду.

Улеб поблагодарил волхвов и вернулся к гриди.

– Асмуд и Крут! – сказал он громко и уверенно. – Выйдите!

Названные вышли и слегка поклонились конунгу.

– Перун просветил нас и рек совет! – торжественно возговорил Улеб. – Эта война – последняя для меня!

По гриди прошел шумок.

– После победы я удалюсь и буду служить тому, кто дарует ее нам, – Перуну! Это честь для меня... – Помолчав, Улеб закончил: – А вы, Асмуд и Крут, следуйте в Старигард, к Рюрику, сыну Регинхери, и призовите его княжить и владеть вами. Такова воля Перуна!

Гражданские при этих словах опустили на колени, воины сняли шлемы и склонили головы.

– Мы послушны воле Перуна! – измолвил Асмуд. – Когда нам выступать?

– Немедля! – изрек Улеб. – И пусть каждый из вас возьмет с собою оруженосца. Выбор за вами.

Асмуд хевдинг медленно обвел глазами строй ополченцев, и, чем ближе к нему шарил суровый взгляд, тем суше делались губы Олега.

– Олега Вещего беру! – решил Асмуд, и Олег почувствовал слабость. Сердце ухнуло в глубокую пропасть души и зачастило, засбоило.

– Ну а я друга Олега возьму! – рассмеялся Крут. – Выходь, Пончик!

По дружине прошли незлобивые смешки. Пончика любили – за доброту, за понимание и милосердие, хоть это были и явно не воинские качества. Пончик, бледный и растерянный, не знал, куда и деваться. Обнаружив Олега, он кинулся к нему, вызвав новый прилив смешков.

– Вот грамота для Рюрика, – сказал Улеб обычным тоном и протянул Асмуду скрученную бересту. – И ты, пожалуйста, успе, пока мы тут свеев бить будем!

– Успеем, конунг, – заверил его Асмуд и махнул рукой: – За мной!

Крут, по-прежнему улыбаясь, пропустил впереди себя Олега с Пончиком и двинулся замыкающим. А Сухов шагал и не чувствовал земли. Усталость покинула его, возбуждение и неясные чувства переполняли душу, как пузырьки теплое шампанское. Куда он идет? Что ждет его?

Олег задавал вопросы своей душе, но душа молчала...

Глава 12

– Слушай, – сказал Пончик неуверенно, – а где здесь восток?

Олег молча указал – по ходу движения.

– Не понимаю... – растерялся лекарь. – Нам же в другую сторону! Старигард ведь где-то на западе!

– Поднимемся по Олкоге, – терпеливо объяснил Олег, – волоки пройдем, по Дине спустимся... Диной они тут Западную Двину называют. Понимаешь, дружище Пончик, нету здесь дорог! Реки одни! А если ты напрямик двинешь, лесами, то к новому году только и дойдешь! Понимаешь изюминку?

Олег чувствовал себя в лесу уверенно – считай, год проработал в местных дебрях, мышцы качал на свежем воздухе. И видел теперь не траву, а травы, различая листики и метелки. Знал, какими корешками можно пропитаться, как словить оленя и где искать приправу к мясу. Пусти его сейчас голым в лес, с одним ножом, и через месяц он будет обут

и одет, выстроит себе крепкую хижину для зимовки и даже посуды налепит корявые сервизы. В своем родном времени лес был ему чужд и даже враждебен, да и где в том времени леса? В Карелии, где хмурые мордовороты на мощных тягачах бревна трелевали в Финляндию? А здесь – мать моя! Все необозримое пространство от Тихого океана до Атлантики заросло могучей тайгой – обдышишься кислородом!

Правда, хвалиться своими умениями в этом, экологически чистом, времени Олегу и в голову бы не пришло. Это все равно как если бы он где-нибудь в офисе или в аудитории вуза расхвастался: «А я умею читать!» Лесную азбуку тут знали все. Были и свои профессора, читавшие следы, как книгу. До них Олегу еще расти и расти...

Асмуд, идущий впереди, поднял руку жестом предостережения. Олег моментально замер, и Пончик, шагавший следом, впечатался ему в спину.

– Ой!

– Тихо ты!

Асмуд скрылся в кустах, но вскоре показался на тропе и успокоительно поманил:

– Пошли!

Олег, Пончик и помалкивавший Крут вышли на берег неширокого, но полноводного ручья, притока Олгоги. На узком бережку стояло с десятков весинов – все в штанах из оленьей кожи и в кожаных куртках. Через плечо у них висели огромные луки, а на траву были вытащены большие лодки с каркасом из гибкого прута, обшитые берестой. Лодки напомнили Олегу индейские каноэ, да и сами весины, отпустившие длинные черные косы, с налобными повязками, с лицами загорелыми и бесстрастными, сильно смахивали на каких-нибудь апачей или шайенов.

Асмуд обернулся и спросил:

– Ни у кого серебришка не завалилось? А то у меня золото одно в поясе...

– Да есть маленько... – сказал Олег и полез за пазуху. – А сколько надо?

– Три дирхема! Дорого, но... – Асмуд развел руками.

Олег отсчитал три серебряных монетки и протянул хевдингу. Тот передал «серебришко» старшему из весинов. Весин залопотал по-своему, слегка кланяясь и поводя рукою вдоль лодки – берите, мол. Продано! Одноплеменники его одобрительно кивали, как болванчики, в унисон.

– Берем! – скомандовал Асмуд.

Олег ухватился за острую корму лодки, готовясь напрячь мышцы, но руки легко подняли ее – легкую, как пустой ящик. Спустив посудину на воду, экспедиция разместилась на борту. Последним залез Пончик.

– Осторожно! – предупредил его Олег. – Наступай только на прутья, не то днище проломишь!

Зашуганный Пончик, кряхтя, опустился на указанное место. Лодка плавно тронулась. Крут сидел сзади и греб коротким веслом справа, заодно руля, а Асмуд окунал свое на носу слева, стоя на коленях.

Берега поплыли назад, качаясь порой, когда лодка кренилась на перекате.

– Нормально, – оценил Пончик.

– Я рад, что тебе понравилось, – съехидничал Олег.

Иногда «каноэ» плыло над глубокими, черно-зелеными омутами, иногда скребло днищем на отмелях местах. Дважды пришлось нагибаться под стволами, перекинутыми с берега на берег, – то ли мосты, то ли бурелом. В устье ручей рывком раздался вширь и вглубь, и горизонт, зажатый лесом, мигом убежал вдаль, упершись в сосняк на том берегу Олгоги.

– Самое то! – сказал Асмуд довольно. – Пороги Пчевские, считай, пройдены. Дальше чистая вода!

– Чистая-то она чистая... – протянул Крут. – Да как бы Вадим очередную пакость нам не устроил...

– Ты веришь, что ярл проданся свеям? – нахмурился Асмуд.

– А как тогда те прошли Южными воротами? – парировал Крут. – Мои ребята бились там и рассказывали одно – Вадимова гридь мечей на свеев не поднимала.

Асмуд засопел.

– Я однажды подслушал, – молвил Олег неуверенно, – как Вадим с попом ромейским беседовал. Тот ему предлагал помощь императора, чтобы конунга скинуть, а Вадим был против, сказал, что лучше со свеями сговорится или с датчанами! Чуете?

– Ага... – тяжело обронил Асмуд, подумал и решил: – Что ж, будем беречься!

И с силою заработал веслом, выгребая против течения. Крут молча помогал хевдингу.

– Скажи, Асмуд, – решился вдруг Олег, – а почему ты меня выбрал в поход?

Широкие плечи Асмуда передернулись.

– А просто... – буркнул хевдинг. – Ты ж Вещий! Вот и будешь нам... того... возвещать! Кстати, а про Вадима ты ничего не ведаешь?

– Ведаю, – усмехнулся Олег. – Через пару лет ярл восстание подымет... против Рюрика!

– Ага! – довольно воскликнул Асмуд. – Значит, нам удача светит.

– А то! – бодро откликнулся Крут.

Удача выпала за следующим поворотом – у бережка, причаленные за деревья, стояли в ряд пять арабских посудин, нареченных завами. Товары из Хорезма или Халифата грузили на большие шебеки или сафины, переправляли к хазарам, а там, в дельте Итиля, перегружали на мелкие фелюги и завы, группируя караваны и одолевая зловредные реки да волоки.

Арабы, оставив завы, сошли на берег для молитвы. Повернувшись в сторону Мекки, они отбивали поклоны. Олег только головой покачал: вокруг сосны с березками, елки, скалы, перезвон холодных ручьев, а надо всеми этими красотами Севера звучит заунывная формула Юга. «Ла илаха илля ллаху, – возносились голоса арабов, – уа Мухаммадун расулу-л-лахи!» Закроешь глаза и видишь знойное небо, выбеленное солнцем, сонных верблюдов в тени пальм и минареты, схожие с ракетами...

Асмуд хевдинг притормозил, уперевшись в борт зава, крутобокого, с высоко задранными кормой и носом, и прокричал приветствие:

– Ас-салям алейкум!

Свесившись с палубы, ему радостно ответил капитан-нахаза:

– Ва алейкум ас-салям! Ва рахмату-ллахи ва баракатуху!

– И вам мир и милость Аллаха и благословение его, – меланхолично перевел Крут и добавил: – Аллах – это бог ихний.

– А откуда Асмуд арабский знает? – полюбопытствовал Пончик.

– О! Где нашего хевдинга только не носило! Мы, когда на Севилью ходили, потеряли хевдинга – там, в Кордове. Думали, сгинул. Как же! Вернулся лет через пять, живой и здоровый, загорелый дочерна... Ага, сговариваются!

Нахаза с хевдингом говорили так быстро, что Олегу и отдельных слов было не разобрать. А уж как Крут общий смысл улавливал...

– Вместе пойдем! – удовлетворенно сказал Асмуд, оборачиваясь. – До Дины, а там разминемся. Знакомьтесь – это Зайнаддин Абд-ар-Рашид ибн ал-Варди, купец, путешественник и воин Аллаха!

Зайнаддин, высокий и костлявый старичок с остренькой бородкой, с достоинством поклонился.

– Ас-салям алейкум! – старательно повторил Олег.

– Ва алейкум ас-салям! – ласково ответил Зайнаддин.

– Он на старика Хоттабыча похож, – прошептал сзади Пончик.

– Точно! – улыбнулся Олег.

Русов распределили по завам – Асмуд и Крут с Пончиком остались с Зайнадином, и лодку весинскую привязали за кормой зава, а Олег поднялся на борт «Аль-ваки», которым командовал Абу Бекр Ахмад ибн ал-Факих ал-Хамадани. Ко всеобщему удовольствию, Ахмад сносно говорил по-русски.

– Бисми-лляхи-р-рахмани-р-рахим!⁵⁹ – прокричал Зайнаддин.
– Бисмилла! – пробормотал Ахмад и раскомандовал-ся, подгоняя гребцов.
– Почтенный, – сказал Олег вежливо, кивая на свободное весло, – дайте и мне отработать долг!

– Если так угодно дорогому гостю, – хитро улыбнулся Ахмад.
Олег сел, взялся за весло из дерева акации и включился в работу.
– Молодец, Олег! – крикнул Асмуд. – Пусть все думают, что мы рабы Зайнадина! Может, тогда не привяжутся!

Завы, выстроившись в кильватер, неспешно поплыли вверх по реке, вдоль берега, почти отвесного и словно бы выложенного рукой человеческой, – такое впечатление оставляли серые плиты ордовикского известняка. С высоких крутояров выгибались крученые ветрами сосны, махали ветвями над бурой водой Олкоги. Двумя часами позже задул сильный северный ветер, и арабы подняли косые реи с парусами «сетти» – треугольными по форме. Заскрипели мачты, запели снасти. Гребцы, уложив весла, разминали притомившиеся мускулы.

Наступил вечер.

– Ахмад! – слышался голос хевдинга. – Мы тут посовещались... Короче, останавливаться не будем, пройдем исток Олкоги по темноте!

– Вас ищет Вадим? – спросил догадливый Ахмад.

– Нас-то они не ждут, – ворчливо ответил Асмуд, – хотя встрече ярл-изменник не порадует. А вот тючки ваши распотрошат, зуб даю!

Ахмад задумался. Снял чалму, почесал потную плешь и кивнул:

– Иншалла!⁶⁰

Ветер не унимался, дул и дул в корму, натягивая «сетти» пузырями. Тьма заволокла все небо, потушила закатные сполохи, победным салютом зажгла созвездия. Ночь была безлунной, но света звезд хватало, чтобы тянуть по Олкоге бледную «дорожку к счастью».

Слева смутно завиднелись стены Гадара, крепостцы у самого истока Олкоги. За частоколом плясали отсветы костров и шатались горбатые тени, словно нечисть лесная устроила в крепости свои тайные радения.

Завы проходили медленно, с трудом. Загавкала собака, забрехала другая. Звонко разнеслась ругань, лай перешел в визг и смолк. Олег стоял у борта и подгонял неспешный зав – давай, ну давай же!

Гадар сдвинулся за корму последнего зава в караване, и тут же сильный толчок остановил «Аль-ваки». Олег полетел на палубу. Вскочив, он кинулся на нос. Там уже метался Ахмад.

– Ах, шакалы! – шипел он. – Свиные объедки!

– Что там? – подлетел Олег.

– Гляди!

Олег перегнулся через борт и разглядел мокро блестящие бревна. Они были сцеплены по четыре и связаны в плавучий заслон, перегородивший Олкогу.

– Ах, что надумали!

На берегу расслышали и увидели «нарушителей». Залязгало било, играя тревогу. Десятки людей с факелами побежали по берегу, крича и брякая железом.

– Не подпускайте их! – крикнул Олег и полез за борт.

– Куда ты?! – охнул Ахмад.

– Перережу веревки!

Грубые голоса с берега поднялись на октаву, раздавая команды. Затренькали луки,

⁵⁹ «Именем Аллаха, великого, милосердного!» – молитва, произносимая перед началом всякого дела.

⁶⁰ «Если это угодно Аллаху...»

жаля завы убийственными стрелами. Загремели дубовые катки под спускаемой скедией, с шумом раздалась вода, принимая кораблик.

– Весла на воду! – слышалось так внятно, будто невидимые гребцы были совсем рядом.

Олег, цепляясь за форштевень «Аль-ваки», нащупал ногой верткое бревно и оттолкнулся от зава, балансируя и приседая для пущего равновесия. Мимо прожужжала стрела и булькнула, уходя в воду. Стоя на карачках, напрягая ноги на разъезжающихся бревнах, Олег выхватил нож. Рукою нащупав мокрый узел, принялся резать его и кромсать. Затянутые ремни из моржовой кожи поддавались туго.

– Асад! – прокричал Ахмад. – Саид! Хасан! Убайда!

Олег оглянулся. Скедия была совсем близко. Через борт перевесился Ахмад, держа в руке зажженный факел.

– Как ты, Халег? – крикнул он.

– Режу! – пропыхтел Олег. – Бейте тех, в скедии! Иначе толку не будет!

– Ай, шайтан!

Ахмад дернулся в сторону, и в дрожащем свете факела блеснула пролетевшая стрела.

– Получай! – крикнул Ахмад, швыряя в скедию изящный кувшинчик. Следом полетел факел. Полыхнуло пламя, взвилось ярким клубом, запалило скедию. Гребцы дружно заорали, бросая весла и ныряя за борт. «Что он туда бросил?» – думал Олег, лихорадочно перепиливая третий узел. Крепкое вино? Вряд ли... Тут над водою поплыл ароматный дымок, и Олег догадался о содержимом сосуда. Ахмад не пожалел благовонного масла!

Мигом опустевшая скедия полыхала ярко, вертась и сплавляясь по течению. Пользуясь освещением, Олег рубанул последний узел, и плавучая загородка лопнула, концы ее стали расходиться, словно открывая ворота к Ильмену. Нож булькнул в воду, а Олег, отчаянно распрямляя ноги, прыгнул за удалявшимся завом. Правая рука промахнулась, и Олег повис на одной левой, вцепившись в натянутый штаг. Крепкая рука Ахмада тут же сжала Олегово предплечье.

– Держись! – сказал араб с натугой.

– Держусь!..

С помощью Ахмада Олегу удалось забраться на палубу.

– Олег! – прокричал в темноте голос Асмуда. – Живой?

– Живой! Мокрый только.

Гогот был ему ответом...

Караван, оставив позади Гадар, вышел на простор Ильменя. Течение больше не сносило завы, ветер поддувал по-прежнему.

– Столько нард на этих шакалов истратил... – убивался Ахмад.

– Ну, это не самая дорогая плата за проезд! – утешил его Олег.

Ночью ветер спал, но арабских мореходов это не взволновало – ранним утром завы вошли в русло Ловати и на веслах двинулись к волокам.

Скорости большой на реке не разовьешь – извивы сдерживают – и Олег, севший за весло, тягал его неспешно. Руки и спина все равно уставали, но освобождали голову. Олег думал о тех, кого ранее числил в своих предках, а ныне стал им современником. Его и раньше злило пренебрежение к дохристианской старине, а ныне, когда он насмотрелся на нее в реале, и того пуще. На одном из фестивалей, устроенных питерскими ролевиками, он участвовал в историческом диспуте и вызубрил отрывок из сочинения академика Лихачева. «Стремление вырваться из-под угнетающего воздействия одиночества среди редко населенных лесов, болот и степей, страх покинутости, боязнь грозных явлений природы заставляла людей искать объединения, – писал академик об „отсталых" предках. – Кругом были „немцы", то есть люди, не говорившие на доступном пониманию языке, враги, приходившие на Русь „из невести", а граничившая с Русью степная полоса – это „страна незнаемая"...»

Ага! Олег скривился и сплюнул за борт. «Страх покинутости»! Что-то не замечал он ни страха, ни угнетенности. Бодры были предки, и сами на кого хочешь страху могли нагнать. И не пугались они «грозных явлений природы». Даже Сольвейг, малолетняя дочка Веремуда, не пищала, заслышав удар грома, а радостно шептала, тараща глазята: «Пелун ходит, слысите?!»

И какие там еще немцы? На восток от Гардов булгары проживали и арису, так меряне с ними легко договаривались и перетолмачить могли любое слово. К западу эйсты жили-были, пруссы да ятвяги. А «экспедиция» как раз теми землями и пойдет. На юге – готы и анты. Понимает их Олег с пятого на десятое, но смысл сказанного уловить способен. А уж степь «страной незнаемой» называть – и вовсе глупость. Измышление невежественного ума и полное неуважение. Русы вышли из степи! Просторы между Днестром и Волгой-Итилем – их родные места. Чего там незнаемого? Все эти академики, прогибавшиеся то перед властями светскими, то перед владыками церкви, не знали правды о своих предках и не искали ее, предпочитая укоренять в умах хулу и поношение на «язычников-нехристей». На истинной истории Руси поставили жирный крест...

– Подгребай! – разнесся бодрый окрик Асмуда. – Рули!

Ловать повернула углом к северо-востоку. Нос зава раздвинул густые камыши, осоку и кувшинки, и караван вплыл в озеро Чернясто, тихое и ясное, синее до черноты. Отлогие берега с лугами, с дюнами уходили ввысь, к полощущимся на ветру корабельным соснам. Легкие жадно вбирали резкий воздух с запахом хвои.

Мелководье заузилось, стало протокой, караван повело по заводям, под редко пробиваемые солнцем своды нависавшего ивняка с пряно-оранжерейным запахом водорослей. И снова острые носы разводят камышовую поросль, и все вокруг заливают светом, и свежий ветер лохматит волосы. Озеро Сесить. Мелкая и частая волна плещет по борту, а Олег наглядеться не может на пейзажи. На затравевшие курганы, на высокие зеленые холмы, по местному – камы, на пагоды елей, вцепившиеся корнями в песчаные гряды – озы, на поляны с вросшими в землю валунами. Свое все!

– Волок! – удовлетворенно сказал Крут. – Олег! Слышь?

– Слышу! – откликнулся Олег и привстал со скамьи.

Впереди, на обрывчике выросла крепость – частокол, поставленный квадратом, с одной высокой башней на углу. По берегу сустились волочане, готовясь тащить завы на сушу. Два ходовых бревна с берега втапливались в воду, на сухом месте к ним были прирублены другие, далее – третьи.

– Держи-и! – провопили с сухопутья, размахисто швыряя канат.

Ахмад словил конец и закрепил его, пропустив через отверстия в обоих бортах. Тяжелый канат, плетенный из кожи, натянулся, намотанный на ворот, и зав повлекло к «ходовкам». Толчок. Зав накренился, задирая нос, и въехал на бревна, щедро смазанные жиром, закрипел, завизжал. Олег, вслед за Ахмадом, полез за борт, на особую площадку рядом с ходовкой, и слез с нее по лестнице.

– Одерживай! – орали волочане.

– Во! В самый раз!

– Натяни с этого боку! Еще давай!

– Велим! Подмогни Стемиду!

– А тут кто?

– Щас я!

– Тянем-потянем!

– Эй, арабская твоя душа! Разгружай скорей, не задерживай очередь!

– Накручивай сильнее, не бойсь!

– Эй, Стегги! Подгоняй кол!

– Бегу!

Колом волочане называли громадные дроги, с такими же бревнами на мощной платформе, с восемью скрипучими колесами, сбитыми из лесин, как у арбы. В кол была

впряжена шестерка флегматичных волов, лениво стегавших хвостами и прядавших ушами. Белобрысый Стегги взялся править колом, и волы попятись, недовольно мыча. Бревна со скрипом приткнулись, мужики, крутившие ворота, снова зашагали по кругу, и зав очутился на колу.

- Крепи!
- Велим, упоры суй!
- Готово!
- Подбей, подбей хорошенько!
- Да стоит он!
- Отцепляй тогда!
- Все!
- Стегги, трогай!

Белобрысый стегнул волов, и те потащили разгруженный зав по набитой дороге, рассекавшей ельник и уводившей перевалом через холмы. Телеги с кладью бодро поскрипывали, следуя за колом.

– Хвалю, – сказал Асмуд, подходя к Олегу. – Быстро ты смекнул про заслон. Я думал – на мель наскочили, а они вон что надумали!

– Ага! – ухмыльнулся Олег. – А я ремни режу и думаю: попаду я обратно на борт или пешком придется догонять!

Оба расхохотались.

– Пошли? – показал Олег на зав, медленно влекомый на холм.

– Нет, Вещий, – усмехнулся Крут, – нам в другую сторону!

– Зайнаддин отсюда на Оку подастся, – прояснил ситуацию Асмуд, – и в Итиль выйдет, до дому. А нам дорога – на Дину. О, кого я вижу!

Навстречу четверке вышел осанистый мужчина, бритый наголо по степной моде, но с длинными усами, спадавшими на грудь. Это был волочский тиун, поставленный конунгом собирать с купцов плату за волочение их посуды. Завидев Асмуда, тиун выпучил глаза.

– Здорово! – начал он, но хевдинг остановил его.

– Ты нас не видел, понял? – жестко сказал он.

– А как я мог? – мигом принял тиун правила игры. – Я ж еще сплю...

– Приятных снов! – осклабился Асмуд.

Забрав свою лодку-каноз, четверка взялась за нее и потащила к ближайшей воде – мелкий приток Дины плескался совсем рядом.

– В Аскераден будем заплывать? – деловито спросил Крут.

Асмуд молча покачал головой.

– И в Динаборге не остановимся? – огорчился Крут.

– Некогда, – буркнул хевдинг. – И незачем зря мелькать у всех на виду. Чем меньше народу знает о нас, тем мы целее.

– Ну, это понятно.

– Вот и топай, раз понятно...

И они потопали.

– «Миссия невыполнима-3», – пробормотал Пончик.

– Перевыполнима, Пончик! – сказал Олег и подмигнул товарищу по времени.

Глава 13

Дина не выглядела пустынной и затерянной. Вверх и вниз по ней шуровали корабли – поднялись кнорр и шебека, следуя к волоку, спустились две фелюги. Эти так спешили, что

лодку путников закачало на мелкой волне. Замаячили башни Паллтескьюборга.⁶¹

– Сколько крепостей! Угу... – впечатлился Пончик.

– На то и Гарды, – сказал Олег с гордостью. – А что ты хочешь? Перекресток! Так, – показал он рукой, – из варяг в греки, а так – из варяг в арабы. Мы тем арабам меха, они нам – серебро.

– Или рабов...

– Да! – согласился Олег. – А что? Товар ходкий, сам знаешь... Вот конунг и крутится, крепости ставит, чтобы пути оборонить. Я так понимаю, что с нового года Аскольд сэконунг в поход двинет! Поплывет по Непру вниз, а как минует вток Десны, углядит на горе град задрипанный. Спросит знающих людей: «Что это там такое высовывается?» А они ему: «Да это Самбат!»⁶² Фактория сарматская!» Аскольд подумает-подумает и спросит гридней: «А не захватить ли нам этот Самбатишко, а? Разомнемся хоть!» Гридь заорет: «Любо!» И разомнутся... Наведут шороху. А Аскольд-то безземельный, а старость-то не радость. Почешет он свою буйну голову, да и останется в Самбате...

– Ага, – подхватил Пончик, улыбаясь коварно, – а потом ты придешь и того Аскольда – в расход! Вместе с Диром...

– Чего это я? – насторожился Олег.

– Как это чего? – комически изумился Пончик. – Ты ж Вещий? Ну вот! Рюрик тебе сына Ингоря доверит, когда помирать соберется, и станешь ты регентом при малолетнем конунге. Щит свой на воротах Царьграда приколотить, отмстить соберешься неразумным хазарам, их села и нивы за буйный набег... того... мечам и пожарам. Что ты на меня вылупися? Думаешь, ты один историю в школе учил? Читывал я учебники, читывал. Угу...

– Да при чем тут я?

– А кто тут причем? Или ты и вправду надеешься, что сыщется другой Олег Вещий? Как ты говоришь – настоящий? Так это ты и есть! Понял, историческая личность?

– Что вы там ругаетесь? – добродушно обернулся Асмуд и поднял голову: – Гребем к берегу, Крут, темнеет уже, а там вроде корчма... Заночуем!

– Мы и так ходко шли, – заметил Крут. – Считай, ночь сберегли.

– А теперь истратим! – сказал Асмуд.

К берегу Дины скатывался пологий склон холма. Повыше на нем чернел частокол небольшого форта, по берегу тянулась пристань, ставленная из бревен, а между рекой и крепостцой жались друг к другу дома – приземистые постройки, скрывавшиеся под тяжелыми соломенными крышами, почти достигавшими земли. Сбоку притулилась длинная корчма, сложенная из валунов.

– А какие, вообще, тут люди живут? – спросил Пончик. – Кривичи?

– Какие еще кривичи? – удивился Асмуд.

– Ну, эти... – сбился Пончик. – Ну, племя такое... Из славян!

– Из славян?! – протянул Асмуд, пуча глаза, и захохотал. Крут к нему присоединился, смеясь и мотая головой. – Из славян... – выдавил Асмуд, утирая глаз. – Придумает же... Умора!

– Может, не кривичи, а криве? – подсказал Крут.

– А это кто? – взбодрился Пончик.

– Это жрецы такие, из пруссов они. Много их сюда пришло еще при Бравлине, запросились под руку конунга. А нам что? Земли-то у нас полным-полно, а народу – чуть! Тем более, тут граница – эта сторона наша, а за Диной земли ятвягов и литвинов... Ливов, леттов, самогитов, семигалов...

Высадившись и оттащив лодку на берег, вся четверка проследовала в корчму. Внутри

⁶¹ Сокращенно – *Палтеск*. Ныне Полоцк.

⁶² *Самбат* – ныне Киев.

было тепло и сухо. Низкий потолок подпирали резные столбы, куда на манер сучков были вставлены факелы. Пол был усыпан резаной соломой, а из мебели имелись два длинных, массивных стола и основательные скамьи. Один из столов занимала шумная компания гридней, видать «пограничников» из крепости. «Погранцы» сидели, не снимая скрипучих кольчуг, то и дело сдвигая чаши, а шлемы их и перевязи грудой лежали в углу. Вошедших они заметили, но гогота не утишили, лишь переговариваться начали, сдвигая головы, будто бодаясь.

Корчмарь, полный, черевистый мужичок с потной лысиной, выкатился навстречу Асмуду и поклонился:

– Чего изволите?

– Мяса, хлеба, вина! – перечислил Асмуд. Поковырявшись в поясе, выудил серебряную монету. Корчмарь словил брошенный дирхем и укатился на кухню.

– Поедим хоть по-человечески... – проговорил Крут, усаживаясь за стол. Подняв глаза к потолку, с которого сыпалась труха от чых-то шагов, он добавил: – И выспимся!

– Только и знаешь, что жрать да спать, – пробурчал Асмуд, приседая на скрипнувшую скамью.

– Да-а... – зажмурился Крут. – Это дело я люблю!

Олег устроился с краю. Было ему беспокойно – пьяные гридни внушали ему тревогу и опасения. Он прислушался. Гридни переговаривались:

– А то сидишь в этой дыре и света белого не видишь!

– И не говори. А жаловаться станешь – тебя мигом в поруб.

– Эйрик тутотские порядки живо поменяет!

– А он, знаешь чего сказал? Ты, грит, присягу конунгу давал? Я говорю – давал. И в брюхо ему!

– Так и я конунгу присягал. И что? Эйрик Энундсон тоже ж конунг.

– Га-га-га-га!

Олег глянул на Крута. Тот посмотрел серьезно и чуть качнул головой – слышу, мол, не дергайся.

Прикатившийся корчмарь притащил деревянное блюдо с дымящимся мясом.

– Угощайтесь, гости дорогие! – мурлыкнул он и укатился обратно. Тут же вернулся с караваем хлеба и кувшином вина.

– Винцо малиновое, – журчал он, – в голову ударяет, но похмельем не мучает!

Асмуд невозмутимо разлил вино по чаркам и пригубил из своей.

– Доброе винцо, – кивнул он.

Осчастливленный корчмарь удалился.

Олег ел без охоты – скорее, просто пользовался случаем, чтобы подкрепиться. Отрезал своим ножом куски свеженины и уплетал.

– Выпей с нами, варяг! – возник за спиной Асмуда нехилый гридень, косая сажень в плечах. – Выпей за конунга!

– За какого? – холодно спросил хевдинг, отправляя в рот шматик мяса.

– За Эйрика сына Энунда! – провозгласил гридень.

– С псами не пью, – по-прежнему холодно сказал Асмуд.

Слова его прозвучали, как смачная пощечина. «Погранцы» взревели, вскакивая из-за стола, а гридень за спиной Асмуда занес кулак, величиной и весом с хорошую гирю. Хевдинг резко саданул гридня локтем. Того отбросило к стенке.

– Не дадут поесть спокойно, – пробрюзжал Асмуд. – Шкурки продажные!

«Поградец» с красивым и злым лицом подлетел к Асмуду слева, норовя заехать кулаком хевдингу в ухо, но тот был проворней.

Легко вскочив на стол, он звезданул красавца ногой по голове. «Поградец» упал, переваливаясь через лавку. «Погранцы» ломанулись всей толпой в угол, к оружию. Это дало время собраться четверке.

– Уходим через кухню! – скомандовал Асмуд. – Некогда нам драчками тешиться!

Олег пропустил Пончика вперед, подождал Крута.

– Асмуд! – закричал Крут.

Олег обернулся. Асмуд, стоявший спиной к «погранцам», был бледен и выговаривал что-то невнятное посеребрившими губами. Хевдинг медленно повернулся. В могучей спине хевдинга торчал нож, засевший по рукоять.

– Хевдинг! – крикнул воротившийся Пончик.

– Уходите! – глухо приказал Асмуд. – Я их придержу!

Пончик, не слушая, бросился к хевдингу.

– Не трогай нож, – предупредил его Асмуд, – а то кровью изойду... Идите... Крут, береста с тобой?

– Д-да... – выдавил Крут.

Гридни набросились всем скопом. Асмуд выхватил меч и полоснул, разрывая горло ближнему. Кровь брызнула на истоптанную солому, а Олег глаз не сводил с ножа в спине хевдинга – рукоятка, отделанная костью, шевелилась при каждом движении. И вдруг спина поникла. Хевдинг упал на колени. Гриден-красавец завис над ним, отводя меч, и сам напоролся на клинок, вскинутый Асмудом в последнем усилии битвы.

Крут схватил Олега за плечо и вытолкнул на кухню. Олег не обиделся – каково было хольду потерять старого друга и командира, да еще вот так, оставляя одного?

В кухне было дымно и чадно, открытый очаг горел, подогревая горшки и котелки на цепях. Крут метнулся к низкой двери, открытой настежь, и выскочил во двор. Пончик юркнул следом, Олег нырнул в проем последним.

– Уходим! – крикнул хольд.

Пончик послушно бросился к пристани.

– Не туда! За мной!

Крут завернул за пылавшую корчму и подбежал к конюшне. Сбив запор, он нырнул вовнутрь.

– Олег! Держи этого! Сажай Пончика!

Олег послушно взял за гриву фыркавшего гнедого и помог лекарю сесть на него верхом. Крут вывел еще двух коней – чалого и вороного – и протянул Олегу поводья черного как ночь красавца. Четверо гридней с мечами и факелами в руках вынеслись из-за угла и радостно взревели.

– По коням! – зло крикнул Крут.

Три всадника, склоняясь к стриженным гривам, вынеслись на берег Дины и завели коней в воду.

– Поплыли!

Реку кони одолели, хоть и без большой охоты, и вышли на другой берег, громким фырканием выражая свое недовольство.

– Не по-людски как-то... – завздыхал Крут, оглядываясь на тот берег. – Ни лодьи погребальной, ни последнего огня...

– Асмуд погиб, как воин, – твердо сказал Олег, – таких валькирии уносят раз в сто лет!

– Вечная ему память... – добавил Пончик дрогнувшим голосом и спросил шепотом: – Ты веришь, что Асмуд попал в Вальхаллу?

– Нет, – буркнул Олег, – но в это верит Крут!

Переночевав на лесной поляне, зарывшись в стог сена, ранним утром троица пустилась в путь.

– Тут тропа набита, – объяснил Крут хмуро, – до самого Курланда доведет...

– А там? – спросил Сухов.

– А там видно будет...

Небо на восходе еще не занялось розовыми красками, только посветлело чуток. Тропа была достаточно широка, чтобы по ней ехали по два всадника в ряд, а вот телеге сюда въезд был запрещен – застрянет, не развернется. В иных местах тропа уширялась, словно раздвигая деревья. Вот, в таком-то месте и повстречали троицу неизвестные на малорослых степных

коняшках. Стали поперек тропы – все смуглолицые, черноглазые, с длинными висячими усами. Кольчуги на всех, плащи черные, на головах высокие красные колпаки, отороченные бурым мехом, а в руках короткие копыя.

– Это ятвяги, – тихо сообщил Крут, не крутя головой. – Едем, не останавливаемся!

Хольд принял безмятежный вид и направил коня на молчаливых ятвягов, загородивших дорогу. Поводья он держал левой рукой, правая свободно свисала, покоясь близ рукояти меча. Пончик застыл манекеном, только глаза лупали. Олег попытался расслабиться и вести себя непринужденно, как Крут, но это у него плохо получалось – спина деревенела от напряжения.

Ятвяги и слова не сказали. Лица их были бесстрастны, как каменные маски. Но дорогу они уступили, подвинувшись в подлесок, – то ли не захотели связываться, то ли проявили уважение. Кто их разберет, этих ятвягов?

Встреча с ятвягами была единственной, вызвавшей опасения. Потом до самого Курланда никаких происшествий не случилось. Троица, предводительствуемая Крутом, ехала себе и ехала, изредка останавливаясь перекусить и дать отдых животным. Скакали до глубоких сумерек, а с рассветом вновь седлали коней.

Леса пошли сплошняком. Тропа вилась то дремучим сосновым бором, где мощнейшие деревья смыкались кронами и сгущали понизу зеленый полумрак, то еловым болотистым лесом, то густыми зарослями березняка и ольшаника. Иногда встречались вековые дубы вперемежку с липой, вязом и кленом. Часто тропу перегораживали поваленные деревья, вывороченные с корнями. Лесные гиганты лежали давно, трухлявели десятками лет и прорастали молодью: на стволе огромного дуба, лохматого от мхов, поднялась сосенка, а над развилиной старой дуплистой липы трепетал лапчатой листвой тонкий кленик. Иногда всадникам приходилось сходить с тропы, уступая дорогу матерым зубрам.

Олег с трудом разобрался в местной географии с ее типовыми названиями. Курланд занимал место будущей Калининградской области и далее к западу переходил в земли Витланда. Жили в Витланде те же пруссы, что и в Курланде. Южнее Витланд граничил с Пулиландом, страной ляхов, на пустом месте строивших свою Польшу, и доходил до Вислы. А уже за Вислой начинался Виндланд, государство вендов, со столицей в Старигарде, где и проживал Рорик, сын Регинхери. Ладожане звали его Рюриком конунгом, хотя титул сего именитого венда звучал иначе, примерно так: «рейкс».

– Поедем до Косы,⁶³ – решил Крут. – Есть там городишко один, Кауп называется, по-нашему – Торг... Прусы в том Каупе янтарем промышляют, а кунигсы ихние пошлину с купцов дерут. Там по Косе как раз волок, лодьи в залив с моря перетаскиваются, по Неману поднимаются до Щары, по Щаре на Ясельду опять волоком, с Ясельды на Припять и в Непр. Вперед!

Места пошли красивые – холмы в кудрявой зелени, увалы, просторные луга, заставленные валунами-мокусами. Гору Гайтельгарбо, которую венчал замок райкса Видевута – титаническая бревенчатая изба, – объехали по склону и попали в стольный град Курланда – Ромове. Град сей по кругу был обнесен валом из камней, глиной скрепленных, а поверху пруссы поставили два частокола в виде концентрических кругов, середину между ними забив землей и гравием. Улицы в Ромове отсутствовали, дома, крытые камышом, стояли как попало, то впрыток, то вразброс, и где тут присутствия находились, а где жилье, сказать было трудно.

– Гляди, Пончик, – сказал Крут, кивая на высокого старикана в пурпурной мантии, окруженного толпой, – это сам криве Брутено!

– Криве? – заинтересовался Пончик.

– И не просто криве, а криве-кривайте. Самый главный жрец. Князь-жрец. Они тут всем

⁶³ Куршская Коса.

вертят, жрецы здешние, и правят, и судят, и самому райксу говорят, что делать. Криве – это как бы верхний слой, а под ним кого только нет. Вейдельботы – вторые после криве, они – возносители молитв. Сигтоны надзирают, вурскайты заведуют богослужением и освящают жертвы... И это только старшие жрецы, а есть и младшие – михе. Свалгоны возглавляют свадьбы, тулисоны – те в деревнях живут, травами лечат... А еще у них сайтоны имеются, вандлулуты, буртоны, вейоны, думоны, неруты, лекутоны, видуроны... И всю эту ораву корми.

Криве-кривайте носил под мантией длинный белый кафтан, многожды опоясанный жреческим кушаком, а на голове у него была остроконечная шапка с золотым шариком, усыпанным драгоценными камнями. Крутились вокруг князя-жреца криве в белых кафтанах, в желтых и черных. Михе такой чести не удостаивались, этим было довольно и повязок – черных, желтых и белых.

– Эти, которые в белом, – объяснял Крут, – жрецы Перкуна, Перуна по-нашему. Желтые поклоняются богу Потримпосу... не помню уже, кто он у них тут, а черные – это служители Поклюса, злого бога. Вот народ, а?! Все, что можно и нельзя, под себя подгрести. Недаром прусские витингсы – они вроде наших варягов – бегут на службу к Улебу или к вендам. Замучили их жадные криве! Ладно, – сменил тему Крут и похлопал коня по шее: – Отдохнул? Поехали скорей!

Ехали половину дня, пока дорогу к морю преградила священная дубовая роща. Она простиралась и влево, и вправо, а часто вкопанные столбики с вырезанными на них личинами предупреждали: «Проезд воспрещен!» Столбики были обвязаны белыми тряпицами, чтобы видеть границу рощи в ночную пору и не преступить ее.

Крут осмотрелся внимательно и махнул рукой:

– Поехали! Некогда нам по обычаю жить...

Три всадника пустили коней рысцой, въезжая в зеленистую тень дубравы. Земля была усыпана желудями и палой листвой, повсюду валялись корявые черные ветки, но только дикие кабаны тревожили рощу – обиталище Перкуна.

Топот копыт глушился опадом, нигде не мелькали тени стражи, и уже обозначился просвет – роща кончалась. И вдруг груды листвы разлетелись, и мрачного вида витингсы поднялись с земли, распрямляя члены и пропарывая мечами конские брюха. Животины дико заржали, вскидываясь на дыбы и тут же валясь, топча копытами сизые кишки. Олегов конь пал, дергая головой и пуча красный глаз. Сухов едва успел выдернуть ногу из стремени и откатиться в сторону. Пончик же шлепнулся на кучу листвы и сидел, ничего не понимая.

– Уходите! – крикнул Крут. Мгновенным движением он сунул руку за пазуху, вытащил бересту и сунул ее Олегу. – Бегом отсюда!

Хольд повернулся лицом к шестерым витингсам. Больше он уже не оборачивался. Крут бился с ожесточением, словно оплачивая жреческим слугам за смерть Асмуда, а заодно продавая собственную жизнь по самой высокой цене. Меч Крута блистал и сверкал с легкостью и быстротой стрекозино крыла над прудом, раз за разом окрашиваясь кровью.

– Бежим! – процедил Олег и стартовал, подгоняя Пончика.

Выскочив на опушку, он оглянулся и похолодел. Крут, одолев четверых, добивал пятого витингса, вот только десяток лучников, выпрыгивая из-за дубов, расстреливал хольда с безопасного расстояния. Несколько стрел уже вонзились ему в спину и в бок. Крут с усилием занес меч и махнул, перерубая витингсу горло. Это был его последний удар. Крут постоял, покачался, сгорбился и рухнул, орошая кровью корни священного дуба.

Олегу хотелось разорваться – долг толкал его прочь, а чувство товарищества гнало мстить.

– Уходим! – пересилил он себя.

Далеко они не ушли – крепкие арканы раскрутились в воздухе и пали Олегу и Пончику на плечи. Петля стянула Пончику руки, канат натянулся и швырнул лекаря на землю. Олегу удалось увильнуть от первой петли и выхватить меч, чтобы резануть вторую. Тогда сразу два волосяных аркана прилетели из-за кустов и поймали его, стягивая руки по швам. Шипя от

злости, Олег упал и покатился, как сбитая кегля. Деловитые стрелки, пряча луки в налучья, подбежали, снимая с пояса тонкие ремешки для связывания рук.

Олег даже обрадовался появлению убийц Крута. Он дернулся, продвигая меч, притянутый петлею к телу, и один из канатов лопнул, разрезанный наточенным лезвием. Прусс, заметивший Олегово движение, крикнул, предупреждая товарищей, но поздно – дорезав второй канат, Олег высвободился, вскочил и с наслаждением нанес удар на поражение. Прусс в кожаном доспехе с изумлением глянул на внутренности, валившиеся из него, закричал, поперхнулся и упал, корчась, словно пытаясь запихать кишки обратно.

Второму стрелку Олег перерубил правый бок в районе печени. Третий успел достать лук, и меч сначала рассек тетиву, а после пырнул стрелка в грудь, накалывая сердце.

– Олег! – закричал Пончик. – Сзади! Уходи!

Олег обернулся – к нему бежали витингсы, человек пять, за ними поспешал местный криве, ярясь и потрясая посохом.

Молниеносным ударом Олег снес голову четвертому по счету стрельцу и кинулся в лес.

– Я вернусь, Шур! – прокричал он, но Пончик ему не ответил.

2

Хмурые витингсы подхватили Шурика и понесли, привязав к жердине, как убитого оленя. Шуре было очень неудобно, ремешки резали руки, а страх просто не вмещался в нем, так много его было. И он все рос, этот страх, рос и рос!

Криве догнал витингсов и довольно оглядел их добычу. Пощупав Пончика – жирненький! – жрец покивал и сказал что-то властным голосом. Витингсы кивнули и потащили Шурика дальше, обходя рощу на почтительном удалении.

За дубравой обозначилась возвышенность, на ней крепко сидел храм Перкуна, устроенный из старого дуба, метров двадцати в обхвате. Видимо, дерево засохло, но рубить и корчевать его не стали. Вместо этого удалили верхние сучья, всю развилку, и оставили один ствол, корявый и оплывший цилиндр, в котором вырубили круглый зал святилища, а сверху все это сооружение накрыли тесовой крышей.

Пончик разглядывал храм вниз головой, ритмично раскачиваясь и мотаясь. Неудобный ракурс! Витингсы поднесли Пончика поближе к храму и положили на специальную площадку-рикайот, перед которой горел неугасимый костер.

– Развяжите, сволочи! – взмолился Шурик.

Витингсы, словно поняв его речь, разрезали путы... а заодно и всю одежду лекаря. Сдернули сапоги и связали Пончика по новой, голого и босого. Потоптавшись, витингсы ушли, уступив место вейделотам. Вейделоты закружились вокруг Пончева, колотя в бубны и выкрикивая протяжно: «Ши-и-у! Ши-и-у!»

Старый вурскайт, криве-освятитель, с кряхтеньем присел на корточки перед Пончиком, поставил перед собой горшочек с чем-то вонючим и принялся за дело: бормоча молитвы, он макал в горшочек пучок перьев и рисовал на груди и животе жертвы священные закорючки. Закорючки жгли кожу и проявлялись размытыми зелеными иероглифами.

Пончик лежал на твердом, и его трясло. Сглотнув сухим ртом, он поглядел на кривую стену храма, где были выдолблены три глубокие ниши. В нишах торчали деревянные уродцы, должны изображать туземных божков. «Господи, – подумал Шурик с отчаянием, – куда меня занесло?! А вдруг сожгут?!»

Пончику «повезло» – криве приносил жертвы Перкуну иным способом. Он их топил.

Двумя часами позже явились раббы, жреческие слуги, весьма упитанные молодые люди, подняли Пончева и понесли вслед за криве, выпевавшим молитвы. За храмом обнаружилась яма с водой, обложенная камнем и такая широкая, что только с разбегу перепрыгнешь. И глубокая – водица отливала черным. Пончик закричал, задержался, но руки раббов были крепки. Короткий полет – и он погрузился в воду. Какая холодная! Это был

родник! Шурик принялся отчаянно извиваться, но тщетно – блещущий серебром блин поверхности колыбался над ним недостижимым пределом. И это все?! – пронеслось в голове Пончика. Вода проникала в нос, он продул ноздри и почти не оставил воздуха в легких.

И тут блещущая поверхность разорвалась, пропуская в облаке пузырей еще одно тело. Кто это был, Пончев не различил – грудь его лопалась, а перед глазами плыло черное и красное.

Чьи-то руки ощупали Шурика, и острая сталь освободила его от пут. Он начал подниматься, влекомый теми же руками, и вдруг распрекраснейший воздух проник в него, вызывая резь и принося счастье.

Кровавый туман растаял, и Пончик узнал своего спасителя. Это был Олег.

– Ты?.. – слабо спросил лекарь.

– Нет, – буркнул Олег, – ангел я. Херувим. Вылезай, хватит плескаться!

Подталкиваемый Олегом, Пончик выбрался из ямы. Огляделся, не поднимаясь с коленей. Рядом с родником лежал криве, горло его было перерезано. Длинная крашеная борода, заплетенная тугими косичками, намокала кровью. Подле своего хозяина валялся рабб. Этот был еще жив, его вывернутая пятерня скреблась пальцами, пытаясь дотянуться до отброшенного кривого кинжала.

– Руку! – сердито сказал Олег.

– Щас! – опомнился Шурик и потянул наверх Олега, тоже голого. – А ты чего разделся?

– Плавок не нашел... – пробурчал Олег. – Не стой, раздевай рабба!

– Я... нет!

– Ходи тогда голый! – разозлился Олег.

Он быстро оделся и натянул сапоги. Пончик, страдальчески морщась, раздел умирающего и натянул на себя его рубаху, вонявшую рыбой, и порты. Сапоги нашлись «родные», а сверху Шура накинул суконный плащ – никак не мог согреться.

– Пошли, – скомандовал Олег, – поможешь мне...

Быстрым шагом он прошел в рощу. Пончик увидел мертвого Крута. Хольд лежал, вытянувшись, с закрытыми глазами.

– Он умер? – прошептал Пончев.

– Всего продырявили, скоты, – процедил Олег. – Берись за ноги, потащили!

– Куда?

– Устроим хольду погребальный костер.

Пончик подхватил тело Крута за ноги и начал пятиться, мелко семеня.

– В храм? – выдохнул он.

– Туда!

В святилище было пусто. Большие двери храма были подвешены на массивных бронзовых петлях и окованы листовым серебром с тонким кружевным узором. Только статуя, изображавшая Перкуна, торчала посередине, грубая и безобразная, как коростой покрытая следами крови многих жертв. Скольких людей сгубили, подумал Пончев, ради дурацкого истукана!

– Клади!

Шурик с облегчением опустил скорбный груз на дорожку зеленого сукна. Олег покопался в храмовой утвари, нашел кувшин с ароматным маслом и разлил, разбрызгал тягучую жидкость.

– Сбегай за огнем, – попросил Пончика Сухов, – запали пару веток, что ли...

– А... где?

– Где костер!

– А-а! – Шура тут же вспомнил вечный костер у рикайота и помчался исполнять поручение.

По дороге он оглядывался, высматривая опасность, но тишина стояла вокруг, тишина воистину мертвая, даже в роще не шелестели листья.

Пончик зажег целый пучок дубовых веток и вернулся в храм.

– Гляди! – сказал Олег, показывая ларец, набитый золотыми монетами.

– Ух, ты! – впечатлился Шурик. – Захвати жменьку – пригодится...

Олег заполнил монетами кожаный мешочек, висящий на поясе.

– Абдулла, – пошутил он невесело, – поджигай!

И первым показал пример, сунув горящую ветку под тонкую ткань бархатного занавеса. Пончик пошел по кругу, запаливая одежды, деревянные поставцы, пучки трав. Стены, сухие до звона, загорались легко – черные пятна обугливания расходились по ним, языки пламени подбирались все выше и выше к потолку, и вот они лизнули кривоватые балки, распробовали... Затрещал огонь, заревел, свирепея, охватил святилище, пылая сухим, чадным жаром.

– Уходим, – ровным голосом сказал Олег.

– И куда мы теперь? – тихо спросил Пончик.

Олег пожал плечами.

– Туда же... – сказал он безразлично. – Пошли, я тут мимо телеги пробежал...

За храмом, где бил родник (Пончев передернулся, вспомнив недавний ужас), обнаружили две телеги, груженные кожаными мешками, полными зерна. Каждая повозка была запряжена парой лошадей, лениво щипавших травку под ногами. Еще несколько пустых повозок стояли, приткнувшись к храмовому амбару, а стреноженные лошади хрупали травой на опушке рощи. И никого больше. Потом только Пончик разглядел сапоги за дверьми амбара. Проверять, обуты ли в них чьи-то ноги, он не стал...

Олег поскидывал с телеги лишние мешки, оставив несколько, и взгромоздился на козлы.

– Садись, – сказал он, – что стоишь?

– А почему эту? – поинтересовался Шурик, залезая на телегу.

– А тут лошадки симпатичней...

– А-а...

– Но-о!

Симпатичные лошадки встрепенулись, дернули телегу и бодро потащили за собой, радуясь, что груз легкий.

– Многих ты сегодня... того? – робко спросил Пончик.

– Не считал, – буркнул Олег и легонько стегнул кнутом. Телега покатила живее, потряхивая на кочках и яминах.

– А... страшно убивать?

Сухов засопел.

– Страшно! – резко сказал он.

– Я понимаю... – вздохнул Пончик тяжело. – А мы теперь совсем одни остались...

Вечером Олег распряг лошадей и щедро сыпанул им зерна.

– Спать будем? – спросил Пончик неуверенно.

– А у тебя есть другие предложения? – поинтересовался Сухов. – Желаете устроить диспут по японской поэзии?

– Да нет... – промямлил Пончев.

– Ну так ложись и спи!

– Чего ты злой такой?

Олег сморщился и махнул рукой. Шура не стал больше допытываться, залез на мешки и задал вопрос на другую тему:

– А вдруг...

– Лошади разбудят! – перебил его Олег. – У них чутье, как у собак.

Они продрыхли всю ночь и встали поздно, часов в семь. Олег запряг лошадей и вскочил на козлы. Пончев торопливо залез в телегу.

– Поехали...

До Коупа добрались тем же утром – это была круглая крепость на холме, а прямо перед

нею тянулся волок, сработанный из ходовых бревен и здорово смахивавший на рельсовый путь. Впечатление это усиливалось на переезде – там, где через волок проходила колея тракта, между «ходовками» были набиты брусья.

– Как на железной дороге! – восхитился Пончик.

– Гляди, – серьезно сказал Олег, показывая кнутом в сторону Балтийского моря, – электричка!

– Где?! – вытаращился Пончев, но увидел лишь семиметровую прусскую лодью, которую волокли от моря к заливу.

Олег молча стегнул лошадок, и те потрусили, выезжая на Нерингу – песчаную Косу, охватившую Куршский залив. Песок цепко удерживали корни травы и низкорослых сосен, приземистых, словно стелившихся по Косе. Дюны и сосны, море и небо – более прекрасное место трудно сыскать!

– А мы как? – спросил Пончик. – Не по морю разве? Крут на корабле хотел...

– А когда прибудет корабль, идущий в Старигард, ты не узнавал?

– Г-где?

– В кассе морвокзала!

Тот надулся.

– Извини, Понч, – сказал Олег после недолгого молчания.

Шура махнул рукой:

– Поехали...

– Поехали!

Глава 14

1

Эйрика Энундсона разбудили девичьи визги – ярлы в соседних палатах забавлялись с туземочками. Конунг потянулся, откинул жаркое одеяло, скроенное из шкурок горностая, и прошлепал к окну.

По двору крепости шатались викинги, кружа вокруг котлов, в которых булькала похлебка, отстаиваясь по углам, где самые азартные резались в кости, играя на свою долю в добыче. Гуннар Метатель Колец ходил скучный – продул все, что ему причиталось, еще и в долги залез, дурень...

Эйрик почесал живот, прислушался к стонам и крикам за стеной. Подумал, что давненько он не отведывал плотских утех, подтянул штаны и решительно двинулся к двери.

В коридоре поджидал Хранир Белый, норманн-великан, спокойный, как идол на кургане.

– Белый! – окликнул его конунг. – Приведи девку!

Великан кивнул понятиливо и развернулся уходить.

– Покрасивше сыщи! – добавил Эйрик.

– Сыщу! – прогудел Хранир.

На миг стало темно – это Белый вписался в дверной проем, застя свет. Эйрик вернулся в покои, думая о приятном и отбрасывая назойливые мысли об опасностях.

В коридоре протопали шаги, дверь отворилась, и могучая длань Хранира впихнула в помещение статную девицу, высокую, голубоглазую, с пышной золотой косой. Рубаха ее была изодрана и перепачкана в саже, но груди так мощно распирали ткань, что глаз этих мелочей не замечал вовсе.

– Подойди! – властно сказал конунг на корявом русском.

Девушка вздернула голову, ужалила взором голубых глаз, но не ослушалась, подошла.

– Раздевайся, ложись!

Ладожанка искривила презрительно губки и опять не стала перечить – молча стянула

рубаху и улеглась. Ее тугое тело было безупречно, а гладкая, плотная кожа чуть ли не светилась матовым оттенком белизны. Эйрик глядел на девуцу с вожделением и все ждал воздымания. Не дождался. Ничего не напрягалось в укромности и не заявляло о себе. Дрожащими руками конунг сорвал с себя штаны, но и это не помогло. Раньше-то, бывало, только подумаешь о такой вот девице, и все, гульфик трещит от плотского напряжения, ткань не выдерживает! Неужто та ведьма лишила его мужской силы?! Невозможно!

Девушка, лежавшая до этого безучастно, отвернув лицо к стене, повернулась и оглядела конунга. Заметив вялый член, обвисший тряпицей, она расхохоталась. Все смешалось в ее смехе – издевка, торжество побежденной, презрение к врагу, ничемному и потешному, и даже легкая брезгливость, какую здоровый человек испытывает к уродцам.

Жестокая ярость кровью ударила в лицо конунгу, воспламенила мозг. Эйрик выхватил меч и набросился на девуцу, нанося удары вдоль и поперек, рассекая пышную грудь, перерубая стройную ногу, полосуюя живот, не знавший бремени. Девушка умерла молча.

Эйрик отошел к стене, приткнулся к ней лбом. Гулкие толчки сердца ослабли, кровь отливала от лица.

Эйрик нагнулся за штанами, натянул их и прошел к двери:

– Хранир!

Норвежец возник на пороге.

– Убери ее!

Хранир перевел взгляд на кровать. Зрачки его не расширились. Неторопливо подойдя к месту преступления, Хранир замотал труп девушки в горностаевое одеяло и понес на вытянутых руках, осторожно, чтобы не испачкаться.

А Эйриком овладело смертельное равнодушие ко всему на свете. И война ему эта обрыдла, и мир, и власть, и богатство. Зачем они ему теперь?

Подойдя к окну, Эйрик выглянул во двор и крикнул:

– Вади ярла ко мне! Живо!

2

Вадим был очень недоволен Эйриком. Весь ход войны вызывал у него досаду и раздражение – все шло не так, как мечталось, как приходило ему на ум в сладких грезах. Эти гадские варяги... Они все перепортили! Взяли да и оставили Альдейгу! Предупредили их, что ли? А кто бы мог? Карелы? Да они бы просто не прорвались сквозь строй свейских драккаров! А потом все те драккары спалили, как ненужный хлам в ночь на Купала... И теперь этот придурок, конунг свейский, бегает за ладожанами по лесам, в жмурки с ними играет, в догонялки, и не замечает будто, что не все викинги возвращаются из лесу. Весины, меряне, карелы, ижоры сходятся к пепелищам Альдейги и сжимают, стягивают незримое кольцо... А где дружина Улеба? Пусть уцелела лишь половина варягов, что с того? У гарДского конунга было всего двести человек, когда он брал Париж. И взял ведь! Ограбил купцов франкских, обчистил монастыри и монетный двор на острове Ситэ... А Эйрик этого не понимает. И где они теперь, варяги эти?... Что готовят?..

Вадим расхаживал по шатру, кружил вокруг опорного столба, руки за спину, и злился, злился, злился... На дурака Эйрика, на сволочь Улеба, на всех.

Внезапно полог шатра отпахнулся, и внутрь заглянул Хранир Белый.

– Эйрик зовет Вади ярла, – флегматично сообщил норманн и убрался.

«Эйрик зовет! – передразнил гиганта Вадим. – Тоже мне, собачку нашли... Служи, собачка! Дай лапу! Молодец! На тебе косточку со стола!»

Распалаясь от гнева, Вадим покинул шатер и прошествовал в крепость. Викинги не обращали на него внимания. Правильно, что они – собачек не видали?

Ярл поднялся на высокое крыльцо терема и прошел в верхние палаты. Хранир уже поджидал его и молча указал на Большой зал, где конунги гарДские восседали на троне,

принимали послов, судили да рядили с боярами и князем.

Вадим перешагнул знакомый порог и оказался в светлой, обширной комнате. В окна были вставлены рамы с круглыми стеклами, какие варят мастера в Дербенте, и это были единственные застекленные окна во всех Гардах. С балок потолка свисали два бронзовых колеса со множеством свечей, а в углах стояли враскорячку позолоченные треножники, поддерживающие светильни, заправленные маслом. Палату по всему периметру окаймляла лавка, застеленная кошмами в несколько слоёв, а почти весь пол покрывал роскошный ковер персидской работы. В противоположной от входа стороне Большого зала стоял трон – большое удобное кресло, похищенное Бравлином конунгом где-то в Фессалониках. На стене за троном скрещивались копья и мечи прежних правителей Гардарики, а на потертом кожаном сиденье, набитом волосом, восседал Эйрик конунг. Упершись локтем о подлокотник, Энундсон подпер кулаком голову и думал. Судя по его лицу, думы были нерадужные.

– Явился? – проговорил Эйрик, по-прежнему глядя за мутные стеклышки окон. – Садись.

Вадим сел на лавку и вытянул ноги.

– Ты высказывал желание стать конунгом? – скучным голосом измолвил Эйрик.

– Да, – выдавил ярл.

– Твое желание исполнилось, – по-прежнему скучно сказал конунг. – На-ка вот, примерь!

Эйрик сунул руку за кресло и вытащил венец Улеба – золотой обруч с изумрудом.

– Это мне?! – пролепетал Вадим, мгновенно забыв, как только что его корчило от унижения.

– Кому ж еще? – пробурчал Эйрик. – Хватит мне за тебя трудиться, поработай и ты!

Вадим принял венец из рук Эйрика. Косточка собачке? Допустим, но ведь мозговая, и какое на ней мясо! Взяв обруч двумя руками, ярл скинул шапку и нацепил венец. Вот и вся коронация... Обруч жал, но это пустяки – распилим, разождем, а то и вовсе новый закажем!

– Чего ты хочешь, Эйрик конунг? – спросил Вадим.

– Ишь ты его! – усмехнулся Эйрик. – Заговорил как... Прямо король! Ладно... Много у тебя людей?

– Двести. И три лодьи.

– Это хорошо... Это хорошо... Тогда берись за дело! Наводи порядок. Хватит народу твоему по лесам шляться, пусть возвращаются и строят новые дома. Только выкуп пускай заплатят... За себя, за детей, за скотину. И никто их тогда не тронет.

– Понятно, – кивнул «Вади конунг». – А с воинами как быть?

– А с воинов двойной выкуп требуй. И чтобы оружие сдали.

– Не сдадут, – покачал головой Вадим.

– Тогда истреби! Или к себе перемани, посули землю, золото, рабов... Действуй, конунг!

Вадим взялся за дело рьяно. Тем же днем построил своих гридней, оторвав их от дармовой выпивки, погрузил в лодьи и направился к Дрэллеборгу – крепости, что стояла пониже Гадара, столицы ярлства Ильменского. В Дрэллеборге сидел Актеву херсир. Сvei пытались было взять крепость приступом, но бросили это дело – много добра не соберешь, а бойцов положишь не одну сотню.

К вечеру гридь Вадимова высадилась на берег, а следом за ней и пять сотен хускарлов, выделенных Эйриком.

Дрэллеборг не открывался, как Альдейга, в сторону реки, его со всех сторон обносил крепкий частокол, сбитый из толстенных стволов – в обхват и больше. Поверху палисад накрывали заборота, сколоченные из лесин. Оттуда штурмующих можно было обстреливать, лупить по головам из бойниц, прорезанных в полу и в стенах. Крепость отходила недалеко от берега, почти примыкая к длинной пристани.

Вадим сошел на скрипнувший причал и направился к крепости. Впереди него шли трое гридней со щитами в обеих руках – берегли конунга от случайной стрелы. Из-за частокола повысовывались головы в шлемах.

– Эй! – крикнул Вадим в рупор, скрученный из медного листа, – в такие орали навклиры с ромейских трирем. – Открывай ворота!

– Это кто ж там приказывает? – хрипло осведомились со стены.

– Вадим конунг! – отчеканил Вадим.

За частоколом захохотали.

– О, – воскликнул тот же хрипун, – кого я вижу! Эйриков любимец! Что, надоело жопу конунгу лизать, да? Решил за мою взяться?

Дрэллеборгцы грохнули еще слышней и дружней.

– Можешь даже не подлащиваться, – продолжал хриплый голос, – штаны не сниму и к тебе задницей не повернусь! А вдруг укусишь?!

– А ну, – взревел Вадим, – кончай конунга хулить, слышишь?! Не то раскаленную сковороду заставлю лизать поганым языком!

– Да он всерьез, ребята! – разочарованно проговорил хриплый голос. – Слышь, ты, недоумок ильменский? Мы конунга на кругу выбираем, понял? А псу свейскому на кругу делать нечего!

– Открыть ворота! – заревел Вадим.

– Да пошел ты...

Вадим, дергая щекой от бешенства, обернулся и крикнул своим:

– На штурм! Возьмете крепость – ваша будет!

Воодушевив таким манером воинов, Вадим выхватил меч и картинно указал на стены Дрэллеборга. Гридни выгрузили тяжелое бревно, с одного конца окованное железом. Это был таран. С боков тарана свисали ременные петли. Нацепив петли на плечи, гридни подхватили таран и, держа над собою щиты, грузно побежали к воротам, сбитым железными полосами. Две невысокие башни с площадками наверху возвышались по обеим сторонам ворот.

В ответ немедленно засвистели стрелы. Дротики-сулицы, попадая в щиты, оттягивали те вниз, цепляясь древками за землю. Руки уставали задирать щиты, гридни их отбрасывали и тут же попадали под меткий обстрел.

Половину тех, кто бежал с тараном, повыбило, а остальные просто не смогли дотянуть тяжелое мореное бревно и уронили его, падая и калечась.

– О-хо-хо! – веселились за частоколом. – Спасибо за дрова, богатыри!

– Да куда вы побежали?! А пилить кто будет?

– Охилели богатыри!

– Перестань! Чего силачей обижаешь?

– Уже обидел! Видал, как к Вадьке дунули?

– Видать, жалуются на нас!

– Гляди, гляди! Вадька им сопли утирает!

– Ха-ха-ха! Хо-хо-хо!

Вадим дошел до точки кипения.

– Лучники! – гаркнул он. – Стрелять без остановки! Метить в любую щель! Десяткам Варула и Труана – к тарану!

Названные гридни метнулись к бревну. Стрелки осыпали стрелами частокол, не позволяя никому высунуться.

И вновь поднят таран. Гридни отошли, взяли разбег, понеслись. Таран с размаху ударил в ворота, аж гул пошел. Створка прогнулась, но даже не скрипнула.

– Мало каши ели! – долетел хриплый голос. – А ну-ка, дяденьки, бревно на ручки – раз! Побежали, побежали! Стой, стой, а то в реку свалитесь! Бегом! Быстрее! Опа!

Таран врезался так, что ворота издали глухой треск. Вадимовы гридни исторгли торжествующий рев.

– Рано радуетесь, подтирки свейские!

Бревно качнулось и понеслось, направляемое двумя десятками крутоплечих молодцев. И тут в небо взвилось множество стрел. Они прокалывали воздух, теряли скорость, замирали и падали. Увесистые наконечники тянули их вниз, все быстрее и быстрее, набирая ускорение и множа убойную силу. Половина стрел пропала даром, зато другая половина поразила цель, пронизывая плечи, руки, шеи. Пара человек упала под ноги товарищам и была раздавлена упавшим тараном.

– Так их! – ликующе взревели за частоколом. – Спасибо, дяденьки! Помогли прикончить этих прихвостней!

– Чего вы с этим бревном таскаетесь? – пожалел штурмовиков другой голос. – Вон, Вадима хватайте! У него голова хоть и тупая, зато крепкая! Ворота прошибет на «раз»!

Вадим от злости губы жевал. К нему подбежал десятник Варул.

– Ярл... то есть конунг! – обратился он. – А если таран на телегу устроить?

– А где ты видишь телегу?!

– Найдем!

– Ищи! И быстро!

Варула ждали недолго. Вскоре гридни из его десятка пригнали подводу, запряженную саврасой лошаденкой. Кобылу выпрягли, а таран пристроили на подводе, укрепив распорками и обвязав. Варул тут же развил идею, пристроив четыре столба по углам грузовой платформы и набив поверх доски. К доскам приколотили щиты, получилась крыша.

– Пошли-и!

Гридни, толкая подводу за борта, взяли разгон. Таран ударил по воротам, и те снова затрещали, но и конструкция Варула покосилась, грозя развалиться. Этим тотчас же воспользовались за частоколом.

– Ребята, видали? Нам дрова привезли!

– Устали на руках таскать, решили на телеге!

– А чего ж они лошадь выпрягли?

– Так они ж жеребцов запрягают!

– Да какие жеребцы! Бараны!

– А точно! Гляньте, у всех рога кренделем!

– Э, вы куда опять поехали?

– Вот народ! То привезут, то обратно волокут!

Варул укрепил крышу откосинами, и таран помчался в четвертый раз. Разозленные гридни толкали телегу так, что аж жилы трещали, и таран пробил в ворота первую брешь. Гридни Вадима и хускарлы, откомандированные Эйриком, одинаково взревели.

После шестого удара левая створка ворот сорвалась с петель и рухнула во двор. Вадимовцы рванули на приступ. Защитники Дрэллеборга заслонили вход собою и дрались отчаянно, но напавших было куда больше. Вадимовцы вколачивались в ворота, вовсю орудуя мечами и топорами, и силы обороны таяли.

Сам Вадим не удержался и выхватил меч, мечтая перерезать паршивую хриплую глотку. За воротами открывалась небольшая пыльная площадь. Забор и слепые стены тесно ставленных домов стискивали ее со всех сторон. Узкая улочка упиралась в большой двухэтажный терем, который соединялся галереей с храмом Хорса. Выскочив на площадь, Вадим сразу узнал хрипуна. Это был херсир, коренастый, малорослый мужичок, сплотивший сильно прореженные ряды защитников крепости.

– Взять Актеву! – заголосил Вадим. – Золотом заплачу!

Началась свалка без правил и предела. На одного защитника Дрэллеборга накидывалось по трое штурмовавших. Вскоре Ардагаст и Прогост привели к Вадиму хрипато-го херсира. Он глядел в сторону и улыбался.

– Жить хочешь? – спросил Вадим, поигрывая мечом.

– Да пошел ты... – слетело с разбитых губ.

Вадим подцепил кончиком меча подбородок Актеву и приподнял его.

– Ты не дослушал, – ласково сказал он. – Я тебе предлагаю жизнь. А в обмен ты мне вылижешь задницу. Поработаешь своим поганым языком, и свободен!

– Ярл, – с неожиданной серьезностью ответил херсир, – это тебе не знакомо понятие чести, а нам она ведома. И лучше уж я сдохну, но честь свою сберегу. Понял, собака свейская?!

Вадим изо всей силы толкнул меч под горло Актеву и почти отсек херсиру голову. Обернувшись, он крикнул хускарлам и гридням своей дружины:

– Крепость ваша!

Дружина и ледунг взревели хором – спелись. Рванули, разбежались по домам, по клетям, спеша хапнуть чужого добра, да не припоздать. Вон, верзила-хускарл растерялся, не зная, в какую дверь ломиться. Стоит, как дурак, и головой вертит. Сорвался с места и дунул влево. Выбрал...

Вадим неспешно подошел к пленным, которых торопливо вязали Ардагаст с Прогостом. Разные тут были люди, и пожитые, и юные совсем, а глядели на Вадима одинаково – зло.

Подбоченься, Вадим оглядел повязанных и сказал:

– Вы неплохо дрались, и я, так уж и быть, не стану казнить вас...

– Век помнить будем! – сказал кто-то издевательским тоном, и на лицах пленных заиграли улыбочки. Вадим решил сделать вид, будто ничего не слышал.

– А кто присягнет мне, – возвысил он голос, – того в Дружину приму и не обижу в добыче военной!

Из толпы выступил старикан в кольчуге, босой, но в новеньких кожаных штанах. На его седых волосах ярко выделялись кровавые мазки.

– Дозволь слово молвить, ярл, – спокойно начал старик.

– Я – конунг! – вздернул голову Вадим.

Старик покачал головой.

– Конунг – не тот, кто нацепил венец на голову, – сказал он, – а тот, кого люди сами выбрали и над собою поставили. И не потому, что знатен, а потому, что конунг – наипервее первых. Он лучший в дружине, его сами боги по жизни ведут и советом своим дарят, а от того и нам, смертным, их милости перепадает. Вот и верим мы конунгу, и уважаем его, он же люду служит. А ты, Вадим, свеем прислуживаешь... Переветник ты! Боги отвернулись от тебя, одна лишь Хела, владычица преисподней, стоит за твоей спиной. Уходил бы ты, Вадим, с земель наших, пока не натворил великих бед. Или ждать тебя будет после плохой смерти твоей котел с ядом змеиным, в котором вариться тебе до конца света!

Вадим слушал старика и чувствовал, как закипает кровь, как застит она зрачки красной пеленой.

– Убью... – произнес он сдавленным голосом и потянул меч из ножен.

– Убей, – со спокойным достоинством оттолкнул старик, – твоя воля! Зажился я, а в Ирии любят тех, кто умер за правду. Руби!

– Прочь! – прорычал Вадим и вернул меч в ножны. – Прогост, гони их отсюда!

Прогост запечалился – так вязал, так старался, и зря? – но не послушался. Перехватил копьё, взял в обе руки и пошел толкать пленников за ворота. Те, изумленные сверх меры, не очень-то и сопротивлялись. Скоро площадь очистилась. Только черные кляксы крови пятнали пыль, да неубранные трупы дожидались божедомов.

– Воист! – заорал Вадим, срывая с головы дурацкий венец. – Ко мне!

Названный гридень появился на высоком крыльце терема, скатился по ступеням и замер, ожидая дальнейших указаний.

– Назначаю тебя херсиром Дрэллеборга! – внушительно сказал Вадим.

Воист подтянулся и отвечал:

– Рад служить конунгу!

– Оставляю тебе полсотни наших и полсотни свеев. Следи, чтобы не передрались!

– Сделаем! – радостно заорал Воист.

– Хер ты, а не херсир! – прокричал с крыши белобрысый пацаненок, и звонкое эхо пошло гулять по крепости.

3

Шаев сын Чекленера родился в Суждале, в бедной избе-кудо. Он хорошо помнил тот, первый свой дом – истертые угловые столбы, еловые плахи стен, низкую крышу, покрытую корьем, которая все время протекала. В кудо окон не делали, зато ставили аж три очага, дымивших нещадно, выедавших глаза и на всем оставлявших жирный слой копоти.

А теперь у него большая усадьба в Альдейге, и в Алаборге домина, и три лодьи, и две сотни трэлей. Теперь он кугыжа... Шаев усмехнулся. Одна только Ведь-Ава, Мать Вод, знает, каких усилий стоило сыну простого охотника выбиться в бояре. Каких страхов, каких тошных дел...

Шаев оглянулся вокруг. За горизонт уходили холодные волны Гандвика, Колдовского залива. По его соленым водам были рассеяны во множестве Онежские шхеры – тут тебе и голые гранитные скалы с песчаными подковами пляжей, и солидные островки, заросшие густым криволесьем. Утягивался на север каменистый матерый берег, сплошь покрытый высоким сосновым лесом; его окаймляла илистая полоса отмелей, обсыхающая в отлив.

Шаев повернул голову к югу. Там, резко выделяясь на фоне невысокого побережья, плавно закруглялись Медвежьи головы – гранитные массивы, заросшие дремучим хвойным лесом.

– О чем задумался, кугыжа? – прозвучал ласковый голос Онга, сына Тшудда, старого биарма, вождя местного.

Онг был одет в кожаные штаны, сшитые заодно с мягкими сапогами, – ухнешь по колено в воду, а ногам сухо. А уж куртка была не куртка, а настоящее произведение искусства – вся расшита бисером, а каждая бисеринка точена из моржовой и мамонтовой кости. Лицо у Онга было осмугленным, но с крупными чертами, а длинные волосы, плетенные в косы, никак не желали сесть, хотя лет Онгу было немало.

– Не пускает меня север ваш, – улыбнулся Шаев.

– Север, он общий... – проговорил Онг, жмурясь, и кивнул на море. – Гляди, как семга играет!

Шаев глянул. Волны на приглубом месте расступились, и из вод плавно поднялось серебристое рыбье тело. Показался широкий хвостовой плавник, и тут рыба изогнулась, мощно ударила хвостом и локтя на два взмыла в воздух. В полете семга вибрировала, словно стряхивала с себя капли, перевернулась, шлепнулась боком и пропала в фонтане радужных брызг.

– Хорошо здесь, – вздохнул Шаев. – Будто кто мне свободу дал от всех забот и хлопот.

– Тяжко? – прищурился Онг и покивал: – Понимаю! Я ведь у Тшудда сын приемный, он ввел меня в свой род, когда мне и двадцати зим не исполнилось... А отцом мне Бравлин конунг приходится...

Шаев глянул на Онга в ошеломлении.

– Так чего ж ты здесь сидишь?! – воскликнул он. – Ты бы мог боярином заделаться!

– А зачем? – спросил Онг с тем же хитроватым прищуром. – Я и здесь как конунг. Народец со всего Бьярмаланда меня уважает, за советом идет, слушается слова моего. Вона, сколько мехов увозишь! Кстати, спасибо тебе и Улебу за ножи и гарпуны, железо для нас желанней и ценней всякого золота. Приедешь еще?

– Обязательно!

Шаев подумал немного, поборолся с собой и спросил:

– Онг, ты мудрее и опытней. Скажи, что делать мне? Я выбился из грязи в князи, а страхи давние живут во мне, не покидая. Точат, как черви морские лодью. Все боюсь потерять нажитое, утратить дружбу одних и благоволение других. Хочется просто жить, а...

как?!

– А вон! – показал Онг на семгу, блиставшую боками в новом пируэте. – Как та рыба. Вот так и живи! Каждый день проживай. Возрадуйся заре и живи. Люби, борись, воюй! Только не подличай, правды держись. И не бойся. День не трусь, месяц, и отвыкнешь от страхов. Дружбу боишься утратить? Если друг стоящий, так он тебя не бросит, а коли порвет с тобой, значит, не стоит о нем жалеть. И помни – идти по жизни надо прямо. Ты ж проходил порогами, ведаешь, что вилить средь камней не позволено, а то и лодку разобьешь, и голову потеряешь. Держись стрежня, и вода сама вынесет тебя. Как и жизнь наша...

– Попробую... – вздохнул Шаев и набрал полную грудь холодного, соленого воздуха.

Ветер-побережник, пронесаясь над морем, напоролся на сосняки, и вековые деревья зашумели, закачали вершинами.

– Ша-аев! – донеслось с пристани.

– Иду-у! – закричал кугыжа и крепко пожал руку Онгу. – Ну, свидимся тем летом!

– Обязательно! – улыбнулся Онг. – Мы всегда рады добрым гостям...

Целую неделю поднимались карбасы Шаева по порожистым рекам, ни одного человека не потеряли по дороге, ни одной шкурки драгоценной не замочили, а на восьмой день выбились к Маточному порогу, загородившему путь меж лесистых берегов Выга. Небольшой островок, заросший обтрепанными елями и березняком, разделял реку на два рукава – с одной стороны могучий поток ревел, падая с обрыва, и туча водяной пыли клубилась над ним, играя радугами. А по другую сторону островка подняться можно было, идя посуху и волоча карбасы на бечеве, противясь яростно летящей воде, щерящей со дна черно-зеленые камни.

– Тянем-потянем! – весело вопил карел Илейко.

– Упирайся сильнее, эй! – сердито крикнул ему соплеменник Асташко.

– Тянем, други! – просипел Шаев, впрягаясь со всеми вместе в пристежки тяжелого каната, плетеного из моржовой кожи.

– Еще! – орал Карн, сын Руалда. – Акун, подтяни, а то карбас опружит!

– Да тяну я!

– А ты сильней!

Осилив труды, переборов опасности, Шаев и его команда достигли устья Нижнего Выга и вышли на простор Выгозера, залегшего в огромной каменной котловине, от берега до вершин заросшей лесом. По водам озера, отдохнув на спокойной мелкой волне, добрались до речки, обмелевшей за лето, и перетащили карбасы на берег Онего, почти такого же великого, как Нево. Здесь и заночевали. Запалили большие костры, нарубили веток для шалашей, заварили кашу... Хорошо!

Ночь стояла светлая, но не тихая – чудовищные серые тучи комаров зудели надсадно и жалили во все места. Шаев раз за разом подкидывал в огонь хвойных веток – их едкий дым отгонял на время комариные облака – и смотрел, как вспыхивают зеленые иглы, вбирал смолистый запах, как биармский шаман, окутивавший себя тайными дымами.

С раннего утра поплыли к Вытегре, где Шаев оставил большие соймы и скедии, на коих через Выговские пороги не пройти. По борту потянулся низменный берег Онежского озера с волнистыми насыпями красноватого песка, заросший кустарником и мелким хвойным лесом. Войдя в мелководное устье Вытегры и поднявшись вверх по реке, проложившей илистое ложе среди низких болотистых берегов, карбасы прибыли к большой пристани. Подальше к лесу поднимался новенький частокол крепости, охранявшей один из главных торговых путей – по Вытегре шли суда с Итиля.

– Гляди, сколько их тут! – удивился Карн.

Шаев тоже обратил внимание на арабские фелюги и завы, коих скопилось у вымолов более десятка.

– Эй, откуда путь держите? – окликнули Шаева с карельской лайды.

– С Вины мы! – схитрил Шаев. – По Водле спустились, соль везем!
– А куда? – не отставал карел.
– В Альдейгу, – буркнул Карн. – Чего пристал?
– А нету более Альдейги! – криво усмехнулся карел. – Спалили ее!
– Кто?! – охнул Шаев, чуя, как нечто холодное и липкое касается спины.
– Свечи напали! – В голосе карела слышались горечь и злость. – И Бьярмар наш выжгли, и Альдейгу вашу. Дочиста. Победили свечи...

– Вот как? – холодно сказал Шаев. – Ну, это мы еще посмотрим, кому боги победу отдадут! Эгей! Грузимся! Живо!

Растревоженные добровольцы из гридней быстренько перекидали биармские товары – моржовые бивни и меха – на застоявшиеся соймы и скедии и сели за весла. На озере распустили паруса, но и весел не бросали – тревога за родных и близких подгоняла. С ходу вошли в реку Сувар. Через пороги Медведец, и Сиговец прошли бечевой, а далее высокие берега опали, стали отмелыми, заросли камышом и осокой, за осокой шелестели заросли березняка, а дальше вставали сосновые леса.

Неожиданно открылся бережок, затравевший до самой воды. Из-за деревьев вышел молодой человек с боевым луком через плечо и замахал руками, закричал, требуя остановки.

– Кажись, Валит! – изумился Илейко.

– Точно! – подтвердил Асташко. – Валит, эхой! Сейчас мы!

– К берегу! – скомандовал Шаев.

Соймы и скедии заскребли днищами по каменному крошеву. Валит подбежал поближе и прокричал:

– А Шаев с вами? Шаев сын Чекленера!

– Ну я Шаев, – откликнулся кугыжа. – Слушаю!

– О войне прознали уж?

– Да оповестили добрые люди, – усмехнулся Шаев. – А чего ж наши свеем поддались?

– Больше их было! – сердито ответил Валит. – У конунга в дружине пять сотен всего, так он каждого третьего отправил служить, кого на Вытегру, кого в Мелинеск, кого еще куда! А собрать всех не успели просто! Это ж, пока оповестишь кого надо, пока те в поход соберутся, пока доплывут... Только Лидул, ярл Онежский, поспел и половину своих привел, а Вадим, подлюка, к свеем переметнулся!

– Врешь! – рявкнул Карн, доброволец из дружины Вади ярла.

– Клянусь секирой Перуна и бородой Велеса! – пылко воскликнул Валит. – На неделе конунг свейский венец Вадиму пожаловал, и тот сразу поскакал отрабатывать милость – Дрэллеборг взял!

– Ах, паскуда... – проговорил Карн, опускаясь на скамью.

– Зато мы весь свейский флот пожгли! – радостно уведомил посланец.

– Да ну? – воспрял духом Шаев. – То есть свечи все еще не ушли?!

– А как?! Набились в крепость и сидят, как тараканы!

– Ты нас только для этого тормозил? – перебил его восторги Шаев.

– Нет, конечно! – мигом построжел Валит. – Конунг меня специально послал тебя перехватить и бересту послал. Вот!

Шаев развернул протянутую ему берестяную грамоту. Корявыми рунами на ней был накарябан приказ: следовать в район Бьярмара, брать на борт охочих до войны карел и перевозить поближе к устью Олкого.

– Улеб силы стягивает, – важно пояснил Валит и добавил на полголоса тише: – А еще он послал за Рюриком!

– За Рюриком?! – расслышал ушлятый Акун. – Вот это здорово! Ох и дадим мы тогда жизни свеем! Да я даже рад, что они еще здесь, – будет кого поколошматить.

Шаев отмахнулся от орущего Акуна и спросил Валита:

– А Алаборг чей?

– Наш!

– Тогда прыгай на борт! Снимаемся! Идем в Алаборг, прячем товары – у меня там дом, и в Бьярмар!

Шаев поднялся на сойму и сел к правилу. На душе у него было легко и ясно. Да, впереди война, где могут покалечить, а то и вовсе прибить, но страхи покинули Шаева. Что ему швейский меч?! Тот, что у него в ножнах, рубит не хуже! Хватит ему вилять и метаться в тщетных стараниях полюбоваться каждому из сильных мира сего. Он выбрал себе дорогу и будет следовать по ней до погребального костра!

Глава 15

Курланд незаметно перешел в Витланд, но те же песчаные отмели тянулись по берегу моря, и такие же холмы поднимали на горбах шумливые сосняки.

В Себорге Олег совершил сделку – телегу обменял на пару седел. Без громыхавшей и тряской повозки было куда приятней, да и безопасней. Что уж говорить о конях – новые хозяева снова облегчили им жизнь. А к седлам Олег пристроил скатки одеял и похудевшие мешки с зерном.

– А мы где сейчас? – спросил Пончик, оглядывая виды. – Ну, примерно?

– Мы пересекли госграницу Российской Федерации, – торжественно объявил Олег, – и топчемся по польской территории.

– Вот теперь все понятно! – воскликнул Пончев. – А то – Курланды-Витланды...

Леса не покрывали будущую польскую территорию сплошным навалом – дебри то и дело разрывались луговинами, рассыпались отдельными рощицами. И копыта коней бодро тюпали по пыльному шляху, выющему петли по лугам и перелескам. Нещадная жара спала, понемногу поднимался ветер, нагоняя серые облака, и столько нагнал, что тучам тесно стало в небе. Облака толклись, кружили, совершенно закрыв солнце. Иногда лишь пасмурная вата разлезалась, пропуская яркий сноп лучей, и снова затягивалась.

– Кажется, дождь собирается! – сказал Пончик, пародируя Пятачка.

Олег хотел отшутиться в той же манере дорожного трепа, но, обернувшись к своему спутнику, он разглядел на далеком холме, с которого скатывался шлях, облако пыли.

– Эта пыль неспроста! – проговорил Олег, пародируя Винни-Пуха. – Так пылить могут только те, кто скачет галопом! А зачем скакать галопом, если ты ни за кем не гонишься? По-моему, так! А за кем тут гоняться, кроме нас? По-моему, так и никак иначе. Ходу, Пончик!

Сухов хорошо подбодрил коня, тот взбрыкнул, словно гальмуя на старте, и поскакал.

– Может, это не за нами? – прокричал Пончик на скаку, судорожно вцепившись в поводья.

– Сейчас проверим!

Шлях впереди троился, разбегаясь дорожками поуже. Олег свернул на крайнюю, по-змеиному уводящую в лес. Миновав рощу грабов, он оглянулся. Десятка два всадников, мчавшихся по шляху, свернули по выбранному им пути.

– Это погоня! – крикнул он.

– Да что мы такого сделали?! – возмутился Пончев.

– А ты приглядиись!

Шурик вывернул голову, разглядывая преследователей, и бледность разлилась по его лицу.

– Это витингсы! – охнул он. – И жрецы!

– А плащи какие на них?

– Белые... И желтый один!

– Значит, точно за нами!

Тропа впереди разошлась вилкой: одна тропинка забирала влево, почти поворачивая назад, а другая уводила в низкорослый ельник. Выбора не оставалось, Олег направил коня в заросли елок. Почва замокла, потянулись лужицы, крытые ряской. Начинались болота.

– Троль нас сюда занес! – выцедил Олег, утишая бег коня, и спрыгнул с седла, на сырые мхи. – Слезай! Так не проедешь!

Сапоги проваливались в чвакающую землю, и следы тотчас заполнялись водой. А тропинка подвела к самому краю топи, заросшей мхом и осокой, и уперлась в бревенчатые мостки. Вдали их продолжали гати, вязанные из жердин.

– Пошли! Шаг влево, шаг вправо – утопнешь.

– П-понял... Угу... – ответил Пончик слабым голосом.

Мостки под ногами прогибались, и поверх выступала черная жижа. Гать вывела на более-менее сухой островок, заросший осинником и колючим боярышником, а за сухим пятачком снова потянулись мостки, замысловатой кривой проводившей путников между трясин, зеленевших болотной травой.

– Стой! – негромко скомандовал Олег и прислушался. Увы, погоня не отставала – из-за чахлах осинок и кривых черных дубков доносились приглушенные голоса, звяканье доспехов, звон колокольчиков на лошадиных сбруях. А потом все звуки забил хриплый рев боевого рога.

– Вперед! – велел Олег, закидывая правую руку за плечо и развязывая кожаные завязки на устье ножен, удерживавшие меч.

– Тут сухо! – придушенно крикнул Пончик и перепрыгнул на песчистую опушку леса, где липы и дубы разбились по парам и водили хороходы вокруг маленьких полянок. Под ногами Олега хрустел сухой мох, черно-синими зрачками выглядывали из черничника поспевавшие ягоды.

– За мной! – бросил Сухов, торопливо шагая по еле различимой тропе.

Тропа вывела друзей на лужайку, крапчатую от алых капель земляники, и тут же из-за деревьев вышли десятки людей в кожаных доспехах, накинутах на голые, потные торсы. Прусы! Их руки сжимали короткие копы и топоры на длинных рукоятках, и все это губительное железо грозило Олегу и Пончику.

Вперед вышел беловолосый, синеглазый парень и выцедил нечто вопросительно-злое.

– Наверное, он спрашивает, кто мы... – предположил Пончик.

– Мы от роду русского! – надменно сказал Олег и махом выхватил меч из-за плеча.

Вся гоп, потрясавшая копыями и секирами, сдвинула кольцо.

Беловолосый поднял руку, утихомиривая товарищей, и резко спросил на корявом русском:

– Что делать сюда?

– Что и туда! – брякнул Сухов. – Вы-то кто?

Беловолосый не имел намерения слушать Олега. Он вытянул руку и сказал прокурорским тоном:

– Вы привели сюда витингсов и слуг криве-кривейте!

– Что ты мелешь?! – вскипел Олег, спиною чуя погоню. – Эти гады за нами гонятся!

– Да? – сузил беловолосый глаза. – А за кого такой чести?!

– Вот его, – Олег хлопнул по плечу Пончика, – хотели принести в жертву! И мне пришлось убить криве!

– Ты все врешь! – закричал кто-то из толпы. – Перкун покарал бы тебя!

Сухов молча задрал на Шурике рубаху, демонстрируя зловещего вида загогулины, оставленные жрецом-вурскайтом.

– Убедились?!

Прусы стояли как громом пораженные. Беловолосый осторожно подошел к Пончику, тот боязливо отступил. Прусс лизнул указательный палец, медленно протянул его, мазнул по загогулине, смахивавшей на букву «альфа», и понюхал. Лицо его приобрело изумленное выражение.

– Они говорить правда! – воскликнул он.

Прусы оживились и загомонили, со страхом и почтением взглядывая на Олега, поднявшего руку на слугу Перкуна.

– Кстати, – напомнил Олег, – витингсы рядом! Вы дадите нам пройти или нам пробиваться с боем?

Беловолосый с достоинством поклонился и сказал:

– За вами гнаться криве Нестимор. Он есть мой враг. Этот недостойный слуга богу Перкуну уводить моя девушка! Он будет овладевать Гвилла семь ночей подряд, а на восьмой день принести в жертву. Я собрать друзей, согласные идти со мной. Будь и ты моим другом, рус!

– Да я бы с удовольствием... – Олег шибко потер в затылке. – Но мы спешим в земли вендов с особым поручением...

– Помогать нам! – жарко заговорил беловолосый. – И мы проводить тебя до самая Висла. Друзья мои храбры на войне, но в борьбе со жрецами они так несмелы.

– Ладно! – тряхнул головой Олег. – Если только недолго...

– Не больше один день! – заверил его беловолосый. – Если я не спасать мою Гвиллу сегодня, я потеряю ее навсегда.

– Уговорил! Звать-то тебя как?

– Тормейсо! – слегка поклонился беловолосый.

– А я – Олег! А это...

– Пончик! – расплылся в улыбке Александр Пончев, отвыкший от имени своего.

– Лаво! Васса! – представлялись верные друзья Тормейсо. – Милегдо! Серсил! Явкют!

Тут с развилки дуба бесшумно прыгнул молодой совсем парень и знаком показал: идут!

Прусы растаяли среди деревьев. Олег шагнул за гребнистый ствол старого дуба, где притаился Тормейсо.

Витингсы, ведущие коней в поводу, вывернули из-за дуба с развилкой и столпились, поджидая светлейшего криве. Иерархия среди местных жрецов была посложнее, чем у христиан, но если сравнивать в приближении, то криве по силе своей, богатству и власти соответствовал епископу. Все криве носили одинаковые белые пояса, только разной длины – в том и выражались ступени священства. Криве-кривейте обматывал свой пояс вокруг жирной талии сорок девять раз, а простой криве делал всего лишь семь оборотов. А вот и он!

На поляну, окруженный вейделотами в белых повязках, вышел светлейший криве, жрец бога Перкуна. Это был мужчина в возрасте, но не старик, костлявый и рослый. На жреце было длинное белое одеяние, что-то среднее между кафтаном и халатом, а голову прикрывала остроконечная шапка, тоже белая.

– Это криве Нестимор! – процедил Тормейсо и дал отмашку.

Пару секунд ничего не происходило – пруссы готовились напасть разом. И вот, с громовыми криками, вся команда пруссов выскочила из-за деревьев. Тормейсо обогнул дуб слева. Олег свернул вправо и с ходу отсек мечом голову витингсу, стоявшему в прогале между деревьями. Угрызений совести (как же, ударил в спину!) Олег не ощутил. Он понадеялся только, что убитый им витингс приложил свою руку к убийству Крута. По крайней мере он – из них. За зло нельзя платить добром, учил Конфуций. За зло платят по справедливости!

Мгновенная атака удалась – пруссы перебили почти всех витингсов в первые же мгновения боя. Олег сделал второй шаг, ступая на полянку, пошарил глазами, высматривая следующего врага, а... уже все! Баталия кончилась. Виктория!

Прусы, нарочито громко хохоча и переговариваясь, принялись вязать перепуганных вейдельботов. Побросали их на травку и взялись за витингсов, быстро поделив трофейные мечи, в этом времени – предметы первой необходимости, и весьма недешевые.

Ошарашенный криве Нестимор стоял посреди поляны. И без того выпуклые глаза его вылезли еще больше, едва не выпадая из глазниц. А пруссы будто не замечали жреца, идолом торчащего в самом центре места происшествия.

Тормейсо подошел к Нестимору и спросил, сдерживая гнев:

– Где моя невеста?! Отвечай!

Жрец задрал голову и проклекотал:

– Прочь, жалкий червь! Ты недостойн вылизывать следы моих ног!

Олег понял, что древние страхи, жившие в Тормейсо, помешают пруссу вести допрос, и легонько отстранил его.

– Дай-ка я им займусь!

Подняв меч, Сухов аккуратно обтер лезвие о белые одежды Нестимора. Жрец, сперва побледнев, после покраснел от злости и унижения.

– Как смеешь, ты... – прохрипел он, задыхаясь и тиская жезл – довольно корявую, сучковатую палку.

Олег выдернул у криве жезл и небрежно швырнул за плечо.

– Переводи ему, Тормейсо, – сказал он, беря жреца за правую руку. – Прежде всего, жрец, запомни: для меня ты всего лишь паршивый мужчинка, дерьмо на палочке! Дошло?

По виду Нестимора нельзя было сказать, что слова Олеговы были им восприняты как следует.

– Значит, так... – Взявшись за указательный палец жреца, Олег резким движением загнул и сломал его. Криве заорал от боли и задергался, но руку Олег не выпустил. – Слушай меня внимательно, светлейший засранец, – продолжил Сухов. – Я буду задавать тебе вопросы, а ты на них будешь отвечать. Если я услышу ложь или ты промолчишь, не желая со мной разговаривать, я буду ломать тебе палец. Понял, надеюсь? Если ты будешь молчать и после девятого вопроса, когда я переломаю все твои пальцы, то я вернусь вот к этому, который сломал первым, и сожгу его. Потом другой, потом третий... Ну так как? Будешь отвечать?.. Или молчать?.. Или врать?.. Выбирай!

Олег ухватил средний палец Нестимора и спросил:

– Где Гвилла, девушка Тормейсо?

Жрец судорожно сглотнул. Раздался тихий хруст, и крик Нестимора огласил лес.

– Спрашиваю в третий раз, – хладнокровно сказал Олег, перехватываясь за палец безымянный. – Где Гвилла?

Задыхаясь от боли, жрец простонал:

– Она... в храме Потримпоса...

– Далеко ли храм?

– В одном переходе отсюда, по дороге мимо Двурогой Сосны, между Каменных Грудей, по левому берегу Черного озера.

– Веди!

Тормейсо, сияя улыбкой, ничего не сказал Олегу, лишь крепко пожал ему руку древним жестом мужской благодарности.

– А если бы криве упорствовал, – полюбопытствовал Пончик, – ты бы жег ему пальцы?

– Интересуешься, – усмехнулся Олег, – насколько мною овладели идеи садизма? Вообще-то я против пыток... Но, если бы мою девушку похитили, я бы превзошел гестапо, но вырвал бы у него же признания. Выдрал бы с мясом, с кровью!

– Не знаю, не знаю... – протянул Пончик. – Негодяи... Но если действовать такими методами, то кто ты сам тогда?

– Годяй! – серьезно ответил Олег и добавил: – Топай, моралист!

Пруссы вывели пленных вейделотов и криве на берег озера, заросшего камышом и осокой. Ко вбитым в землю кольям были привязаны широкие плоскодонки, каждая на две пары гребцов. Связанных вейделотов распределили по лодкам, а криве, не связывая тому рук, усадили в плоскодонку к Тормейсо.

– Мы доплывем к храму по озерам! – оживленно проговорил прусс. – Милегдо знает все здешние протоки!

Милегдо, жизнерадостный парень со светлым чубом, весело оскалился и налег на весло.

А небо хмурилось и хмурилось, сильный ветер донес первые капли дождя, а за лесом

уже раскатывался гром. Близилась гроза.

– Живее гребем! – подбадривал своих Тормейсо.

И пруссы налегали на весла, проталкивая лодки через камыши, не углядывая даже, а угадывая протоки в болотистых берегах, соединявших озера, речушки и болота в единую Хлябь.

– Травяная оладья! – крикнул Милегдо, указывая вперед, на просторный участок суши, совершенно плоский, покрытый травкой, а местами светящийся песчаными проплешинами. – А вон Каменные Грудь!

Олег посмотрел в указанном направлении и увидел две скалы, действительно смахивавшие на пленительные женские округлости.

– Выходим!

Олег выбрался на берег и глянул на небо. Тучи, серые, темно-сизые, почти черные, толклись в вышине, словно выдавливая воду друг из друга. Разряд молнии расколол небо, и ударил гром.

Опустив взгляд, Олег замер. То, что он увидел, длилось какую-то секунду. Криве, достав из-за пояса нож, всадил его под сердце Милегдо и тут же, выхватив трофейный меч прусса, обернулся к Олегу.

Олег отшагнул, кладя ладонь на рукоять, и поскользнулся на мокрой траве. Грянувшись оземь, он на секунду выпал из реала, «поплыл», как в нокдауне. Нестимор, кривя рот в торжествующей усмешке, поднял меч, полыхнувший отсветом небесного электричества. Глаза криве сверкали, губы подергивались, костистые руки крепко сжимали рукоять, готовясь обрушить удар возмездия на руса, причинившего ему боль. Сухов перекатился, стараясь дотянуться до клинка, привстал на колено...

– Олег! – донесся до него голос Пончика.

Криве вскинул меч над головой, словно пытаясь дотянуться до неба, и дотянулся. Ослепительно-лиловая молния ударила во вздернутый клинок, рассыпая снопики искр, мерцающими голубыми змеями обвила тело жреца и ушла в землю. И не гром, а оглушительный взрыв грохнул над Травяной оладьей. Ударило так, что волгая земля задрожала. На время Олег оглох, в глазах мерцали яркие пятна. Пахло острым запахом озона, ладони, упертые в землю, зверски зашипало. А криве как стоял, так и упал. Свежий запах грозы перебил тошнотворным амбре горелого мяса и удушливым чадом тлеющих одежд. Исковерканный, оплавленный меч выпал из почерневшей руки с двумя сломанными пальцами и воткнулся в землю. Мокрый песок зашипел, остужая раскалившуюся сталь.

– Олег!

Сухов тряхнул головой, разгоняя звон, и откликнулся:

– Все в порядке!

Ошеломленные пруссы, попадавшие на землю от ужаса, несмело подымали головы. Пончик подбежал к Милегдо и замер, обреченно махнул рукой:

– Прямо в сердце, гад, попал!

Очухавшись, Олег крикнул Тормейсо:

– Хватит валяться! Нам пора!

Прусс поднялся, не отрывая от Олега расширенных глаз.

– Ну что ты на меня уставился? – пробурчал Олег. – Перкун знает, в кого целиться... Пошли скорей – сейчас полет!

И полило. Прусы и русы побежали к далеким выпуклостям Каменных Грудей. Добежали, проскочили сырой расселиной между ними – по гранитным стенам потоками шла вода – и двинулись берегом Черного озера, из-за бесчисленных капель дождя приобретшего белесый оттенок.

– Сюда! – крикнул Васса, отплеываясь от струек, затекавших в рот.

Олег свернул в лесок и выбежал на луг, посреди которого возвышался храм бога Потримпоса – могучее сооружение из еловых бревен, поднятое на восьми толстенных сваях. Нет, это не сваи, понял Олег, подойдя поближе. Это пни, выпиравшим корням которых

придали форму куриных ног.

– Восьминогая курица... – пробормотал Пончик. – Изнакурнож... Угу...

К дверям храма вела лестница, Сухов хотел было взбежать по ней, но вовремя опомнился и уступил место Тормейсо.

– Твоя очередь!

Прусс благодарно улыбнулся и поднялся ко входу с обнаженным мечом. У дверей он оглянулся, словно испрашивая у Олега разрешения, и рус кивнул ободряюще – действуй, мол, ты в своем праве!

Тормейсо скрылся в храме, и мгновение спустя под дождь выскочил жрец Потримпоса – дряхлый старик в желтом кафтане, перепоясанный белым поясом. Криве верещал, потрясая посохом, пока не поскользнулся и не съехал на худой заднице по ступеням вниз. Прусс вежливо захихикали. Потом дверь распахнулась резко, открытая головой вейделота в желтой повязке. Вайделот кубарем покатился с лестницы, а порог храма переступил Тормейсо. На руках он держал русую девушку, закутанную в желтые жертвенные покровы, рыдавшую от счастья. Прусс, сияя, спустился по ступеням, небрежно переступив худые ноги икавшего жреца, и понес свой драгоценный груз, уже никого не замечая.

– Спасибо тебе, – сказал Тормейсо, повернувшись к Олегу. – Ты умилиствовал богов!

Сухов заметил заплаканный синий глаз, глядевший на него из-под русой челки.

– Боги не делают подарков, – серьезно сказал Олег. – Они помогают только тем, кто всего добивается сам. Побежали!

Ночью дождь перестал, и небо очистилось. А в маленьком прусском селении все не ложились спать – праздновали возвращение Тормейсо и спасение Гвиллы. Заснул Сухов лишь под утро, а тут и петух прокричал, будильник местный. Олег, покряхтывая от удовольствия, оделся во все сухое и чистое, выстиранное и высушенное, выбрался во двор и умылся из бочки. Вспомнилась кадушка в Алаборге, их первая с Пончиком ночь в чужом времени, в чужом мире. Как давно это было...

Олег отерся холстиной и осмотрелся. Землю кутал туман, и глиняные стены домов поднимались из него, как островки на молочной реке. Серо-зеленые камышовые крыши блестели росой, с них капало.

– Олег?

Скрипнув дверью, вышел Тормейсо. Он был серьезен.

– Думал уже, куда подашься? – спросил его Олег.

Тормейсо кивнул.

– В Гардарики! – объявил он свое решение. – Иной путь у меня нет, криве-кривейте не прощать мне смерти свой слуги и поругания храма... У великий из великих, судья судей, длинные руки...

– Правильно, – кивнул Олег. – Только будь осторожен – в Гардах война.

Тормейсо нахмурился и тут же сказал упрямо:

– Все равно!

– Олег! – позвал товарища Пончик. – Ты где?

– Где-то здесь! – отозвался Сухов. – Ты собрался?

– Ага!

– Явкут и Кирбайдо проводить вас, – сказал Тормейсо. – Они знают место...

– И ты не мешкай, – посоветовал Олег. – Хватай Гвиллу и беги! Дадут боги, еще свидимся в Гардах!

До Вислы доскакали быстро, поменяв лошадей у знакомых Явкута. Река разливалась широко, куда там Олкоге. Низменные берега были безлесны, одна трава кругом, да кусты.

Олег вывел коня на берег Эстмере, Свежего залива, как называли вислинское устье, и остановился. О, боги! Он добрался до Виндланда! Вон он, берег земель вендских, за рекою тянется!

– Последний рывок, да? – пробормотал Пончик.

– Последний... – выдохнул Олег.

– Ой, смотри! Там корабль!

Олег пригляделся. Невдалеке, где море встречалось с рекою, стояла рыбацкая деревушка, а у пристани покачивалась лодья.

– Поскакали! – крикнул Явкут и пришпорил коня.

Кирбайдо, Олег и Пончик бросились следом за ним.

Вблизи оказалось, что о причал трется не лодья, а купеческий кнорр – более развалистый, чем снелка или скедия, и попузатее боевых лодий. Веслами на кнорре гребли только с носа и кормы, средняя часть была отдана грузу.

Олег спрыгнул с коня и подошел к качавшемуся борту. На него оглянулись рабы, прикованные к веслам. Одетые в Драное и грязное, гребцы сидели на скамьях, сутуля спины, и чесали мозоли на лодыжках, натертые кандалами. Ни викинги, ни варяги не позволяли трэлям грести на своих лодьях, но купцы – иное дело.

– Где хозяин? – резко спросил Олег.

С тюков поднялся меланхоличный малый, жующий кусок сала. Утерев жирные губы, он спокойно ответил:

– Ну я.

– По-русски понимаешь?

– Не разучился еще... – пожал плечами купец.

– Нам нужно в Старигард! Мне и ему! – Олег показал на Пончика. – Мы заплатим золотом!

– Да я и так иду туда, залезайте, всегда рад пассажирам! Люди называют меня Удо, сыном Онева, меня все знают.

Олег передал поводья коня Явкуту и перебрался через борт. Следом перелез Пончик.

– Доброго пути! – крикнул Кирбайдо, вскидывая руку.

– И вам! – ответил Олег.

– А скоро отплываем? – поинтересовался Пончев.

– Вона, – показал купец шматом сала на грязную харчевню, из дверей которой выходило с десятков изрядно набравшихся мужиков. Следом вышли еще трое. – Как погрузятся, так и тронемся...

Пьяный экипаж, осилив сходни, тут же пристроился отсыпаться. Худой парень в обносках, поглядывая на пьяных с неприязнью, быстренько отвязал причальные канаты и запрыгнул обратно на палубу. Ветер дул с моря, поэтому Удо, сын Онева надавал пинков рабам, побуждая тех к действию. Гребцы, вжимая головы в плечи, ухватились за рукоятки весел.

Покачиваясь на мелкой волне, кнорр выполз в Эстмере, и на скрип уключин наложился пронзительные крики чаек. «Последний рывок...» – вспомнил Олег и широко, от души улыбнулся.

Глава 16

1

Едва слышно плескала Вытегра, качая развалистую багилу с высоко поднятой кормой. Река смутно проглядывала в серых предрассветных потемках, застланная туманом, а лес по обоим берегам стоял недвижим. Тишина была такая, что упали лист на воду – и эхо загуляет, замечется шуршащими отголосками.

Матрос-халасси, шлепая по палубе босыми ногами, прошел на квадратную корму, где спал Абу-Зайд Халид ас-Самарканди, и осторожно потряс его за плечо.

– Молитва лучше сна! – сказал он, не решаясь говорить в полный голос. – Молитва

лучше сна! Нахуза, э-эй...

Халид со стоном пробудился и развернул свое одеяло, с укором глядя на мучителя.

– Встаю, Саид, встаю, – вздохнул он. – Вели бхандари,⁶⁴ чтобы готовил кахву⁶⁵ и хлеб!

– Все исполню, нахуза! – поклонился Саид и ушел будить бхандари.

Сонная команда сбредалась, шаркая остроносими кавушами,⁶⁶ стелила на палубу молитвенные коврики и опускалась на колени – наступал священный час вознесения утренней молитвы. На соседнем заве с громким названием «Ханаш аль-бахр»⁶⁷ пробудились ото сна чуть раньше, и в тихое небо над Вытегрой вошло моление:

– Ла илаха илля ллаху уа Мухаммадун расулу-л-лахи!..

Халид омыл лицо чистой холодной водой северной реки и согнулся в глубоком поклоне.

– Ла илаха илля ллаху уа Мухаммадун расулу-л-лахи! Аллаху акбар!

Низкие поклоны без помощи рук служили неплохой утренней зарядкой и согревали тело, пока мистический жар накалял дух. Бхандари Юсуф тоже умудрялся сотворить молитву, не выпуская из рук бронзовую ступку, в которой толлок зерна «мокко». Тонкий аромат кахвы подавлялся сильным запахом пекущихся лепешек, и Халид, жадно втягивая носом волнующие духмяности, понял, что изрядно проголодался. Тандиль⁶⁸ первым свернул свой коврик и повел матросов за собой. Для халасси всегда есть дело – откачивать воду из трюмов, плести канаты, латать паруса.

Просветленный, Халид прошел на корму и устроился на ширазском ковре, сложенном вчетверо. Бхандари три раза вскипятит кахву, добавил в напиток несколько зерен кардамона. Налил в чашечку нахузы. Халид отпил, зажмурил глаза, сделал глоток и только теперь проснулся.

– Налей еще, Юсуф, – попросил он толстого бхандари.

Юсуф с готовностью налил. Съев половину лепешки и запив ее кахвой, Халид ожил. Начинался новый день.

– Холодно у них тут по утрам! – поежился сарханг⁶⁹ Хасан.

– Разве это холод? – усмехнулся Халид. – Однажды мне пришлось тут зазимовать, вот тогда я узнал, что есть холод! Вода в реках замерзла и стала твердой и прозрачной, как стекло, все вокруг покрыл снег...

– Снег? – недопонял Хасан.

– Снег – это замерзший дождь. Каждая дождевка, когда мороз, превращается в снежинку, в маленькую такую льдинку, похожую на шестиугольную звездочку, которой хватит места на острие ножа. И этих снежинок наваливает по колено, они лежат, как песчинки в барханах, а когда поднимается сильный ветер, их кружит и метет, как в пыльную бурю. Снег мягче песка, русские дети лепят из него шарики и кидают друг в друга. Или ваяют больших идолов, зовомых снеговиками... Я гостил тогда у Ас-Хальди, тутошнего

⁶⁴ *Бхандари* – кок.

⁶⁵ *Кахва* – кофе.

⁶⁶ *Кавуши* – шлепанцы, тапки без задников.

⁶⁷ «Морской змей».

⁶⁸ *Тандиль* – главный над матросами.

⁶⁹ *Сарханг* – «заведующий причаливанием», старпом.

амира.⁷⁰ О, Аллах, как же я мерз тогда! Мое лицо твердело на холоде, изо рта шел пар и оседал на бороде инеем... Иней, он похож на плесень, но тоже из замерзшей воды...

Сарханг заслушался. Халид надел запашной бухарский халат из синей парчи, а поверх натянул белый полотняный яктак без подклада и рукавов. Приблизился тандиль, поклонился и доложил о готовности к отплытию. Вот уже почти две недели он докладывает, что корабль готов. У Халида испортилось настроение. Он отошел к резным перилам, ограждавшим квадратную корму, облокотился, сгорбил спину. Задумался.

Шестой год подряд поднимается он по водам и волокам Великого Волжского пути, и непонятно ведь, что зовет его в эту долгую и опасную дорогу! Нажива? Кто спорит, можно озолотиться на русских мехах. Здесь шкурку горносталя покупаешь за пару дирхемов, а в Индии продаешь за двести пятьдесят полновесных динаров. Но разве он был беден? Где его только не носило... Он водил корабли в Синию,⁷¹ за шелком и фарфором, на Яве закупал сандал и камфору, на Цейлоне – топазы, сапфиры, изумруды, панцири черепах, мускус и корицу, на Сокотре – ладан и алоэ. Он побывал во всех портах Савахилия, от Момбасы до Занзибара, набивая трюмы шкурами леопардов, слоновой костью и выносливыми черными рабами-зинджами. И разве дом его в Багдаде не был полной чашей? Но стоило один раз побывать в северных лесах, испробовать ледяной воды родников, бьющих здесь чуть ли не под каждым деревом, и нахуза прямо влюбился в эти края, где ночи светлы, а лето походит на южную зиму.

– Я бы не смог прожить здесь целый год! – признался Хасан. – Русы – народ грубый, угрюмый и злобный, а вокруг все такое одинаковое. Столько деревьев и воды!

– Ты неправ, – улыбнулся Халид. – Да, русы суровы и холодны, они – отражение края, в котором живут. Их прямота и честность кажутся тебе грубостью... Мы, пропеченные южным солнцем, улыбаемся чаще, но что в наших улыбках? Лесть, коварство, хитрость, притворство... А русы простодушны, наивны даже, они открыты и дружелюбны и очень гостеприимны. Наверное, это потому, что мало их на просторах севера, вот и тянутся люди друг к другу. А уж если ты стал их товарищем, тогда они готовы поделиться с тобой всем, что имеют, поскольку щедры от природы. Они будут сражаться за тебя и никогда не бросят в беде одного, потому что нет для них более страшного позора, чем трусость. Но не дай тебе Аллах предать их дружбу и нарушить священные законы побратимства. Тогда пощады не жди! Русы могут быть чрезвычайно жестоки и беспощадны, они бойцы по рождению, и никто на свете не сравнится с ними по силе, бесстрашию и умению воевать.

– И все-таки свеи одолели русов! – ввернул Хасан. – И мы одиннадцатый день стоим на этой реке, не решаясь нос высунуть в озеро Онего.

– Двенадцатый день... – вздохнул Халид. – А насчет победы свеев ты заблуждаешься. Сколько их пришло, помнишь? Шесть тысяч. А осталось меньше четырех! И это притом, что воинов в дружине русского амира ал умаро Халеба было пять сотен всего. Русы просто отступили, а когда они перейдут в наступление, воды Мутной реки окрасятся кровью, и это будет свейская кровь.

Солнце взошло над лесом, его горячие лучи сдернули покрывало с Вытегры, возвращая водам блеск и сверкание. В крепости на берегу задымили костры, на стенах сменилась стража. Хасан оглядел длинную полосу причалов. Вся пристань была занята – десятки судов стояли к ней вплотную, уткнувшись кто носом, кто кормой. Кое-где среди арабских судов затесались крутобокие болгарские кумвары и хазарские струги. Купцы из Ширвана и Хорезма, Абескуна и Бухары, Итиля и Дербента толпились на пристани, шушукаясь или громко причитая, призывая в свидетели Аллаха и Яхве, Ахура-Мазду и Будду. Терпение кончалось у всех торгашей.

⁷⁰ *Амир* – эмир, князь. Амир ал умаро – князь князей.

⁷¹ В Гуанчжоу.

– Почтенный Халид! – сказал, подойдя к борту багилы, седобородый Асад. – Алла биль хир!⁷²

– Алла биль хир! – отозвался Халид, привставая. – Поднимайся на борт, почтенный, угошу знатной кахвой. Мой Юсуф варит настоящую «бинт аль-Йаман».

– С удовольствием отведаю! – расплылся в улыбке Асад и поднялся на борт багилы. Бхандари тут же поднес ему чашечку ароматного напитка.

– М-м-м... – закатил глаза Асад, и бхандари засветился от гордости.

Допив кахву и перевернув чашку, Асад сказал вкрадчиво:

– Как думает почтенный Халид, не пора ли нашему обществу трогаться и плыть?

– Куда? – кратко осведомился Халид.

– К Торгу.

– Торг сожжен! – жестко сказал Халид. – И столицу Руси заняли свеи.

– Именно, – сменил тон Асад. – Свеи. О них и речь. В руках свейского амира скопилось великое множество мехов. Мы можем их купить и благополучно вернуться.

– Меха ворованные... – спокойно заметил Халид.

– Это военная добыча!

– Я смотрю, – усмехнулся Халид, – вы уже все решили. Кто с тобой?

– Махбуб ал-Абди, потом хазарин этот, как его... Тогар сын Янура, Черный Абдалла, Аббас-урганджи... Да почти все. Пойдем, Халид! Ты лучше всех нас знаешь этих северян, а ждать более не вмоготу. Каждый лишний день простоя – это дирхемы и дирхемы убытков.

Халид задумчиво цедил кахву. Допил и решительно сказал:

– Шайтан с вами – снимаемся!

Варяги, засевшие в крепости, арабов не задерживали. Ищут купцы приключений на свои задницы? Ищущие, да обрящут!

А Халид радовался. Всему – и тому, что кончилось их томительное сидение, и остатку пути, и грядущим угрозам. А в том, что они плывут навстречу опасностям, нахуза не сомневался. Беда была в том, что купцы, решившиеся плыть Великим Волжским путем, с самого начала готовились к худшему, они всегда были настороже и давали отпор всяким любителям заимствовать чужое добро. Хазары, закупорившие своими землями дельту Итиля, требовали десятину со стоимости товаров. Поднимешься повыше – там поджидают челны с разбойниками-буртасами. Еще выше – болгары наседают. И попробуй только дай слабинку – тут же обчистят! Поэтому те, кто ходил к русам в третий-четвертый раз, были людьми тертыми, отборными купцами-воинами. Но! Сколько их в караване и сколько свеев? Вот и думай...

Онежское озеро встретило караван пустынными просторами вод и голыми берегами – ни парус не мелькнет, ни дымком не потянет. И река Сувар поразила Халида – никто не выходил из лесов, не предлагал меха на продажу. Обычно местные карелы толпами подступали к берегу, предлагая шкурки одна другой краше, и путешествие по короткой реке затягивалось дня на два. А теперь... Будто вымерли охотники! Или ушли...

На озере Нево багилы и завывало на мелкой, но крутой волне.

– И тут никого! – озабоченно сказал Хасан, сменяя рулевого – суккан гира.

Халид кивнул, зорко осматривая берег. Показались башни Алаборга, но у пристани города не качалось ни единой лодьи. Даже утлые рыбацкие каюки, и те не лежали на берегу вверх дном, напоминая нильских крокодилов. Выморочный город?..

Ближе к вечеру арабские корабли приблизились к устью Олгоги, к тем бурливым местам, где стремительное течение реки мешало несомую муть с чистыми водами Нево. Как худая затычка для толстого горла кувшина, посреди Олгоги зеленел островок, заросший травой и дикой смородиной. Березки и елочки тоже покрывали его берега, но не поражали

⁷² Буквально: «Пусть Аллах сделает ваше сидение приятным». Присказка.

величиной.

– На весла! – разнеслась команда. – На весла!

Северный ветер по-прежнему поддувал в треугольные паруса на косых реях, но уж больно разгонялась стремнина – корабли еле тащились вверх по Олкоге. Гребцы живо прибавили ходу всему каравану.

Когда Халиду открылось пепелище, оставшееся после сожженной Альдейги, солнце уже село. Леса по берегам наполнились сумраком, протянулись длинные тени.

– А крепость цела! – сказал с удивлением Хасан.

– Я вижу... – кивнул Халид.

Надо же, все спалили. Только по серым навалам золы и угадаешь, где стояли дома и как протягивались улицы.

– Деревянные дома! – сказал Хасан с пренебрежением.

– В них тепло зимой, – заметил Халид. – А у нас жара, поэтому мы лепим свои дома из глины...

– Глина не горит! – весомо изрек Хасан.

– Но ее размывает дождь! – парировал Халид.

– Сколько шатров... – пробормотал сарханг, меняя тему.

Нахуза сумрачно кивнул. Свечи были ему безразличны, но именно они пожгли дома русов – его друзей и партнеров. Действует ли тут формула «Враг моего друга – мой враг»? Может, и действует, но следовать ей... Как? В караване ровно тридцать кораблей, а у свеев... Кстати, а где свейские лодьи?

– Что-то я их кораблей не вижу! – удивился Хасан.

– Тем лучше, – проворчал Халид, – будет куда пристать!

Свою багилу он первой ввел в устье Ала-дьоги и причалил близ крепости. Свечи толпой сбежали к пристани, гогоча и махая руками. На лицах их читалось оживление, и у Халида малость отлегло от сердца. Плотная толпа, занявшая все место от стен крепости до реки, раздалась, образуя коридор, и к берегу сошел воин в богатых одеждах. Видимо, это и был свейский амир.

Халасси по знаку тандиля уложили сходни, и Халид сошел на берег, чувствуя себя очень важной персоной, чуть ли не послом.

– Не самого ли великого амира свеев я имею удовольствие лицезреть? – сказал он, кланяясь и прикладывая руку к сердцу.

Прыщавый и перевозбужденный свей с красным, облупленным носом, нашептал амиру перевод, и тот кивнул милостиво – угадал, дескать.

– Ас-салям алейкум! – поздоровался Халид.

– Ва-алейкум ас-салям! – старательно выговорил прыщавый толмач. – Ахлан ва сахлан, йа хавага! Мабрук! Мабрук!⁷³

Амир осклабился и повел рукой, приглашая купцов следовать в крепость.

– Эйрик конунг, сын Энунда, – важно проговорил прыщавый, – зовет всех вас разделить с ним трапезу и поговорить о приятных и важных вещах!

Халид поклонился, мимолетно касаясь рукояти скимитара,⁷⁴ скрытого халатом. Купцы гуськом двинулись за ним – величественный Асад, юркий Тогар с лицом деревенского хитрована, бывалый Аббас Рахман, хромой, но прыткий Умар, медлительный Али Хагам, порывистый Зариф, скользкий Шакур, молчаливый и основательный Сабир.

Купцов провели в крепость, и сразу за воротами глаза их загорелись алчным блеском – вдоль всей стены были устроены прочные навесы, под которыми висели меха. Целые вороха мехов. Настоящий меховой завал. Амир свеев уловил настрой купеческого сословия и хищно

⁷³ Добро пожаловать, господин! Благословляю! Благословляю!

⁷⁴ *Скимитар* – кривой меч, несколько расширяющийся к концу.

улыбнулся. По его приказу прибежали трэли, они тащили столы, уставленные яствами, и расставили их прямо под крайним навесом, так, что пышные меха висели над головами сидящих как обещание дохода, как приманка.

– Свинины на столах нет, – успокоил арабов толмач, – только птица лесная!

Халид усмехнулся. Вдали от родных мест он не был особо верен канонам ислама. Бывало, что и кабаном угощался... Заветы заветами, но и смысла здравого тоже надо держаться.

Изрядно отпив выдержанного русского меду, купец как следует закусил. И больше к еде не притронулся. Амир свеев посматривал на него, прищуриваясь.

– Мы не знаем здешних обычаев, – солгал Халид, – и можем ошибаться в намерениях, но желание у нас одно. Хотим скупить эти меха и отчалить!

Выслушав переводчика, Эйрик кивнул.

– Это также и желание амира! – сказал прыщавый. – Мы готовы уступить отборнейшие меха – сами видите, какие! – за низкую плату, но с одним условием...

Халид насторожился и спросил:

– Это с каким же?

Прыщавый, наклонясь к Эйрику, дослушал негромкий говорок и заявил:

– Уступите на время ваши суда! Мы перевезем раненых к себе домой и вернем вам их! И вы сможете плыть домой богачами!

– Не могу поверить, – Халид подпустил в голос слащавости, – что у такого великого воителя, как амир, наберется столько раненых. Места на наших судах хватит для тысячи человек. Ужели столько воинов мучимы ранами?

Лицо Эйрика отвердело, а голос порезчал.

– Не хотите по-хорошему, – надменно перевел прыщавый, – будем по-плохому. Конунг забирает ваши суда вместе с товаром!

Купцы вскочили, потрясая кулаками и яростно крича:

– Шайтан! Нассаб! Йесхатак!⁷⁵

Эйрик конунг даже не вздрогнул. Выцедив мед, он щелкнул пальцами. Викинги, до этого топтавшиеся на ступенях, ведущих в терем, сбегали вниз, оголяя мечи. Эйрик отдал приказ, и купцов, пихая и пиная, погнали из крепости вон. Халид бежал, подталкиваемый в спину, и соображал, что предпринять. Когда арабов вытолкали на пристань, они стали свидетелями разбоя. Викинги хозяйничали на палубах, сгоняя на берег команды. Самых отчаянных халасси мордовали и скидывали в воду.

Уловив взгляд Хасана, брошенный на него с кормы багилы, Халид кивнул. Сарханг ощерился и закричал протяжно:

– Аллах акба-ар!

И это прозвучало как сигнал. Арабы, до того бестолково метавшиеся по палубам, взревели. В руках их появились скимитары и персидские караджуры. На палубе багилы Халида закипел бой. Двоих викингов зарезали сразу, еще трое быстро опомнились и дали сдачи. На доски палубы рухнул, обливаясь кровью, бхандари Юсуф. Тандиль Маслама не уберегся и тоже упал, хватаясь руками за перерубленное горло.

Матросы Асада, набранные из воинственных бедуинов, наседали на хускарлов, раскраивая тем панцири вместе с кожей.

– Уходим! – закричал Халид, инстинктивно находя единственно возможное решение. – В лес пробиваемся! В лес...

Его крик услышали все, но прислушался не каждый. Мустафа и Асад не смогли оставить свои корабли и свой груз, они бились отчаянно, но скоро, очень скоро крыло ангела смерти Азраила осенило обоих. А халасси не последовали за хозяевами – пестрой толпой попрыгали в реку и поплыли к левому берегу Аладьоги.

⁷⁵ Дьявол! Мошенник! Будь оно все проклято!

Свечи свистели и орали арабам вслед, воспринимая их бегство как бесплатное зрелище. Стрелки пускали по убегавшим купцам стрелы, но не с целью убить – свечи просто развлекались.

Мокрый и злой, Халин выбрался на берег, весь перемазавшись в глине. Не сдержался и погрозил другому берегу окровавленным скимитаром:

– Мы еще вернемся!

Сотни свеев, наблюдавших за спектаклем, как с рядов амфитеатра, издали восторженный рев, переходящий во взрывы гомерического смеха.

– Уходим! – рявкнул Халид.

Хасан, раненный в ногу, быстро захромал на север. Человек триста купцов, их помощников, охранников-гулямов, мореходов – перепуганных, разъяренных, потерянных, отчаянно зывавших к Аллаху – бегом добрались до лесополосы за северной околицей Альдейги.

– За мной! – крикнул Хасан, уводя соплеменников на запад, мимо курганов.

Арабы, никогда не бывавшие в лесу, если не считать таковым рощи финиковых пальм, вломились в заросли, держа на запад.

Начало темнеть, когда они вышли на край огромного болота.

– Стой! – закричал Халид. – Это зыбучая земля. Если провалишься – засосет. Попробуем обойти!

– Что ты раскомандовался?! – крикнул Шакур.

Халид выхватил меч и уткнул его в грудь Шакуру.

– Командовать вами буду я, – мягко проговорил он, – потому что я единственный из вас, кто жил здесь и знает, как тут выживают. Если ты не согласен, то ступай, куда хочешь. Хоть в болото...

Шакур вспыхнул, но, оглядев хмурые лица купцов, уgomонился.

– Веди уж, – буркнул он. – Йесхатак!

Халид бросил скимитар в ножны, повернулся, чтобы идти, и тут заросли можжевельника перед лицом его раздвинулись, и на тропу вышел светловолосый розовощекий гигант.

– Ас-Хольди! – вырвалось у Халида. – Это ты?!

– Узнал! – гулко захохотал Аскольд сэконунг. – Что, влипли, торговые гости?

– Амир свеев отобрал наши корабли, – признался Халид со стыдом.

– Понятно... – протянул сэконунг. – Его-то лодьи мы пожгли. Вот он и вертится, как уж на сковородке. А что ж вы в нору к волку полезли? Что, решили по дешевке краденое скупить?..

Халид готов был на месте от позора сгореть.

– Ладно, гости дорогие, – проворчал Аскольд. – Пошли! Поздно уже...

Молчаливые варяги, вышедшие из леса, вложили в ножны мечи, словно повторяя движение Халида, и сделали приглашающий жест, пропуская гостей вперед.

Шли долго, но вот что интересно – чем дальше в дебри заходил Халид, тем больше народу встречал по дороге. Словно все те, кто покинул берега Онего и Сувар, сбредили сюда. Купцы, ведомые варягами, выходили на полянки, где горели костерки, кругом которых сидели вооруженные люди. Иногда их тропу пересекала другая, и смутно видимые воины со щитами и при топорах пропускали их мимо. Из лесу доносились глухие голоса, а где-то очень далеко, на грани слышимого, звенел молот кузнеца.

– А ты прав, – негромко сказал Хасан, – здесь готовится наступление...

Халид молча кивнул, потом подумал, что сарханг может и не заметить его кивка в темноте, и сказал вслух:

– Да, что-то они тут затевают...

Неожиданно лес кончился, и арабы вышли на обширный луг, сплошь заставленный шатрами и шалашами. Горели десятки костров, бросая блики на сотни доспехов и лезвий. Гул голосов поднимался к первым звездам, создавая впечатление огромной массы народу,

грозной силы, оборотъ которую никому не дано.

Аскольд устроил купцов у свободных шалашей и землянок, а Халида, Хасана и Сабира повел с собой, представляться Улебу конунгу.

Амир ал умаро выглядел усталым, но довольным. Он сидел на бревне у костра и глядел на арабов поверх огня.

– Ас-салям, о халиф русов! – начал Халид, подлащиваясь к конунгу. – Да сопутствуют тебе удача и счастье! Наши головы покрыты позором, позволь нам встать под твою руку и смыть его кровью!

Улеб конунг кивнул, принимая предложение, и сказал:

– Готовы, значит, драться со свеями?

– Аля хашни! – выпалил Халид, опомнился и сказал то же, но по-русски: – Готов для тебя на все!

– Поведешь тогда своих... Врежем свеям!

– Когда? – жадно спросил Халид.

– Через два дня. Ударим на рассвете. Не хотят свеи по правде жить, тогда пусть боятся правды! А закон мы с собой носим, – усмехнулся конунг. – В ножнах!

2

Вымотанный за долгий и трудный день, Халид проспал до утра и очень удивился, обнаружив над собою сплетение веток, а не потолок крошечной каютки. Память быстро вернула его в явь, да и вид из шалаша открывался достаточный – обширный луг в окружении сосен весь был заставлен временным жильем. Кожаные шатры гридней стояли ровными рядами, шалаша и землянки гражданских – вразброс. На зеленой траве выделялись черные пятна кострищ, сотни копий были сложены в пирамиды, щиты лежали навалом. А люди постоянно двигались, не в силах усидеть – бродили, собирались в компании и толковали о своем, сходились и расходились. Народу собралось – тыщи! И вся эта громадная толпа галдела на все лады. Командиры отдавали приказы, подчиненные бежали их исполнять. Детей, чтобы не путались под ногами, собрали вместе, под присмотром замужних женщин, знавших, как обращаться с ребятней. Непоседы сидели смирно, видать, прониклись серьезностью момента.

Халид выбрался из шалаша, нацепил скимитар поверх халата и пошел искать своих.

Обойдя почти половину луга, он увидел девушку, выходящую из леса, и будто споткнулся. Что заставило Халида замереть, а сердце его забиться учащенно? Девушка была хорошенькая, но мало ли хорошеньких кругом? Что-то еще было в ней, невыразимое, но до боли приятное, западающее в душу... Большие серые глаза, в которых угадывался ум и блестела печаль? Мягкая походка, легкая улыбка? Что?..

– Здравствуй! – выпалил Халид.

– Здравствуй, – ответила девушка. В руках она несла целую охапку лечебных трав и прятала лицо в листьях.

– Не сочти меня невежей... – начал Халид. – Скажи, как имя твое?

– Меня зовут Дана, – улыбнулась девушка. – Так и будем стоять? Пошли, мне нужно отнести эти травы нашей лекарке...

Халид так закивал головой, что с нее едва не свалилась чалма.

– А тебя как зовут? – спросила Дана.

Халид, проклиная свое тупоумие, представился:

– Абу-Зайд Халид ибн ал-Йазид ас-Самарканди!

Дана округлила глаза:

– Такое длинное имя?!

– Нет, совсем не длинное! Имя мое – Халид, а все остальное – приставки. «Абу-Зайд» – это кунья по имени сына, а Йазидом звали моего отца...

– Получается, – оживилась Дана, – что ибн ал-Йазид по-нашему будет «сын Йазид»? – Точно.

– А там еще было что-то ас... Ас с чем-то...

– Ас-Самарканди! Это нисба, и значит она, что я родом из города Самарканда.

– А далеко это?

– Очень! – признался Халид. – Правда, я покинул Самарканд, когда мне еще не исполнилось двенадцати зим, и больше не бывал там.

– И где ты тогда живешь?

– В городе Багдаде, столице Халифата! Вы называете Халифат Сёркландом...

– А-а... – протянула Дана, нюхая травы. – А Багдад... он большой?

– Очень большой! Там живет миллион человек!

– Миллион? – повторила Дана. – А это много?

– Сколько живет в Альдейгьюборге?

– Десять тысяч! – гордо ответила Дана.

– А в Багдаде – в сто раз больше.

– В сто раз?! – впечатлилась Дана. – Ничего себе...

Дана вошла под широкий навес, где хлопотали лекари, и передала им собранные травы.

– Ты сказал, что у тебя есть сын, – напомнила Дана, – а жен у тебя сколько?

– Две, – сказал Халид, – Лейла и Фейруза.

– Красивые имена!

– Да... Лейла – значит ночь, а Фейруза – это бирюза по-вашему. Видела бирюзу? Каменья такие, голубые, а есть сине-зеленые.

– Ты их любишь? – прямо спросила Дана, и Халид не почувствовал подвоха в вопросе девушки.

– Люблю, наверное... – промямлил он. – Лейлу в жены мне выбрал отец, и я не видел лица невесты до самой свадьбы... Фейрузу я встретил сам, а сейчас хочу ввести в дом третью жену...

– А ее как зовут?

– Дана.

Девушка-ведунья весело рассмеялась и кокетливо погрозила пальчиком.

– Ишь ты его! – сказала она насмешливо. – Разгон какой взял!

Лицо ее приняло задумчивое выражение.

– Меня еще никто замуж не звал, – призналась Дана. – Приятно... Но время-то какое! – вздохнула она тяжело. – Скоро уж битва, и кому из нас доведется выжить, а кому не повезет?.. Ты же не будешь прятаться и беречься? Ну вот... И нам с Чарой придется побегать, раненых выносить...

Халид торопливо покивал, понимаю, мол.

– Дана, – сказал он с волнением, – сам не знаю, как это случилось. Не верил, что так бывает, но вот же – случилось. И не с кем-то, со мной... Проснулся я, и ведать не ведал, что есть на свете девушка по имени Дана. И вот узнал... И хочу быть с нею! Я все равно разыщу тебя, когда свеев прогоним. Я прилипчивый! А выживу или нет, на все воля Аллаха.

– Аллах – это твой бог? – полюбопытничала Дана.

– Это и твой бог, – улыбнулся Халид. – Аллах – всемогущий и всеведущий, и нет бога, кроме Аллаха.

– А Перун? – нахмурилась Дана. – А Велес? А Хорс?

– Может, то, что ты разделяешь на Перуна, Велеса и прочих, всего лишь разные ипостаси единого бога?

Дана задумалась.

– Может, и так, – признала она неохотно. – Давай не будем про богов, а то обидятся еще, а послезавтра бой.

– Давай, – улыбнулся Халид. – Скажи, а потом, после войны, кому мне нести калым за невесту?

– Калым?
– Так говорим мы. Вы говорите – мунд или вено.
– А не к кому! – грустно сказала Дана. – Отца с матерью я не помню, с дедом жила. А деда убили свеи...
– Я отомщу им за твоего деда!
– А я уже отомстила ихнему конунгу! – усмехнулась Дана и махнула рукой, словно отгоняя неприятности и мерзости жизни. – Пойдем погуляем?
– Пошли! – обрадовался Халид.
И они пошли. Медленно пошагали кругом луговины, держась за руки, поглядывая искоса друг на друга, и было им хорошо.

3

Дана, переодевшись в рваную рубаху, нацепив поверху поневу, изгвазданную донельзя, укутав пышные волосы платком с прожогами от искр, осторожно вышла на окраину Альдейги. Впрочем, что околица, что центр – пожар все уравнил. Был город, стала пустошь.

Дана взошла на холмик, где раньше стояла изба дядьки Урхо, и осмотрелась. Свеи крепили оборону – по размашистой дуге копали ямы и рвы, насыпали валы, таскали на верх тех валов сучковатые стволы елей или плели по два тына за раз, засыпая промежутки землею. Эта внешняя укрепленная линия защищала подходы к линии внутренней, обводившей то место, где раньше был торг. А в середине стояла айдельгьюборгская крепость. «Готовятся свеи!» – подумала Дана и пошла потихоньку, сутулясь и шаркая ногами в старых лаптях, изо всех сил изображая побирушку. В холщовой суме, перекинутой через плечо, девушка несла тяжелый горшок с наглухо запечатанной крышкой.

Хускарлы, голые по пояс, лоснящиеся от пота, только на миг отрывались от порученного им дела, взглядывали на нищенку, похохатывая и перебрасываясь шуточками, и снова вгрызались в землю лопатами, ломami, кирками. Дана брела вдоль линии укреплений, высматривая слабые места, а чтобы отвести от себя похотливых самцов, хромала и пускала слюну с выпяченной губы – ни один хускарл не польстился на такую «красотку».

Острый, внимательный взгляд Даны отмечал все – настроение воинов (подавленное), разногласия между ледунгом и викингом (нешуточные). И вдруг она увидела своих. Дана пригляделась. Нет, ошибки быть не могло – ухватившись за ручки колоды-трамбовки, уминали глину карелы. И среди них... Райво!

– Д-д-д... дайте х-х-х... хлебушка! – старательно выговорила Дана фразочку, переводя на корявый свейский и довольно убедительно заикаясь. – Т-т-т... третий д-день не емши!

Райво вздрогнул, узнавая голос, но не видя знакомого лица. Отряхнув руки, он сошел с вала и подошел ближе.

– Кто ты? – спросил Райво по-русски.
– Неужто не признал? – усмехнулась Дана, «забыв» про заикание.
– Ты?! – вытаращился Райво. – Что ты здесь делаешь?!
– А что здесь делаешь ты?! – резко сказала Дана. – Год назад ты клялся мне в любви, а теперь?! Верно служишь свейским собакам?!

Райво побледнел и сжал кулаки.

– Ударить хочешь? – ласково спросила Дана. – Бей! Что мне терять? Моего деда повесили свеи, и еще у многих наших братьев и сестер они отобрали добро и сами жизни. И ты пошел в помощники этим ненасытным хорькам?! Кто же ты тогда?!

– Замолчи! – зашипел Райво. Оглянувшись, он сунул Данае горбушку хлеба, намазанную салом. – На... Грызи и слушай! Нас пригнали сюда, а старейшин рода свеи держат в заложниках. И если мы обратим оружие против свеев, старейшин убьют.

– Ты считаешь, – тихо сказала девушка, – что старцы будут благодарны вам за сохраненные жизни? Сохраненные ценой подлого предательства?

– Иди ты, знаешь куда?! – нагрубил Райво. – Нашлась тоже... А что мне, по-твоему, делать?!

– Помочь нам! – твердо сказала Дана.

– Кому – нам?

– Варягам! Конунгу гардскому и всем, кто с ним! Арабы вон, и те с нами!

Райво напрягся.

– Говори! – сказал он глухо.

Дана кивнула.

– Какая у свеев главная беда, смекаешь? – спросила она.

– Лодий у них нехватка! – ухмыльнулся Райво. – Эйрик давно бы сбежал, но кто он без гриди? Если он бросит своих, от него отвернутся все, и помирать тогда Эйрику в нищете и позоре.

– Свеи отобрали корабли у арабов... – напомнила Дана.

– Этого не хватит даже на половину войска! Но свеи строят новые лодьи...

– С этого места – подробнее!

Райво почесал в затылке и продолжил:

– Сколотили три лодьи, большие – каждая на две сотни человек! Они уже почти готовы, эти лодьи, осталось только мачты поставить. Скорость у них будет невелика, да и делали их тяп-ляп, но свеям лишь бы до родных берегов добраться! А вчера еще шесть лодий заложили...

– Эй! – раздался грубый голос. – Что стоим? Почему не работаем?

Дана глянула из-под платка на подошедшего свея, по виду – не последнего в строю.

– Да вот, – зачастил Райво с ноткой угодливости в голосе, – встретил тут одну из нашего рода. Уродина страшная и тямом скорбна, а все ж жалко!

– Заканчивай! – проворчал свея и отошел, косолапя.

– Уродина я, значит? – улыбнулась Дана.

Райво побурел.

– Да я ж... – затрепыхался он.

– Понимаю, понимаю! – остановила его девушка. – Эти лодьи... Сможешь их пожечь?

Райво не испугался, задумался только.

– Не знаю даже... – протянул он. – Там такая охрана. С огнем меня и близко не подпустят!

– А ты не с огнем придешь! – Дана сняла с плеча суму и сказала тихо: – Тут у меня горшок, а в том горшке зелье особое, смесь Навкратиса Афинского...

– Нава... Как-как? – не понял ее Райво.

– Неважно! Главное, зелье это поджигать не нужно, оно от воды загорается!

– От воды?! – изумился Райво.

– Да! Плеснешь на лодью зелье, плюнешь на него – и готово. Заполыхает так, что любо-дорого!

– И не потушишь ничем?

– Так именно! Ну как, берешься?

– Дана, – сказал Райво нежно. – Берусь, конечно. И даже не для Улеба конунга, а тебя ради. Давай свой горшок...

Свеи начали оглядываться на заболтавшуюся парочку, и самый бдительный – то ли Свен, то ли Сван – направился к ним.

– Уходи! – бросил Райво и живенько перепрятал горшок с зажигательной смесью, сунув его в ров и присыпав землицей.

Дана поспешно похромала к лесу. Сван потоптался, раздумывая, бежать за убогой или не стоит, и решил не тратить зря сил.

Тем же вечером, когда по всему берегу зажглись костры и от котлов с кашей потянуло сытным запахом, Райво решился. Карелы сидели отдельно от хускарлов, у своего костра. Доев порцию и не почувствовав вкуса, Райво собрал у родичей пустые горшки, поставил их

на тот, что был полон зелья, и понес к реке.

Путь его лежал как раз между двух новеньких лодий, сверкавших желтизной тесаного дерева, и бдительная стража встрепелась было, глянула грозно.

– Да мне сполоснуть... – буркнул Райво, демонстрируя посуду, и стражники расслабились. Ничего огнеопасного? Проходи!

Лодьи лежали на боку, так, что один из бортов был человеку по пояс. Райво покачнулся, якобы удерживая падавшие горшки, и горячая смесь Навкратиса Афинского выплеснулась на грубо оструганные доски палубы. Порядок...

Тем же манером Райво облил борт соседней лодьи и плюнул на пролитое. Жидкость зашипела, потянулся едкий дымок...

Райво спустился к берегу и зачерпнул пустым горшком воды.

– Горим! – заорали от костров. – Лодьи горят!

Крики тревоги разнеслись по лагерю свеев, поднимая переполох. Один из стражников выскочил на берег и крикнул Райво:

– Эй! Воды, живо!

– Щас! – с готовностью отозвался Райво.

А лодья, подожгла кою его слюна, уже горела жарким пламенем. Подбежав, Райво сделал вид, что споткнулся, и плюхнул водичку на лодью по соседству. Брызги упали на зелье и заскворчали, завились сизым дымом.

– Лей! – рявкнул стражник. – Косорукий!

Райво ливанул. Полыхнуло так, что стражник отшатнулся.

– Ты что льешь, скотина?! – заверещал он, прикрываясь рукой от жара.

– Воду! – вытаращился Райво. – Да вот же!

Он сунул горшок стражнику под нос. Стражник сунул руку, понюхал пальцы. Действительно, вода!

– А в этом что?

Стражник погрузил мокрую ладонь в горючку и заорал благим матом – кисть его горела. Огонь торопливо и жадно пожирал плоть. Стражник завертелся, пытаясь обтереть руку о потную рубаху – вспыхнула и рубаха. Райво не стал дожидаться, пока горшок с горючкой сожжет его самого, и перекинул сосуд на третью лодью. Горшок возгорелся в полете. Шар яркого огня пал на лодью, прокатился по доскам от борта до борта.

– Горим! – заорал Райво.

Подбежавшие свеи ничего не могли понять: на земле выл и корчился хускарл, поглощаемый жарким пламенем. Пригнанный карел плескал на него воду из реки, а огонь только пуще разгорался.

– Не берет вода! – закричал Райво. – Смотрите!

Он вылил остаток воды на лодью. Огонь, расплзавшийся по палубе, подкрепился и загудел, разметался, набирая силу.

– Дурак! – заорал на него викинг с бельмом на глазу. – Больше надо воды!

Подхватив котел с остатками каши, он добежал до берега, набрал воды и подтащил, с натугой переваливая через борт. Пламя заревело, терзая доски и брусья, охватило всю палубу, протекло струйками по осмоленным бортам. Викинг, побледнев, оступил.

– Колдовство! – взвизгнул он и вперил мосластый палец в Райво. – Это он наколдовал, финн проклятый!

Свеи, обрадовавшись, что им, наконец, указали на врага, взревели громче пламени. Десятки рук ухватились за Райво.

– К конунгу его! – орал бельмастый. – Врежем колдуну орла!

– Вер-рна! – взревела толпа.

– Вы чего?! – вопил Райво. – Я ж свой!

Но толпа не слушала его. Толпа остро нуждалась в жертве, на которую можно списать ротозейство охраны.

Эйрик конунг сам выбежал на берег.

– Что?! – побледнел он, завидя пылающие лодьи, и проскрежетал: – Кто?!
– Вот! – с торжеством доложил бельмастый, швыряя на землю Райво. – Колдуна словили! Водой жег лодьи!

– И Оттара спалил, гад такой! – выкрикнули из толпы.

Конунг аж посерел от злости.

– Лодьи жечь, т-тварь?! – выдавил он. – На кол его!

Толпа взвыла от восторга. Пара хускарлов кинулась исполнять приказ.

– Заострите хорошенько! – командовал Эйрик Энундсон. – И салом смажьте – хорошо пойдет!

– Га-га-га-га! – зашлась толпа.

– Не виноватый я! – взвыл Райво, извиваясь в крепких руках великана Белого. – Да какой с меня колдун, вы чего?! Гляжу, загорелась лодья! А Оттар и кричит – туши, мол! Лей! Я и лью!

– Врет! – забасил Дюк Славянин. – Лично видел, как он плюнул на палубу – и сразу дым.

Толпа загомонила, исходя злобой. Больше всего свеи хотели покинуть пределы Гардов – вместе с добычей, разумеется! И вот какой-то чудодей из «этих финнов» палит их лодьи. Их надежды, их мечты... Да как такое простить?!

– Это я вру?! – зарычал Райво. – Ах ты, хряк свейский!

Он вытянулся и харкнул на Дюка. Викинг завизжал, отпрыгивая и с ужасом глядя на плевков, стекавший по кольчуге. Райво захохотал:

– Что – испугался?!

Эйрик Энундсон поднял руку, и гвалт утих.

– Так и быть, – сказал конунг с бледной улыбкой, – мы не будем сажать тебя на кол!

Ропот прошел по толпе.

– Мы врежем ему орла! – гаркнул Эйрик, и войско зашумело, поддерживая и одобряя своего вождя.

Райво побледнел. Надежды на избавление угасли в нем, осыпались золой. Он выпрямился и в упор посмотрел на Эйрика.

– Мою муку я приму, – сказал Райво, – вытерплю, докуда смогу. А ты, сволота венчанная, так ничего и не понял! То не я пожег ваши корыта, а боги. Не любы вы Перуну!

– Ах, вот как! – заговорил ласково Эйрик. – Если Перун так могуч, чего ж он не пожег всех нас?

– А зачем? – ухмыльнулся Райво. – Боги забавляются. Им приятно наблюдать, как тает твоё войско, конунг! Как твои хваленые викинги каждый день обсераются от страха, находя дозорных прирезанными. И боги ждут, когда варяги разделаются с вами. О, им недолго ждать! Слышите, вы, сыны свиней?! – возвысил голос Райво. – Всем вам выпустят кишки! Все вы сгниете в гардских землях, ибо никому из вас не разожгут последнего костра! А ты, конунг долбанный, может, и вывернешься – больно скользко! – но попомни мои слова: я уйду к предкам мужчиной, а вот ты не нужен более ни одной женщине!

– Заткнись! – трубно взревел Эйрик.

– А я все сказал, – хладнокровно сказал Райво.

– Ты будешь жалеть о своих словах, – измолвил, сдерживаясь, Эйрик. – Но недолго!

– Да пошел ты... – выцедил Райво.

В нем родилось удивительное ощущение инобытия – словно и не его собирались казнить лютой казнью, а другого Райво, а он стоит рядом, не видимый ни для кого, и смотрит, жалеючи.

– «Красного орла» этой падали! – прорычал Эйрик.

Райво схватили и положили лицом вниз на огромное бревно, заготовленное для кили лодьи.

– Дозволь мне! – попросил Дюк Славянин.

– Давай... – буркнул Эйрик, впадая в черную депрессию.

Дюк вытащил нож и встал над Райво.

– Приступай, смельчак! – подбодрил его Райво. – Не бойся, я же привязан!

Дюк оскалился и воткнул лезвие ножа в голую спину Райво. Воткнул неглубоко, рядом с хребтом. Медленно, одно за другим, отделил ребра. Райво не вскрикнул, только утробный сип выдавливался у него из гортани, да пот катился по белому лицу. Дюк вырезал косточки и с другой стороны, сунул пальцы под трепещущую плоть, сочащуюся кровью, и вывернул ребра наружу. А потом показал «кровавого орла» – ухватил пальцами розовые легкие Райво и вытащил их со спины, будто крылышки. Райво хотелось выть, но не было воздуха в скомканных легких. А потом сердце Райво разорвалось, не выдержав боли.

Глава 17

Кнорр купца Удо потихоньку выгребал в море – и окунался в туман. Скоро уже все окружающее растворилось в белесой мгте. Звуки делались глуше, сырой воздух отдавал солью и водорослями. Олег стоял, держась за мачту, и пытался хоть что-нибудь разглядеть за «дымовой завесой», но тщетно.

Покашливая, приблизился Удо сын Онева. Купец сутулился и выглядел больным.

– Опять все отсыреет... – ворчал он. – Где солнце? Хоть Хорсу молись!

Неожиданно он схватил Олега за правую руку, кто-то, подкравшись сзади, заломил левую, а третий неизвестный ловко выхватил Олегов меч из ножен. Сухов отчаянно рванулся, и его с размаху припечатали спиной к мачте.

– Не балуй! – спокойно посоветовал Удо, разглядывая поданный ему хазарский меч. – Ничего, так, клиночек. Острый...

И он ловко срезал у Олега с пояса кошелек.

– Пусти, сука! – крикнул Олег в бешенстве.

Удо посмотрел на него с укоризной.

– Ругается еще... – вздохнул он и ударил кулаком под дых, коротко, без замаха.

Олег задохнулся на мгновение и ответил, ногой съездив купцу по коленке.

– Ай!

Морщась, Удо отпрыгнул и протянул руку в туман, требовательно пощелкивая пальцами. Из тумана протянулась рука дающего, держащая кнут.

– Экий бычок норовистый! – добродушно проговорил Удо. Замахнувшись, он стегнул Олега, распарывая ему рубаху. Поперек груди набухли капельки крови из рассеченной кожи.

«Только бы грамотку не задел!» – мелькнуло у Сухова.

– Продолжать? – спросил Удо с прежним добродушием.

– Довольно...

– Я тоже так думаю, – согласился Удо. – Боос! Чамота! На весло его!

Два здоровенных морехода, державших Олега, провели его на нос и усадили на скамью у правого борта. Худой, но жилистый старикан с отрезанными мочками ушей и татуировкой на щеке, толстым кожаным ремнем ловко привязал левую ногу Олега к скамье и затянул хитрый узел.

– Людей нехватка, – объяснил Удо, жуя новый кусок сала. – Что сидишь? Гребь давай!

Косолапый, перекособоченный Боос выразительно щелкнул бичом. Олег выстроил трехэтажную конструкцию из самых отборных матов, но на Удо с Боосом его монолог не произвел особого впечатления.

– А с тобой что делать будем? – повернулся Удо к Пончику.

– Пончик! – крикнул Олег на русском образца двадцатого века. – Прогибайся!

– Не вели казнить! – завопил Пончик, падая на колени. – Лекарь я! Пригожусь тебе!

– Лекарь, говоришь?.. Правду ли баешь?

– Проверь!

– Хм... – глубокомысленно выразился Удо, поискал и нашел решение вопроса: – А вот

у меня в горле першит! Лечи, давай!

– Это мы мигом! – засуетился Пончев.

Бросившись к своей сумке, изрядно похудевшей за время пути, он нашел сушеную малину и потребовал:

– Вода потребна! Чашу хорошую, и чтобы кипяток!

– Борис! – гаркнул Удо. – Нагрей лекарю воды!

– Много ли? – раздалось тягуче из тумана.

– С полкотелиа!

– Подождать надобно...

Олег сцепил зубы и стал тягать весло. Прямо перед ним шевелились лопатки впередисидящего гребца. Всякий раз, наклоняясь вперед, гребец сгибался так, что у него проступали все позвонки, напоминая гребень земноводного. А когда разгибался, на Олега накатывал тяжелый дух давно не мытого тела.

– А мы точно в Старигард идем? – спросил Сухов.

Впередисидящий глянул на него краем глаза.

– Точно... – буркнул он.

– Тогда ладно! – сказал Олег. – Потерпим!

Солнце поднялось повыше, и туман стал редеть, открывая морские дали. Кнорр шел, забирая к северо-западу. Берег по правому борту не пропадал из виду, так и тянулся волнистой полосой, а слева стелилась песчаная коса, близнец Неринги, и казалось, будто покрывшие ее сосны росли прямо на волнах. Задул ветер с юга. Боос с длинным как жердь Чамотой поднял парус, и гребцы убрали весла.

– Вскипело! – высунулся из-за мачты мордатый Борис. – Кому тут полкотелка?

– Мне! – отозвался Пончик. – Чашки есть?

– А то!

Борис покопался в сундучке с посудой, погремел и достал глиняную чару.

– Во!

– Пойдет! – бодро сказал Пончик.

Запарив в чаре малину, он дал выпить настою Удо и велел купцу закутаться.

– Ух ты! – изумился тот, выхлебав снадобье. – Враз потом прошибло!

– Вот сиди и потей! – сказал Пончев назидательно. – С потом хворь выходит!

– Ладно тогда, – смиловившись хозяин корабля. – Живи!

– Благодарствуем! – поклонился Шурик, пряча гримасу.

Потекли часы плавания. Кнорр обогнул широкую песчаную косу, прикрывавшую Эстмере, и вышел в открытое море. Там сменили курс, повернув на запад, и парус пришлось опустить.

– Весла на воду! – распорядился Удо, потев под толстой кошмой. – Живо!

Гребцы мигом окунули весла и налегли.

Последним к работе приступил Олег. Сидел он ближе всех к форштевню, потому и весло ему досталось самое длинное и тяжелое. На варяжской лодье место это считается почетным, его занимают лучшие бойцы, а на кнорре такая «честь» больше схожа с наказанием. Со своей скамьи Сухов видел всю палубу, до самой кормы, где горбатились такие же рабы, как и он. Рабы? «Мы не рабы, – усмехнулся Олег, откидываясь с веслом, – рабы не мы! Я вам еще устрою...»

Кнорр не уходил далеко в море, не удалялся от берега, занесенного дюнами, с островками сосновых лесков. Поморье. Померания. Поляки пока только принимают к запаху моря, но скоро уже предки заносчивых шляхтичей устремятся к этим берегам.

Ветер переменялся, дунул с севера. Рей толчками пополз на мачту, хлопая раздуваемым парусом, и гребцы снова убрали весла, откинулись к бортам, сипло вдыхая соленый воздух.

Гребец, что сидел перед Олегом, спросил глухо, не поворачивая головы:

– Как звать тебя? – Его русский был далек от совершенства, но внятен.

– Звать Олегом.
– А мое имя – Прийду, – представился товарищ по несчастью, – я из племени эстов.
– Слушай, Прийду, – тихо заговорил Олег, – а тебе не приходило в голову, что кнорр можно захватить? Пустить Удо и всю свору рыбам на корм и самим плыть? Или в пираты податься!

– Пир... что?

– Ну, как их тут называют... «Тигры моря»! «Морские братья»!

Прийду прыснул в мозолистый кулак и захихикал, мотая нечесаной головой.

– А Удо кто, по-твоему? – еле выговорил он. – Он и есть морской брат. Его по всем берегам знают. Он по Висле шнырял, набирал товар. А потом арабам все продал – дюжину славянских невольниц. Моравок, чешек... А теперь отдыхает Удо, плывет в Старигард, янтарь везет. А ты, как последний тупица, сам полез к нему на борт! Подумал бы, ну кто на Висле пристаёт к берегу, если не разбойник?

– Во как...

– Да, вот так. А ты, я вижу, задиристый, не сидится тебе! Так я недосказал о том, кто был до тебя. Звали его Глеб, выступной был... Кинулся вчера на Удо, а тот ему – раз! – и голову с плеч. И за борт, рыбок твоих кормить...

– И что это меняет? Да будь он хоть сэконунгом! Что, так и будешь за веслом сидеть?

– А куда ты бежать собрался? – разозлился Прийду. – В море прыгнешь? Давай! Сигай. До Гардов отсюда, знаешь сколько топать?

– Знаю, – коротко сказал Олег и смолк.

Что проку тратить слова на раба, страшащегося выйти из рабства? Быдло, оно и есть быдло. Вопрос в том, как ремень кожаный перерезать... Крепок, зараза! Сырой был, когда вязали, а теперь усох, и узел затянулся, твердым стал, будто из кости выточен.

Стемнело, и Удо приказал править к берегу. Кнорр завели в устье крошечной речушки и привязали канатами к деревьям. «Морские братья» сошли на берег, развели костры, подвесили над огнем котел. А гребцов оставили ночевать на палубе, на всякий случай связав руки.

Олег сидел у борта, нахохлившись. Злость то разгоралась в нем, то пригасала, прячась, как угли в пепел. Что сейчас в Гардах творится? Кто взял верх? Может, все уже, и наши разбиты? В летописи было сказано, что Рюрика призывали, но вот даты везде разные указаны – выбирай любую! И не окажется ли прав Нестор, назвавший 862 год? Сейчас же все от него, от Олега, зависит. Надо бежать, скакать, лететь к Рюрику, а как?

– Чтoб вас всех...

Ночной ветер донес до Сухова запах с берега. Это был запах мясной похлебки. Как есть хочется... Рабы беспокойно заворочались, завздыхали. Если их и накормят сегодня, то достанутся им лишь объедки. Двое дозорных перебрались с берега на палубу и разлеглись, лениво споря, высасывая, судя по звукам, мозг из кости и обгрызая мякоть.

Вдруг Олег заметил третью тень, смутную, застывшую мачту, на гладком дереве коей плясал блик костра.

– Олег! – тихо позвал Пончик. – Ты где?

– Здесь я! – откликнулся Сухов.

Пончев двинулся на голос, нащупал Олегово колено и опустился на палубу.

– Держи, – сказал Пончик шепотом.

Связанные руки Олега ощутили что-то липкое и теплое.

– Что это?

– Мясо.

Больше ничего объяснять Сухову не нужно было. Нашупывая зубами мясо, он вгрызся в сочный кусок, испытывая наслаждение от тупого поглощения пищи.

– Слушай, Олег, – зашептал Пончик Сухову на ухо, – я там подслушал... Короче, где-то через сутки мы подгребем к Йомсбургу, это город такой, в устье Одры...

– И что? – промычал сын Романа с набитым ртом.

– Вот...

Сухов ощутил касание холодной стали – Шурик сунул ему нож за короткое голенище сапога.

– О'кей! – шепнул Олег словечко, неведомое в этих временах.

Минули сутки. Унылые берега Поморья все так же тянулись по левому борту, угнетая своей пустынностью. Один лишь раз забелели жалкие домишки местных рыбаков, и снова пустоши, снова битые ветрами сосны, снова навеянные дюны. К вечеру ветер стих, и до устья Одры добирались на веслах. Ночь простерлась над морем, пала темень, в которой перемешались и стали неразличимы суша и вода, но Удо опоздание не пугало. Скоро Олег понял, почему.

Когда кнорр достиг тех мест, где Одра впадала в море, на горизонте ярко засветился «горн вулкана» – йомсбургский маяк. Величайшая редкость на севере, маяк не поражал архитектурными изысками – обычная башня, рубленая из дерева, только самый верх был обмазан толстым слоем глины и выложен камнями. Всю ночь на площадке «горна вулкана» жгли большой костер, посылая сигнал плавающим и путешествующим – здесь гавань!

Йомсбург вообще был необычен. Занимая место в коренных землях вендов, Йомсбург оставался колонией норманнов, их так и звали – йомсвикинги. Как они уживались с воинственными вендами? Да неплохо уживались. Велений рейксов и жрецов-гриве вендских слушались, но и своего не упускали. Как только вендский рейкс объявлял военный поход, йомсвикинги были тут как тут. Дорестада грабить? Любо... Гамбург брать? Лады... Но никогда йомсвикинги не дрались с варягами, что с гардскими, что с местными, вендскими. Почему? Да потому что все попеременно звались «тиграми моря» и, будучи «морскими братьями», не выясняли особо, кто из них полосатее. Шли на abordаж одной толпой и добычу делили по-братски.

К пристани кнорр подтащили на буксире – к борту подвалили две большие лодки, Удо сунул в каждую по дирхему, и невидимые во тьме гребцы рьяно взялись за дело – зацепили кнорр канатами и погребли. Бревенчатый причал был высок, задираясь выше борта кнорра. На берегу, освещая стены крепости, горели костры, металась тень, слышались голоса.

– Комит ут!

– Велькомнир, Удо! Дрека?

– Йа! Оль ок свинакьот!

– Яйе, куннинги! Пу скалт дрека мед мер!

– Йа, готт ок вель!⁷⁶

Народу было много, и Удо не стал связывать рабов на ночь: куда они денутся в городе, где каждый второй – воин?

Олег терпеливо ждал, пока шумство на пристани поутихнет, но напрасно. Пьянка-гулянка только набирала обороты – у костров уже запевали, кое-где и приплясывали, разогретые спиртосодержащими напитками.

Сухов пригляделся к гребцам. Рабы спали. Лежали вповалку на голых досках и дрыхли. Правильно, когда спишь, не хочется есть...

Осторожно выудив ножик, Олег принялся перепиливать ремни, стянувшие его ногу. Кожа была как дерево, поддавалась лезвию туго, но уступала понемногу. Все!

Сухов осторожно приподнялся, высматривая Шурика. На фоне светлого шатра, натянутого над палубой позади мачты, шевельнулся силуэт. Ага!

Осторожно ступая, приблизился Пончев.

– О... – слетело с его губ, начиная имя друга.

– Тсс!

Тень Пончика истово закивала головой. Олег поставил ногу на качавшийся борт,

⁷⁶ Разговор идет на старонорвежском.

подтянулся и шагнул на причал. Следом, шумно сопя, перебрался Шурик. На глазах у пьяных йомсвикингов бегать и метаться было нельзя. Воины есть воины, мигом протрезвеют, углядев подозрительное движение. И Олег пошел вразвалочку, лениво загребая ногами и удаляясь в тень ближайшего строения – то ли амбара, то ли лодочного сарая. Пончик пристроился следом.

– Куда это вы намылились? – грянул Боос, выходя из тени.

Олег полоснул ножом, задев руку пирата, и тот взвыл.

– Бежим!

Олег дунул, огибая сарай, оказался на узкой темной улочке. Пончик поспешал следом, а позади слышались азартные вопли и топот догоняющих.

Улочка выводила на улицу пошире, залитую светом наиярчайшего фонаря – луны. Эта улица была пустынна, а склады, обступавшие ее, не имели окон. Олег помчался по ней, высматривая хоть малую щель между складами, но те стояли впритык. Он добежал до высокой бревенчатой стены крепости и понял, что пропал. Дальше ходу не было. Тупик. А погоня уже вырывалась на улицу, вопли мешая с гоготом и руганью, размахивая факелами и оружием. Завидя Сухова с Пончевым, прижавшихся к крепостной стене, «морские братья» взревели.

– Будешь моим заложником! – быстро сказал Олег, захватывая шею Пончика сгибом локтя и приставляя нож. – Ори давай!

– Спасите! – закричал Шурик. – Помогите!

– Громче!

– А-а-а! – возопил «заложник». – Удо! Спаси! У-у-у!

Усатые и бородатые морды, подсвеченные огнем факелов, остановились в шаге от беглецов. Вперед вышел Удо.

– Не устерег я тебя, – ухмыльнулся он.

– Отойди! – крикнул Олег, отыгрывая роль. – Не то я прирежу твоего лекаря!

– Удо-о! – захрипел Пончик, очень артистично трепыхаясь и брыкаясь.

– Отпусти лекаря, – велел Удо, – и тебя не тронут!

– Врешь!

– Я сказал... – с угрозой начал Удо, но Олег отшвырнул на него Пончика и кинулся в сторону. Он и не думал совершить попытку к бегству, просто надо было создать алиби Пончику. Нельзя было, чтобы их обоих посчитали беглыми... Удар дубинкой по голове погасил сознание.

Очнулся он от пинка, грубого пинка сапогом по ребрам, отдавшегося в голову. Олег застонал и сел. Не раскрывая глаз, ощущал затылок и сразу обнаружил здоровенный желвак, пульсирующий болью. Олег открыл глаза и увидел прямо перед собой засмальцованные порты Удо. Нога поганого венда нетерпеливо притоптывала. Олег поскорее встал, не дожидаясь, пока Удо еще разок влепит ему по организму.

– Очухался? – с прежним легким добродушием спросил Удо и усмехнулся. – А ты тот еще фрукт. Как чесанул! Чуть лекаря моего не прирезал, друга своего!

«Проверяет, что ли?» – подумал Олег и процедил на всякий случай:

– Чтоб он сдох, твой лекарь!

– Ай-ай-ай! – притворно вздохнул Удо и резко сменил тон: – Запомни на будущее, когда опять вздумаешь убежать. Бить тебя больше не будут. Для таких упорных, как ты, есть средство получше. Я с тебя, со скота, шкуру спущу и выброшу в море, освежеванного! В соленое море! А ты у нас парень здоровый, живой еще будешь во время купания и померешь не скоро! Пока кровь спустишь рыбкам, пока чайки тебя обклюют... Сначала они глаза выклеивают, потом уже остальное-прочее... Ты меня понял?

– Я тебя понял, – подтвердил Олег, пообещав себе убить эту сволочь, как только представится возможность.

– Хозяин! – подлез Пончик. – Лучше его не трогать! Ведун он, с нечистью знается! Его так и звали у нас – Вещим! Он будущее ведает!

– Да ну?! – заинтересовался Удо, вовсе не испуганный Олеговыми связями в потустороннем мире. – И смерть мою предсказать можешь?

– Могу, – усмехнулся Олег. – Острая сталь остановит твое сердце, Удо, и выпустит всю черную кровь!

Взгляд Удо чуток изменился – не страх, но опаска засветилась в глазах венда тревожным огоньком.

– И скоро мне ее выпускать? – спросил он с напускной небрежностью.

– Где-то на этой неделе! – ухмыльнулся Олег, прикинув, что скоро они придут в Старигард, а там уж, хочешь не хочешь, а бежать с кнорра придется. Он должен доставить бересту по назначению, должен! Иначе за что сгинули Асмуд и Крут? А в Гардах ждут и надеются... И Улеб, и Валит, и Рада, и все-все-все...

– Плюссо! – рявкнул Удо. – Подь сюды!

Подбежал мужичонка с татушкой на щеке и поклонился.

– Этого – на цепь! – буркнул Удо.

Боос с напарником усадили Сухова на скамью, и Плюссо вддел Олегову ногу в железное кольцо с цепью. Скрепил кольцо клепкой и четырьмя точными ударами сковал. Другой конец цепи удерживался огромным шурупом, вкрученным в палубу. Удо лично подергал цепь – держится! – и двинулся на корму. Выждав, пока «морские братья» отойдут подальше, Пончик быстро проговорил:

– Завтра вечером мы прибудем в Старигард!..

– Достань мне какой-нибудь прутки железный, – попросил Олег, – типа отвертки, костыля или гвоздя большого!

– Я попробую! – дал Пончик обещание.

– Весла на воду! – заорал Удо с кормы. – Поднять парус!

Сцепив зубы, Олег ухватился за рукоятку весла и сделал хороший гребок. Еще не вечер!

Кнорр сделал крюк, огибая остров Руян, а когда проходили северный мыс, Олег впервые увидел Аркону, священный город вендов, неприступную крепость, воздвигнутую на белых скалах. За стенами этой цитадели скрывалось главное святилище бога Свентовита, покровителя Виндланда. И Удо, пользуясь близостью святыни, принес жертву Свентовиту, а заодно морскому богу Эгеру и супруге его Ран – выбрал самого старого из гребцов и вырезал тому сердце. Сочащийся кровью миокард Удо посвятил Свентовиту, а труп скинул в море, взывая к Эгеру с просьбой о милости. Рабы, с ужасом пронаблюдав жертвоприношение, гребли так, словно шли на побитие мирового рекорда.

– Что, страшно стало? – насмехался Олег, работая вполсилы. – Вкалывайте, вкалывайте...

Прииду сопел только, но сопел очень выразительно, почти членораздельно.

Под вечер рабам дали роздых, а заодно обнесли скудным ужином – по хвосту жареной камбалешки в одни руки и по сухарю каменной твердости. Питье было на всех – ведро кислого кваса. Квас принес Пончик. Разливая пойло по щербатым чашкам, он протянул Олегу его посуду. Олег принял чашу и ощутил под пальцами холодный стержень. Перехватился, глотнул кислятины, переморщился... И лишь потом разглядел инструмент, подсунутый Пончиком. Это был кривоватый прутки квадратного сечения. Не ломик, не монтировка, но все же будет чем вывернуть чертов шуруп.

Солнце едва село, когда справа по борту открылась земля. Слева тоже что-то такое виднелось, но ограниченных очертаний. Остров, наверное.

– Скоро Старигард, – пробормотал Прииду, косясь на Олега. – Подходим уже...

– Отлично! – ухмыльнулся Олег. – Мне здесь сходить!

Прииду ничего не сказал, только плечом повел, будто прикрываясь.

Старигард не стоит на самом берегу, он расположился чуть подальше, в глубинах материка, но глубокая речушка, раскопанная под судоходный канал, соединяла стольный

град страны вендов с морем. Стража, почивавшая на входе в эту копанку, помахала кнорру белой тряпкой – проходите, дескать, вход свободен.

– Парус спустить! – скомандовал Удо. – На веслах – смотреть в оба!

– Дождешься... – пробормотал Олег, нагибаясь и просовывая прут в кольцо, которым оканчивался шуруп. Дело шло туго, видать, приржавел шуруп. Олег поднатужился... Пошло! Чем дальше, тем легче выкручивался. Готово...

А кнорр как раз входил в устье канала. Достаточно узкий, канал-река был глубок и шел прямо, без извивов. Берега его не поражали бурлением жизни – не набережная, чай, – но купы деревьев оживляли склоны, то крутые, то пологие. Когда берег понижался, становились видны домики в отдалении, изгороди, бредущий скот. Дорога, вильнув, приближалась к каналу, и глазам давались прохожие и проезжие.

Олег долго ловил взгляд Пончика, поймал, наконец, и кивнул. Пончик, заметно побледнев, опустил глаза – понял, дескать. Вот, удобное место!

Олег привстал, сердце у него заколотилось. Берег правый выступал, словно приглашая сойти. Олег решительно опустил весло в воду. Гребцы с левого борта упирались по-прежнему, и весло-тормоз сработало – кнорр повело вправо.

– Ты что творишь, собака?! – рявкнул Удо, появляясь совсем рядом, как чертик из коробки.

Олег быстро поднялся, и венд вытаращился на него, ибо стоять прямо прикованному было невозможно: не пускала цепь. На целую секунду Удо впал в растерянность, и этого времени Олегу хватило в достатке. Ухватившись за шуруп, он с силой всадил его венду в грудь и вкрутил рукой для надежности.

– Предсказание сбылось! – выдохнул Олег и отпихнул Удо. Венд упал, натягивая цепь. Шуруп выскочил из пробуравленной им груди, и тут же выплеснулся фонтанчик крови. Удо скрючился и медленно разогнулся, вытягиваясь и костенев не по-живому. Гребцы вскочили, заорали, оторопевшая команда бросилась на нос, а Сухов продемонстрировал цирковой номер – шевельнул веслом, опуская лопасть на выступ берега, вскочил на борт и сбежал по веслу вниз. Не бог весть какой талант – варяги бегали по веслам в бою, и не на тихой речушке, а в море. Вот где эквилибр!

– Пончик! – гаркнул Олег.

Не оборачиваясь, он на четвереньках взобрался на откос и перекатился на траву. Следом над обрывом показалась голова Пончика.

– Руку!

Выдернув товарища наверх, Олег обернулся. Кнорр прибило к берегу, и половина команды ринулась в погоню. Другая половина растеряннотопталась по палубе, поглядывая то на убитого, то на «братьев», кинувшихся вдогон убийце.

– Бежим!

Олег помчался по дороге, не чуя ног. Казалось ему, что пятки вовсе не касаются пыльной дороги, а месят воздух, такой ощутимо плотный.

– Хорошо, что у них луков нет! – прокричал Пончев.

– Наддай! – ответил Сухов. – Наддай!

Он обошел на повороте повозку, груженную сеном, и ринулся через толпу землепашцев, волокущих в корзинах за плечами овощи и прочие сельхозпродукты.

– С дороги!

Распихав заторможенных аграриев, Олег рванул дальше, а ошеломленные аграрии, придя в себя и сильно обидевшись, излили свою злость на «морских братьев», догонявших Олега, встретили их пинками, тумаками и нехорошими словами. Разъяренные пираты раскидали земледельцев, но время было упущено. Беглецы скрылись. Поорав, помахав руками, «морские братья» припустили обратно к кнорру, видимо опасаясь, что ценный груз поделят без них.

– Ото... рвались... – сказал со всхлипом Пончик.

Олег глянул в щель дровяного сарайчика, который стал им убежищем, и кивнул.

– Ушли вроде...

– Сюда кто-то идет!

Дверь сарайчика резко отворилась, и внутрь зашел огромный мужик, широкоплечий, с косматой головой. Рукава его были закатаны, оголяя могучие конечности с вьевшейся угольной пылью.

– Ну? – прогудел он. – И что все это значит?

Олег подумал и решил не темнить.

– Удо, сына Онева знаешь? – спросил он.

– Да кто ж его не знает... – усмехнулся мужик.

– Я убил его!

Мужик крикнул и почесал в затылке. Хмуро осмотрел цепь, которую Олег держал в руке, и кивнул.

– Пошли в кузню, – пробурчал он.

Они вышли во двор, заросший травой. Раздвигая стебельки и соцветия, двигалась гусиная вереница. Справа горбатились сарай, белела березовая поленница. Слева кривился колодезный сруб, валялось тележное колесо. А прямо по центру торчала кузня.

В кузне было сухо и жарко. Горн пылал, наполняя воздух запахом горящего угля, заготовка краснела накалимом.

– Ты коваль? – спросил Олег.

– Да вроде... – проворчал кузнец. – Зовут Кадимом.

– А я Олег.

– А меня Пончиком кличут!

Кадим покивал космами и сказал:

– Ногу сюда!

Взяв зубило и молот, кузнец в два счета расковал Олега, растянул руками кольцо и бросил цепь в угол, где валялась целая груда металлолома.

– И куда путь держите?

– Нам надо в город, – сказал Пончик. – Очень.

– Ищите кого? – прищурился Кадим.

– Рорика сына Регинхери! – отдельно произнес Олег.

Кузнец только глаза выпучил.

– Серьезно?

Сухов кивнул:

– Нас послали к нему. Поможешь в город пробраться?

– А дело доброе? – все еще сомневаясь, спросил Кадим.

– Самое что ни на есть!

– Ладно – что с вами делать... Только запомните одну вещь: убив Удо, вы нажили себе врага.

– То есть?

– У старого Онева было два сына – младший Удо и старший Пирагаст. И старшенький не успокоится, пока не покарает убийц брата. И наверняка вас уже ждут у городских ворот.

– Цепь была особой приметой, – улыбнулся Олег, – ты ее снял...

Кадим кивнул понятиливо.

– Бородами заросли вы, – сказал он в раздумье. – Ну, это мы сбреем... И переоденем! Пошли.

Солнце окрасило небо на западе в багряные тона, когда Олег и Пончик покинули гостеприимный дом Кадима. Подбородки бритые, волосы подравнены, в новых рубашках и при плащах – друзей стало не узнать. Хозяин вызвался их проводить.

– Города вы не знаете, – сказал он, – я проведу...

– Когда ж я тебе долг верну? – сказал Олег, улыбаясь.

Кадим усмехнулся:

– Дороги, бывает, и сходятся...

Путь до города был неблизок – верст пять. Олег и иже с ним спешили, ступая торопливо и широко, но не выделялись в толпе. В этот поздний час торопились все, а то закроют ворота городские – и жди утра!

Старигард выстроили на плоском холме. Он был окружен по кругу рвом, соединенным с каналом. Судов в канале было, что мусору. За рвом был насыпан вал, облицованный камнем, а на валу кругом шла городская стена, укрепленная башнями. С обоих берегов канала в город вели мосты.

Когда бревна моста загудели под ногами Олега, Кадим сзади сказал негромко:

– Видишь в воротах верзилу с хвостом? Это Пирагаст!

Сухов лениво пошарил глазами по башням, фланкировавшим ворота, и выхватил взглядом рослого здоровяка с длинными волосами, стянутыми на затылке в хвост. За Пирагастом стояли дюжие молодцы, готовые по первому знаку вожака кинуться и учинить расправу.

Олег миновал ворота, скользнув равнодушным взглядом по напряженному лицу братца Удо. Тут его сердце екнуло – он заметил за спиной Пирагасха Бооса, держащего над головой факел. Боос подносил огонь поближе к лицам шарахавшихся «гостей города» и всматривался в них. Сухов собрался внутренне. Тепло близкого факела коснулось его щеки, он недовольно отстранился. И пошел дальше. Боос не узнал его! Пончик тоже миновал заставу.

– Пронесло... – выдохнул он.

– Пошли! – сказал Кадим.

Они направились к центру города. Улицы Старигарда не были мощены и пылили изрядно, а уж какая тут слякоть бывает в дождь, можно себе представить. Дома вокруг стояли непривычного виду. Стены – каркасы из дубовых брусьев с заделанными глиной промежутками. Крыши тесовые, а двери резные.

– Дворец рейкса на площади, – сказал Кадим, – сейчас выйдем...

– Так у вас Рорик правит? – поинтересовался Олег.

– Молод больно, – ухмыльнулся кузнец. – Дядька его на троне, Ингорь Косой.

– Понятно...

Центральная площадь была не слишком большой, и почти всю ее занимал храм все того же Свентовита, круглый, под конической крышей, и весь покрытый резьбой. Каждый столб, доска, перекладина – все резное и расписанное красками. Площадь окружали бревенчатые или обшитые досками дома в два-три этажа, украшенные резьбой.

– Пришли! – Кадим указал на большой терем с лестницей, выходившей в маленький дворик. На ступенях дежурили стражники, вооруженные копьями и щитами.

– Куды? – лениво поинтересовался страж, опуская копье.

– Мы к Рорику! – объявил Олег. – С посланием от Улеба конунга, верховного князя Гардарики!

Страж очень удивился. Копье его заколебалось, словно повторяя раздумья хозяина: пропустить – не пропустить?

– Хватай убийцу! – заорали вдруг несколько грубых голосов. – Держи его!

Олег резко обернулся – на площадь выбегали «морские братья». Боос, Борис, Пирагаст, и еще кто-то, и еще...

– Ты, что ли, убивец? – поинтересовался страж.

– Я не убил, – зло ответил Олег, лихорадочно соображая, куда ему пробиваться, – я наказал сволочь Удо!

– Удо, сына Онева? – уточнил страж.

Сухов затравленно кивнул.

– Проходи! – сказал страж.

Совершенно оглушенный, Олег взбежал по лестнице, слыша за спиной знакомое:

– Куды?

– А ну, пропустил! – взревел Боос.

– Не велено, – ответил страж. – Гуляй!

«Морские братья» зашумели, но личную гвардию рейкса набирали из лучших бойцов, и драки не случилось.

– Здорово! – пропыхтел Пончик позади.

– И ты здесь?!

– А то!

– А Кадим?

– Он на лестнице дежурит. Обсказывает подробности.

– Ясно...

Поднявшись на крыльцо второго этажа, Олег храбро двинулся по центральному проходу и оказался в обширном зале, ярко освещенном факелами и целым рядом светильен. По залу бродили богато одетые венды, степенно беседуя или цедя вино из серебряных чар. И кто из них Рюрик? Олег подошел к двум молодым парням в тяжелых меховых плащах и спросил:

– Где я могу увидеть Рорика сына Регинхери?

Парни переглянулись, и левый сказал правому:

– С каких это пор в лучший дом города допускаются челядины?

Олег не выдержал и ответил:

– Тебе морду давно не били? Хочешь, чтобы я тебе освежил ощущения?

– Ах ты... – вспыхнул молодой.

– Спокойно, Хилвуд, – раздался голос, в котором пробивались властные нотки. – Ты кто таков?

Олег обернулся и увидел молодого еще человека, лет тридцати, с крупными чертами лица, твердого, словно рубленого, с широковатым носом. Лоб незнакомца облегал серебряный венец, украшенный горошинками бирюзы.

– Я имею честь видеть Рорика, сына Регинхери? – сказал Сухов церемонно.

Рорик слегка поклонился.

– Меня зовут Олег, сын Романа. Мне было поручено передать тебе грамоту от Улеба конунга.

Сунув руку в заглавник, Олег достал потертую, моченую и гнутую бересту. Рюрик с подозрением принял ее и сказал:

– Что-то с трудом верится, что мой тесть послал человека, мне неизвестного!

– А знаком ли тебе Асмуд хевдинг?

– Конечно!

– Он и был послан к тебе, рейкс. Он и Крут, сын Военег. Мы с товарищем, – Олег показал на Пончика, – лишь сопровождали их.

– И где Асмуд? – тяжело спросил Рорик.

– Убили его... Да ты прочти бересту! Свеи напали на Гарды! Альдейгу сожгли! И Улеб конунг велел идти к тебе, чтоб призвать на княжение!

Что-то дрогнуло в лице Рорика, но недоверие еще удерживало рейкса.

– Щас мы разберемся, кто он таков!

Цепкие пальцы Хилвуда впились в руку Олега. Сухов мигом сделал подсечку, и Хилвуд полетел на пол, обрушившись на доски, как вязанка дров. Его дружок выхватил меч.

– Прекратите! – прозвенел высокий женский голос.

Толпу растолкала красивая девушка в пышном одеянии из парчи и византийских паволок. Олег узнал Ефанду. Молодая жена Рорика, дочь Улеба конунга, тоже признала Олега.

– Я знаю его! – заявила она, указывая на Олега. – Видела его в Альдейге. Покажи бересту!

Рорик протянул грамоту жене. Он был несколько растерян.

– Отец писал... – пробормотала Ефанда, проглядывая текст. – И что ты стоишь?! – возмутилась она, вскинув глаза на мужа. – Тебя в конунги зовут, а он стоит!

Рорик расхохотался, и все присутствующие подхватили его смех, разряжая атмосферу

подозрительности и враждебности.

– Слушать меня! – загремел Рорик. – Гонцов готовить! Немедля! Слать в Ретру, в Йомсбург, в Подгард, в Ральсвик. По всем градам и крепостям весть разнести – Рорик собирает охочих до подвигов, умелых в битве и верных ему. Война свеям! Идем на Гарды!

Терем взорвался восторженным ревом. Война? Любо! А Олег почувствовал тяжелейшую усталость. Она гнула его, лишая малого остатка сил. Но долг он выполнил!

– Олег! – крикнула Ефанда. – Пошли, расскажешь мне, как там и что. И товарища своего бери. Ох, да вы, наверное, голодные? Сейчас я вас накормлю!

– Премного благодарны, – чопорно сказал Олег и добавил, переходя на обычный язык: – Господи, неужто все?! Дошел-таки!

Глава 18

Ефанда очень радовалась землякам. Олег устал рассказывать ей о житье-бытье Улеба конунга, сообщать устаревшие сведения и делиться свежими впечатлениями. Даже в горле пересохло. Но потом к ним присоединились первая и вторая жены Рюрика, Сфандра и Алафрида, и притащили с собой здоровенное блюдо-солило, приятно отягощенное жарким из гуся. Олег с Пончиком подкрепились, и посиделки закончились за полночь. Постелили гонцам в горнице с видом на храм Свентовита и дали выспаться, а утром Рюрик прислал своего оружейника, Карна сына Олимара, огромного, страшной силы человека, с бледными твердыми глазами навывкат и щетинистыми серыми усами, и тот повел Олега в арсенал.

Арсенал помещался в большом подвале под теремом. Сюда сваливали трофейное оружие, достававшееся при дележе добычи Рюрику, и Олег оценил жест рейкса, заглаживавшего вчерашний нелюбезный прием. Клинки, пылившиеся на дощатых столах и полках арсенала, были дорогими, сделанными лучшими мастерами Европы и Азии. Чего тут только не было! Мечи франкские, ромейские, арабские, индийские, персидские, китайские. Ножи, кинжалы, сабли, скрамасаксы, акинаки... Даже волнистый малайский крис попал в арсенал невесть из чьих рук. А какие ножны! Из тисненой кожи, с золотыми пластинками, усыпанные камнями...

– Да-а... – протянул Олег. – Выбор что надо!

Карн хмыкнул только и пригладил усы.

– Рейкс велел дать все, что попросишь, – хрипло вымолвил оружейник. – Проси!

Сухов замер, расширяя глаза. Среди клинков, отделанных золотом, скромно лежала катана – самая настоящая. Новенькая совсем, на деревянных ножнах, покрытых черным лаком, ни единой царапины.

Олег нежно подхватил меч, обжал ладонью длинную рукоять и потянул. Лезвие, отполированное до зеркального блеска, холодно сверкнуло, отражая свет факелов.

– Вот этот! – твердо сказал Олег, сын Романа.

Оружейник удивился и махнул рукой.

– Ну, это не в счет, – сказал он. – Возьми еще!

Олег порывлся и выудил кривой хазарский меч, напомнивший ему тот, булановский.

– Добрый клинок! – одобрил Карн. – Кривоват только... Но ты по руке гляди, как тебе сподручнее.

Примерив длинную кольчугу, тяжелую, склепанную из сотен скрипучих колечек, переливавшихся синим, Олег выбрал шлем по размеру, добротный викингский шлем с гребнем, с наносником и выкружками для глаз.

– Ну, все вроде! – довольно сказал он. – Хоть щас в бой!

– Не торопись, – ухмыльнулся Карн, – и доживешь до моих лет.

Выбравшись на свет, оружейник ткнул факел в бочку с песком и сказал:

– Погуляй пока, ранее вечера не отчалим.

– Поплывем на ночь глядя? – подивился Олег.

– Поплывем! – кивнул Карн. – К утру как раз у Арконы встанем...

– У Арконы? Я думал, мы в Альдейгу двинем...

– Ишь, шустрый какой! – усмехнулся оружейник. – Война – это дело серьезное, подхода требует. Надо, чтобы все было, как полагается, и чтоб конь Свентовитов победу предрек нам! А иначе что? Баловство иначе...

Про коня бога Свентовита Олег уточнять не стал.

– Ладно, – вздохнул он. – Пойду тогда, поброжу по городу. Никогда ж тут не был...

– Поброди, поброди...

Олег отнес доспехи и меч хазарский в горницу, оставив при себе лишь катану. Перевязи не было, пришлось сунуть ножны за пояс – собственно, так самураи меч и носили. В горнице Сухов застал Пончика – лекарь деловито набивал снадобьями медицинскую свою суму, укладывая мешочки, горшочки, туески.

– Каждому свое? – ухмыльнулся Олег.

– Угу... – откликнулся Пончик.

– Пошли погуляем?

Пончик подумал и кивнул:

– Можно!

Они вышли в средний коридор дворца, по коему металась челядь, и спустились по лестнице на площадь, приветствуя стражей, как давних друзей. Стражи одинаково качнули шлемами.

Олег чувствовал какое-то радостное волнение, радостное ожидание близких перемен, радостное облегчение: задание выполнено! Может, поэтому, расслабившийся и погрузившийся в мечты, он и не обратил внимания на хлипкого мужичонку в дырявой рубахе, подпиравшего стенку. Олег с Пончиком обошли храм Свентовита по кругу, и мужичонка покружил следом, как хвостик. Свернул Олег на радиальную улицу, одну из десятка, что лучами расходились от площади, и мужичонка потопал туда же...

– А сколько тебе исполнится в восемьсот восемьдесят втором? – спросил неожиданно Пончик.

Олег подозрительно посмотрел на него.

– Зачем тебе?

– Просто! – пожал плечами Пончик.

– Колись давай!

– Ну, господи, ты же сам мне рассказывал. Ну, по истории... Помнишь, как в летописи? Олег Вещий-де собрал рать, прихватив сына Рюрика Ингоря, и двинулся на юг. По очереди завоевывал города, а последним занял Киев, прибавив Аскольда с Диром, и заявил, что этот самый Киев – мать городов русских!

– Брехня! – отмахнулся Олег. – Ты ж смотрел по телику, как на выборах политехнологии отрабатывают? Ну вот... Заказ сделали монаху Нестору. Политический. Сунули деньгу, тот и рад стараться – пошел князя пиарить... Помнишь, с чего «Повесть временных лет» начинается?

– «Откуда есть пошла Русская земля?» – припомнил Пончик.

– Во-во! А дальше этот монах все с ног на голову переворачивает и говорит, что так и было! Русы уже третью сотню лет сплавляются по Непру, хватают славян и продают за наличные, то в Хазаране, то в Миклагарде. И тут появляется Нестор и заявляет, будто славяне и есть русы! И расселяет тех славян до самой Невы. Много ты славян видал в Альдейге?

– Ну-у... – затанул Пончик, соображая. – Человек десять... Ошкуя, Радима, Гудима, Мину...

– То есть трэлей!

– Ну да...

– Ну вот! Да никто о славянах до пятого века вообще слыхом не слыхивал, а потом они явились, не запылились. Наверное, вместе с гуннами прискакали, откуда-нибудь с Урала. Устроились на Дунае, а потом все Балканы заволокли.

– Ну могла же часть и на восток двинуться... – заспорил Пончев.

– По степи? Пончик, степь никогда не была без хозяина! А чтобы в те времена с Дуная до Днепра добраться, надо было пересечь земли Аварского каганата. Просто это, как ты думаешь?

– Нереально... – грустно покачал головой Шурик. – Тогда для чего Нестор так старался?

– А у здешних монархов бзик на преемственности! Они все выводят своих вождей то от Августа, то еще от кого. Видать, Святослав, Владимир, Ярополк и так далее не по праву троны занимали, вот и сыскали себе русских предков.

Олег прошел улицей до перекрестка и свернул на радиальную улицу – сплошные заборы, что слева, что справа.

– И чего в том Киеве делать? – продолжил он. – Что там есть такого, за что стоило бы держаться? Ничего ж там нет, кроме чернозема!

– Жито и сало – это тебе не абы что! – внушительно сказал Пончик.

– Ага! – усмехнулся Олег. – Дураком надо быть распоследним, чтобы Альдейгу на вшивый Киев менять! Альдейга на перекрестке стоит, там каждый год случается серебряный прилив – арабы валят с мешками дирхемов. Скупают меха, рабов и обратно плывут. Там же все вертится вокруг серебра и мехов! Все Гарды тем живут, за дирхемы покупая лучший европейский товар. И ты хочешь сказать, что Олег Вещий променяет звонкое серебро на кусок хлеба и шмат сала? Кстати, мне в восемьдесят втором стукнет пятьдесят два...

Дробный топот донесся сзади. Олег резко обернулся и заметил компанию крепких парнюг, быстро сокращавших дистанцию. Впереди узнавался скособоченный Боос.

– Стой! – заорал морской «братан».

– Бежим! – крикнул Олег и кинулся вдоль по улице. Он еще не дорос до того, чтобы в одиночку принимать бой с полудюжиной «тигров моря»!

– Да что они к нам пристали?! – простонал Пончик, весьма резво переставляя ноги.

Олег махом свернул в узкий проулок, из которого несло таким смрадом, что глаза резало.

– У них тут что, туалет? – прокричал Пончик, жмурясь.

– Кожевенная мастерская!

Они выбежали во двор, заставленный громадными деревянными чанами, полными щелока и куриного помета, в котором дубили кожи. Под большим навесом сушились шкуры, мокрые и дурнопахнущие.

«Морские братья» ворвались во двор, грозя ножами.

– Пончик, помоги! – крикнул Олег, ставя ногу на край чана, – даже капля того, что бухтело в емкости, проедает человеку кожу, кровенит язвочкой и долго не заживает.

– Руками не трогай! Ногой пихай!

Уперевшись пятками в чан, покрытый белой коркой, Олег с Пончиком напряглись и опрокинули емкость. Пенящаяся шипящая жижа выплеснулась на землю, потекла, поднимая облако едких испарений. «Морские братья» вляпались в зловонную гущу и бросились обратно, изрытая невероятные проклятия.

– Побежали!

Олег, почти не раскрывая глаз, помчался по переулку и вылетел на улицу, заставленную лавками сапожников, портных, кузнецов. Сюда же выходил храм, посвященный богине мести Немисе. Тут же, рядом со святилищем, высились большие поленицы дров и стога сена, выставленные на продажу. У ступеней, ведущих к узким и высоким дверям храма, толпились вдовицы и бездетные старцы, хромцы, слепцы, калеки, наперебой выпрашивая подаяние.

Купцы-франки и прочие христиане рядились у кругов перетопленного душистого воска. Юркие евреи приценивались к мехам, перебирая собольи шкурки в мешках из синей холстины.

– Не видно никого! – нервно сказал Пончик, оглядываясь. – Отстали вроде!

– Ч-черт... – хмуро выразился Олег. – Нашел место для прогулок...

Пробежав между возами с солью, Олег и Пончик смешались с толпой, и та вынесла их на центральную площадь. Площадь гудела. Множество людей, потрясая мечами и копьями, собралось у княжеского терема. На ступенях стоял Рюрик в накинутом на плечи плаще-корзне. Рубаха алого шелка облегла ладное сухое тело молодого рейкса; синие хазарские шаровары, расшитые серебром и жемчугом, были заправлены в красные сафьяновые сапоги; на широком поясе, украшенном крупными рубинами, висел меч в ножнах цвета крови, с частыми золотыми накладками. Рюрик толкал речь.

– ...Поганые свеи, отродья свиней и змей, напали на русских братьев! – гремел его сильный голос, зажигая массы. – Десять на одного! И не одолели русов! Теперь свеи охотятся за женщинами и детьми, обращая свободных в рабство, они насилюют и грабят, а с воинами не связываются. Трусы они? Нет, трусам духу бы не хватило напасть на Гарды. Свеи – наглые воры! Они награбили столько добра, что не вступают в сражения, боясь потерять отнятые богатства. А теперь вспомните! На наши земли приходили саксы и датчане, и что бы мы делали без помощи варягов из Гардарики? Мы вместе гнали прочь тех, кого не звали. Теперь пришел наш черед. Соединим силу варяжскую и ударим по свеям так, чтоб они пропотели кровью!

– Любо-о! – взревела толпа.

Олег, правда, подумал, что вовсе не «исполнение интернационального долга» подняло настроение добровольцев, а желание отнять награбленное свеями.

– Лишь бы этих гадов прогнали, правда? – громко сказал Пончик, коего посетили те же сомнения, что и Олега.

– Правда, – кивнул Сухов.

К ним пробился Хилвуд, оглядел с неприязнью и буркнул:

– Сбор после заката, здесь! Ты и ты в моей сотне! Снежка «Семаргл»!

– Слушаюсь! – гаркнул Олег.

– Так точно! – поддакнул Пончик.

Внезапно толпа зароптала и раздалась, образуя коридор. По нему шествовал Пирагаст. Его длинные волосы были заплетены в косы и скреплены на затылке костяным гребнем. Бледная улыбочка то пригасала, то снова кривила тонкие губы «морского брата».

– Это преступник! – провозгласил Пирагаст, картинно указуя на Олега. – Он подло убил моего брата Удо. Светлый рейкс, я требую жизнь этого человека!

Рюрик, не торопясь, спустился. Хмуря лоб, оглядел Пирагаста, затем Олега.

– Что ты ответишь? – спокойно спросил он.

– Преступника я убил! – твердо сказал Олег.

Толпа зароптала, но Олег поднял руку, и шум поутих.

– Удо сын Онева подло обманул нас с товарищем! – продолжил Олег. – Мы заплатили ему за проезд до Старигарда, а его подручные схватили нас и приковали к веслам, как последних трэлей. Считаешь, что брат твой имел право обращать нас в рабство?

– Имел! – выкрикнул Пирагаст.

– Тогда я имел право освободиться! – заключил Олег.

Толпа заворчала одобрительно.

– Плевать! – рявкнул Пирагаст. – Рейкс, я требую поединка!

Холодная ярость ударила Олегу в голову, ледком обжигая мозг.

– Ты хочешь, чтобы я покончил с обоими сыновьями Онева? – холодно спросил Олег. – Давай!

– Олег! – испугался Пончик. – Отступись!

– Нельзя! – покачал головой Олег.

Рот его пересох. Отступить? То есть прослыть трусом? Славно! И кто он тогда? И где ему место? Уж никак не в дружине – трусов в гриди не держат. Струсить – это значит забыть о своих мечтах возвыситься, это значит влачить жалкое существование на обочине жизни, голодное и убогое. То есть «честь – превыше всего!»? А разве не так? Ты хочешь многого, а

за многое полагается дорогая цена. Пр-роклый выбор! Ах, как не хочется умереть! Но если он выиграет поединок...

– Так-так-так... – протянул Рюрик, покачиваясь на нижней ступеньке. – Ты требуешь хольмганга, Пирагаст?

– Да! – рявкнул «морской брат».

Рюрик обратил лицо к Олегу и серьезно спросил:

– Ты принимаешь вызов?

– Да! – ответил Олег, чувствуя, как все сжимается в нем.

Рюрик сошел со ступеньки и прокричал, вскидывая руки:

– Объявляю поединок!

Толпа азартно зашумела, раздаваясь в круг. Стражники с размаху повтыкали копыя в утопанную землю, огородив место священной дуэли. На хольмганге судят сами боги, и победа достается правому. В общем-то, для хольмганга полагался островок или хотя бы вершина холма, но никто, кроме стариков, не цеплялся к мелочам.

– На чем биться будете? – спросил Рюрик.

Пирагаст подбородком указала на Олега:

– Он вызван мною, пусть и выбирает!

– На мечях, – спокойно выговорил Олег.

Волнение не покидало его, но подутихло, спряталось, как жар в золу.

– Три щита каждому! – распорядился Рюрик. – И щитоносцев себе пусть выберут!

– Нет! – рубанул Олег. – Без щитов!

– И без броней? – прищурился рейкс.

– Ладно, – сказал Олег, – кольчуги – пусть, но без шлемов!

Толпа загудела одобрительно. Пирагаст поглядел на Олега с удивлением, он не ожидал подобного безрассудства.

– Кольчуги сюда!

Гридни-стражники притащили два комплекта. Олег натянул на себя подкольчужную рубаху из грубого холста, подбитую паклей и простеганную суровыми нитками, застегнул на деревянные пуговицы. Двое молодых помогли Олегу вздеть кольчугу и затянули боевой пояс. Кольчуга, длинная, как платье, почти достигала колен, а рукава прятали запястья. Сплетенье стальных колечек тяжело осело на плечи. Олег закинул ножны за спину, стянул поданную перевязь, застегнул пряжку на груди.

– Готовы? – грянул Рюрик, как главный судья турнира.

– Готов, – выцедил Олег.

– Всегда! – ухмыльнулся Пирагаст.

– Каков будет уговор? – спросил Рюрик. – Бой до первой крови?

– Бой насмерть! – крикнул Пирагаст.

Рюрик молча глянул на Олега.

– Если ему так не терпится умереть, – усмехнулся Олег, – то пожалуйста!

Людам ответ понравился, Пирагаст пошел пятнами, а что творилось на душе у Олега, не знал никто, кроме его самого. А ему было паршиво.

– Начинаем! – крикнул Рюрик и подал знак гридням. Те заколотили мечами о щиты. Вапнатак – так это называется.

– Вызванный на поединок делает первый выпад! – объявил рейкс.

Олег похолодел. Сделав несколько шагов навстречу Пирагасту, он потянулся к рукояти катаны, выглядывавшей из-за его правого плеча. Пирагаст, глумливо усмехаясь, приблизился, нежно поглаживая ладонью рукоятку хазарского меча, предка сабли. Что произошло дальше, заметили лишь самые наблюдательные из воинов.

Олег выхватил меч, катана описала короткую дугу и отсекла Пирагасту левое ухо. Клинок замер в нескольких пальцах от шеи «морского брата», и лишь теперь последний сын Онева отбил меч. Но не лязг ударил в уши – музыкальный звон поплыл над замершей толпой. Люди увидели мало – как отрубленное ухо пало на землю, словно дубовый листок, –

и заорали, засвистели, приветствуя такое начало. И только опытные воины переглянулись, улыбаясь с пониманием. Какая злая насмешка! Вызванный на поединок мог подрубить шею Пирагаста и кончить бой одним ударом, а он играет, он выказывает свое презрение! Понял это и сам Пирагаст. Впервые в нем закопошились сомнения, но лютая злость затмила доводы разума.

– Ты!.. – завопил он, давясь слюною.

– Я, – согласился Олег. – Да ты не беспокойся, поболит и перестанет!

– Убью! – выдохнул Пирагаст и кинулся на Олега, сжав рукоятку меча так, что пальцы побелели. А Сухов, наоборот, сбросил напряжение. Он вспомнил наставления своего тренера, Канда-сэнсэя. Тот всегда говорил: «Отрешись от земного. Не бойся. Не думай о том, как ты выглядишь со стороны. Веди меч!»

Олег улыбнулся и повел катану. Отбив яростную атаку Пирагаста, он нанес подрезающий удар с обходом вокруг противника.

– Посмотри на землю... урод! – говорил он отрывисто. – Сюда... я тебя... уложу! Сюда... впитается... твоя вонючая кровь!

А капли уже падали, они скатывались с головы Пирагаста, истекая из обрубка ушной раковины, капали из глубокого пореза на бедре. Олег проговаривал оскорбительные вещи, но вера в свою победу еще не народилась в нем, только надежда зачалась. Надежда на то, что самурайские приемы дадут ему хоть какое-то преимущество перед этим опытным рубакой.

– Бей! Коли его! – выкрикивали из толпы.

– Так его! Во!

– Да куды ж ты!..

– Ага!

– Есть!

Тяжелая сабля так и мелькала в руке Пирагаста, блистая вверх, вниз, наискосок. Катана звенела на все лады. Олег отшиб саблю с линии атаки, сделал короткий приставной шаг и нанес три вертикальных удара подряд, три за один удар сердца. И отшагнул.

Пирагаст стоял, выпучив глаза и слегка покачиваясь. Сабля его медленно опускалась, пока не уперлась острием в землю, и только тогда мертвое тело Пирагаста рухнуло в пыль. Череп, перерубленный катаной, развалился, сочась студенистыми извилинами.

Тишина стояла такая, что было слышно чириканье воробья на крыше терема.

– Олег! – завопил Пончик. – Ур-ра-а!

Толпу будто кто включил – люди заревели, заорали, засвистели, сжимая круг, махая руками, щеря рты.

Но Олег не слышал этих выражений восторга – не отошел еще. Правда едва-едва доходила до него, не радуя пока, проскальзывая мимо заторможенного сознания. Сухов, не зная тонкостей ритуала, повернулся к Рюрику, поклонился. Рейкс поднял руку и оповестил толпу:

– Олег одержал победу! Боги на его стороне!

И толпа заорала по новой...

– Здорово! – радовался Пончик. – Ну, ты даешь!

Пробился Хилвуд и протянул руку.

– Нам такие нужны! – заявил он. Глянув на небо, Хилвуд крикнул: – Время уже. Грузимся!

Толпа, разбившись на отбывающих и провожающих, забурилась, повалила к пристаням.

Олег аккуратно вытер окровавленное лезвие катаны и уложил меч в ножны.

– Пошли, Пончик, – слабо улыбнулся он, – а то наши места займут!

За ночь канал, связывавший Старигард с морем, совершенно преобразился. Ни одного торгового или рыбацкого судна не стояло в нем. Зато строгой линией выстроились боевые корабли, лоды и снечки. Лоды выглядели точно такими же, что и в Гардах, только паруса были не полосатые, а одноцветные, с ярким изображением сокола, падающего на добычу.

– Похоже на украинский трезуб! – заметил Пончик сходство.

– Так это и есть трезуб! – пояснил Олег. – Вернее, силуэт кречета, которого безграмотный Петлюра счел трезубом. Древняя тамга, однако, шибко-шибко древняя.

Олег шутил натужно, через силу – пошла нервная реакция. У него сильно задрожали руки, он стал стучать зубами, иногда передергивая плечами, словно от озноба. Пончик заметил, что с ним происходит, но утешать не стал, просто стоял рядом и вздыхал.

– Сюда! – крикнул Хилвуд с самой большой снечки и замахал рукой.

– П-пошли, – сказал Олег.

Снечки вендские, в отличие от лодий, строились другими, чем в Гардарике. Пошире, поосновательней, на носу и корме имея по квадратной площадке, обнесенной толстыми досками с набитыми воловьими шкурами, а снаружи еще и щитами увешанной. Впереди был форкастль, сзади – ахтеркастль, а посередине – крепкая мачта с большим парусом. Силуэт снечки напоминал когг. Только тот был пузатый и круглый, и до того неуклюжий, что разворачивали когг с помощью буксира. А снечка – корабль боевой, ему скорость нужнее, чем вместимость, оттого ее корпус больше вытягивался в длину, чем раздавался вширь.

– Располагайся! – осклабился Хилвуд. – Тебе какое весло по нраву?

– Игрушечное, – улыбнулся Олег.

Хилвуд весело захохотал, хлопая себя по ляжкам, и провел Олега до его скамьи.

– Послушай, – сказал Олег, – как звать тебя, я знаю, а величать как?

– Боярин я, – просто ответил Хилвуд.

– Вот теперь все ясно!

Хилвуд снова рассмеялся, хлопнул Олега по плечу и пошел наводить порядок на палубе. Сухов вздохнул, отходя, – только внутри что-то еще размерзалось, – положил кожаную сумку со шлемом и кольчугой под скамью и расстегнул подкольчужную рубаху – было тепло.

Снечка быстро заполнялась. Варяги, широкоплечие, с крепкими шеями и мускулистыми руками, рассаживались по скамьям, мостились, заводили разговоры или разминались перед долгой греблей. Впереди Олега сел и вовсе здоровенный парень примерно его лет, но вдвое большей комплекции. Лицо у него было – типичный добер молодец из русских народных сказок. Белокур, кудряв, курнос. Аккуратная борода. Улыбка во все тридцать два. Добер молодец обернулся к Сухову:

– Олег вроде?

– Он самый.

– А меня называют Витулом, сыном Амика. Из галатов мы. Будем знакомы!

Олег со страхом сунул руку в лопатообразную ладонь Витула. Тот сжал Олегову пятерню, не тужась, чтоб не раздавить.

– Галаты – это типа кельты? – спросил Пончик, устроившийся посреди палубы, на бочонках с мочеными яблоками.

– Типа? – нахмурился Витул и пожал плечами. – Что значит – типа? Кельты и есть. Нас по-разному называют... А здорово ты Пирагаста ухайдокал! Разделал башку, как спелый арбуз.

– А я до сих пор не верю, – признался Олег, – что это я его.

– Боги знают, кому помогать, – значительно сказал Витул.

– По места-ам! – закричал Хилвуд протяжно. – Весла на воду!

Олег привстал, чтобы пройти к козлам, на которых были сложены весла, но Хилвуд усадил его обратно.

– Со мной в паре погребешь! – сказал он.

Они уселись вдвоем за громадное шестиметровое весло. Хилвуд помахал руками, размялся и взялся за рукоять поухватистее.

– И... раз! И... два!

Олег потянул на себя весло со всей дури.

– Э, э! – сердито окрикнул Хилвуд. – Полегче! А то весло сломишь. Ты гляди в спину

переднего и откачивайся в лад. Тут не сила главное, а общее усилие.

Олег принялся глядеть в спину кряхтящего впереди Витула, стараясь клониться и откидываться в такт. Дело поправилось.

– Во... – проворчал Хилвуд. – Уже получше... А коли изо всей мочи тягать станешь, дышалку собьешь, силушку растратишь зря. А нам, ежели безветрие, по полдня из-за весел не вставать...

Аркона показалась на заре. На крайней северо-восточной оконечности Руяна, на мысу, поднятая кверху обрывистыми скалами, она словно продолжала их каменный рывок в небо, вздымая мощные каменные стены с зубцами и деревянными сторожевыми башнями, крепко сидевшими на мощном валу высотой с пятиэтажный дом. Для вендов это был священный город, место жительства бога Свентовита, а вот для франков, свеев, готландцев и прочих, чьи корабли бороздили просторы Варяжского моря, Аркона оставалась самым опасным пиратским гнездовищем, опорной базой «тигров моря». Привлекая сравнения из иных времен, скажем, что Аркона была для «морских братьев» тем же, что и Порт-Ройал в Карибском море для корсаров семнадцатого века. Когда рыцари-христиане возьмут Аркону лет этак через двести, они выгребут из ее храмов груды сокровищ, коих хватит на постройку дюжины церквей!

Отряд из трехсот всадников охранял центральный храм Свентовита, а «тигры моря» безропотно уделяли жрецам треть своей добычи – дорого стоило благоволение богов!

...Когда «Семаргл» вошел в бухту, там уже теснились десятки кораблей – такие же снечки и лодьи, драккары йомсвикингов, лайды прусских витингсов.

– Много народу поднялось! – довольно молвил Витул.

– Хватит ли на всех? – озабочился худощавый мужик в кирасе со следами позолоты, наверняка спертой где-то в Византии.

– Кому что, а Агилу добыча, – фыркнул Хилвуд.

– А как же? – удивился Агил. – Чего ж просто так биться? Смысл какой?

– Ладно, – отмахнулся Хилвуд, – подгребаем. И все в храм!

По узкой дороге – слева скала, справа обрыв – воинство поднялось к Арконе. У ворот, обитых медными листами, все сняли шлемы и торжественно прошествовали в город. Проживали тут, в основном, пираты, но не сказать, что притоны всюду да таверны. Дома вокруг стояли, сложенные из камня, только крыши покрывал камыш. Главная улица была хорошо набитой и прямой и упиралась прямо в ворота храма. Гигантское деревянное строение было подведено под высокую багряную крышу, опиравшуюся на широкие столбы с балками, обтянутыми коврами. Двойная ограда из одинаковых резных столбов окружала храм, скрывая просторный двор. Створки больших ворот покрывал накладной деревянный узор из корабликов, солнышек, звезд, улыбчивых рыб и вьющихся плетей с цветами.

Мужественные варяги заробели рядом с жилищем бога, и во двор вошли не все. Олег вошел, а Пончик скользнул за ним, живо вертя головой.

Во дворе, заросшем травкой, сутились жрецы в зеленых накидках. Они втыкали в землю шесть коротких дротиков-сулиц попарно и клали сверху поперечные длинные копья, так что получались как бы три порога. Вперед топтавшихся варягов вышел Рюрик. Жрецы ему поклонились, и главный среди них нараспев позвал служителей, ожидавших своей очереди у дверей конюшни, вероятно, самой богатой конюшни в мире. Но содержали в ней всего одного коня – белого коня самого Свентовита. Мерные удары по серебряному билу раздались из храма, и служители-конюшие, не переставая кланяться, вывели прекрасного белого коня с роскошной волнистой гривой. Вели они его за золотую цепь. Вся сбруя была из кованого золота в три пальца шириной, а на шее сверкало оплечье из драгоценного металла, усаженное рубинами и сапфирами. Конь ступал величаво, будто сознавал свою причастность к божественному действию, обмахивая траву распушенным хвостом, позванивая десятками серебряных колокольчиков, вплетенных в гриву.

– Только бы правой переступил! – шепотом взмолился Витул.

– А если левой? – поинтересовался Олег.

– Тогда не знаю, – помрачнел Витул. – Тогда нам удачи не видеть!

Олег только головой покачал. Ставить на коня?! Хотя... Разве жрецы не заинтересованы в походе? Еще как заинтересованы – каждый третий дирхем им перепадает. Следовательно, коня божьего они давно выдрессировали.

Шепоток пролетел по толпе варягов, куда затесались йомсвикинги, и стих. Белый конь, потряхивая гривой, подошел к первым воротцам из копий, задержался – все аж дыхание затаили – и занес правую ногу! Одновременный могучий выдох облегчения как ветром колыхнул траву.

И второй порожек коняка одолел, и третий, и все правой ногой ступал!

– Удача! – радостно возгласил Витул. На него зашикали, но не слишком сердито. Улыбками цвели все подряд, от Рюрика до малолетнего трубача Яра.

– Свентовит милостив к нам! – провозгласил торжественно главный жрец. – Походу будет сопутствовать удача!

Все разом загомонили, сбрасывая напряжение, захлопали друг друга по гулким спинам. А седобородый оракул, весь в красном, отдернул пурпурный занавес, скрывавший деревянную статую Свентовита. «Бог богов» был одет в суконное платье до колен, на боку у него висел тяжелый меч в чеканных серебряных ножнах. Четыре головы Свантевита, каждая на собственной шее, смотрели во все стороны. Левая рука была уперта в бок, а в правой бог держал скальсу – большой металлический рог изобилия.

Жрецы забегали, готовясь как следует отблагодарить бога. Одни деловито резали жертвенный скот, другие начали печь огромный пирог из смолотого зерна, что по горсти собирали у гостей и паломников. А оракул наполнил вином жертвенную чашу – варяги вновь смолкли. Наклонившись, он взял чашу зубами и, выцедив вино, лихо перебросил через голову.

– Лови! – крикнул Агил.

Витул поймал чашу и передал другому жрецу. Тот и себе налил вина, выпил, держа руки за спиной, и тоже зашвырнул пустую чашу за спину. И пошла пьянка-гулянка!

Олег пропустил момент начала пиршества, но угоститься не отказался. Кто-то из жрецов пошел между варягами, направо и налево раздавая деревянные чарки. Следом шел слуга с кувшином и плескал по чарам вино.

– Ну как? – спросил Пончик, сияя.

Олег распробовал.

– А ничего винцо, – оценил он, – пить можно!

Строгие девушки обнесли всех закуской, а тут и виночерпий подкатился... После второй чарки Олег с непривычки изрядно захмелел. Жрецы возносили молитвы морскому богу Эгеру, а заодно и супруге его Ран, чье имя, произнесенное всуе, означало – в поход!

– Ран! Ран! – прокатилось по толпе варягов.

– Ра-ан! – издал зык Витул.

– Ран! – закричал Олег, наполняя чарку по четвертому разу. – Ран!

В поход! На свеев! Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами!

Глава 19

...Ты слышишь печальный напев кабестана?

Не слышишь? Ну что ж, не беда...

Уходят из гавани Дети Тумана,

Уходят. Надолго? Куда? —

негромко пропел Олег. Хорошая песня. Немного грустная, немного тревожная. Ее можно петь и в двадцать первом, и в девятом. Мироощущение, чувство жизни одно и то же. Какая разница, кто на чем уходит – варяги на лодьях или подводники на атомаринах? Весь

вопрос в том, надолго ли? Вот и я ухожу, подумал Олег. Дите Тумана...

Покидали гавань корабли. Девяносто «деревьев моря», как витиевато пели о лодьях скальды. Крутая волна скрыла Аркону, упрятала башни и стены за пенистыми взводнями.

Стрельцы, выглядывавшие своих с площадок-кастлей, сошли на палубы. Агил, залезший на мачту, спустился последним.

Лица у всех были задумчивы, мысли судовой рати витали далеко отсюда, с трудом отрываясь от родных домов, от запахов молока в кринках и подходящего теста в кадушках, от женского тепла и визга малышни, такой надоедливой... но как без нее-то? Незримые ниточки родства тянулись между душами, истончаясь, натягиваясь до тоскующего звона, но не отпускали.

Олег, гордо ощущая причастность, оглядел корабли чертившие спутные струи, словно морскую гладь перепахивая.

Ближней шла снечка «Финист» под командованием Анангаста. От нее на полкорпуса отставал «Стратим»... кто им командовал, Олег забыл. Говорили, да он прослушал. Одна война на уме... Четвертая снечка, «Сын грома», догоняла «Зуттибура».

И еще, и еще... «Алконост», «Гамаюн», «Семург», «Лебедь»... нет, это не «Лебедь», тот догоняет «Сирина»... Это «Ямулла», на ней капитанствует молодой еще, но рьяный прусс со шрамом на щеке... как его... Миндовг! «Хорси», «Харигаст», «Перкунс», «Меллетеле»... Силища какая!

Пополудни распогодилось. Хмурая белесина уползла за окоем, выглянуло солнце, пригашивая небесную синявость. Светило, но не грело. Море сверкало до самого горизонта, будто и не было за теми блестками никакого матерого берега, а так, хлябь одна.

— Кажись, эти... сарацины, — подошел Витул. — Большущее корыто подгребает навстречь.

Встречным курсом шел большой корабль. Это был не северный драккар или кнорр, а южная шебека — арабская посудина с двумя мачтами, с узкой кормой и заносчиво вскинутым носом. Паруса тоже были подняты в южном варианте — косые.

— Или это у меня с глазами что-то, — заявил Витул, — или это Глеб к нам жалуется! Старый хрен! Никак он! Он! Вот морской тролль, на север его и в горы! — И просительно обратился к Хилвуду: — Дозволь, боярин, свидеться с Гудлейфом!

— Лады! — кивнул Хилвуд и взревел трубно: — Паруса долой!

Потянулись шкоты, захлопали ветрила.

Витул взлетел на форкастль и заревел:

— Гудлейф Безголовый! Ищешь на жопу приключений?!

На площадке башенки-туриты, поднятой над палубой шебеки, подскочил длинный как жердь человечище и завопил:

— Витул Бывалый! Кончай трубить!

Витул хрипло захохотал:

— Двигай сюда свою баржу, «долгий херсир»!

— Сам ты баржа!

Рю на мачтах шебеки поползли вниз. Корабль развернулся на веслах и подошел к «Семарглу». С палубы снечки полетели вервяные канаты, команда шебеки подхватила их и стянула два корабля. Гудлейф — костлявая громадина — перепрыгнул на «Семаргл» и, весело оскалась, бросился на Витула. Тот ринулся на Гудлейфа. Они столкнулись, как два медведя, не поделившие дупло с медом. Венд и норманн, оба в тяжелой весовой категории, были готовы убить друг друга на радостях, задушить или переломать хребты по дружбе.

— Чего глазья остробучишь, долгай?!

— Молчи, пехтеря!

— Весь ворванью заплыл!

— А сам-то?!

– Моржа перевесишь!

– А то я не вижу, какую ты жопу наел!

Обменявшись любезностями, старые друзья утомонились. Витул спросил:

– К Рорику собрался?

– А куда? Хререк заслужил, чтоб ему кланялись! А спину гнуть перед всякими Косматыми – да пошел он к троллям... Он еще сиську смоктал, когда я мечом лодьи чистил! Нашелся, тоже, василевс... Помнишь, как в варангах ходили? Да мы и перед императором не прогибались!

– Прижали вас...

– Выжали! Выжали, а не прижали. И тролль с ними со всеми... Один и Фрейя! Гудлейф шумно ручкался с подходившими варягами, протянул он пятерню и Олегу.

– Кто таков? – весело осведомился Безголовый. – Почему не знаю?

– Это Олег Вещий! – Витул хлопнул по плечу Сухова. – Обоих сынков Онева Бурого положил!

– Туда их... Здрав будь, болярин, – величественно сказал Гудлейф, одну лишь голову клоня перед Хилвудом.

– И тебе поздорову, херсир. Как дошли?

– Тор помог! И Перуну вашему спасибо, все бури мимо провел. А вы-то куда всей толпой?

– В Гарды! – оскалился Хилвуд. – Свеев бить!

– Тоже дело... – задумался Глеб.

– А шебека твоя как, лучше дрэки? – поинтересовался Витул. – В смысле – ходче?

– Да не... – сокрушенно вздохнул Глеб и поскреб в затылке, сбивая вязаную шапочку на нос. – Я-то на лодье хаживал. Да только спалили ту лодью сарацины – чем-то я им не полюбился. Хорошо еще, башку орлиную успел сдернуть... Моя-то раньше «Орлом» звалась. Вот, занял у сарацин эту... как ты сказал? Шебеку? Я и не знал, что ее так называют... Да не, хорошая посуда, я и привык уже. Под прямыми парусами ход больше, зато с косыми поворотливей. Орелика бы еще воткнуть... куда только? Не на мачту же переть!

– А на нос! – посоветовал Хилвуд. – Вон, как у нас!

Болярин показал на вытесанное из дуба изображение чуда-юда, прибитое к форкастлю. Херсир подумал.

– Точно! – просиял он. – Ну, спасибо! Так я и сделаю! А то надоело уже – Безголовый да Безголовый!

Глеб замаялся, запыхтел от смущения – видать, не часто просить приходилось.

– Болярин, – начал он, криво усмехаясь, – может, вам в походе и мой «Хёк» сгодится? С двумя-то щеглами он ходкий, и ребята у меня – один к одному. Я ж теперь вроде как под Рюриком вашим! Вот и сослужу службу. А, болярин?

– Лады! – засмеялся Хилвуд. Отказать этому большому, шумному человеку было затруднительно – самого потом совесть замучает.

– Становись в строй, Гудлейф сын Хрольва!

– Не-е, – осклабил херсир, – давай уж по-вашему, что ли, – Глеб сын Рулава! Теперь путь мой – Восточный! – И, повернувшись к викингам, угрюмо топтавшимся на палубе шебеки, заорал: – Разворачивай! В поход идем!

Мрачные лица дренгов разгладились, вынутые мечи полетели обратно в дубовый сундук. В поход?! Всегда рады!

– Меня подождите, сукины дети! Хей-хоп!

Херсир перескочил на борт «Хёка». Весла из египетской акации осторожно отпихнулись от борта «Семаргла».

– Снимаемся! К повороту! Поворот!

Весла на правом борту шебеки загребли вперед, на левом – в обратную сторону. Корабль плавно развернулся, но парусов не поднимал – ждал команды.

К «Семарглу», качавшемуся на волне, подошла снечка «Торум», на которой плыл сам Рюрик.

– Глебу – мой привет! – прокричал Рюрик с палубы. – Никак в поход собрался?

– А возмешь? – заорал Глеб.

– Куды ж мы без тебя?!

– То-то! – осклабился Глеб.

– Хилвуд! – посерьезнел Рюрик. – Я тут подумал... Не стоит нам сразу в Гарды переться. Надо бы сначала в Упсалу наведаться, вдруг свеи вернулись уже?

– Дело говоришь, – сказал Глеб.

– В любом случае, – пожал плечами Хилвуд, – не помешает в гости к свеям заявиться. Пусть попробуют, каково это – быть на пепелище!

– А Бирка – град богатенький! – с места добавил Агил.

– Будь по-твоему, Агил! – рассмеялся Рюрик. – Идем на Свеарики!

Коренные земли Свеаланда очень походили на ядро Гардарики-Руси: свеи тоже селились на берегу большого озера, узким проливом выходящего в море. Только и пролив сей Невы короче, и само озеро Лёг куда меньше просторной Ладоги.

Олег Вещий стоял вместе со всеми на палубе и любовался проплывавшими видами. «Семаргл» шел сторожко, подкрадываясь, плутая в живописных шхерах – то плоских, то холмистых, скалистых и обрывистых островках, сплошь заросших лесом. Иной раз из темно-зеленой воды выглядывала полурассыпавшаяся серая скала, в макушку которой вцепилась корнями, как когтями, одинокая сосна, битая и крученая ветрами.

К полудню флот достиг матерого берега. Плюхая по спокойной воде озера Лёг (в будущем – Меларена), корабли миновали поселение Норсборг, сторожащее подходы к Хусбю, и вышли к Бирке. Олег лишь головой покачал. Насколько же безлюдны северные страны! Бирка – самый крупный город в стране свеев. Крупный?! А всего-то тысяча человек! Вдесятеро меньше, чем в Альдейгьюборге. В пятьсот раз меньше, чем в Константинополе...

Бирка вся открывалась взгляду – скопище рубленых изб и обмазанных глиной плетеных хижин. Стена с башнями окружала городишко лишь с тыла, полумесяцем, проводя бревенчатую дугу от берега и к берегу. Но здесь, как и в Альдейге, из воды высывались многие десятки свай, вбитых в дно, – кораблю не подойти! Все торговые суда разгружались на рейде, а товары подвозили на лодках.

На кораблях объединенной эскадры протрубили рога – храбрые мужи не подкрадываются!

– Забегали! – ухмыльнулся Витул, наблюдая за суетой на берегу.

– Как тараканы! – захихикал Агил.

Подошел Хилвуд и распорядился:

– Наше дело – в тыл зайти, ворота там. Надо будет вышибить... Ну-ка, всем в брони!

Олег быстренько влез в тяжеленную кольчугу – упадешь за борт, можешь даже не барахтаться, все равно на дно пойдешь... «Взопрею, – подумал Сухов с неудовольствием, – вонять буду... Интересно, водятся у свеев бани?..» Он надел круглую вязаную шапочку-нурманку вместо подшлемника, а сверху нахлобучил шлем – перед глазами зачернели выкружки, словно толстая оправка очков без стекол. Готов к труду и обороне!

– Приготовиться к повороту... Поворот!

Десяток снечк во главе с «Семарглом» свернул влево, огибая остров, и вышел к особой гавани для коггов, она так и называлась – Куггхамн. Глубоко сидели фризские корабли, зато какие вместительные!

В бухточке Куггхамн уже стояла парочка коггов. За ними видны были срубы, длинные и словно приплюснутые, в беспорядке громоздились навесы, ворота с якорными канатами, жилые бараки, доки, кузницы, склады, кучи сваленных снастей, загоны для скота, длинные ряды сараев... Порт.

– Оружие проверить! – громогласно велел Хилвуд. – К берегу!

Снежка с ходу причалила, с визгом и треском прижимаясь к вымолу.

– Ран! Ран! – издала клич рать судовая и пошла сигать через борт, затопала по пристани, круша по пути зазевавшихся свеев.

– Сюда! – крикнул Витул, подзывая своих. – Глядите, чем не таран?!

Он показал на здоровенный киль строившегося корабля – грубо обтесанный брус в обхват, а длиной метров двадцати.

– Хватаем!

Варяги подхватили киль-матицу, Олег тоже подставил плечо.

– На город! – проорал Хилвуд, указывая путь мечом. – Вперед!

Варяги почесали грузной трусцой, бегом пересекли лесок, выбрались в обширное поле, волнистое от оплывших курганов, поросших травой, и вот они, городские укрепления – серые рубленые стены, черный, набрякший влагой верх. Просто до убожества.

Ворота стояли открытыми, метавшиеся свеи спешно запахивали их.

– Разгон... взяли!

– Ра-ан! – заревели варяги на могучем выдохе. – Ра-ан!

Ворота приближались скачками. Олег покрепче вцепился в брус. Удар! Киль непостроенного судна вышиб ворота, переломив одну створку.

– Бросаем на счет «три»! – скомандовал Витул. – Раз, два, три!

Олег мигом освободился от тяжелого тарана и отпрыгнул. Киль загудел, шмякаясь в пыль.

– Они даже засов не вставили в ухи! – заорал Витул. – Да и нет его! Наверное, на дрова порубили!

– Разговорчики! – весело рявкнул Хилвуд. – Мечи к бою!

– Да с кем биться-то?! – продолжал орать Витул.

Тут-то и достала весельчака свейская стрела. Тяжелое древко в два локтя пробило кожаный панцирь Витула со спины и вышло из груди на уровне сердца. Витул Бывалый побледнел, пошевелил синевшими губами, пытаясь вымолвить последнее слово в своей короткой жизни, и упал навзничь.

Забор напротив качнулся.

– Там! – крикнул Олег.

Разъяренные варяги повалили плетеный тын, и стала видна худая фигурка юнца, драпавшего огородами.

– Стрельцы!

Трое лучников неторопливо уложили стрелы и выпустили их навскидку. Все три «змеи битвы» ужалили юнца, да так, что тот кувырком полетел.

– Вперед! – прорычал Хилвуд.

Олег зашагал по гулкой деревянной мостовой. Варяги топали рядом, сотрясая «тротуар».

– Бей свеев! – верещал Агил, держа меч наголо.

– Жги! – вторил ему прусс по имени Палутис.

– Стену пожгите, – велел Хилвуд.

– Это мы мигом! – крикнул Олег, углядев два стога сена, сметанных рядом с крепостной стеной. – Пончик!

Вдвоем они перетаскали сено душистое, навалив под бревенчатую стену, а Палутис сунул факел. Сухая трава загорелась, жаркими языками облизывая дощатую галерею у самого верха частокола. Доски затрещали, задымились, вспыхнули, охватив огнем тесовый навес. Занялись и бревна частокола.

– Порядок! – крикнул Палутис. – Догоняем наших!

Они вернулись, не пряча мечей. Прусс тут же погнался за поселянкой, выглянувшей из-за угла, охнувшей и дунувшей прочь.

Олег бежал по улице, вертя головой, замечая бледные лица за черными проемами окон, но желания врываться и грабить у него не возникало. Нет, решение Рюрика он одобрял. Свеи

напали на Гарды?.. Напали. Пожгли Альдейгу?.. Пожгли. А каков" привет, таков ответ. Все справедливо!

– Жалко их! – выкрикнул Пончик на бегу. – Только наших еще жалче!

Олег глянул на лекаря-целителя.

– Эй, ты чего это без оружия? – крикнул он сердито. – Хочешь, чтобы тебя подкололи?

– Я – вот! – оправдался Пончик, вытаскивая из-за пояса здоровенный нож, с клинком в локоть длиною.

– Так и держи его!

Своих Олег догнал на перекрестке. Сотня Хилвуда столкнулась со свеями, сбившимися в подобие отряда. Выглядели они смешно – дурацкие вязаные шапочки на головах, одни в штанах и обуты, другие в одних рубахах и босы. Палки, ножи и молоты были их оружием.

– Вон отсюда! – рявкнул Хилвуд, указывая путь мечом. Но горожане были так перепуганы, что не поняли боярина и милосердия его не оценили. Крича вразнобой, они кинулись на варягов, тараща глаза и размахивая тяжелыми предметами. Варяги мигом вырезали первый ряд, и свеи, побросав свое «вооружение», разбежались.

Поплутав по тупикам и переулкам, Олег, Пончик, Хилвуд и Агил выбежали к аккуратной избенке, над которой торчал деревянный крест. О столб крыльца, разнеженно хрюкая, терлась большая пятнистая свинья. В луже напротив прихорашивались гуси. А в дверях стоял румяненский плотненький человечек с венчиком волос вокруг тонзуры и обмахивал варягов бронзовым крестом.

Это был отец Ангарий, бравый миссионер, который отважился нести свет веры Христовой на свейские берега.

– Hostem repellas longius, pacemque dones prentius, – выпевал священник дрожащим голосом, – ductore sic te pravio, victemus omne noxium...

– Отгони врага далеко и даруй нам мир, – переводил Пончик скороговоркой, – вождь, идущий впереди... впереди нас... э-э... да победим мы всякое зло...

Хилвуд вытянул меч и невежливо хлопнул Ангария плоской стороной клинка. Священник отпрыгнул, пропуская язычника в храм. Олег вошел следом.

В церквушке стояла полутьма, только несколько лучиков пробивались из-за ставенок, бросая отсветы на грубо вытесанное распятие. Лики на иконах, развешанных по бревенчатой стене, были темны от копоти, и лишь глаза святых белели ярко и пугающе.

– Золото где?! – крикнул Хилвуд, срывая с алтаря покров и сбрасывая на пол простенький евангелиарий, сработанный из дерева и кости.

Отец Ангарий понял венда. Упав на колени, он полез под сундук и вытащил оттуда заскорузлый кожаный мешочек. Подержался и сунул Хилвуду. Боярин благосклонно принял дань.

– Палутис! – кликнул он прусса-поджигателя. – Церкву не жечь! У нас все честно.

Правда, спасти храм от пожара не удалось – все окружающие дома уже пылали, обрушивая на церковную кровлю град искр и угольков.

– К гавани! – скомандовал Хилвуд.

Короткой главной улицей, проложенной пьяным зигзагом, они спустились к пристани. Рюрик был здесь. Он стоял на пригорке и любовался пожаром.

– Купцов не трогать! – приказал он грозным голосом. – А то не придут боле!

Варяги с неохотой вернули отнятые мешки, и торгошники возблагодарили своих богов.

Олег выбежал на пристань и оглянулся. Бирка пылала. Половина домов еще была цела, но уже где-то дымилась крыша, где-то перебежали первые огонечки.

– Добычу поделим в море! – распорядился Рюрик. – На лодьи все! Упсала ждет нас!

– На Упсалу! – закричали йомсвикинги с большим энтузиазмом. – На Упсалу!

– Ран! Ран! – вторили им варяги.

– Огня свеям! – бушевали пруссы, немало натерпевшиеся от нашествий Эйрика Энундсона. – Огня!

Оставив Бирку догорать, корабли мстителей отчалили, стремясь поразить Свеаланд в

самую сердцевинку.

Взять Упсалу с ходу не получилось. Столица Свеарики была неплохо защищена, а главное, у нее хватало защитников – оборону держали не растяпы-хускарлы, а матерые хирдманы, оставленные на службу Эйриком конунгом и решившие, судя по всему, оправдать высокое доверие.

Упсалу окружала высокая стена, сложенная из дубовых бревен, почерневших от дождей и долгого времени. Двухстворчатые городские ворота, обращенные на юг, были так тяжелы, что обвисали на литых бронзовых навесах, зеленых от патины. Створки вычертили на земле дуги, отгребая лишний грунт к двум неказистым воротным башням, чья каменная кладка держалась на извести и глине.

И Рюрик повел штурм по всем правилам. Берег близ Упсалы, вдоль коего тянулись причалы, обороняли летучие отряды хускарлов. Хускарлы то и дело перебегали от дерева к пригорку, от пригорка к замшелому валуну, словно не могли усидеть на одном месте. В варягов беспорядочно летели стрелы и увесистые булыжники, пущенные из пращей.

– Стрельцы! – крикнул Рюрик разозленно. – А ну, перебить эту свору!

А те и рады стараться – меткие стрелы повышибли самых медлительных хускарлов, прочих же загнали в укрытия. Кое-кто из свеев вознамерился еще побегать, пострелять, но этим второй попытки не давали – лучники не промахивались...

Первыми высадились йомсвикинги и заняли линию обороны. Тут же к причалам подтянулись кнорры, выполнявшие в эскадре роль военных транспортов, и на берег выкатили тяжеленные метательные орудия – четыре баллисты и пару онагров, сработанных из ясеневое бруса, а для пущей прочности усиленных железными накладками.

– Раз, два... Взяли! – крикнул Хилвуд с натугой, впрягшись в коробчатую баллисту. – А ну!..

С десятков варягов кинулись на подмогу, Олег уперся в задок баллисты. Зарываясь деревянными катками, орудие сдвинулось с места.

Из-за обтесанного бруса Олегу были видны воротные башни Упсалы и шлемы ее защитников, нырявшие за стенами, как серебристые поплавки. «Ха-ароший будет клев!» – мрачно усмехнулся Олег.

– Стой! – сказал Хилвуд. – Чуток влево! Во! Крутим, живо!

Четыре пары дюжих варягов вставили рычаги и пошли скручивать пучки воловьих жил. Хилвуд с кряхтящим Агилом оттягивал толкатель.

– Полста раз крутнули! – доложил краснощекий варяг.

– Порядок! – потер ладони Хилвуд.

– Заряжай!

Олег вдвоем с Пончиком сноровисто уложили в желоб метателя толстое мореное бревно, окованное железом с острого конца, – запросто пробивает четыре частокола подряд!

– По воро-отам... Пуск!

Хилвуд дернул за шнур, задвижка выскочила, и баллиста подпрыгнула.

Снаряд с коротким грохотом продырявил ворота насквозь.

– Отпускай! – махнул Хилвуд мордатый йомсвикингам, суевившимся вокруг онагра.

Шатун орудия с треском ударил по раме, выпуская из пращи тяжелый жернов. Вихляясь, он просвистел по навесной траектории и ударил ребром, сгибая бронзовый навес. Посыпалась пыль, по углу башни черной молнией пробежала трещина.

– Заряжа-ай! Отпускай!

С промежутком в удар сердца по створке ворот долбанула пара двухпудовых ядер, выворачивая камни и в щепу кроша лесины.

– Отпускай!

Не выдержала левая створка ворот и повисла, держась на честном слове. Еще один жернов, вращаясь, как подкинутая монетка, ударил в нее гигантским сюрикеном. С громом и треском, развалясь надвое, створка полетела в проем.

В клубах пыли метались викинги, бестолково громоздя баррикаду. Третьим залпом оставшуюся створку измолотило на брусья и внесло их под арку ворот. Тяжелыми шарами катнулись ядра, пропахивая в стенах изрядные канавы, мочалая дерево и сметая стражу.

– К атаке! Готовсь!

На берег выбежал Рюрик:

– На приступ!

Олег крепче взялся за щит и меч. В душе у него двоилось. «Что, погано тебе, Вещий? Тошно, да? Страшно? А ты плюнь! И не позорься. Или ты уже забыл Алка, Фарлофа, Витула, что полегли в Бирке? А ты погляди на Палутиса! Вот кто не забыл! Вот кому покоя не дает кровь не отомщенная! Бери пример, Вещий...»

– Слушай меня! – заревел Хилвуд. – На врага! Бегом марш!

Он первым ринулся в разнесенные ворота.

– Стрелкам прикрывать!

Загудели стрелы, вычищая бойницы башен и просветы меж зубцов над воротами. Олег держал щит на манер зонтика: душ из кипящей смолы – удовольствие ниже среднего. Он бежал в четвертой линии, его заботой было – подчищать и добивать. В первой линии шли самые умелые и опытные.

Викинги сгрудились в глубине арки, перегородив проход. Лиц было не разобрать – на светлом фоне проема фигуры воинов смотрелись черными силуэтами. Воняло навозом и мочой.

– Сулицы к броску! – скомандовал Хилвуд. – Целься! Замах! Раз! Два!

Тесно было полусотне под аркой, но на войне и хуже бывает. Мускулистые руки варягов и йомсвикингов отвели дротики-сулицы и послали во врага, выбивая передний ряд защитников Упсалы.

– Строимся клином! Мечи из ножен!

Страшный северный клин-фюлькинг! Широкие плечи, бугрящиеся силой, обтянутые кольчугами, смыкаются в одушевленный железный колун и врезаются во вражье войско, ломая его строй, разрубая надвое, разя мечами и секирами направо и налево, без промаха и без пощады! Скоро и он выберется в первую линию... Эх, где бы сыскать такие упражнения, чтобы беспощадность тренировать и жестокость воспитывать?

Олег припомнил, как он рубил голову курице на даче: просто брал в руку топор и заставлял себя ничего не чувствовать, только замахиваться и сечь... Не выработал он еще привычку к убийству, не заветрился, покрываясь сухой корочкой.

– Мечи к бою! – рявкнул Хилвуд. – Вперед!

Олег зашагал, топча осколки камней и щепки. Он держал в поле зрения весь плотный строй хускарлов на правом фланге, но всматривался лишь в двоих, крепкими короткими ногами упиравшихся в пыль на линии атаки. Эти падут первыми. От его руки.

Катана перешибла древко копья, нацеленного Олегу в грудь, и чиркнула свей по горлу. Лицо, сплошь заросшее рыжим волосом, закинулось вверх.

Удар фальшиона справа Олег погасил обратным движением меча и подрубил открывшуюся шею. Сунувшуюся морду с клочкастой бородой Олег треснул щитом, еще одного защитника Упсалы достал ногой. Он не геройствовал. На нем была тяжелая и грязная работа, и Олег ее добросовестно выполнял. Вязла в ушах атональная какофония боя – скрежет, лязг, звон сцепившихся клинков, грохот щитов, отбивающих мечи, тупой хряск разрубаемых костей, треск ломающихся оскопищ и топорищ, крик, хрип, брань, вой...

Клин рассек ряды свеев, отбросил неприятеля к стенам и перебил.

– Сомкнуть щиты! Копья наперевес!

Загребели щиты, сбиваясь в крепкий тын, ошестинившийся иглами копий.

– Закрепляемся! Удерживаем ворота! Стрелкам – приготовиться!

Подвижной крепостцой выступил из-под арки варяжский клин, попадая в начало улицы, немощеной и очень грязной. Бревенчатые дома перемежались с глинобитными мазанками и редкими зданиями из плоских камней. Все окошки были задернуты

промасленным полотном, из отверстий в тростниковых крышах шли сизые дымки, и два запаха попеременно перебивали друг друга – горящего торфа и конского навоза.

В перспективе поднимались стены «дома крови» – храма Тора, попиравшего землю рядом с громадным дубом. Свечи атаковали сразу с трех сторон – пешие и конные. В момент они запрудили улицу.

– К мечу! – заорал Хилвуд. – Тесней строй! Щиты сбей! Первый и второй десяток – по улице! Третий и четвертый – кругом! Крайние – полуоборот!

«Клин» моментом перестроился в «город», в плотное каре, отовсюду ждущее удара и готовое его отразить. Олег с Пончиком очутились внутри живых стен «города». Сухов покосился на лекаря, воинственно задиравшего подобранный топор, но ничего не сказал.

– Тесней! Тесней строй! Жми щит!

Викинги обтекали «город» скобкой, потрясая копьями и круглыми щитами, размалеванными ярко и неумело, – грифоны, драконы, львы... Нестроено ревя, викинги бросились на варягов.

– Луки к бою!

По команде Хилвуда первый ряд раздвинулся, и в прогалы шагнули стрельцы. Низко запели тетивы. Свечи дружно прикрылись щитами – будто не ведали они убойной силы варяжских стрел! Граненые наконечники протыкали насквозь и грифонов, и драконов со львами, прокусывали кольчуги и гвоздили, гвоздили неприятеля, отбрасывая никнущие тела.

– Тесней! Не разрывай! Сомкни!

С жестяным грохотом столкнулись щиты и копья. К множественному треску и реву прибавились противный хруст и лязг.

– «Стеной» стройся! – приказал Хилвуд. – Чистим улицу!

Олег врубался в строй хускарлов, как ямайский негр – в сахарный тростник. Только и разницы, что не мачете сек, а меч, и был сей тростник разумным... Не думать! Не думать! Или нет, – думай. Но правильно! Вбей себе в башку, что мораль к войне не приложима, и не мучайся. Любая война, как ее ни назови: священной, справедливой, освободительной, – вне морали... Куда прешься, зараза?! Н-на! Судить надо не процесс, а условия, необходимые и достаточные. Зарубить безоружного, прирезать ребенка или женщину – вот это безнравственно! А снести голову с плеч хлопцу с поганым взглядом, длинному, унылому и гнущему – этому вот, что слева, или во-он тому малому, с лягушачьими глазами и жвачным рылом, – никакое не убийство вовсе, а одержание победы.... Прав тот, кто жив!

Слева подскочил лучник. Растянул лук и выстрелил. Стрела ушла в занавешенное окно на втором этаже деревянного дома. Грубое полотно сорвалось, и наружу вывалился толстячок в безрукавке из коровьей шкуры. Лук и стрела выпали у него из рук.

– Так его! – похвалил Олег.

– А як же!

Хилвуд вывел полусотню ко дворцу конунга. Здесь гридней и окружили.

– Держать строй! – проорал боярин, чертя воздух мечом. – Стрельцов и раненых – внутрь!

«Неужто не выдюжим? – тревожно подумал Олег. – Свинство какое!» Выдюжили! Из проулков ударили йомсвикинги, и свечи сами попали в окружение. Хилвуд выстроил своих «стеной» – фалангой на варяжский манер, и началась давиленья. А деревянный Тор, подглядывая из боковых дверей храма, взирал на баталию и прятал в золоченой бороде злорадную ухмылку...

Свечи не выдержали штурма и натиска варягов. Ряды хускарлов начали стремительно таять – войско разбегалось, ховаясь за свинарниками, просачиваясь в двери и окна, сигая через заборы. Угрюмые викинги, чуждые массового героизма, бросали оружие и жались к стенам, зыря из-под шлемов.

– Пленных повязать, – отдал Рюрик распоряжение. Взбежав на ступени крыльца, рейкс вытянул руку жестом дающего и воскликнул: – Упсала – ваша!

Варяги и галаты, йомсвикинги, пруссы с эстами и галиндами – все дружно, без разбору

языка и племени, издали восторженный рев. Огромная толпа завоевателей начала рассыпаться, людскими ручейками разбегаясь по нескольким улицам Упсалы, широким, но кривым.

Сухов, не пряча меч, отбросил щит и ворвался в дворцовые палаты. Где-то от дальних покоев доносился торопливый топоток, явно не воинских сапог. Олег двинулся по темному коридору, заглядывая во все двери.

В обширном зале, чей низкий потолок поддерживали пузатые колонны из треснувших стволов, он обнаружил следы боя: трое викингов лежали на земляном полу в стынувших лужах крови. Олег задержался. Видимо, те варяги, что побили свеев, бросили все в горячке боя и побежали дальше – рубить, колоть, добывать славу... Потому что золото – вот оно. Оглянувшись – не видит ли кто? – Олег присел на корточки и снял с убитого свея крученую золотую гривну, тяжеленьким ошейником обжимавшую шею. Бросив ее в кожаную наплечную сумку, в которой он до того шлем таскал и кольчугу, Сухов стянул с предплечья свея кованую золотую спираль-обручье. Второй мертвяк был уже обобран кем-то, а на третьем нашлись лишь серебряный оберег в виде русалки с глазами из голубых сапфиров и богатый воинский пояс с приклепанными золотыми бляхами. Пояс Олег затянул на себе, а пучеглазую русалку добавил к золотому запасу в суме. «С первой добычей вас, Олег Романыч!»

Поднявшись на второй этаж, Сухов толкнул дверь из толстенных досок и вошел в очень теплую, очень чистую светлицу. Меблирована светлица была скудно: в одном углу стояла деревянная кровать с изголовьем, в другом громоздились два окованных сундука.

А посередине, вытянувшись в струнку и плотно сжав ноги, распустив по плечам волосы цвета соломы, стояла перепуганная девушка. Не очень высокая, скуластенькая, с веснушками на маленьком носу.

Олег загляделся на груди девушки. Эти атласные шары нежной и теплой плоти с маленькими сосочками просто не могли подниматься так высоко, а они дерзко не поддавались тяготению, вызывая форму круга, близкие к идеальным. Олегу стало немного стыдно, потому что желание его проснулось и демонстрировало себя слишком откровенно.

Раскрывая от страха большие глаза, плеская их синью на Сухова, девушка залопотала что-то на свейском. В ее нежном голосе путались мольба и ужас.

Не бойся, – мягко сказал Олег и шагнул к девушке.

Та, продолжая лопотать, быстро стянула с себя рубаху. Отступив к кровати, девица легла сама. Успокаивать ее в лучших традициях джентльменства он не стал. Возможно, если он извинится и покинет девушку, это будет выглядеть благородно. И глупо. А следующий, заглянувший в светлицу, тоже станет церемонно расшаркиваться?

Олег отложил меч, стянул с себя кольчугу, снял шлем. Девушка следила за ним со слабой улыбкой. Раздвинув ноги, она ждала. Сухов положил руку на круглую коленку и повел пятерню вверх. У него пересохло во рту, голова кружилась, а центр удовольствия в мозгу таял от касания шелковистого, гладкого и теплого. Девушка застонала.

Он овладевал ею молча и яростно, но не грубо, словно какой-то предохранитель в душе не позволял сделать девушке больно.

Когда погружение в горячие глубины закончилось, и Олег подвсплыл на поверхность сознания и реала, девушка не отвернулась и не оттолкнула его. Она легла на спину, закинув руки за голову, и томно потянулась, мягкая-мягкая, ласковая-ласковая. «С первой наложницей вас!» – поздравил себя Олег Вещий, сын Романа.

Глава 20

Валит, сын Ниэры из рода Лося, выстроил себе шалаш на западной окраине Тысячи Болот, рядом со становищем ополчения. Расположились ополченцы на высотке, так что свежий ветерок сдувал мошкарку на топи. Вечером, правда, и ветер не помогал – комары зудели большим, дружным хором и кусали остервенело. Поэтому первой задачей дозорного было разводить костер и поддерживать горение, кидая в огонь хвою и травы, отгонявшие насекомых мучителей.

Дежурить под утро выпало Валиту, и сын Ниэры добросовестно паялся в ночь, стараясь не глядеть на огонь, – треснет чего в сторонке, а не разглядишь, одни круги цветные скачут перед глазами.

После восхода солнца его сменил Сулев, а Валит заполз в шалаш – наверстывать недоспанное. Ну, долго гоняться за отлетевшими снами ему не пришлось – явился Олдама и скомандовал подъем.

– Живо! – прошипел он. – Сам конунг требует!

– Чего это? – вытаращился Валит.

– Да я почему знаю? Быстро, быстро! Умойся хоть. И причешись! Ходят как чучела!

Валит мигом сбегал к ручью, ополоснул лицо, утерся рукавом и помчался на холм, занятый боярами.

Бояре ставили такие же шалаши, что и простые варяги или ополченцы, – роскошные шатры достались врагу. У самого большого шалаша сидел на бревне Улеб конунг и грелся на солнышке. Перед ним навывтяжку стояли Сулев, Веремуд и Ошкуй. Подбежал запыхавшийся Олдама. Валит подлетел следом.

– Все явились? – спросил конунг.

– Все, конунг, – отвечал Олдама, – все, кого требовал!

– Тогда слушайте... – Конунг поднялся, упираясь руками в колени, и продолжил: – Послезавтра я всех в бой поведу, а у нас за спиной Гадар! Торчит, как заноза в заднице! Вадим этот... Что ж мне, отводить от войска пару сотен – переветников сдерживать? Короче... Пойдете в Гадар! Явитесь, как простые охотники, мы вам дичи подкинем для верности, шкур – медвежьих, волчьих... В общем, кого набьем. А задача ваша такая – мутить народ! Пугайте гридь Вадимову по-всякому, пусть между них раздор пойдет да развал. Пусть затревожатся, завертятся... Начнут разбегаться – отлично! И народ подбивайте, пущай они того Вадима на круг призовут, да и гнать велят! Понятна задача?

– Понятна, конунг, – кивнул Олдама.

– Времени, конечно, мало... – побряхтел Улеб. – Ну да ладно! Что успеете, то и успеете... Ступайте, Перун с вами!

На задание «охотники» вышли на ушкуе. Вернее, с ушкуем. Побросали в него свернутые шкуры, добытые для такого дела в лесу, и поволокли его бечевой по ручью, слишком мелкому, чтобы держать на себе лодку с пассажирами. Выбрались к Олкоге, вплавь миновали пороги Низовые и Пчевские и догребли до самого Гадара.

Гадар величиной не впечатлял, народу тут проживало меньше, чем в Алаборге. Селились как попало, поближе к крепости, что неровным прямоугольником выходила к истоку Олкоги, южною стеной гляючи на просторы Ильмень-озера. Избы жались к крепостным стенам, а дале городились пашенки-огородики, лоскутной нейтральной полосой пролегая между домишками и дремучим лесом. Впрочем, лес за века здорово проредили, к востоку он рассыпался на дубравы, а за травянистой мстинской поймой и вовсе сходил на нет.

– Гляди-ка! – хмыкнул Сулев, отмахивая веслом с правого борту. – Бегают как укушенные!

– Забегаешь тут... – проворчал Олдама.

Валит обшарил берег любопытными глазами. И вправду! Люди на пристани, в бронях или в простых рубахах, не ходили, а бегали, нервно размахивая руками, не говорили, а орали или бранились, впадая в лютость. Так бывает, когда долго трусишь, а тут выходит срок...

Все ж понимали, что вышли на распутье, и надо точно выбрать, куда идти дальше. И с кем идти. А веры не было ни в ком... Одни ставили на свеев и гадали, выиграют ли, а другие за правду ратовали, за конунга Улеба, но не потому, что убеждение имели, а по привычке, по старинке. Когда это бывало, чтобы русов били?! Готов приводил Эрманарих, бил-бил русов, не разбил! И датчане в Гарды наведывались, и болгары совались, все кому не лень пробовали остроту русского меча. И где они теперь? Сгинули! Сопрели их тела, перемешались с палюю листвою, удобрили болота, накормили рыб и раков. Так и с этими свеями станется! Так убеждали себя «патриоты», а сомнения все одно оставляли по себе червоточинки...

— К берегу! — решил Олдама, и вся команда дружно погребла. Ушкуй у пристани был не одинок, много тут стояло всяческих кораблишек — соймы стояли, груженные золой и лесом-кругляком, кочи тыкались в вымолы, корабельщики таскали из трюмов круглые горшки с солью.

Ушкуй бортом стукнулся о причал, и Олдама, ловко сиганув на доски, притянул лодку за брошенный канат. Тут же подошли стражники, заранее щуря глаза и налапывая рукояти мечей.

— Кто? — каркнул старшой из них, лобастый здоровяк в кольчуге, усиленной круглыми пластинами на груди. Зеленые порты с заплатками на коленях контрастировали с богатыми сапогами из сафьяна, расшитыми жемчугом. Украл, видать.

— Откуда? — вторил ему младший, безусый парень в шлеме не по размеру, в кожаном панцире поверх чапана — стеганого халата кочевника.

— Охотники мы! — степенно заговорил Олдама, строя из себя недалекого, туповатого лесовика, коему звери лесные роднее ближних. — Давненько лиц не видали, одни морды! Мучки хотим сменять, соли, там, и ваще...

— Торг в крепости, — пробурчал старшой, — за вход — два даника...

— И где ж мы их сыщем? — вылутился Олдама.

— А то уж не мое дело! — ухмыльнулся стражник.

Олдама очень натурально сплюнул.

— Пошли, по слободке пройдемся, — решил он, — может, сторгуем чего...

Команда вылезла на пристань и нагрузилась шкурами. Валиту достались волчьи. Пристань продолжилась узкой улочкой, что вильнула и запетляла меж домов, неказистых, но крепких, основательных. Зимы здешние худого строения не потерпят, мигом заморозят!

— Олдама, — прогудел Сулев, — влево повороти!

— Это еще зачем? — насупился Олдама.

— Знакомец там проживает, — спокойно объяснил Сулев. — Не продадим шкуру, так хоть займем мелочь!

— Ладно... — проворчал Олдама и скривился с досады. — Надо ж, не подумали денежку взять!

— Что ж не подумал? — сощурился Веремуд.

Олдама ничего не ответил, засопел только.

Знакомец Сулева жил в длинном доме под свежей кровлей, нарезанной из торфа, — даже травка еще не проросла. Сам хозяин сидел на пороге. Он здорово походил на Сулева — такой же обхват могучих плеч, такая же валкая походочка медведя, вставшего на задние лапы. Попадись такому в лапы — мигом заломает...

— Здорово, Олев! — пробасил Сулев.

— Во! — удивился Олев и привстал, сутулый, широкий, косолапый. — Никак Сулев пожаловал! Ты как в наши края забрел? По нужде или...

— Или! — усмехнулся Сулев.

— В дом! — коротко сказал Олев и, будто невзначай, глянул вдоль по улице.

В доме было полутемно и прохладно, приятно пахло травами и сгоревшей смолкой.

— Щас поедем... — крикнул Олев.

— Да сытые мы, — неуверенно молвил Ошкуй, оглядываясь на друзей.

— Вот сейчас и проверим! — ухмыльнулся Олев.

Особых яств хозяин не припас, только холодное вареное мясо да свежие лепешки, которые многие хозяйки в Гардах пекли на манер степняков, раскатывая тесто в тонкий блин. Готовую лепешку складывали и ели, а то и вовсе использовали ее вместо тарелки.

Ошкуй с Сулевым не долго кочевряжились – отчикали себе по хорошему кусцу мяса. Валит решил не отставать от старших товарищей.

– Что делать собираешься? – серьезно спросил Сулев.

Олев дожевал и спросил:

– Ты о чем?

– А то ты не знаешь! – хмыкнул Сулев. – Весь лес по ту и по эту сторону полон народу. И народ этот не по грибы вышел, а по гробы! Карелы, и чудь, и весь, и меря, и водь с ижорой – все похватили топоры да копья и сходятся к Альдейге. Скажет Улеб конунг свое слово, и мы так ударим, что от свеев мокрого места не останется!

– Сулев! – прошипел Олдама.

– Ништо! Олев – человек!

Олев усмехнулся и протянул руку под лавку. Пошарил и вытянул боевую секиру, богато отделанную серебряной инкрустацией.

– А мое место – туточки! – спокойно сказал Олев. – А это, – он качнул секиру, – я для нашего распрекрасного ярла уготовил. Тут многие на него злы, не я один такой. Предателей у нас не жалуют!

– Так чего не прогоните Вадима? – задал вопрос Олдама.

Олев потер скрипящий подбородок.

– Семейные боятся, что свеи придут, – выложил он, – вот и чешут в затылках...

– Не придут! – заявил Валит. Олдама нахмурился, но сын Ниэры продолжил: – Ни одна лодья свейская не подымется по Олкоге. Пожгли мы их лодьи. Пяток остался, да те не в счет. Свеи, правда, у арабов завы ухитили, ну, так... Кнорр – не лодья, вертел – не копье!

– Эт точно... – протянул Олев. – Надо поговорить с мужиками!

– Поговори! – взбодрился Олдама.

– А нам даников займи, – вступил Сулев, – мы в крепость сходим.

Олев кивнул и отсыпал из кошелечка за поясом горстку медных данников и пару серебряных дирхемов.

– Это лишнее, – вернул ему серебро Сулев.

– А я у тебя шкуру покупаю! – ухмыльнулся Олев. – Дюже теплая вещь.

– Ну, пошли! – скомандовал Олдама. – Времени – чуть!

И они пошли.

Накаленная атмосфера раздражения и тревоги в крепости еще более сгущалась. Собственно, здесь и гнездились все тревоги и поводы для беспокойства. Гридни ходили злые, дерганые. Купцы в торговых рядах сидели тихо, как мышки. Не было слышно обычного хвастовства, крикливых призывов покупать, не было закатываний глаз – торгаши были скучные или нахохленные.

– Разбредаемся, – скомандовал Олдама.

И все разбрелись. Ошкуй присел на корточки у самых ворот, раскатал шкуру медведя и стал терпеливо ждать покупателя. Олдама с Сулевым заняли свободный лоток, Веремуд лениво расхаживал по двору, встряхивая шкурками куниц, висящих, как рыбки на кукане, а Валит отошел в тень башни и выложил свой товар.

Парочка гридней, вполголоса переговариваясь и зыря по сторонам, смолкли и подошли прицениться.

– Волк? – спросил гридень в кожаном доспехе с нашитыми на груди пластинами, напильными из конских копыт.

– Волчара! – охотно подтвердил Валит, разглаживая серую, с подпалинами, шкуру. – Матерый! Как выскочит, как кинется!

– Линялый, верно? – присмотрелся другой гридень, в одной подкольчужной рубашке.

– Кого?! – оскорбился Валит. – По зиме стреляный! Стрела в глаз вошла, так что ни дырочки, ни царапинки! Бери!

– Мне две надо... – поскреб в затылке воин в коже. – Хочу куртку на зиму справить...

– Бери две! – согласился Валит. – Хоть три забирай! Только...

– Чего? – буркнул гридень.

– До зимы еще дожить надо... – осторожно сказал карел.

– Ты это о чем? – прищурился гридень. Валит вздохнул.

– Я – карел, – признался он с простодушием лесного жителя, – меня эти ваши разборки со свеями не касаются. Будет кто доставать – уйду подальше в лес, и всего делов! А вы-то – гридь...

– Ты меня что, свеями пугаешь?!

– Свеи... – фыркнул Валит. – Забудь о них! Варяги Улеба перемолотят свеев, – понизив голос, сын Ниэры проговорил: – Мы сюда лесом шли от самого Нево и на каждой полянке видели воинов. Громадная сила сходится под руку Улеба, и когда эта сила накатит на свеев... Мало чего от них останется!

– Врешь небось? – хмуро буркнул гридень.

– Клянусь секирой Перуна, бородой Велеса, молотом Сварога! – торжественно провозгласил Валит.

Гридни переглянулись.

– Да что свеи... – протянул сын Ниэры, встряхивая шкуру. – Вас жалко... Вот укатает Улеб свеев и сюда ж явится! Или, думаете, простит все ярлу вашему?

– Хрен там!

– Так вот... – вздохнул Валит и добавил задумчиво: – Не знаю... Я б на вашем месте ярла бы Улебу выдал!

– Ишь ты его... – проворчал гридень в коже. – Больно ты прыток! Мы присягу давали!

– А, это не по правде! – отмахнулся карел.

По ступеням, ведущим к терему ярла, спустился Шрамолицый. Валит сразу узнал его и сжался внутренне.

– Торгуем? – пропел Шрамолицый, берясь двумя пальцами за клочок воьей шерсти и пытаясь его выдернуть.

– Че дергаешь? – сумрачно сказал карел. – Добрая шкура!

Шрамолицый прищурился.

– Где-то я тебя уже видел... – затянул он. Почесал в голове и махнул рукой: – Ладно! Торгуй!

– Премного благодарны! – смиренно молвил Валит.

Оба гридня спрятали усмешки в бороды. Подошел еще один гридень, росту малого, лицом бледен, а на вечно мокрых губах ухмылочка противная.

– Привет, Смед, – приветствовал его гридень в коже.

– Здоров, Алк, – отвечивал тот.

– Можно и тикать, – прикинул Кожаный, продолжая разговор с Валитом, – кто искать кинется?

– Куда тикать? – насторожился Смед.

– В лес!

– Не... – протянул гридень в подкольчужнике. – Скажут – трусы!

– Да и кем станете? – подхватил Валит. – Это мы – охотники, а вам иная доля выпала! И вы хотите от гриди в отказ идти?

Смед куда-то пропал, а тот, что в подкольчужнике был, вынул пару дирхемов и протянул Валиту.

– Мы в расчете? – уточнил он.

– Шкуры твои! – подтвердил сын Ниэры.

– Хватайте охотничков! – грянул вдруг голос Шрамолицего. – Держи их!

Веремуд бросился было к воротам, но дорогу ему преградили два копейщика. Трое

грядней, выхватив мечи, подступили к Ошкую, еще четверо скрутили Сулева. Острое копье уткнулось в спину Валиту.

– Куда их? – спросил Смед.

– В поруб! – приказал Шрамолицый. – Пока... Вот завтра народ соберется, мы им бошки и обкорнаем! Эй, стражу выставь!

– Слушаюсь!

В поруб вела низкая дверь, сбита из плах. Смед распахнул ее и прогнулся издевательски: дескать, милости просим! Всех «охотников», кроме Олдамы, спровадили в поруб, и дверь захлопнулась. Загремел засов.

– Вот гады... – проворчал Сулев.

Валит зябко потер плечи – в порубе было холодно. И темно. Только одно-единственное окошко, не шире кошачьего лаза, бросало на земляной пол квадратный зайчик.

– Гадство... – повторил Сулев.

– Надо было потихоньку-полегоньку, – сказал Веремуд. – Узнать сперва, что за люди, а потом уж толковать...

– Когда? – буркнул Валит.

– Вот именно, – кивнул Сулев. – Времени-то у нас – хрен, да маленько!

Ошкой пощупал потолок из бревен, пошатал.

– И не пытайся, – сказал Веремуд, приседая на корточки, – весь терем на горбу не подымеешь!

Все замолчали, перебивая тишину редкими вздыханиями.

– Не успеют наши... – проворчал Веремуд. – Пока свеев побьют, пока то, пока се...

– Они там, а мы здесь! – сказал Валит со злостью.

– А вот мне интересно, – молвил Веремуд, прислоняясь спиной к стене, – дошли наши до Рюрика или нет?

– Должны дойти! – тряхнул копной волос Ошкой. – Иначе как? Иначе несправедливо получается!

Все засмеялись, а громче всех хохотал Валит. Солнечный луч, бывший в сырой пол, на секунду пресекся – изумленный страж заглянул в поруб.

– Сейчас не вырвешься, – проговорил Веремуд, осторожно надавив на дверь. – Утром, когда отворят, попробуем...

Все с ним согласились.

Луч, бывший в окошко, потускнел – солнце садилось. Именно в этот момент за дверью началась возня, заговорили грубые голоса, громынул засов. Валит изготовился дорого продать свою жизнь – уж одного-двух он прихватит с собой! Вместе они будут недолго – скovyрнутся враги его со Звездного Моста, падут в Хель!

Дверь отворилась, и «Кожаный» сказал хмуро:

– Свободны!

Веремуд склонил голову.

– Это кто ж нам волю жалует? – спросил он.

– Мы жалуем! – оскалился «Кожаный». – Доволен?

– Вполне!

Чередой «охотнички» покинули застенок. Валит вышел последним и увидел под стенкой мокрогубого Смеда – шея у него была вывернута не поздорову...

2

Вадим ярл пил второй день подряд. Не напивался до поросычьего визгу – цедил понемногу, с утра до ночи, пьянея, но не теряя головы. А что было делать? Чем еще исцелить тоску? Вадим уже не чувствовал себя ангелом смерти, призвавшим войну на гардские земли.

Он отчаялся. Венец конунга Вадим более не надевал – что срамиться? Люди упорно не признавали его прав на трон, смотрели на него с усмешечкой, презрительной такой, уничтожающей... Вадим тяжело поднялся из-за стола, покачнувшись, но устоял. Прошмурыгал к окну, выходившему в крепостной двор. Там уже было много гридней и слободских, а толпа все прибывала.

«Вот они, – подумал Вадим, ощущая приятный туманец в мыслях, – мои подданные...»

Он закрыл глаза и прижался гудящей головой к раме. Видят боги, он все перепробовал, дабы выполнить приказ Эйрика и навести порядок. А толку? Народец здешний днем-то кланяется ему, улыбается льстиво, а только стемнеет, те же людишки берут ножи и выходят резать его гридь! Десяток уже похоронили... Гридни его непобедимы в бою, а когда тутошний мужик, лесовик да охотник, подкрадывается без шума и клиночек втыкает в шею, как быть? Как совладать с этим?..

Вот взяли они Дрэллеборг. Поставили своего. И что? Отдаешь приказ горожанам, а его никто не исполняет! Никто даже не почешется! Пробовал посадник силу применить, и что? Вчера мертвым нашли. Лежит в постельке, а перина красна от крови...

Вадим замычал и раскрыл глаза. Вовремя.

– Эй, ярл! – донеслось со двора. – Выходи! Покажись народу!

– Выходи, шкура продажная! – заревел огромный человек в кольчуге, но без шлема.

Тут же пара яиц разбилась о раму, забрызгав Вадима.

– Что?! – онемел он.

Увесистый камешек просвистел со двора, больно чиркнув по виску.

– Выходи, пес смердящий! – заорали за окном. – А то хуже будет!

Громко хлопнула дверь. Вадим вздрогнул, быстро трезвея, и обернулся. В покои вбежал Ардагаст.

– Конунг! – выдохнул он. – Бежать надо!

– Что-о?! – взревел Вадим.

Отшвырнув Ардагаста, он вынесся на крыльцо и крикнул:

– Братие, дружино! Гнать их отсюда!

В толпе случилась массовая перестановка, и ближе к крыльцу приступили гридни. Лица их были суровы. Вперед выступил Алк.

– Мы тебе не братие боле! – отрезал он. – Предате- над собой не хотим и терпеть не будем! Хватай его, ребята!

Гридни с ревом прихлынули на ступени. Не все, правда, были настроены воинственно, иные к стене жались, не зная, на что решиться.

– Уходим! – каркнул Ардагаст и ринулся на толпу, размахивая сразу двумя мечами.

– Княже! – завопил Прогост, появляясь за спиной Вадима. – Пробивайся! Я прикрою!

Вадим кинулся за Ардагастом, будучи как во сне. Втроем они ринулись к воротам, распихивая неуверенную гридь. Слишком сильно было в них чувство подчинения, чтобы мигом перестроиться. В воротах пришлось туго. Копейщики боязнь не страдали, но Ардагаст рубился бешено. Моргнешь, а у стража наискосок рваная красная полоса, и кровь брызжет тягучими струйками...

– К лодье! – крикнул Прогост. – К лодье!

Выбившись из крепости, троица кинулась к «Пардусу».

– Руби канат!

Прогост махнул мечом и прыгнул на борт. Ардагаст схватил весло и отталкивался от борта. А тут и Вадима покинуло оцепенение. Ярл подхватил другое весло и помог Ардагасту отваливать лодью от причала.

Дружина, высыпавшая на пристань, и слобожане кричали Вадиму вслед, осыпали бранью. Яркие желтки от раскоканных яиц поползли по мачте и бортам, застучали камни по пабе.

– На весла!

Вадим рулил, Ардагаст с Прогостом гребли, вдвоем толкая тяжелую лодью, уводя ее к

Ильмень-озеру. Течение Олгоги здесь почти не ощущалось, потому им и удалась гребля на пару. Разошлись берега, открылся синий простор, и только теперь Вадим оглянулся. Острое сожаление пробрало его. «Господи, – подумал Вадим, – зачем я сотворил сие?!» Но небо молчало.

Глава 21

1

Борт снекки «Семаргл»

Флот втягивался в Невское Устье. Олег не сходил с палубы, все выглядывал те места, где в далеком будущем император Петр приоткроет форточку в Европу. Оттуда потянет сквозняком, надует хищных немецких баронов, занесет треуголки, табак и кофе... А вот идеи парламента или отмены рабства не залетят – наверное, на «окне в Европу» сетка от комаров стояла.

Низкие, болотистые берега острова, который назовут Васильевским, Олега не впечатлили. Как-то не соединялись у него в одно чащобы и трясины с проспектами Санкт-Петербурга. Воспоминания и зримые пейзажи никак не совмещались в сознании. Дико было видеть и голые берега Невы. Топкие пустыри, ольшанники за орешником щетинятся... Бережистее леса совсем заболотели, зато в отдалении – бор с большой буквы. Ни пройти ни проехать. Сосны, ели... Березы и те – в обхват! Как отступил ледник от этих мест, так и рос лес, тыщи лет тянулся, матерел, корнями вязался. На каменистом пляжике большинский бурый медведь терзал рыбину – отъедался на зиму. Поднял чавкающую морду, оглядел медленно проходившие корабли, понюхал воздух – и вернулся к прерванной трапезе. Будет он еще отвлекаться...

Из зарослей выглянул лось, с коровьим долготерпением пережевывая ветку. А потом, на южном берегу, показались ингры. Их было много – неподалеку пряталась в лесах деревня. Ингры махали руками и возбужденно приплясывали, видя, как перед ними, сгрудившись борт к борту, сплошным потоком шла Сила.

Из неприметной протоки выскользнули три ушкуя, на носу переднего, закутавшись в яркий плащ, стоял кунингас.

– Рейкс! – позвал Хилвуд. – Кажись, это к тебе!

Из маленькой каютки под ахтеркастлем вышел Рюрик, на ходу накидывая корзно и поправляя шапку. Этикет! Ушкой подошел к «Семарглу» и со скрипом потерся о борт.

– Гой еси, рейкс! – прокричал кунингас. Ушкунники, их было в лодке десятка полтора, тоже прогудели нечто приветственное.

– И ты здрав будь, Тойво! – с достоинством ответил Рюрик, знаком приказав спустить веревочный трап. Кунингас ловко взобрался на борт.

– Добрый корабль, – похвалил он, – большой шибко...

Лодейники заулыбались. «Сконнектились» – по-своему определил Олег. На борт «Семаргла» поднялись трое ижорских воинов. Лейб-гвардейцы. Троица деревенела лицами и прямила спины изо всей мочи. Олег сдержал усмешку. Ингры не носили брони – вообще, даже кожаных. Рубахи, гачи, онучи, черевики, теплые безрукавки. И древние меровингские мечи на перевязях. Такими давно уже никто не пользуется, в ходу иные клинки, но что инграм чья-то мода?

– Улеб конунг давно ждет тебя, рейке, – сказал Тойво без особых церемоний, – а завтра будет бой...

– Пospели! – сказал Рюрик удовлетворенно. – А свеи показывались ли?

– Ни одного не видели! – потряс головой кунингас. – Гридь из Хольмгарда – это на том

берегу – ушла на Олкогу, и мои люди с ними были. Свеев пытались, правда, послать к своим за подмогой, но мы никого не пропустили. Три лоды перехватили! Свеев в реку, а лоды в надежное место отведены... Рейксе, – голос у кунингаса стал просительным, – конунг обещал нам, что освободит ижору от дани... если мы взамен будем сторожей Невскому Устью... Так мы согласные!

– А от меня вы чего хотите? – спросил Рюрик с улыбкой.

– Так того же! Вот выберут тебя конунгом, ты и вспомни о нас...

Рюрик расхохотался.

– Ладно! – сказал он, смеясь. – Коли выберут, уважу!

– Выберут, выберут! – замахал руками ижор.

– Но смотрите, – посерьезнел Рюрик, – чтоб ни один ворон датский не пролетел, ни один гость не прошмыгнул к Итилю! Первых гнать, со вторых пошлину требовать!

– А как же! – с жаром сказал Тойво. – Не волнуйся, рейкс, все будет хорошо и даже лучше!

На том официальная часть закончилась. Кунингас преподнес Рюрику стопу бобровых шкурок, рейкс отдался кольчугой. Высокие гости, довольные приемом, пересели в ушкуй, и делегация отбыла.

– Я вот все думаю, – сказал Хилвуд, – не зря ли Улеб инграм потачит? Не изважит ли? Вона, уж разворчались весины – чего это конунг ижоре поноравливает, а нам нет? Мы-де тоже хотим!

– Хотеть не вредно, – усмехнулся Рюрик. – «Весь белоглазая» без опасы живет, в глуби. А ингры на рубеже постоянно! Небось ворчунов тех в пограничье не заманишь. А то, пожалуйста! Вон, надо еще одну крепость теперь закладывать – на Вуоксе. Так этих белоглазых палкой туда не загонишь. Как же – пахать, не снимая меча... Стра-ашно!

Хилвуд рассмеялся.

– Надо будет к утру поспеть... – проговорил Рюрик иным уже тоном. – Высадимся на берег, не доходя до курганов, и двинем берегом! А ты вот что... Отправь скедию, какую побыстрей, но тайно! Надо, чтобы о нас Улеб конунг прознал, тогда ему будет способней на свеев идти... И людей надо послать тутошних, чтоб узнали их!

Хилвуд обернулся и подмигнул Олегу:

– Олег, ты понял, кому идти?

Сухов подтянулся:

– Я готов!

2

Лес ожил, лес наполнился множественным шорохом и звуком крадущихся шагов, приглушенными голосами, отдающими команды. Улебу конунгу сыскали коня, и теперь верховный правитель Гардов похож был на древних полководцев. На старой гари, что широкой полосой вычернила землю с редкими бугорками опаленных пеньков, Улеб натянул поводья и поднял руку. Бояре, тоже оседлавшие мохнатых степных коников, тотчас подъехали к нему.

– Наступать не копьём будем, – сказал конунг, – а трезубцем! Ты, Лидул, поведешь свою тысячу вдоль берега и ударишь по свеем с юга. Ты, Шаев, обойдешь Альдейгу и направишь своих с севера, от курганов. А я брошу остальных с запада!

Бояре переглянулись и покивали одобрительно.

– Ополченцев вперед не совать! – предупредил конунг. – Зря только людей побьете... Халид!

Араб в бурнуса, с простенькой белой чалмой на голове, подбежал и застыл:

– Я здесь, о, мой повелитель!

– Плоты твои как? Готовы?

– Полностью!

– Ага... Доплывете до мыса, где скала расколота, и ждите! Как увидишь в небе три горящих стрелы подряд, плыви и закупорь устье Ала-дьоги!

– Слушаюсь, о, мой повелитель!

Улеб конунг оглядел воинство, хмыкнул в доволе и словно загреб рукой воздух:

– Па-ашли-и!

И стронулись человеки, зашагали, послушные воле конунга. Не все из них доживут до вечера, однако на войне как на войне! Будет так, как угодно богам...

Тысяча Улеба вышла к западной окраине Альдейги и затаилась, растворилась в сосняках. Вернулись разведчики – умотанные донельзя, грязные, мокрые, голодные. Но довольные.

– Где Торг был, – доложил один из них, круглоголовый, с носом до того вверх задраным, что походил на пятачок, – там swei подель устроили, десять лодий за раз строят! Кили тесаны, опруги готовы, теперича они доски колят, обшивать будут...

– Не будут, – буркнул Улеб. – Не дадим! Еще чего видали?

– Swei в крепости сидят, – заговорил другой разведчик, узкий весь, худой, кадыкастый, но жилистый, – или корабли сторожат. Все подходы загородили – ямы везде накопаны, с кольями на дне, валы насыпаны, деревья навалены... И все это в два ряда – ни пройти ни проехать!

– Пройдем... – проворчал Улеб. – Ямы у них... Ништо, не твари глупые, чтоб на колья садиться!

Меж дерев замелькал плащ посланника от Лидула. Немного погода и Шаев своего прислал – все на месте!

– Воист, – поманил Улеб молодого варяга. – Стрелы, как договаривались...

Воист, конопатый отрок с рыжим пухом на щеках, кивнул понятиливо и запалил крошечный костерок, умещавшийся в плошке. Достал из тула длинную стрелу с наконечником, облепленным вязким киром – корочкой с нефтяных озер. Южане им лодки свои смолят, а на севере киру другое применение...

Воист поджег все три стрелы, дал разгореться и выпустил одну за другой в чистое небо. Три черных, клубистых хвоста венчиком разошлись в голубизне.

– Мечи вон! – гаркнул Улеб. – На врага!

Гридь дружно взревела и ринулась на бывшие улицы Альдейги. Это хорошо, что нет домов, – ничего не мешает стремительному бегу. И память свербит – были дома, были. Пожгли их swei, собаки свинские. Ну так врежем вражью по сусалам и прочим местам! Удобрим скудную северную почву!

3

Валита, Веремуда, Ошкуя, Сулева конунг направил к тысяцкому Лидулу. К нему же приписали Олдаму, приведшего больше сотни гридней из Гадара, прогнавших Вадима. Валита просто распирало от гордости – мама так мечтала о свободе для него, так старалась выкупиться, а он сам добыл волю! Ибо не трэль тот, кто разит врага. А сегодня решится главное – кому достанется победа. Если им, то все у него будет хорошо, а если sweiam... Стоило ли тогда волю завоевывать? Да только не одолеть sweiam! Куда там...

– Готовимся! – разошелся по тысяче приказ Лидула конунга.

– Вот оно! – ахнул Ошкуй, тыча пальцем в небо, измаранное росчерками сигнальных стрел.

– К бою! – гаркнул Олдама и выхватил меч.

Ошкуй, ослабившись, перехватил секиру. Валит взял копьё наперевес. Наконечник у копьё был длиною в полтора локтя и заточен, как меч, – хоть коли им, хоть руби. Доброе

оружие.

Проскакал Лидул на гнедом коне, размахивая блистающим на солнце мечом, и вся рать повалила следом. Люди покидали лес и словно расправляли плечи.

Валит выбежал на южную окраину Альдейги, где случайно уцелела пара клетей, и заметался – от берега Олкоги и до клетей тянулся свежий земляной вал, поверху укрепленный сучковатыми стволами сосен. Многие десятки хускарлов то и дело высовывались из-за стволов, вскидывая луки. Но и русские лучники знали свое дело – низко гудящие стрелы понеслись на свеев, выбивая дунг.

– Пробиваемся! – орал, надсаживаясь, Олдама. – Пробиваемся! Не стойте!

Вжимая голову в плечи, Валит понесся на вал, выставив перед собой копье. И сам не понял, как одолел преграду. Вскочив на бревно, он заметил внизу под собой хускарла, отводящего меч, и прыгнул, погружая острие копья в грудь свою. Хускарл вякнул коротко и помер.

– Слева! – рявкнул Ошкуй и махнул секирой. Набегавший своей дернулся, брызгая кровью из прорубленной грудины, и покатился с невысокого вала под ноги наступающим.

Валит, ругая себя за рассеянность, оборотился вправо – и тут же подколот ярого свея, кроившего мечом теплый воздух. «Живучий!» – мелькнуло у парня. Копье пробило хускарла насквозь, а тот все дергался, скреб мечом по древку, пытаясь перерубить его. Валит выдернул копье и ринулся дальше.

А дальше поднимался новый вал, еще выше прежнего, и уже не стволы деревьев преграждали путь, а настоящий частокол из полуобгоревших бревен, правда, низкий, по пояс. И уже не хускарлы держали оборону, а викинги, грозившие варягам копьями.

– Вои с рогатинами – первые! – прокричал Олдама. – Вои с копьями – вторые! Бегом! Стрелкам – работать!

Такую команду мог отдать только рус. И только у русов подобная атака могла иметь успех. Вои-ополченцы, вооружась рогатинами, с какими они хаживали на медведей, вынеслись на вал, цепляя развилками здоровенные копья викингов и задирая их кверху. Отставая от них на шаг, мчались копейщики и били свеев рожами. Удар рожа был сравним с наскоком дикого тура. Чудовищные копья, достойные богатырей, сносили викингов с ног, их тяжелые наконечники могли разворотить чью угодно грудь и делали это, с хрустом проламывая ребра. Гул, треск, грохот, вой, лязг поднимался оглушительный – аж в ушах звенело.

– Отходи-им! – пронесся крик сотника Яруна.

– Отходим! – рявкающее повторил приказ Олдама. – И закрепляемся!

Валит непонимающе огляделся. Чего ради отходить?! Так хорошо перли... Лишь отдышавшись, он разглядел клинья викингов, тискавшиеся через прогалы в укреплениях. К свеям поспело подкрепление!

Ближний клин-фюлькинг затопал, наступая прямо на Валита. Сын Ниэры попятился. Лица викингов были суровы, глаза, зыркавшие из-под шлемов, блестели сталью, как и мечи. Круглые щиты плотно сбиты, ноги шагают в лад... Живая, дышащая крепость! Поди возьми ее!

– Дорогу! – крикнули за спиной Валита.

Он обернулся и увидел такой же клин – зеркальное отражение свейского, только сбитый из варягов. Валит шустро освободил путь и перебежал к своим, топтавшимся на валу первой линии обороны, у развороченного частокола.

– Если наши не одолеют, – пробормотал Олдама, – хана нам всем...

– Одолеют! – уверенно прогудел Сулев.

И тут два клина сошлись. Их «острия» смялись с грохотом и лязгом, первые ряды секли друг друга мечами, а вторые ряды бились через головы первых, доставая противника топорами-бродексами.

Викинги напирали с горки, сталкивая русов, но варяги не уступали, отжимая свеев обратно за вал. Валит оглянулся – то ли четыре, то ли все пять клиньев сошлись на

передовой и плющились, разворачивались, шли стенка на стенку. Пыль и пепел, поднятые сапогами, повисли непроглядной тучей, из которой неслись короткие яростные выкрики и вопли боли, ругань и вой. Орала на русском и свейском, языки мешались, как грязь и зола, и доходили до слуха неразборчивым и не благим матом.

– Валит! Сулев! – крикнул Олдама. – Ко мне!

Сын Низры оторвался от зрелища битвы и подбежал к командиру.

– Тут и без вас справятся, – рубанул Олдама, – а вы мигом на берег, к Ешкиной запруде! Там эти... арабы. Поможете им!

– А... как мы с ними? – растерялся Валит. – Я по-арабски только «здрасте, до свиданья!»

– Бегом, я сказал! – осерчал Олдама, и Валит с Сулевым помчались, куда им было сказано.

Пробравшись хилым сосняком, Валит выбежал к запруде и увидал дивные вещи. У берега покачивались плоты, вязанные из бревен, а на тех плотках стояли маленькие срубы, крытые лесинами. В стенах срубов зияли оконца-бойницы.

– Ишь что придумали! – восхитился Сулев.

– Что это? – не понял Валит.

– С реки бить будем! – захохотал сын Каницара. – Айда!

Арабы как раз кончали свою молитву. Отбив положенные поклоны, они вставали с ковриков и обвешивались оружием – у кого сабля была, у кого лук в саадаке.

– Халид! – окликнул Сулев араба в длинной кольчуге, надетой на еще более длинный кафтан. – Мы к тебе!

Халид махнул рукой:

– Идемте!

Он перепрыгнул на плот, Сулев скакнул за ним, Валит последовал за товарищем. Из тесного сруба выглянул Ошкуй и спросил:

– А стрелы где, Халид?

Увидев друзей, Ошкуй осклабился:

– И вы здесь? Добро!

– Привет, Ошкуй! – Валит заглянул в сруб и сильно удивился – на мокрых бревнах «пола» валялись лопаты и кирки. – А это зачем?!

– У-у... – Ошкуй сделал значительный вид. – Тут, брат, такая штука... Что ты!

– Какая штука? – пристал Валит.

– Ход рыть будем! – сказал Халид.

– Ход?!

Халид кивнул.

– Станем у крепости, – заговорил он, – и начнем рыть!

– Не выйдет, – сказал Валит разочарованно. – Со стен заметят.

– Не заметят! – ухмыльнулся Ошкуй. – Мы под водою рыть будем.

– Под водою?!

– Под нею, – кивнул Халид, – и выйдем в колодец крепостной.

Валит только головой помотал: ну, дела!

– Успеть бы только до вечера... – озаботился Халид и встрепенулся: – Отчаливаем!

Арабы на берегу загомонили и попрыгали на плоты. Всего плотов было пять, и на самом большом аж два сруба стояло.

Течение подхватило плоты и понесло вниз по реке. Путь был недолог, скоро над мутными водами Олкоги разнесся шум битвы, потом открылись башни крепости.

– Подгрэбаем!

Плоты доплыли до места и бросили якоря – тяжеленные камни на пеньковых канатах – совсем рядом у восточной стены крепости. За частоколом показались шлемы свеев. Русские лучники с плотов тут же послали тяжелые стрелы, сковырнув пару любопытных.

– Ныряем с этой стороны! – скомандовал Халид. – Дышать через камышинки, не

выныривать! Метить на башню угловую! Рыть начнем с глубины сажени и чуток забирать вверх. Работаем так – один роет, другой дышит через камышину. Потом меняемся! А третьему и четвертому – стенки крепить. Поначалу будет сложно, а потом, как выше реки подыдемся, сразу полегчает! Главное – мимо колодца не пройти!

– Не бойсь, – пробасил Сулев, снимая рубаху, – не пройдем! В тот колодец телегу опустишь – стенок не заденет! Широкий...

Валиту с Сулевым выпало копать первыми. Сын Ниэры заткнул ноздри, взял в рот длинную камышинку, а в руки – кирку и прыгнул в реку. В этом месте было мелко – плес, но мутная вода скрывала надежно. Валит еще побаивался, что может всплыть ненароком, но зря – тело стремилось вверх поплавром, а кирка тянула вниз, как грузило.

Сын Ниэры плыл с закрытыми глазами, работая ногами, – одной рукой он сжимал инструмент, а другой придерживал дыхательную трубку. Плыл, плыл, иногда задевая Сулева, и приплыл в камыши, что шуршащей полосой окаймляли крепость по берегу. Осторожно высунув голову из воды, Валит сориентировался – отклонился он от курса лишь на пару шагов. Восьмигранная угловая башня высилась совсем рядом, на крутизне, чернея деревом с зелеными проплешинами мха. Рядом вынырнул Сулев, фыркая, как тюлень. Мокрые волосы сына Каницара перепутались с зелеными водорослями, по лбу сползала ряска.

– Ты на водяного похож! – прошептал Валит. – Начали?

– Начали! – кивнул Сулев. Набрал воздуха в грудь, с мехами схожей, и скрылся под водой. Валит последовал за ним.

Камыши место, выбранное под рытье, не прикрывали – круто обрывался бережок. Валит ощупал скользкий обрыв, руками счистил мягкие наносы. Открыл глаза, но ничего не увидел – сплошная муть. Сын Каницара деликатно постучал его по спине, и сын Ниэры отодвинулся. Сулев ткнул в берег лопатой – это было хорошо слышно – и отвалил пласт глины. Подцепил еще, и еще, и еще. Передал лопату Валиту и подвсплыл, припадая к камышинке – отдышаться. Валит и сам чувствовал, что воздуху в легких маловато будет, но разок лопатой зацепил грунт. Копнул, наваливаясь всем телом и болтая ногами. Пустил пузыри. Все! А тут и Сулев поспел, перенял лопату. Карел не стал доставать трубку из-за пояса, заплыл в камыши и уже там отдышался. Наглотался воздуха до головокружения и вернулся сменить чудина.

Так они и менялись, пока вырытая ими нора не углубилась шага на три. Ошкуй с Халидом вертелись поблизости, укрепляя стены хода наколотыми чурбачками и досочками.

Вымотавшись, Валит с Сулевым вернулись на плот. Сил выбраться почти что не было, арабы помогли, вытащили. Валит растянулся прямо на мокрых бревнах и глядел в небо. Век бы так лежал! Нельзя... Валит сунул палец в ухо и вытряс оттуда воду. Шум боя, доносившийся с берега, стал слышнее. Вот как тут лежишь?! Люди там бьются насмерть, а он разлегся...

– Поплыли? – спросил он Сулева, прислонившегося к срубу.

– Лежи! – буркнул Сулев, не раскрывая зажмуренных глаз.

– Надо же побыстрее...

– Куда ты годеи сейчас, паря? Силы сначала набери!

Валит вздохнул. Совесть его стала чиста – не пускают его подвиг совершить! Он приподнялся и сел, заглянул в сруб. Там вертелись два лучника, пуляясь по стенам крепости. Толку в той стрельбе было мало, но именно она оправдывала заякоренные плоты. Иначе у свеев сразу подозрения закопошатся – а чего тут эти плоты делают? Не замыслили ли чего хитрые русы? А их стрелами, стрелами! Какие уж тут подозрения...

...Солнце поднялось в самую высокую точку своего пути по небу и стало клониться к закату. День был в самом разгаре, когда ход поднялся выше уровня реки. Дышать «проходчикам» было нечем, и смекалистый Веремуд приспособил кузнечные мехи – закачивали воздух через кишку. Выбранную глину ссыпали в кожаные мешки и опорожняли под водою. Разводов грязных со стен крепости было не видно – Олкогу не зря прозывали

Мутной... Долбежка заняла два дня и две ночи.

Валит, мокрый от воды и пота, оглянулся на вход, едва просвечивавший сквозь воду, оторвал от земли неподъемную кирку и продолжил долбать чертову глину, рыхля грунт под лопату. Сипло поддувало из кишки, но сырой стоячий воздух все равно был тяжел – дышишь, дышишь, а в голове муть, как в Олкоге...

С плеском вынырнул Сулев.

– Моя очередь! – сказал он глухо.

– Щас... – выдохнул Валит и бочком протиснулся к воде, стараясь не касаться крепежа. А то мало ли... Рухнет пласт и похоронит на хрен!

Окунувшись в воду, Валит ощутил прохладу. И струйки пота перестали щекотать щеки и жечь глаза. Когда же кончится эта копка?!

Вынырнув в камышах, Валит отпыхался и глянул на реку. Плоты мирно покачивались на мелкой волне, стрелки азартно слали стрелы, выбивая редких свеев на стенах крепости, а за рекой мирно, как всегда, зеленел лес.

Рядышком вынырнул Халид. Отплевался, отер лицо и сказал:

– Скоро уже... Шагов пять осталось!

– Целых пять? – огорчился сын Ниэры.

Халид рассмеялся.

– Поплыли! – и нырнул. Валит устремился следом.

Подплыв к плоту со стороны реки, Халид сел на крайнее бревно и поболтал ногами.

– Ну и рыбы у вас... – промолвил он. – Все время натыкался! То сиг, то лосось... Богатая река!

– Это да! – гордо согласился сын Ниэры из рода Лося. – Что есть, то есть!

Рядом с плотом, отфыркиваясь, всплыл Ошкуй.

– Перекусим, может? – предложил он. – А то у меня какое-то щемящее чувство...

– Давайте! – согласился Халид.

Перекусив той самой рыбой, жареной и вареной, проходчики полежали пузом кверху, погрелись на солнышке и снова окунулись в работу.

– Это точно колодец? – спросил Халид, ощупывая холодные, сырые бревна, открывшиеся в конце прохода.

– Точно! – кивнул Сулев. Он сунул нож между бревен и добавил с удовлетворением: – Сухо! Выше воды вышли!

– Надо бревно вытаскивать! – прогудел Ошкуй снизу, от входа.

– Да как ты его вытащишь? Колупать придется!

Сулев всадил нож в дерево, подцепил и отколупнул изрядную щепку:

– Порядок! Трухлявое!

С деревом дело пошло веселее – воздух в щель сочился свежий, в голове не мутилось, как при копке.

Валиту досталось выламывать последний слой. Втащив обломки в ход, Валит осторожно просунулся в колодец. Вода плескалась рядом, рукой дотянешься. Вверх уходил квадратный колодец, обрамляя голубой лоскут неба. Внезапно голубой квадрат словно отгрызли с краю – показалась голова свея. Валит молниеносно нырнул в ход. Гремя по стенке, в колодец спустилось ведро на веревке, плеснуло, зачерпнуло воды и плавными толчками пошло вверх.

– Уходим! – прохрипел Халид. – Отдыхаем до первой звезды!

– Может, наши еще раньше свеев побьют? – загадал Ошкуй.

– Побить-то побьют... А свеи в крепости укроются.

– Тут-то мы их и возьмем! – кровожадно заключил Сулев.

В проводники Олегу дали седого, но бодрого и крепкого старичка-ижора по кличке Урий. Имени своего Урий не открыл, да и к чему оно Олегу? Шли быстро, часто переходя на бег, но Урий не сдавал, пер себе и пер. Хотя, если честно, то пер не он, а Олег. Ломился через кусты, что твой лось. А вот Урия и вовсе слышно не было. Идет по валежнику – не хрустнет у него ничего. По листьям топают – ни шелеста, ни шороха. Леший он, а не урий...

Тропа то взбиралась на обрыв, то спадала к самому берегу, уводила в лес, растворялась в траве, но Урий находил ее тут же – то валун приметный углядит, то сосну изгибистую. Внезапно Олег расслышал резкие, дребезжащие звуки, несущиеся из леса, и остановился. Урий тоже замер, а после расслабился, улыбнулся и поманил Олега за собой.

Крадучись, он вышел на край большой поляны, посреди которой росла ель. Ветер ли изломил дерево или время, а только рухнула елка, оставив по себе шипастый обрубок. Возле елки сидел на заднице медведь и с интересом музицировал – дернет когтями дранку и слушает. Наслаждается.

– «Медвежье кантеле», – улыбнулся Урий. – Мишка любит!

Медведь недовольно обернулся, увидал людей и заворчал.

– Помешали ему! – усмехнулся Олег.

Косолапый поднялся – зад в сухой траве – и трусцой убежал в лес.

– А вот это уже не мишка... – прислушался Урий.

Олег напряг слух. Издалека докатились звуки неясные, смутные, но явно человеческой природы – лязгал и скрежетал металл.

– Война идет! – посуровел Урий.

– Вперед! – скомандовал Олег.

Чем ближе становилась Альдейга, тем явнее прорезались звуки битвы, делились и множились, приобретали оттенки. Олег с Урием вышли к курганам, и тут же из травы поднялись трое молодых карел весьма сурового вида, вскинули луки и натянули тетивы.

– Не стреляйте! – поднял руки Урий. – Свои!

Олег вышел вперед и сказал:

– Я – Олег сын Романа! Вы кто?

– Мы? – прокряхтел один из карел, держа лук в натяжку. – В дозоре мы!

– От кого?

– От Улеба конунга! – доложил карел и рассердился: – Ты кто таков, чтобы нас спрашивать?!

– Я был послан конунгом, – твердо ответил Сухов, – и ответ держать буду перед ним! Ведите меня к Улебу!

Карелы, сблизив головы, посовещались и отрядили двоих с Олегом, оставив Урия под охраной третьего стража.

Карелы, часто поглядывая на незнакомца, повели его, по дуге обходя Альдейгу, ставшую театром военных действий. Наконец они достигли леска возле западной окраины города. Лесок этот кишел пешими и конными, копейщиками и лучниками, здоровыми и ранеными.

Навстречу Олегу с радостными криками выскочила Чара.

– А Пончик?! – вскричала она.

– Живой, живой Пончик! – поспешил заверить Сухов. – Конунг где?

– Здесь он! Дана его перевязывает!

– Ранен? – нахмурился Олег.

– Пустяки... – послышался густой баритон, и из шалаша, ставшего «лазеретом», выбрался Улеб конунг. Левая рука его была на перевязи. – Что скажешь?

Олег выпрямился, еле задавив в себе желание отдать честь, и отпартовал:

– Конунг, твое задание мы выполнили! Рюрик со сборной дружиной прибыл и ждет твоих приказаний. С ним двадцать больших сотен.

Улеб расплылся в довольной улыбке:

– А почему Асмуд сам не явился?

– Сгинул Асмуд, – глухо сказал Олег. – Положил многих на Дине и сам смерть принял... А Крут в землях пруссов погиб.

Улеб посуровел и умолк. Молчал и Олег, вспоминая погибших друзей. Наконец конунг встрепенулся:

– Передай Рюрику – пускай реку перекроет выше и ниже Альдейги! Там же пусть и высаживается! На севере командует Шаев, на юге – Лидул. А теперь поспеши к рейксу – пора кончать со свеями!

– Бегу! – бросил Олег.

– Стой! – усмехнулся Улеб. – Бегун... Коня моего возьми!

Олег спорить не стал. Влез в седло и поскакал. Мимо храма Велеса, мимо курганов и сопок, мимо поляны с «медвежьим кантеле»... Олег едва не пролетел и мимо стоянки варягов, но вовремя заметил за деревьями изящные силуэты лодий. Конь вынес его на узкий бережок, к которому приткнулись десятки кораблей, и Олег спрыгнул на песок. Варяги не ставили шатров и не разводили костров, они ждали приказа выступить. Рюрик, увидев Олега, мигом слетел с лодьи на песок.

– Ну что?! – крикнул он.

– Бьются наши! – ответил Олег. – И тебя ждут!

Наскоро передав слова Улеба конунга, Сухов принял из рук Пончика ковшик с квасом и осушил его.

– Ну?! – нетерпеливо выдохнул лекарь.

– Жива твоя Чара! – поспешил его успокоить Олег. – Жива и здорова. Скоро свидитесь – имей терпение!

Пончик радостно улыбнулся.

– По лодьям! – гаркнул Рюрик. – Гуннар, поведешь своих на юг! Остальные со мной! Ударим с севера! Вперед!

Сотни мечей и топоров вскинулись над головами, сотни глоток извергли ярое:

– Ран! Ран!

Паруса скатали и сунули в кожаные чехлы. Над водой заскользили весла. Их ладное движение не отражалось в замутненной воде. Гребцы не успели еще притомиться, а уж и курганы показались, вздыбились зелеными горбами. У этого места лодьи разделились: половина погребла далее к югу, на соединение с тысячей Лидула конунга, а сотни Рюрика приготовились к высадке.

– Поворот! – разнеслось над рекой.

Весла справа замерли, а те, что с левых бортов, загребли, разворачивая лодьи к берегу.

– Ходу!

Лодьи с разлету, скрежеща килями по мелкому дну, втесались в берег.

– Вперед!

Варяги, йомсвикинги, пруссы, галаты – все, кто пошел в поход за Рюриком, – ринулись к носам лодий, запрыгали кто на берег, кто в мелкую воду. В левых руках щиты, в правых – копья, мечи, топоры... Хоть сейчас в бой!

– Разобрались по десяткам! Полусотникам и сотникам вести! Па-ашли!

Олег с завистью проводил глазами гридней, трусцой удалявшихся на передовую. Нет того десятка, в котором он состоял бы, – статусом не вышел. Кто таков Олег Вещий? Ополченец. Как ни крути, как ни верти – боец второго сорта... Хилвуд вроде благоволит ему, да и Рюрик ласков, но что с того? Ежели он, Олег, в засаду попадет или, там, в полон угодит, гридь не кинется его выручать. Своего выручить – закон, своего гридь никогда и нигде не бросит. Пусть даже десятки лягут костями, чтобы спасти одного, но выручат! В гриди главенствует простой закон: «Все за одного, один за всех!» – и нет у него исключений. Но Олег – чужой, этот закон на него не распространяется...

Сухов насупился. Подождав, пока гридь пройдет мимо, он пристроился к толпе ополченцев, не имевших ни малейшего понятия о строе. Все перли, как им могло и

хотелось. Ополченцы переговаривались:

- Эх, врежем свеям!
- Видать, награбили добра...
- Ниче, не убегут! Лодьи дорогу-то перекроют!
- Во-во! Все нам достанется!
- Все, что останется! Или ты мыслишь, что гридь с тобой поделится? Ага, жди!
- Ниче! Всем хватит!

Полное радужных надежд, ополчение топало в бой. Обходя громадный валун, Олег двинул напрямки, через кусты, и споткнулся о свежий труп. И очень удивился. На траве лежал воин явно не северного обличья – волосы длинные, волнистые, цвета воронового крыла, а лицо смуглое, словно обожженное солнцем. Ромей? Да нет вроде... Не та амуниция. Какой у неизвестного шлем был, уже не узнать – некто, обладавший громадной физической силой, так треснул южанина по голове, что шлем на миску стал похож. А вот доспех знатный! Чешуйчатый! Одинаковые стальные пластины были сшиты вместе так, что и впрямь напоминали чешую. «Пригодится!» – решил Олег и снял доспех с южанина. Кольчуга – кольчугой, а и латы не помешают! С его-то умением...

Олег, кряхтя, напялил доспех поверх «бирни» и затянул кожаные завязки на боках. Новое железо ощутимо давило на плечи, но и защищало надежно.

- Олег! – крикнул Пончик. – Чего ты там копаешься?
- Бегу! – откликнулся Сухов, прилаживая ножны, и впрямь побежал – грузной трусцой.

А шум боя накатывал все ощутимей – воздух дрожал от лязга и грохота, густел от криков неистовства и злобы. Ополчение преодолело лесополосу, отделяющую курганы от северной окраины Альдейги, и сразу окунулось в битву.

- На врага! – послышался приказ Рюрика.

Вымотанное воинство Шаева криками радости встретило прибывших на подмогу и рассредоточилось, пропуская вперед свежие силы. Гридни Рюрика мигом построились клиньями и бросились на растерянных свеев. И пошла рубка! Редкими ручейками викинги и хускарлы все-таки просачивались между клиньев – и попадали под мечи ополчения. Хускарлы, те или сдавались, или гибли, а вот викинги ни плена не желали, ни смерти. Попробуй-ка, плени такого вояку или прибай, когда те с десяти лет к мечу приучены. Только победа в бою не силой обретается, а духом. С этим у викингов была проблема. Чужаки на чужой земле, они уже были готовы и от добычи отказаться, только бы вырваться из Гардов. Вернуться бы, отдышаться, забыться, зализать раны... Ан не выйдет!

Олег махнул катаной влево, подрезая зазевавшегося хускарла, махнул вправо, но не достал. Прянул от чьего-то меча, отбил и ударил снизу вверх, пропарывая низ живота. Свей рухнул на колени, воя и тараща глаза. Олег взбежал на взгорбок и увидел перед собой бывший Урманский конец города. Ныне улиц его будто и не было: повсюду метались сотни людей, истребляя себе подобных. Кровавая карусель...

Олега обогнали стрельцы. Защелкали луки.

Сухов отбивал «змея битвы» щитом или мечом, что не всегда удавалось: дважды стрелы ткнули его в панцирь, а одна пробила «подол» кольчуги и царапнула по ноге.

Внезапно картина боя изменилась – «карусель» откатилась к берегу Олкоги, очищая пустырь, заваленный трупами, ранеными, утыканный стрелами, заляпанный кровью. Там, где ранее проходила Варяжская улица, торчали стены полусгоревшего дома, а на самой «улице» рубился Рюрик сын Регинхери. Олег удивился – а где ж верные бояре? Чего не защищают рейкса? Подзабыли в горячке боя? Да разве можно о таком забывать?! И тут из уцелевшего дома полезли викинги. Один, другой, третий... Шесть голов! И шесть мечей... На одного Рюрика!

Сухов, словно забыв о килограммах доспехов, помчался наперерез свеям, вопя: «Берегись! Берегись!» Но рейкс не слышал его, фехтуя сразу с двумя викингами, наседавшими на него. Олег подбежал и оглянулся – где та шестерка? Вовремя! Тяжелое копьё неслось, выцеливая широкую спину Рюрика. Сухов изо всех сил долбанул щитом. Щит

треснул, а копьё прогудело над плечом Рюрика. Только тут рейк оглянулся, заметил Олега с выпученными глазами, набегавшую шестерку и крикнул:

– Со спины меня прикрой!

Рюрик и Олег стали спиной к спине, и пошло дело! На Сухова надели те двое, которых Рюрик не успел отослать к Одину в Вальхаллу. Рубаки они были знатные. Деморализованные, это верно, но жажда жизни и страх смерти добавляли викингам сил и упорства. Олег едва поспевал отбиваться, а уж о том, чтобы самому нанести удар, и речи не шло. Вот викинг справа, с перебитым носом и длинными усами, качнулся в сторону и ударил наотмашь, едва не опрокинув Олега. Сухова спас лишний доспех – панцирь принял на себя удар, одна из пластин лопнула, но кольчуга под ней выдержала. Уклонившись, он успел отбить удар того викинга, что бил слева, безусого, но с рыжей бородкой от уха до уха. Обратным ударом викинг вспорол панцирь у Олега на боку и сделал короткий замах, дабы покончить с вертким русом, заколов того, но не успел – напоролся на меч Хилвуда.

– Сюда! – проорал рядом знакомый голос. – Сюда!

Ладонь Рюрика хлопнула Олега по плечу, и лишь тогда он оглянулся. Кричал Хилвуд, подзывая гридней-телохранов. Из шестерки викингов уцелели трое, но ненадолго. Подскачившие гридни, красные от того, что подпустили врага к рейксу, мигом уделали выжившую троицу.

Олег медленно приходил в себя. А Рюрику хоть бы что! И ведь ни полслова не сказал. Олег ему жизнь спас, спину прикрывал, а вся награда – по плечу хлопок! С другой стороны, как еще-то? Театральные фразы типа: «Благодарю тебя, мой юный друг, ты спас меня от смерти!» у Сухова всегда вызывали острый приступ аллергии. Так что все путем...

– Бегут свеи! – крикнул Хилвуд. – Хо-хо-хо! Драпают!

– Не драпают они, – поправил боярина Рюрик, – а в крепости спешат укрыться. Теперь выковыривай их оттуда!

Пыль на поле брани оседала, шумы откатывались к крепости. Ополчение бежало вслед за отступавшими свеями, добывая отступающих и раненых, а на бывшей улице показалась делегация – впереди шел Улеб конунг, припадая на правую ногу, за ним шествовали бояре, все простоволосые, только один шапку боярскую не посеял – нес ее гордо, то и дело поправляя.

– Ну, здравствуй, зятек! – прищурился Улеб, подойдя ближе.

Рюрик поклонился ему:

– Здравствуй, конунг! Вот, поспел как будто... Хотя ты и без меня бы справился!

Улеб хмыкнул.

– А скольких бы я тогда потерял зазря? – ответил он.

– Вообще-то, да, – согласился Рюрик. – Ну что, осадим свеев?

– Ни к чему это, – усмехнулся Улеб. – Мои под шумок ход прокопали от реки, прямо в колодец крепостной. Так что, ежели кто не прочь освежиться, пушай готовиться! На рассвете вылезем из колодца и ударим по свеям изнутри. Достанем гадов из-под земли!

5

Ближе к вечеру на опустевшем поле брани появились люди в белом, собирая человеческие тела. Павших относили в лес, раненых и умирающих доставляли к лекарям, не разбирая, свой или чужой. Работы Чаре и Пончику привалило. Спасибо Дане. Ведуница взяла на себя самую тяжкую обязанность: она определяла, кого куда нести. Тех, кого еще можно было вылечить, относили к Чаре, а тех, кто не жилец, кому вышел срок, стаскивали на Велесову поляну. На поляне высилась большая деревянная статуя Велеса, но сюда сбредлись жрецы всех богов, даже те, кто возносил моления Тору и Одину. Жрецы утешали умирающих, рассказывали, как их встретят в чертогах Вальхаллы или на лугах Ирия, под сенью Мирового Древа... Каждому по вере его.

А на берегу, на фоне сверкавшей серебром Олкоги, чернела крепость. Свеев уцелело чуть более тысячи, но плена не хотел никто. Жить в цепях, прикованными к мельнице или к мехам на кузне?! Променять благородный удел воина на жалкую участь трэля?! Никогда! И swei готовились к бою, ожидали утра, когда русы должны были идти на приступ. Вот только у русов были несколько иные планы...

Валит выбрался из сруба и потянулся. Хорошо! Тяжкая усталость покинула тело. Мышцы еще побаливали, но силы возвращались к ним, вливаясь по капле.

– Ишь, сколько их там... – проворчал Ошкуй. – Глянь, по всей стене выстроились!

Валит глянул. Над частоколом поблескивали шлемы свеев – те стояли чуть ли не впритык.

– А что ты хочешь, – хмыкнул Валит, – сколько их туда набилось! Как яблок моченых в кадушку.

– Ниче... – выговорил Ошкуй с угрозой. – Обкусаем мы те яблочки!

– Эй! – окликнул их Халид. – Готовьтесь – гостей будем принимать.

– Оттуда?! – спросил Ошкуй, кивая на крепость.

– Отсюда! – рассмеялся Халид и указал на реку. – Самых ловких пришлют конунг и рейкс. Выйдут из колодца, как из преисподней, будет свеем банька кровавая.

– А мы что же? – обиделся Валит. – Нас в сторонку, да? Копали, копали, и на тебе...

– Не волнуйся – всем работы хватит. У меня тоже свой счет к свеем имеется, и одною киркой мне расплаты не добиться...

С тихим плеском вынырнула из воды голова, могучие руки уцепились за плот.

– Руку подай! – раздался негромкий басок.

Валит поспешно ухватился за мокрую ладонь и потащил «гостя» на плот.

– Не шибко теплая водичка... – проворчал тот.

– Какая есть, – буркнул Валит.

«Гость» коротко хохотнул. Поплавками на воде закачались еще две головы, и еще, и еще...

– Долго плыли? – спросил Ошкуй.

– Да мы по течению, – добродушно ответил один из прибывших. – Тока взмок маленько!

«Маленько»... «Гости» и «хозяева» с трудом задавили смешки.

– Когда двигать? – серьезно спросил Халид.

– Конунг ваш сказал, как восход засерееет, так и начнем! Вы с нами?

– Обязательно! – быстро ответил Халид.

– Мечей не брать! – строго предупредил старший у «гостей». – Ножи только! Вырежем, сколько успеем, вражья, дозорных снимем, а Якко с Карлом ворота откроют!

– Там брус тяжелый! – предупредил Валит. – Вдвоем несподручно!

– Да? – задумался старший и позвал тихонько: – Велим! Здесь ты?

– Угу... – пробасили из сруба.

– Пойдешь третьим, с Якко и Карлом. Лады?

– Угу...

Взошла луна. Смутно завиднелись очертания крепости, подсвеченные парой костров со двора. Из-за стен ни звука не доносилось. И в округе стояла тишина – гриди Рюрика и Улеба перемешались давно и спать завалились, пользуясь краткими минутами покоя. Иные, правда, повстречали старых друзей, с которыми ходили в походы и вели беседы у костров, но говор их гас в темноте, не доносясь до реки.

Короткая летняя ночь минула быстро. Небо за лесом, что на том берегу Олкоги, налилось серым, призрачным свечением, предвеляя восход.

– Пора! – решил Халид и стащил с ног мягкие сапоги. Босые «гости» серьезно покивали

головами.

– Валит! – сказал Халид. – Ты первый пойдешь, поведешь всех!

Сын Ниэры моментально надулся от гордости и кивнул.

– Штыри не забудь! Тебе втыкать!

– Взял я, взял!

Валит показал тяжелую связку бронзовых штырей.

– Ну, все тогда! Пошли!

Валит сел на край плота и соскользнул в воду. Сумка со штырями тянула вниз, но легкие, полные воздуха, удерживали плавучесть. Сын Ниэры проплыл к камышам на одном дыхании. Вынырнул, подышал, дождался, пока остальные подплывут, и ушел на глубину, рукою касаясь одного из «гостей» – тьма стояла полнейшая, не поманишь. Вот и вход...

Ощупав пальцами столбики, обрамившие «нору», Валит вплыл в зияние, отталкиваясь руками от пола, и вынырнул в душной темноте. Выбравшись из воды, он двинулся на карачках к бреши в стенке колодца и осторожно просунулся в нее. Квадрат ночного неба едва ощутимо мерцал в вышине.

Валит достал штырь, прогнулся и воткнул его между брусьев колодезного сруба. Щель была малой, но достаточной, чтобы пропустить бронзовое острие. Все, завяз. Держится? Он пошатал штырь. Вроде держится... Подтянувшись, Валит выбрался из бреши и стал ногами на ее край. Держаться можно было только за воткнутый штырь, до противоположной стенки не дотянешься. Карел примерился и воткнул второй. Прочно сидит.

Он поставил ногу на первый штырь, выпрямился и, держась за второй, вонзил третий... Из бреши уже дышали, слышен был шепот и даже хихиканье.

Израсходовав почти все штыри, кроме двух, Валит добрался до верха колодца и осторожно приподнял голову над краем его. Пара костров посреди крепостного двора почти догорела, а предрассветные сумерки только вносили путаницу, смешивая тень и свет. Валит осмотрелся. Свечи были повсюду. Усталые и надломленные, они спали черным сном, больше похожим на обморок, без сновидений и неги. Лица потные, стоны со всех сторон, руки подергиваются, будто продолжая наносить удары.

Сын Ниэры бесшумно перевалился через край, и тут нога его ощутила под собой мягкость человеческого тела. Чертов свей пристроился спать под стенкой колодца!

Валит отдернул ногу и напряг зрение. Вроде спит... Вот голова... Спящего резать?.. Так сам же вызвался!

Он осторожно переступил через свей, присел на корточки. Где нож? Вот нож... Нашарив пальцами затылок свей, Валит задержал дыхание и коротко, сильно нажал на рукоятку ножа. Лезвие вошло в шею спящего, так и не пробудив его, только дрожь прошла по телу и оборвалась. Готов.

Над срубом колодца показалась голова и шепнула голосом Карла:

– Чисто?

– Чисто! – ответил сын Ниэры. – Одного я уже... того.

– Туда его...

Один за другим «гости» и «хозяева» повылазили из колодца. Трое двинулись к воротам, еще три тройки пошли по двору, убивая направо и налево, а Валит, Халид и Ошкуй отправились на западную стену – снимать дозор.

Босые ступни касались земли без шума, особенно приятно было ступать по траве или теплой еще пыли. Потом Валит почувствовал доски. Тоже ничего... На стене Халид легонько пихнул его вправо, а Ошкуя – влево, показывая, куда тем идти. Валит заскользил, куда ему было сказано. Луна светила в глаза, и сын Ниэры приставил ладонь ко лбу, высматривая дозорного. Сбоку шевельнулась тень. Карел пригнулся, отводя нож. Спит страж? Во сне ворочается? Страж не спал. Хускарл крепкого сложения метнулся к сыну Ниэры, ухватил его и так шмякнул о частокол, что нож рыбкой улетел за стену.

– С-скотина! – вырвалось у Валита.

Хускарл опрокинул его на доски, навалился, стал душить. Карел напрягся, но тушу свей

свалить не смог. Его рука зашарила по панцирю хускарла и ничего не нашла, ни перевязи, ни меча на ней. Пояса, и того не было. Чувствуя на горле крючковатые пальцы и зловонное дыхание, он сунул руку под себя и нащупал штырь. Сжав это подобие «заточки», он воткнул его свею в бок. Хускарл закричал, призывая на помощь. Валит рукой заткнул ему рот и ударил снова, протыкая вражине шею. Забрызгала горячая кровь, свеи заелозил на досках, сразу ставших мокрыми и скользкими, а карел поднатужился и скинул свея с себя.

И в этот самый момент дремотную тишину прорезал дикий крик. Словно волны, разошлось смятение. Свеи туго выходили из сна, ропот заходил по двору, то поднимаясь до зычного говора, то рассыпаясь на шепотки. Еще один вскрик, донесшийся от ворот, был как сигнал к побудке. Лагерь загомонил, резкие голоса командиров вносили порядок в хаотическое движение тел. Свеи обнаруживали многих своих товарищей мертвыми, и это усиливало страх и сумятицу.

В это время с пронзительным скрипом пошли отворяться ворота, молчаливые гридни хлынули на крепостной двор, и вопли стократно усилились, заметались между стен, сложились во множественный рев.

Валит мигом сел и принялся разувать убитого им стража. Тот еще подергивался, когда он сдернул с него сапоги. Великоваты малость... А, ерунда! Меча сын Ниэры так и не обнаружил, а вот копьё имелось. И то хлеб...

Ссыпавшись по лестнице во двор, он с разбегу воткнул копьё в замешкавшегося свея. Тот упал, чуть не сломав оскопище. Валит выдернул копьё.

– Эгей! – окликнул его Халид. – Примыкай! Одному не выстоять!

Карел оглянулся – араб, вооружившись трофейным мечом, ловко им орудовал, отнимая жизнь у заспанного свея. Рядышком орудовал Ошкуй, помахивая излюбленной секирой.

– Глядите, чтоб своих не порубить! – проорал Халид, перебарывая обвальный шум боя.

– Мы глядим! – прокряхтел Ошкуй, смахивая рябому хускарлу голову в круглом шлеме.

– Мы сдавайся! – завывли хускарлы, бросая оружие и задирая руки. – Сдавайся, сдавайся!

– Туда! – рявкнул Халид, указывая мечом на навесы, под которыми все еще серебрились связки награбленных мехов. Пленные живо дунули к навесам.

К рассвету сражение подошло к концу. Примерно сотни полторы викингов окружили Эйрика конунга и отступали к восточной стене. Свеи сдавались пачками, но эти держали оборону до последнего. А когда их приперли к стене, викинги полезли по лестницам на забороло и удивили всех. Поскидывая брони и шлемы, они стали сигать в Олкогу. Сам Эйрик, сын Энунда, потрясая мечом и неслышно бранясь, в одной рубахе и портах, вспрыгнул на парапет и кинулся вниз.

– Стрельцам на стены! – разнесся приказ.

Лучники кинулись на стены. Валит, оглядев двор и убедившись, что победа за ними, взбежал следом. Викинги саженками переплывали Олкогу. Самые быстрые уже выбирались на берег. Стрелы доставали многих – пловцы дергались, вытягивались, и течение подхватывало мертвые тела, унося в озеро Нево.

Викинги, однако, плавали хорошо, и сотня свеев, во главе с конунгом, ушла, растворилась в лесу.

– Да и тролль с ними! – заорал Ошкуй, оказавшийся рядом с Валитом. – Ребята! Победа!!! Победа, понимаете?! Мы побили свеев!

Радостный гвалт поднялся в крепости, покружил по двору и выплеснулся за стены. Гридь подхватила победные вопли и разнесла их далеко, но даже из леса, из чащоб и с полян его накатывал радостный крик, неистово стучали мечи о битые, изрубленные щиты. Победа!

Путь сквозь дебри русского леса был долог. Несокрушимые викинги, гроза морей, вязли в болотах, продирались сквозь плотные заросли колючей ежевики. Трое поломали ноги, перебираясь через скользкие стволы бурелома. Будущее этих неудачников решили голосованием. Человек сорок предложили обезноживших бросить или прирезать «из милосердия», но большинство все же постановило дотащить их на носилках. Вероятно, рассудив, что и их самих может постигнуть подобная участь. А оказаться брошенным на чужой земле не захотел никто. Вот только куда тащить эту троицу с ногами в лубках? Куда им всем направляться? Пешком в Свеарики? Судили-рядили недолго. Опасались, что по их следам пустят молчаливых финнов, а у тех рука тверда и глаз меток – перещелкают всех из луков, и вся недолга... «Двинули к Ильменю, – решил за всех Эйрик, – а там приищем какую-никакую лодейку!» На том и сошлись.

Долгое блуждание по лесу доконало даже поддоспешники. Толстая ткань была изорвана так, что набивка торчала из дыр, как заячьи хвосты. Дрэллеборг и Гадар обошли по широкой дуге и выбрались к ильменским берегам.

Пробираясь мстинской поймой, пришлось понервничать – мало того, что заливные луга топкими были, так они еще и открыты для глаз. Пронесло.

Эйрик сын Энунда пробрался через заросли ольхи и выбрался на обрывчик, срывавшийся к шуршащим камышам. Ильмень-озеро раскатывалось до самого горизонта, блестело и переливалось, ветерок погонял мелкую волнишку. Все вокруг было пронизано, пропитано покоем, мирные пейзажи навевали дрему, а избитые ноги просто вопили, требуя упасть на землю и снять колодки сапог. Эйрик послушался своих нижних конечностей – сел, стянул раскисшую обувь, вытянул гудевшие ноги. Пушай подышут маленько...

Конунг до того устал, что даже грызшая его утрата мужской силы оставила ум. И разгром его войска, и потеря знатной добычи – все это отошло на второй и третий план. Что – поражение? На то и война, чтобы кто-то ее проигрывал! Разве он всегда одерживал победу? Нет, порой приходилось отступать, бежать даже. И что? Даже самые грозные звери, вроде льва, коего он видал в Сёркланде, или медведя, бегут, если не могут победить. Нету в том позора. Срам был бы, ежели, скажем, он сам утек, а дружину свою бросил. Так ведь с ним она, дружина его! А кто не с ним, тот сдался. Стало быть, самые сильные и умелые не в плену... И все равно, до чего же жалко все потерять! Людей не жаль, люди смертны. Одни умирают, другие приходят им на смену, подрастают и становятся в строй. Добытого жаль! Сколько мехов... А золотишка нагребли сколько – с баб срывали, по сундукам нарыли... И все, добытое воинским трудом, все пропало!

Затрещали кусты, и Эйрик вздрогнул. Нет, то не местные. Из зарослей выбирался Дюк Славянин.

– Конунг! – сказал он, растягивая губы в улыбке. – Тут к тебе!

– Кто там еще? – проворчал Эйрик, поднимаясь.

– Я это! – сказал знакомый голос, и на бережок выскользнул Вадим ярл, пообносившийся, в изгвазданном корзне, но все с той же ядовитой ухмылочкой на небритой роже.

– И ты здесь, конунг гардский? – усмехнулся Эйрик.

– Смейся, смейся, – протянул Вадим. – Сам небось в дураках остался, чего других подначивать?

– Ладно, – буркнул Эйрик, – ладно...

– Ладно, – согласился Вадим. – Давай договоримся, конунг... Сюда я еще вернусь и устрою всем этим рюрикам и улебам веселую жизнь, но пока... Короче, у меня лодья, у тебя гребцы. Соединимся! Дом в Бирке у меня стоит, перекантуюсь пока под твоею рукою, поднакоплю силенок и вернусь. И тебе кой-чего верну из потеряного...

– Соединимся... – процедил Эйрик. – Это ж с твоей подсказки я здесь оказался!

– У тебя было все, конунг! – жестко сказал Вадим. – Все, чтобы грабануть Гарды и смыться. А ты? С моей, что ли, подсказки лодьи твои пожгли? Это ты Альдейгу спалил! Вот тебе и ответили. А как ты хотел?!

– Цыц! – мрачно ответил Эйрик. – Хватит болтать... Веди к лодье!

Солнце уперлось в зенит, когда из прибрежных камышей выскользнула длинная синяя лодья. Сотня угрюмых викингов сидела на веслах и гребла к югу, направляясь к волокам. Эйрик конунг восседал на месте кормщика и правил. Он глядел поверх голов своих хирдманов, на мутный синий горизонт, и во взгляде его читалась тоска. Эйрик Энундсон ничего не ждал от будущего. Все, что он имел, осталось за кормой Вадимовой лодьи. Он всегда горел желаниями, пламенел энтузиазмом и азартом, зажигая дружинников своих, а теперь... А теперь ему осталось тихо тлеть. Дотлевать в сонном оцепенении пустопорожние годы убогой и нищей жизни. Он глянул вниз, сжал ноги, разжал. Ни искорки... Огарок плоти. Конец.

Глава 22

Долгожданная тишина опустилась на Альдейгу. Убитых убрали с поля брани, снесли под деревья, сложили в рядки – уважительно ко всем, и к захватчикам, и к защитникам отечества. Пленных взяли под стражу и развели по загонам. Раненых уложили в терему – Пончик и Чара верховодили в этом импровизированном госпитале, а дворовые девки обратились в сестричек милосердия. Кровавые лужи засыпали песком. Трофейное оружие охапками сносили в крепость. Мир.

Олег сидел под стеной Воротной башни, держа катану на коленях. Сидел, тупо уставясь перед собой, и ни о чем не думал. Все мышцы ныли – особенно на правой руке. И ноги болели – побегай-ка в полупудовой кольчуге! Да еще панцирь сверху...

Раньше Олег читал, что после баталии воины чувствуют опустошенность. Лично он ощущал покой. Полный покой. Полный и бесконечный – Будда бы позавидовал.

– Олег! – позвал чей-то голос.

«Меня, что ли?..» – проползла ленивая мысль. Из-за угла вышел Хилвуд.

– Вот ты где, – сказал боярин. – Пошли в баню!

– Да я... как-то... – растерянно промямлил Олег.

– Пошли, пошли... Попаримся! И кровушку смоем, и смертушку...

Олег с трудом поднялся – точно, умаялся! – и поплелся вслед за Хилвудом. Боярин провел его в самый дальний угол крепости, туда, где в низинке стоял большой потемневший сруб. Это была банища.

В предбаннике крутился конопатый отрок зим пятнадцати от роду. Хилвуд передал ему оба меча, свой и Олегов, и конопатый с почтением принял оружие. Из мовни меж тем доносился хор голосов, обходившихся, в основном, междометиями, а также криканьем, стонами, фырканием и воздыханиями.

– Пошли, – молвил Хилвуд.

И Олег нырнул в маленькую дверцу, из которой дохнуло паром. Пахло квасом, дубовыми листьями, мятой, хвоей, травами, пучки которых висели под потолком, и еще чем-то, неопределенным, но знакомым с самого детства. Вдоль стен стояли лавки, а пол покрывали толстые желтые циновки. Десяток распаренных голых тел потели в мовнице, плескались из деревянных ушатов, терли друг другу спины лыковыми мочалками, чуть не сдирая кожу, зверски охаживали вениками на полках в парильне.

Там гудела открытая топка массивной каменки, бросая в полутьму багровые блики. Бурлил кипяток во вмурованном котле, у дальней стены стояли приземистые бочки со студеной ключевой водой. Пар был добрым, и Олега быстро проняло до костей. Поначалу он вознамерился обмыться и по-тихому уйти, но Хилвуд, отчего-то взявший над Суховым шефство, не отпустил. Дозволив наскоро сполоснуться, Хилвуд снова поволок Олега в парильню, в самое пекло, где впору супы варить, а не живых людей запаривать, – и давай вениками стегать, то хвоей охаживая, то листом.

В предбанник Сухов выполз, едва дыша. Обтерся полотенцем, оделся во все чистое –

отрок выдал, вышел, вобрал полную грудь чистого воздуха и ощутил, что жизнь дается дважды, и второй раз случился только что. Истома в теле была, а усталость, надлом душевный исчезли – выпарились, возогнались. Потягиваешься с приятностью... Хорошо!

– Пошли! – вынырнул сзади Хилвуд. Опять «пошли!» Куда «пошли»? Зачем? Сонными, ленивыми пчелами роились подозрения, предположения, догадки...

Хилвуд вывел Олега к гриднице, к ее крыльцу, по которому подняться мог только воин из дружины конунга. Сейчас на крыльце, отвалившись на подушки, полулежал Рюрик – бледный, слабый, от шеи до пояса перемотанный чистой льняной тканью. Рядом с ним возвышался Улеб конунг. Сам-то рейкс еле языком ворочал, а у Улеба глотка, что твой репродуктор, – любого переорет.

Вокруг крыльца стояла дружина-гридь, все в чистом после бани – морды красные, волосы распущены. Теперь им всем предстоит пост – дня два-три. Восколебали они мечами да копьями своими грань между миром живых и иномирьем, обителью мертвых, протаяла она кое-где, ослабла. Пуцай теперича зарастает, иначе беда может случиться.

Отдельно стояли отроки с мечами и при щитах – те, кто не проливал сегодня крови.

– Все тут? – гаркнул Улеб.

– Все, конунг! – вразнобой ответила гридь.

Улеб конунг поднял здоровый мешок, в котором громко зашуршало.

– Вот! – гаркнул он. – Тута ото всех концов и улиц береста. Некогда нам было круг собирать – война! – так мы собрали берестяные грамоты. Народ прислушался к слову моему и поставил на бересте одно и то же имя... Рюрик!

Перетасованная гридь взревела.

– Слушайте рейкса, как меня, – договорил Улеб. – Людям я послужил изрядно, пришла пора службу Перуну нести. А теперь...

Улеб склонился к Рюрику, выслушал, кивнул и распрямился.

– Олег, сын Романа! – вызвал он.

Олег похолодел – кишки будто в морозилку засунули.

– Здесь я, конунг, – шагнул Олег. Сердце колотилось... Как это у Миронова?

Но бьется живчик между жил:

«Я жив, я жив, я жив, я жив!»

– Ближе подойди, – проворчал Улеб. Впрочем, довольно добродушно...

Олег подошел ближе и остановился в двух шагах от крыльца. Он все еще не понимал, что происходит и при чем тут Олег, сын Романа. Рюрик поднял взгляд, осмотрел Олега, потом перевел зрачки на Улеба. Тот кивнул – понимаю, мол, – и заговорил с торжественностью:

– Олег, сын Романа! Ты уберег рейкса от смерти и бесчестья! Ты храбро бился и сослужил рейксу хорошую службу. И рейкс спрашивает тебя: чем отдарить за нее?

Олег с трудом сглотнул, чуть не закашлялся, но твердо выговорил:

– Возьми меня в дружину, рейкс! Остальное я добуду сам.

Дружина зашумела. Олег внутренне сжался – а ну как погонят? То-то сраму будет...

– Братие, дружино! – воззвал Улеб. – Согласны вы?

– Да-а! – заревела гридь. Отроки забили мечами о щиты. Вапнатак!

Улеб подошел к Олегу – тот глядел на него глаза в глаза, задыхаясь. Конунг неожиданно подмигнул ему.

– Отныне ты – дренг! – прогудел Улеб, кладя свой меч плашмя на Олегово плечо. – А сейчас...

Конунг с улыбкой переждал биение вапнатака и закончил:

– А сейчас гулять будем!

«А пост?» – удивился Олег. Но противиться не стал – пост ему был не по нутру в обоих смыслах. Есть хотелось ужасно! В животе было пусто, а теперь и в голове абсолютный вакуум. Он – дренг!

– Пошли! – хлопнул Олега по плечу Хилвуд. – Доволен?

– Не то слово!

Дружина повалила в гридницу, где шустрые девки уже накрыли столы для пира.

Меню было разнообразным: с мясом и рыбой, с жареными гусями и поросятами, грудями пирогов и расстегаев, и даже горшочки с новомодными пельменями... А на питье подавали мед, скир – хмельной напиток из молока, пиво, малиновое и заморские вина – аланское, хиосское, александрийское, рейнское... Пей – не хочу!

Олег сидел рядом с Хилвудом и Аскольдом сэконунгом, им прислуживали, плющась от радости, два вольноотпущенника – Валит и Ошкуй.

– Первый кубок, – провозгласил Рюрик, – за Улеба конунга!

Олег заметил, что рейкс совместил два обычая – пронес рог с рубиновым аланским над очагом и капнул маленько в огонь – и вашим и нашим жертва. Валит щедро ливанул Олегу зеленого рейнского. Зеленым здесь прозывали белое вино.

– Да куда ж ты мне столько! – переполошился Олег, принимая огромный рог с серебряной оковкой по краю.

– Пей до дна! – оскалился Валит. – Я подолью!

Олег, под одобрительные взгляды братии, пронес кубок поверх трещащих поленьев в очаге-лонгилле, вяло удивившись тому, что огонь вообще присутствует в гриднице, где как будто бы не топили даже зимой, и щедро плеснул Сварогу, да Ран с Эгером, да Перуну с Воданом, да Хорсу с Доннаром – всем небесным покровителям замечательной страны, конунгу которой он служит отныне. И выпил. Хорошо пошло!

– Я ж говорил! – фыркнул сын Ниэры и сунулся с черпаком, но Олег твердою рукой положил рог и придвинул горшочек с пельмешками. Закусывать надо!

Бедный русский народ, как он только жил без такого-то блюда?.. Олег опростал горшочек наполовину, когда Улеб конунг поднял кубок:

– Ну, за победу!

Как тут откажешься? За победу, да не выпить? Нехорошо! Потом еще какую-то радость sprysнули, горе залили, помянув ушедших в Ирий-Вальхаллу... А еще Олег помнил смеющееся лицо Рады и как она его целовала и наказывала Ошкую довести до самой дружинной избы. На свежем воздухе Олег немного прочухался – шагал хоть и валко, но курс держал... А после проснулся и осознал, что лежит на лавке, на толстой хазарской кошме, вдвое сложенной, укрытый одеялом – чистой, теплой овчиной. В дружинной избе темно, только в дымогоне две звездочки переливаются... В углу басовито похрапывает побратим, со двора доносятся девичье пение и смех...

Самый длинный день в жизни Олега, сына Романа закончился.